

Кинороман

МАРИЯ
ПАШЕКУ
ФЕРНАНДЕС

СЕНЬОРИТА

Издательство
«ДРОФА»

МОСКВА
1994

Мария Пашеку Фернандес

СЕНЬОРИТА

Кинороман

Бразилия конца XIX века...
Время решительных перемен в обществе.
Большие перемены затрагивают и
жизнь семьи крупного землевладельца
полковника Феррейры.
Рабы устраивают восстания.
Сеньорита, дочь барона Феррейры,
с энтузиазмом борется за свободу рабов.
Ее отец,
властный и жестокий рабовладелец,
неоднократно пытается разрушить счастье
своей очаровательной дочери...

Серия
«КИНОРОМАН»

MARIA DEZONNE PACHECO FERNANDES

Sinhá Moça

Die Tochter des Sklavenhalters

Перевод выполнен по изданию:
Gustav Lübke Verlag GmbH, Köln, 1988.

МАРИЯ ПАШЕКУ ФЕРНАНДЕС

Сеньорита

РОМАН

Перевод с немецкого

МОСКВА
ИЗДАТЕЛЬСКИЙ ДОМ «ДРОФА»
1994

ББК 84.7Бр
Ф43

Фернандес М. П.
Ф43   **Сеньорита: Роман/Пер. с нем. Е. В. Василевской.—**
М.: Дрофа — ТОО «Лирус».— 1994.— 400 с.

Бразилия конца XIX века... Время решительных перемен в обществе. Большие перемены затрагивают и жизнь семьи крупного землевладельца Феррейры. Рабы устраивают восстания. Сеньорита, дочь барона Феррейры, с энтузiazмом борется за освобождение рабов. Ее отец, властный и жестокий рабовладелец, пытается разрушить счастье своей очаровательной дочери...

ISBN 5-7107-0211-0

© Maria Dezonpe
Pacheco Fernandez, 1949.
© Перевод. ТОО «Лирус»,
1994.
© Худож. оформление.
Издательство «Дрофа»,
1994.

КНИГА ПЕРВАЯ

**Дочь
рабовладельца**

Душный теплый вечер 1873 года. Фазенда Араруна, имение семьи полковника Феррейры, казалось, была само спокойствие. Посреди зеленой гущи кофейных плантаций (в лучах заходящего солнца она производила впечатление обещающей завидный урожай), темно-зеленых прудов и чистых ручьев располагались конюшни, хозяйственные постройки и сензала рабов. «Каза гранде» — господский дом богатого землевладельца Феррейры, для членов семьи которого еще один заполненный работой день подходил к концу, стоял в окружении тенистых деревьев и изумрудной зелени садов.

Однако мирная картина была обманчива. С каждым малейшим движением солнца к горизонту, с каждым мгновением сгущавшейся темноты, предвещавшей наступление ночи, страх и ужас все прочнее воцарялись в сензале рабов, да и в доме хозяина чувствовалось скрытое напряжение. Папаша Жозе, старший среди рабов, слишком громко говорил о свободе, безгранично верил в свою мечту и в мечту своих товарищей по несчастью, вынашиваемую в сензале, и теперь ожидал жестокого наказания у столба.

Площадку вокруг столба, к которому старого седого негра приковал цепью надсмотрщик Бруно, освещали несколько факелов. В их неровном свете были видны согнанные рабы фазенды — босые, в рваной одежде женщины и мужчины, худые, с бледными от недоедания лицами дети. Все они образовали широкий круг, окаймлявший место судилища, и испытывали одновременно страх, любопытство и отвращение к зрелищу грубой расправы.

С диким свистом ремень кнута врезался в обнаженную спину папаши Жозе. Каждый новый удар рождал полукрик-полустон в толпе собравшихся, говоривший о том, что каждый из них страдал вместе с тем, кто находился сейчас у столба, более того — мысленно был на его месте.

— Хватит, Бруно, перестань!

Из господского дома к месту расправы бежала хрупкая

темноволосая девочка. Это была Сеньорита, десятилетняя дочь хозяина, в сопровождении своего неразлучного друга Рафаэла. Дети были поражены ужасной картиной, неизвестной для их невинных душ.

— Уйди отсюда, Сеньорита! Твой отец сам распорядился, чтобы его наказали! — произнес в ответ Бруно, надсмотрщик. И обернулся к стоящим вокруг: — Тот, кто после посмеет лечить его раны, сам встанет у столба!

— Отвяжите папашу Жозе, сжальтесь над ним!

Но никто, казалось, не слышал слов Сеньориты. Слишком реальна была угроза, которая читалась на лице Бруно, слишком опасен был кнут в его руках.

— Кто это делает, будет иметь дело с полковником Феррейрой.

— Но я хочу, чтобы его отвязали! — настаивала Сеньорита. — Вы только взгляните на его раны!

— Такие, как он, понимают лишь кнут! Посмотрите на этого старого негра, он спит даже у столба!

Надсмотрщик ждал одобрения, но никто не шевельнулся. Бруно обвел собравшихся ненавидящим взглядом.

— Ну все, спектакль окончен! Отправляйтесь спать. Негр останется на цепи на ночь. Тот, кто осмелится лечить его раны, получит удары плетью!

Глухо ворча, рабы полковника Феррейры пошли к сензале, чтобы спокойно улечься спать. Но о покое не могло быть и речи, так как никто не знал, когда его постигнет подобная участь и он встанет на место папашы Жозе, крепко привязанный к колу, чтобы терпеть удары Бруно. Все испытывали чувство беспомощности и обреченности перед произволом безжалостного господина — полковника Феррейры. Сеньорита и Рафаэл пришли в себя лишь тогда, когда рабы уже покидали место расправы. Они оба стояли совсем рядом с папашей Жозе, чья вздувшаяся спина, покрытая кровавыми рубцами, вблизи выглядела еще ужаснее. Было не совсем ясно, получил ли папаша Жозе все полагавшиеся ему удары или надсмотрщик сделал перерыв, чтобы с еще большей жестокостью и яростью продолжить свое дело, поскольку тлеющие угольки непокорности и стремления к свободе в глазах старика погасить ему не удалось...

Бруно вновь повернулся к своей жертве:

— Я мог бы убить тебя, старик!

— Вам не удалось бы это, надсмотрщик! Нет, не удалось бы... — Несмотря на страдания и боль, которые от-

разились на его лице, в глазах старого раба читалось отчаянное сопротивление.

— Откуда у тебя столько силы, негр? — Бруно окинул его взглядом с головы до ног.

— Я получил некоторые привилегии на этой фазенде, — в голосе старика звучала гордость. — Я столько детей оставил полковнику, что у меня не хватит пальцев на руках и ногах, чтобы сосчитать их.

— Презренный черномазый, вот ты кто! Всего-навсего негр! — Лицо Бруно исказилось ненавистью. Со зловещим свистом кнут снова опустился на спину папаше Жозе. — Но с тобой покончено навсегда.

— Покончено? — Старый негр выпрямился настолько, насколько позволяла цепь. — У моих потомков тоже будут дети, а у тех тоже дети, с каждым днем они все плотнее будут окружать тебя и тебе подобных. Когда-нибудь они положат конец твоей жалкой жизни. Ты умрешь от рук одного из моих бойцов... — Он выговорил это с искаженным от боли лицом.

— Бойцов? — Бруно ухмыльнулся. Снова грозное шипение прорезало воздух. Плеть жестоко хлестнула старого раба. — Твои сыновья — бойцы?

— Если они пойдут по моим стопам, то станут бойцами. Потому что я был вождем до того, как вы превратили меня в раба!

Бруно снова ударил.

— Я буду ждать твоего сына-бойца, а когда он появится, то тоже поплатится у этого столба, как и ты!

Рафаэл и Сеньорита слышали весь этот чудовищный разговор между рабом и его мучителем. Так как Бруно явно потерял интерес к дальнейшим пыткам, Сеньорита решилась подойти к папаше Жозе, чтобы взглянуть на его раны.

— Оставь его! — прикрикнул на нее Бруно. Таким тоном не подобало разговаривать надсмотрщику с дочерью своего хозяина. Бруно, заметив свою ошибку, опустил глаза, как только девочка встретилась с ним взглядом. В то же время он понимал свою правоту, ощущая за спиной власть хозяина.

— Завтра отец узнает, что ты была здесь... — сказал он более спокойным тоном, но с угрозой в голосе. Сеньорита с плачем побежала в господский дом.

Улучив момент, Рафаэл повернулся к папаше Жозе, который, скорее мертвый, чем живой, висел у столба. Ста-

рый негр был совершенно измучен ударами надсмотрщика. Годы непосильного труда на плантациях полковника подкосили его здоровье, а сейчас его состояние и вовсе было скверным. Смерть уже витала над ним.

— Папаша Жозе,— проговорил Рафаэл со слезами на глазах. Старый негр очнулся и поднял глаза на мальчика.

— Если ты плачешь, ты не мой правнук! — Рафаэлу только сейчас пришло в голову, что за все время своих мучений папаша Жозе не проронил ни слезинки.— Я доверю тебе одну тайну, чтобы твое сердце не страдало понапрасну,— продолжал раб слабым голосом.— К этой девочке, у которой вместо сердца цветок, ты можешь питать только братскую любовь...— чуть заметным кивком головы он указал в направлении господского дома, так как руки его были связаны.

— Не понимаю, ты говоришь о Сеньорите? — Рафаэл с удивлением уставился на папашу Жозе.

— Ты ее брат! — черты лица старого раба стали еще жестче.— Твоя мать, Мария дас Дорес, взяла грех на душу, побывала в постели злодея. Полковник Феррейра — твой отец! Сеньорита — твоя сестра!

Не замеченная Рафаэлом, из господского дома вернулась Сеньорита, но мальчик мог поклясться, что она не слышала слов папаши Жозе. Она положила руку на плечо Рафаэла и тем самым вывела его из состояния крайнего изумления, последовавшего за словами старого негра.

— Давай развяжем его! — предложила она другу.

Несмотря на испытываемые мучения, папаша Жозе запротестовал, ибо думал о последствиях для Сеньориты и Рафаэла:

— Лучше оставьте меня, иначе твой отец в гневе...

Сеньорита видела, как кровь сочилась сквозь потрескавшуюся кожу, ее глаза снова наполнились слезами, и она перебила папашу Жозе:

— Почему ты не просил пощады? Зачем ты терпел эти чудовищные удары?

— Я не чувствовал ударов. Я грезил... Папаша Жозе грезил, что он на небе...— Его слабый голос прервался на мгновение, а сморщенное лицо озарилось улыбкой.— Они были черными, все! Все были черными — Господь, Иисус Христос, ангелы. Черные, как папаша Жозе и его дети.— Приступ боли заставил его замолчать, веки его сомкнулись. Затем он выпрямился, словно в последний

раз, и вновь обратился к детям: — Теперь идите. Папаша Жозе хочет спать...

Его голова резко откинулась к столбу... Папаша Жозе был мертв.

Беспомощные, растерявшиеся дети были его единственным почетным караулом.

Все обитатели имения оказались свидетелями этого ужасного действия — отсутствовали лишь полковник Феррейра и его жена донна Кандида. Полковник, высокого роста худощавый мужчина среднего возраста, с резкими чертами лица, и донна Кандида, темноволосая женщина кроткого нрава, которую годы безраздельного господства мужа и обязанности матери не лишили красоты, находились в это время в доме. Когда оба намеревались отправиться спать, полковник был особенно невозмутим и старался казаться спокойным. Дело в том, что не кто иной, как он, распорядился наказать папашу Жозе, с целью избежать волнений среди рабов. В конце концов этой мерой он защищал укоренившееся право, которое умел теми же средствами отстоять еще его отец, — плетью, а если понадобится, то и порохом и свинцом.

Нельзя сказать, чтобы полковнику доставляло удовольствие видеть страдания папашы Жозе. Но речь шла о защите самих основ. Донна Кандида не проронила ни слова, когда в спальню донесли стоны папашы Жозе и гул возбужденной толпы.

— Я продам Марию дас Дорес и ее сына, — сказал Феррейра безо всякой видимой причины своей жене.

— Нет, Феррейра, ты не сделаешь этого! — запротестовала донна Кандида после короткого замешательства, ибо слова мужа, оброненные во время ее вечернего туалета, застали ее врасплох. — Ведь он сын твоего кузена Аристидеса!

— Необдуманно, как, впрочем, он всегда поступал, Аристидес дал ему свою фамилию. Пока он находился здесь, у него не было других забот, кроме как постоянно волокаться за Марией дас Дорес! Нет, Рафаэл и его мать — мои рабы. И я не хочу больше видеть, как этот ублюдок всюду бегает с моей дочерью!

Не обращая внимания на то, что произошло, и проигнорировав протест своей жены, полковник улегся в кро-

вать и погасил свет, чтобы уснуть сном праведника, как он считал. То, что у столба папаша Жозе расстался с жизнью, полковник не заметил.

По всей видимости, дело с продажей Рафаэла и Марии дас Дорес было для полковника Феррейры весьма спешным, ибо уже на следующий день к господскому дому подкатила повозка работорговца. Угнетающая тишина разлилась по фазенде. Лишь издалека доносились хриплые голоса негров, подгонявших скотину. Мария дас Дорес и ее сын стояли с товарищами по несчастью возле повозки, на которую уже погрузили их жалкий скarb.

— Я никогда не забуду тебя, Рафаэл! — Сеньорита обняла своего друга, глаза ее были полны слез, она понимала, что видит его последний раз в жизни. То, что она теряла не только друга, но и сводного брата, было ей неизвестно.

Выражение лица у мальчика оставалось невозмутимым, он словно сторонился ее нежности.

— Это твой отец продал меня! — заявил он решительно. — Ты — дочь человека, убившего папашу Жозе. И дочь человека, которого убью я!

Снова потоки слез хлынули из глаз Сеньориты. Она глубоко страдала от того, что ее друг отвернулся от нее. Виржиния, ее няня, которую иногда ласково называли Ба, обняла девочку за плечи:

— Она же не в ответе за своего отца, Рафаэл...

Но любое объяснение было запоздалым, ибо повозка тронулась. Удаляясь с каждой минутой, фазенда оставалась позади, и вскоре Рафаэл и Мария дас Дорес потеряли ее из виду.

В повозке работорговца мать и сын были доставлены на железнодорожную станцию Арауны и теперь сидели на жестких деревянных скамьях в купе поезда. Гордая Мария дас Дорес гневно и печально смотрела как бы сквозь сидящего напротив нее работорговца. Позади оставались ее друзья, родина, вся жизнь, хотя это и была всего-навсего жалкая жизнь рабыни. Впереди было будущее, полное неизвестности. Кто знает, какие новые испытания поджидали ее и сына?

Тем неожиданнее для Марии прозвучали обращенные

к ней слова работорговца, сказанные к тому же с дружеской улыбкой и без жесткости в голосе, отличавшей подобных ему людей:

— Не беспокойся, Мария дас Дорес, и не бойся! Я прибыл в Арауну, чтобы сдержать обещание.

На лице Марии, которое, несмотря на все страдания, выпавшие на ее долю, не потеряло привлекательности, отразилось недоверие: какого коварства можно ждать от работорговца?...

— Один мой друг, — продолжал работорговец, — который умер у меня на руках, попросил меня об одном одолжении. Это был Аристидес Феррейра, кузен полковника Феррейры. Он послал меня в Арауну, чтобы я забрал вас обоих.

Лицо Марии дас Дорес просветлело, ибо с именем Аристидеса Феррейры у нее были связаны нежные воспоминания.

— Как же сильно этот ненормальный должен был любить тебя! — Работорговец с удивлением покачал головой. — Он знал, что мальчик не его сын, а полковника. Тем не менее он поручил мне выкупить тебя, он даже оставил тебе дом в столице нашей провинции, чтобы ты жила красиво и беззаботно.

Мария дас Дорес и ее сын пришли в изумление. Слышно было лишь монотонное поскрипывание колес.

— Почему вы с таким недоверием уставились на меня? Аристидес Феррейра выступал за освобождение рабов. Вы будете свободны!

Только теперь до обоих дошло, что, несмотря на все пережитое, возможно, новое, лучшее будущее действительно ожидает их. И все же в сердце Рафаэла все еще кипела ненависть, которую не в силах были заглушить самые счастливые повороты судьбы...

Глава 2

Минуло тринадцать лет. Фазенда все еще была цветущим имением, пожалуй, даже богаче, чем прежде. Большой белый дом Феррейры все так же стоял посреди плодоносных тенистых садов и плантаций, но положение рабов на фазенде не изменилось. Из маленькой живой девчушки Сеньорита выросла в полную достоинства молодую женщину с правильными чертами лица и смышле-

ными темными глазами. Полковнику Феррейре, твердой рукой управлявшему своей империей, был пожалован титул барона, и он относился к этому как к само собой разумеющемуся; особенно большой невзгодой для рабов поместья было то, что Сеньорита теперь училась в столице провинции и не могла выступать в их защиту. Не раз бывало так, что страдавший под ударами кнута раб заклинал судьбу, чтобы та послала ему в этот момент Сеньориту.

Потому все рабы очень обрадовались, когда отец Жозе, дружественно настроенный священник из города, нанес полковнику визит вежливости и привез с собой известие, что Сеньорита вскоре вернется из столицы провинции домой.

— Телеграф столь же мало соблюдает тайны, как и исповедальня, — ответил с улыбкой священник на вопрос барона об источнике этой информации. — Начальник станции просил засвидетельствовать господину барону свое почтение и сообщил, что Сеньорита прибудет сегодня с дневным поездом.

— А я все жду и жду весточки, — начал распаляться барон, — и теперь узнаю таким путем, что моя дочь возвращается домой! Твоя дочь сошла с ума, донна Кандида, она едет одна! В наше-то время! — возбужденный, он рассказывал взад-вперед по пышно убранному холлу господского дома. — Все ее никчемные занятия привели к тому, что она уже не знает, как подобает даме вести себя! Ну, пусть только покажется! Я вправлю ей мозги!

Не только в доме барона ожидали возвращения ребенка в семью, но и в доме адвоката доктора Фонтеса. Однако и здесь к радости примешивалась грусть. Родолфо Фонтес закрыл свою контору в Сан-Паулу и был на пути в родной город Арауну. Донна Инес, практичная и деловитая жена адвоката и мать Родолфо, с нетерпением ждала возвращения сына. Рикардо, его младший брат, также радовался предстоящему приезду Родолфо. Доктор Фонтес мучился сомнениями. Чаще всего его видели с опущенной седой головой — его заботили карьера и будущее сына.

— Хотел бы я знать, что у него на уме, — сказал он однажды задумчиво. — Я кое-что прослышал. Кажется, этот глупец вступил в республиканскую партию.

Рикардо, подвижный и жизнерадостный юноша, которого многие считали неисправимым мечтателем, прислушался. На его лице отразилось неподдельное удивление.

— Мой брат? Республиканец?

— Ну и что? Чему ты радуешься? — Доктор Фонтес совсем не разделял настроения своего младшего сына. — Это означает, что с момента своего появления в Арауне он станет заклятым врагом барона!

— Ты шутишь, отец! — Рикардо иронически улыбнулся. — Ты не можешь так серьезно говорить...

— Нет, я не шучу! Я сейчас серьезен как никогда! — По всему было видно, что адвокат на самом деле весьма озабочен. Голос его вдруг стал подавленным и тихим: — Легче нам от его возвращения не станет...

— Лодка должна быть где-то поблизости!

Жустиньо, один из самых сильных и выносливых рабов имения, вместе с Фулженсио, Тобиасом и Педро обшаривал заросли кустарника на берегу небольшой речушки, прорезавшей владения барона совсем рядом с сензалай рабов. Москиты с жужжанием носились над водой, и кваканье гигантских лягушек в камышах звучало, казалось, угрожающе. В воздухе чувствовалось напряжение; недобрая спешка, ощущение загнанности владели всеми, хотя охранники вряд ли заметили побег.

— Вот она! — Жустиньо обнаружил лодку, которую для беглецов припрятал Себастьян, домашний раб. — Бежим быстрее, — торопил он, — пока нас не настиг Бруно!

Рабы пошли вброд вдоль по мелководью берега и забрались в лодку, которую придерживал одной рукой Жустиньо.

Последним в лодку влез Фулженсио, но он не отпускал руки Жустиньо, помогавшего товарищам сесть в неустойчивое суденышко.

— Брат, поплывем с нами. Я не могу тебя оставить здесь! — настаивал он. Но Жустиньо был непреклонен, так как знал, что ему необходимо остаться в имении.

— Отправляйся с остальными, торопись! Когда-нибудь мы снова увидимся. — Жустиньо с силой оттолкнул лодку, двое рабов взяли за весла, и вскоре она уже достигла стремительного течения посредине реки,

которое быстро понесло их мимо заросших зеленью берегов, сквозь спавшую мирным сном долину. Жустиньо долго смотрел им вслед.

Глава 3

Еще на перроне железнодорожной станции столицы провинции в глаза Родолфо бросилась одна молодая дама, которая, несмотря на свою красоту и изысканно модную одежду, рискнула ехать в одиночку, — и это была белая женщина, находящаяся в местности, где не было недостатка в сбежавших рабах, переполненных чувством мести, а то и просто в бродягах и разбойниках.

Ее доброй репутации такой поступок вряд ли способствовал, однако, одетая в белоснежное платье и соломенную шляпу с широкими полями, молодая женщина, казалось, была далека от размышлений на эту тему.

В ее внешнем виде читались невозмутимость и грация, когда проводник по ее просьбе занялся погрузкой ее громоздкого багажа. «Откуда она могла взяться, по каким делам отправлялась в поездку?» — задавался вопросами Родолфо. Заинтересовавшийся сверх меры, он поднялся в свой вагон, решив при первой же возможности заговорить с этой необычной, ослепительной попутчицей.

Сеньорита тоже заметила привлекательного молодого господина в сером дорожном костюме. Он то и дело поглядывал в ее сторону и всякий раз пытался словно невзначай обратить на себя внимание тем, что делал вид, будто не замечает юную спутницу, или, проходя мимо, смотрел как бы сквозь нее рассеянным взглядом. Его приветливое лицо приглянулось ей, а его отточенные манеры она отметила про себя еще на перроне, когда он помогал какой-то даме подняться в вагон. Несмотря на это, она отреагировала на его появление в ее купе — наверняка с намерением заговорить с ней — с некоторой сдержанностью.

— Если позволите... но прежде всего прошу простить мою назойливость — так трудно найти место в этом поезде, все вагоны переполнены.

Хотя он явно искал сближения с ней, вся его манера держаться не напоминала рутинный прием нахрапистого ухажера, и понемногу Сеньорита успокоилась.

— Вагон практически пуст,— рассудила она.— Здесь много других свободных мест, которые вы можете занять.

Подобный факт Родолфо не мог отрицать. В сущности, у него не было повода занять место рядом с молодой дамой, поставившей его в затруднительное положение.

— Я выбираю то место, которое мне кажется наиболее приятным.— Он слегка покраснел и сел рядом с Сеньоритой, однако тут же получил отпор.

— Я могу ехать и без компании!

— О, простите, если я был слишком навязчив,— извинился Родолфо и поднялся.

— Я прошу вас, если вы выберете другое место.

По лицу девушки блуждала улыбка, неловкость молодого человека забавляла ее. По правде говоря, его общество было не так уж неприятно, как могло показаться в первый момент. Родолфо Фонтес, заметивший, что перспективы омрачены не полностью и шансы сохраняются, вновь обрел присутствие духа и сел напротив пассажирки, что, по его мнению, должно было казаться менее назойливым и между тем давало преимущества в разговоре.

— Вы едете одна?

— А вы нет? — последовал тотчас ответ.— Не думайте, что я незащищена. Мне достаточно позвать проводника.— Ее слова звучали как оборонительный выпад, но она улыбалась.

— Это не потребуется,— ответил Родолфо и приподнялся.— Разрешите представиться: меня зовут Родолфо Гарсия Фонтес. Я адвокат. Учился на юридическом факультете в столице провинции.

— Очень приятно.

Она больше не обрывала его колкими фразами, нет, она даже улыбалась. Родолфо Гарсия Фонтес в душе торжествовал. Поездка в Арауну обещала быть весьма интересной, возможно, это был добрый знак перед его появлением в родном городе.

— Вы были знакомы с поэтом Кастро Алвесом?

Поезд не торопясь катил дальше по зеленым равнинам, и два молодых человека продолжали беседу, о которой вначале подумали, что она не выйдет за рамки обмена ничего не выражающими любезностями. Сеньорита и Родолфо Фонтес сидели друг против друга в залитом солнечным светом купе поезда, словно уже давно привык-

ли ездить вот так, вдвоем. Скованность в начале встречи сменилась спокойствием безоблачного разговора двух давних попутчиков.

— Нет, к несчастью, нет. Он скончался, прежде чем я поступил на факультет.

— Ах да, конечно. Вы знаете его стихи?

— Немного, например, вот это.— Родолфо закрыл глаза и смолк на мгновение, словно вспоминая строчки, которые в действительности знал наизусть. Кастро Алвес был поэтом, которого он высоко ценил. Родолфо начал читать:

Дитя, ты не знаешь,
Чувствен я стал от любви.
Нежность взяла меня в плен,
Словно сеть золотая...
Но где? В пространстве, во времени?
В туманных завесах?..
Не смейся!..

Молодая дама, казалось, совсем не слушала стихи поэта, а в открытую смеялась.

— Я пленница банта в косе...

Родолфо старался оставаться серьезным, цитируя стихи дальше, но в конце концов и он, не выдержав, рассмеялся.

— Я говорю не о его романтической поэзии,— продолжала девушка,— а о тех стихах, содержание которых направлено против рабства.

Сеньорита посерьезнела. Родолфо кашлянул. Тема показалась ему не слишком заманчивой, чувствовалось, что разговор заметно становился все принужденнее.

— Меня крайне удивляет, что дочь одного из самых крупных рабовладельцев, которых я знаю, интересуется стихами об отмене рабства.

Сеньорита ранее представилась дочерью барона Феррейры, и Родолфо знал, с кем имеет дело. Ему с трудом удавалось скрывать свои истинные намерения. Внутри его самого раздирали два совершенно противоречивых начала. С одной стороны, он хотел завоевать расположение этой привлекательной особы, с другой — он не мог себе представить, что дочь крупного помещика поддерживает республиканцев и сторонников освобождения рабов. Это больно ранило его душу, тем не менее он решил воздерживаться от выражения своего мнения на этот счет.

— Я знаком с такими его стихами,— сказал он холодно,— но я никогда не тратил время на то, чтобы выучить их наизусть.

Теперь Сеньорита внимательно следила за ним.

— А что вы думаете об аболиционистах, борцах за отмену рабства?

Да, она умела повернуть разговор в нужное ей русло! Родолфо надменно откинулся на спинку сиденья и проговорил:

— Я считаю движение за отмену... потерей времени! И полагаю, что... нехватка черной рабочей силы на плантациях кофе и сахарного тростника, а также на хлопковых полях будет в значительной степени способствовать разрушению нашей экономики и ввергнет нас в нищету.

Его речи в защиту старых порядков недоставало силы убеждения. Тот, кто знал Родолфо, мог бы засвидетельствовать, что в других случаях он всегда выступает в лучших борцовских традициях и бескомпромиссно. Очень скоро Родолфо заметил, что его высказывания вызывают у собеседницы совсем не ту реакцию, которую он ожидал.

В дальнейшем они преимущественно молчали, но никто из них не прислушивался к громким разговорам остальных пассажиров в вагоне или стуку колес. Каждый углубился в свои мысли, и улыбки, которыми они обменивались, когда их взгляды случайно встречались, были скорее ничего не говорящими знаками вежливости.

Глава 4

С радостью ожидали на фазенде Арауны прибытия дочери владельца. Сильное нетерпение проявляла Виржиния, старая нянька Сеньориты.

— Она приезжает, Себастьян, наша девочка приезжает! — торжествовала она.

Однако Себастьян, служивший в господском доме домашним рабом, не собирался вторить ей.

— Твоя девочка, а не наша. Я ведь почти не знаю ее...

— Она, как цветок, и сердце у нее, как цветок. Мои глаза всякий раз омывает влага, стоит мне подумать о ней.

— И как это ты можешь принимать близко к сердцу дочь барона? Ребенка этого изверга... — Себастьян покачал головой. — Впрочем, я тоже по случаю ее приезда собирался приготовить кое-что. Я сходил на реку, хотел наловить для нее рыбы. — Он жестом подозвал Виржи-

нию. — Лодка, которая всегда стояла на том месте, куда приказал ее спрятать Бруно, исчезла...

Виржиния с опаской оглянулась: ужасно, если кто-нибудь подслушает их разговор.

— И что? Разве кого-нибудь недостает в сензале рабов?

В сензале, где негры спали на соломе в течение короткой ночи, царило беспокойство. Был слышен гул голосов, взволнованное и боязливое перешептывание доносилось со всех сторон, но все перекрывало рычание надсмотрщика Бруно, оно, как эхо, раздавалось среди голых, чуть прикрытых известкой стен и заставляло трепетать все живое.

— Здесь не хватает негров! Где они? Жустиньо, где твой брат?

Жустиньо выдержал пронизывающий взгляд надсмотрщика:

— Фулженсио? Он только что был здесь. Разве не так, Аделаиде?

— Да... — согласилась с ним рабыня Аделаиде, но ее неуверенный голос снова усилил недоверие Бруно.

— Скорее, за ними! — приказал он своим помощникам.

Те помчались в свои жилища, чтобы запастись оружием и провиантом. Окинув уничтожающим взглядом Жустиньо и Аделаиде, Бруно отвернулся. Он знал, что тут все были заодно. Придется ему лично возглавить поисковую группу.

— Они сумеют уйти! — ликовал Жустиньо, когда рабы снова остались одни. — Поисковая группа кинется искать в лесу и прочесывать дорогу, а они плывут по реке. Они сумеют уйти!..

Возвращение Сеньориты домой вряд ли можно было назвать счастливым. Едва она успела сердечно поприветствовать матушку и няньку Виржинию, как отец тут же позвал ее в свой кабинет. Там, среди книжных полок, подымавшихся к самому потолку и уставленных старыми фолиантами, в комнате, наполненной ароматом кожи и сигар, будившим в ней еще в давние времена детства недобрые предчувствия, отец начал свою проповедь-головомойку, которой заслуживала, по его мнению, дочь и к которой он должен был прибегнуть сообразно высокому положению.

— Ты поступила легкомысленно, дочь моя, отправившись в поездку одна! — гремел барон. — Необду-

манный и неоправданный поступок! Разве у тебя нет никого, кто мог бы о тебе позаботиться? Разве у тебя нет семьи?

— Но, отец,— возразила Сеньорита,— в мои намерения не входило приносить вам столько огорчений. Я лишь думала...

Однако возмущенного барона остановить было невозможно.

— Приличная девушка не стала бы вести себя так!

Теперь вмешалась донна Кандида, поспешившая на помощь дочери.

— Феррейра! — воскликнула она с мольбой.— Наша дочь прибыла здоровой и невредимой! И слава Богу!

Барон отвернулся к окну. Молодой даме не полагалось вести себя так. Сеньорита поняла, что любой аргумент окажется бесполезным.

— Я хотела бы распаковать свой чемодан. Мама, вы пойдете со мной наверх? — Обе пошли к двери. Барон все еще смотрел отрешенно в окно.— С вашего разрешения...— попрощалась Сеньорита и закрыла за собой дверь.

В доме доктора Фонтеса прием сына проходил в более сердечной атмосфере, чем в поместье полковника Феррейры встречали Сеньориту. Мать и сын заключили друг друга в объятия, отец и брат Рикардо тоже всей душой радовались возвращению Родолфо.

— На этот раз я прибыл, чтобы остаться!

Вечером, после того как он отдохнул с дороги и привел себя в порядок, вся семья собралась за обильно уставленным блюдами столом, которые подавала Рут, в прошлом рабыня, а теперь прислуга в семье доктора Фонтеса...

— Я все еще не верю своим глазам!— Снова и снова донна Инес, полная гордости, оглядывала статную фигуру сына, который в своем сером костюме производил впечатление солидного господина.— Я просто не вынесу радости, выпавшей на мою долю!..

— Кто посмел сбежать? Кто эти мерзавцы? — Барон был вне себя от гнева. Только что Себастьян сообщил ему об исчезновении его рабов.

— Фулженсио и Педро... а имя третьего мне неизвестно, господин!

Известие о побеге троих рабов и о предстоящей дорожной охоте за ними сразило барона. Слишком много денег уплатил Феррейра за этих рабов, чтобы позволить им убежать. К каким последствиям привела бы подобная халатность, сколько еще рабов захотели бы завтра пуститься в бег с фазенды, оставь он все это без должного внимания? Нет, беглецов надо любой ценой выследить, изловить и строго наказать.

Барон усталился в окно, сверля невидящим взглядом далеко раскинувшийся двор фазенды. Затем совершенно неожиданно, так что Себастьян съехался от испуга, ударил кулаком по ладони.

— Они мне заплатят за это! Они мне заплатят за это! — рычал он сквозь плотно сжатые зубы.

— Он не это имел в виду.— В комнате дочери донна Кандида пыталась оправдать грубое поведение мужа.— Он беспокоился о тебе. У меня тоже было беспокойно на душе.

— Это чистый шелк, из него вы должны заказать себе платье, дорогая матушка.— Сеньорита открыла один из пакетов и вытащила большой отрез дорогой ткани, переливающейся веселыми искорками.

Затем Сеньорита повернулась к Виржинии и передала ей завернутый в шелковистую бумагу пакетик.

— А вот это для моей черной мамы!

Дрожащими пальцами старая негритянка раскрыла пакетик, оттуда выскользнула золотая цепочка с подвеской в виде сердца, на котором были выгравированы слова: «С любовью к Ба». Лицо старушки увлажнили слезы.

— Ну, Ба! — Девушка обняла свою старую няню.— Прощу тебя, не плачь! Это всего-навсего подарок!

— Значит, вот как ты меня заставляешь ревновать,— полушутя вздохнула донна Кандида. Но, по правде говоря, она испытывала то же, что и остальные,— огромное счастье от сознания того, что дочь снова в родном гнезде.

— Ну, что же, сын мой, мне стало немного легче, когда я получил твое письмо.

Доктор Фонтес и его сын сидели в кабинете адво-

ката. Хотя доктор Фонтес в Арауне был адвокатом первого поколения, обстановка в кабинете словно излучала приверженность традициям и солидарность консервативным принципам.

Отец и сын вели мужской разговор.

— Я действительно немного устал от одной работы. Правда, у меня отличная клиентура.— Гора необработанных документов на письменном столе доктора Фонтеса выразительно подтверждала его слова.

— ...Клиентура, которую ты заслуживаешь, потому что являешься лучшим адвокатом в этом краю! — Родолфо искренне восхищался отцом и был очень рад предстоящей совместной с ним работе.

— Оставим комплименты, — рассмеялся доктор Фонтес, — и давай поговорим откровенно.

Однако, казалось, именно эта откровенность стоила ему головной боли. Он надолго замолчал, словно взвешивая собственные слова. Родолфо с нетерпением ждал прямых, без обиняков, обращений к нему отца, так как неестественное прерывание разговора придавало каждой фразе, которые должны были последовать, чересчур большое значение.

— Сын мой, я хочу, чтобы ты меня правильно понял...— Доктор Фонтес откашлялся.— Здесь, в Арауне, нужно поступать крайне осторожно.— Родолфо едва не рассмеялся, настолько курьезной показалась ему эта фраза, сказанная довольно миролюбивым тоном, однако решительный вид отца отчетливо говорил о том, что речь пойдет о вещах серьезных.— Давай забудем о республиканской партии!

Ах, вот в чем дело! Теперь все прояснилось.

— Я не совсем понимаю, что вы имеете в виду.— Родолфо хотел, чтобы отец пояснил свою мысль.

— В этих местах есть только одна партия и один политический вождь — барон Арауны, полковник Феррейра.

Родолфо знал о том высоком уважении, какое питал отец к барону. Отец барона был основателем города Арауна. Ценой больших лишений и самопожертвования он и его люди сделали этот край плодородным, и барон, его законный наследник, открыл семейству доктора Фонтеса дверь к благосостоянию. Именно барон был тем человеком, который сделал отца Родолфо адвокатом по вопросам землевладения, когда он прибыл по окончании учебы в Арауну. Ему и только ему обязано семейство Фонтес своим благополучием.

— От своего отца барон унаследовал не только великодушное сердце, но и твердую руку,— продолжал доктор Фонтес.

— Вы имеете в виду тех, — Родолфо заметил, сколь неприятна для его отца была эта тема,— кто действует против интересов барона...

Доктор Фонтес прервал сына на полуслове, словно хотел помешать ему открыть нежелательную правду. На лбу его выступили капельки пота.

— Я хочу сказать, что барон Арауны является убежденным консерватором и имеет на то немало веских причин.

— Понимаю,— сухо ответил Родолфо. Доктор Фонтес облегченно вздохнул. Ему было приятно иметь дело со все понимающим сыном.

— Вы, наверное, слышали об убытках, которые я понес в столице из-за своих политических убеждений,— продолжал Родолфо.— В основном именно поэтому я решил закрыть свою контору и вернуться домой.

Оба помолчали некоторое время. Родолфо напряженно думал. Что это было — чувство благодарности к барону, проявление здравого смысла или заботы о процветании конторы, вынудившие сделать отца такие признания, или за этим скрывались истинные убеждения?

— Значит ли это,— продолжил разговор Родолфо,— что я должен воспринимать вас как консерватора?

— Именно так! — ответил доктор Фонтес.— Я хочу сохранить свою клиентуру и быть уверенным в своих доходах. Политикой я не интересуюсь.

— Так,— заметил Родолфо скорее про себя и с налетом разочарования в голосе,— мне кажется, вы действительно переработали...

— Не понимаю...— Доктор Фонтес не уловил мысль сына. Он был явно сбит с толку.

— Я принимаю ваши условия,— сказал наконец Родолфо немного повышенным тоном, чтобы сгладить впечатление от последних своих слов.— В интересах нашей семьи я отказываюсь от своих прежних убеждений. Мы договорились?

Мужчины пожали друг другу руки.

На этом неприятная часть разговора была окончена. Теперь Родолфо чувствовал, что наступил момент, когда можно доверить отцу тайну.

— Я тем более иду навстречу вашим желаниям,— ска-

зал он откровенно, — что в поезде я познакомился с дочерью барона. Как республиканец я бы не имел у нее даже сотую часть шанса.

Они рассмеялись.

— Я завоюю дружбу барона, как завоевал дружбу своего отца, не будь я Родолфо Гарсия Фонтес!..

Глава 5

— Рикардо, сын крестного, был здесь! — сообщила Анна, дочь владельца лавки и виноторговца Мануэла Тейшейры своему отцу. Как обычно, в полдень она зашла в лавку, граничившую с залом питейного заведения, чтобы между полок, прогибавшихся под тяжестью провианта, рулонов материи и бутылок с ромом, перекинуться с отцом парой слов о последних новостях. — Но он не видел моего лица, скрытого под вуалью.

Никто, кроме ее матери, донны Нины, и ее отца никогда не видел лица Анны Тейшейры с той поры, как она повзрослела. Так поступать ее вынуждало клятвенное обещание. Донна Нина поклялась, перед образом Святой Риты, что ее дочь будет носить вуаль до той поры, пока не получит согласия Родолфо Фонтеса, своего жениха, на брак. В противном случае, поклялась мать, дочь ее будет послана в монастырь. Причина такого клятвенного обещания лежала в глубокой старине: доктор Фонтес выручил Мануэла Тейшейру в безвыходной ситуации и даже больше — спас его от тюрьмы. По этой причине Мануэл и донна Нина решили приберечь Анну для Родолфо, старшего сына доктора Фонтеса...

Интерес Родолфо Фонтеса к Сеньорите шел вразрез с соглашением, принятым давным-давно семействами Мануэла Тейшейры и доктора Фонтеса. Таким образом, известие о прибытии в город молодого Фонтеса пробудило и у противоположной стороны большие надежды и ожидания.

— Он здесь, дитя мое! Твой отец видел, как он приехал! — сообщила донна Нина Тейшейра своей дочери, занятой работой во дворе родительского дома и скрывавшей свое лицо даже сейчас. — На этот раз он останется!

— Он все еще так же красив! — Вуаль надежно скрывала, что Анна рдела румянцем уже при одной мысли о Родолфо.

— Да. Ты будешь замужем за мужчиной-красавцем. Снимешь вуаль, и вы вместе пойдете к алтарю. Такой красивой свадьбы этот город еще никогда не видел! — Затем она поспешила добавить уже деловым тоном: — Твой отец экономит для этого каждый крузейро!

— Он не полюбит меня, — высказала опасение Анна. — Что будет, если я ему не понравлюсь?

— Он должен тебя полюбить, — кратко возразила донна Нина. — В конце концов, есть соглашение между его отцом и твоим.

— А если он не собирается его выполнять? Я не хочу в монахини, мам!

— Я обещала тебя либо ему, либо Святой Рите, — вздохнула донна Нина. — Если он тебя не возьмет, она наверняка примет тебя — как невесту Иисуса Христа...

— А Анна?

Доктор Фонтес и Родолфо все еще сидели в кабинете адвоката, увлеченные разговором.

— Какая Анна?

Адвокат не был уверен, действительно ли Родолфо все еще помнил о соглашении между двумя семьями, или его память ослабла от непослушания.

— Только не говори, что ты забыл о ней! Ты помолвлен с ней! Ее отец хранил ее для тебя как реликвию...

— Да эта злосчастная история — неужели она имеет продолжение?! — Родолфо неожиданно сильно разволновался. Чего доброго, Анна действительно еще питала надежду стать его женой?..

— Во всяком случае, Мануэл Тейшейра твердо верит в наш уговор. — Доктор Фонтес нашел забавным испуг на лице сына. — Он откроет клетку и даст птичке улететь к тебе. Ни один мужчина с того дня не видел лица девушки. В благодарность за то, что я однажды вызволил его из тюрьмы, он берег ее для тебя как зеницу ока...

— Это верно. — В этот момент в комнату вошел Рикардо и подтвердил слова отца. — Это так, брат.

— Да вы что — серьезно?.. — пришел в бешенство Родолфо.

За время отсутствия Сеньориты жизнь рабов оставалась прежней. Попытки бегства участились, однако почти

каждая из них кончалась тем, что их преследователь Лесной капитан доставлял беглецов обратно — живыми или мертвыми. Если рабы попадали на фазенду живыми, свою отчаянную попытку обрести свободу они искупали наказанием у столба. Но и за годы своего отсутствия Сеньорита не только сохранила чувство ненависти к этим несправедливостям, но и продолжала делать все возможное, чтобы облегчить положение несчастных. То, что в их судьбе ничего не изменилось к лучшему, она отчетливо осознала, когда однажды вместе с Себастьяном обходила территорию фазенды. В то ясное утро солнце, казалось, светило особенно ярко. Сеньорита после долгого отсутствия смотрела на место своих детских игр и забав совсем другими глазами. Некоторые картины прошлого оживали особенно зримо.

— Я помню, как совсем маленькой девочкой каждый день бегала по лугам и полям фазенды с Рафаэлом. — Лицо ее приняло мечтательное выражение.

— С сыном Марии дас Дорес? — Себастьян слышал о том, что Рафаэл и Сеньорита были неразлучны в детстве. — Значит, барон продал его, чтобы разлучить вас?

— Что это за новость? — насторожилась Сеньорита.

— Говорят, что вы и этот мулат нравились друг другу. И что барон вас разлучил, так как боялся, что из вашей дружбы вырастет настоящая любовь, — простодушно ответил Себастьян.

— Скажешь тоже! Вот, значит, что рассказывают обо мне! — засмеялась Сеньорита, но вскоре опять стала серьезной. — Это была очень грустная история. Я даже заболела после того, как его не стало рядом со мной. Нет, наши отношения нельзя было назвать любовью. Он был мне как брат. Он вырос в доме, он не похож был на раба. Рафаэл был другом, гордым и отважным юношей...

— И вы больше о нем никогда не слышали?

— Нет, Себастьян, больше никогда.

Вскоре доверительный разговор между Себастьяном и Сеньоритой был прерван — они подошли к сензале рабов. Утреннюю тишину разрывали стоны. На полу хижины лежал закованный в цепи Жустиньо, которого незадолго перед этим высек кнутом Онорио, помощник надсмотрщика Бруно. Бруно и Онорио закончили ужасный допрос и оставили лежать свою жертву беспомощной на полу сензалы. Сеньорита приблизилась и наклонилась к корчив-

шемуся в пыли рабу. Его лицо было настолько обезображено, что она с трудом узнала его.

— Жусиньо?! — воскликнула Сеньорита, заливаясь слезами.

— Вы, наверное, дочь барона,— еле слышно прошептал в ответ раб и закашлялся.— Если вы думаете, что я что-нибудь скажу, то заблуждаетесь. Я не знаю, где они и куда отправились...

Жусиньо, видимо, считал, что она пришла по поручению своего отца, чтобы выведать у него о беглецах. Следующий ее вопрос усилил его подозрения.

— Жусиньо, Себастьян рассказал мне, что твой брат бежал вместе с двумя другими рабами.

— Они убежали,— с гордостью ответил Жусиньо.— И я здесь для того, чтобы никто не мог их догнать...

Сеньорита выпрямилась.

— Себастьян, сними с него цепи!

— Вы сошли с ума... извините,— жалобно сказал раб,— барон за это... Единственный, кто может это сделать,— Бруно. Только у него ключи!

Очевидно, привлеченные необычными звуками, раздававшимися в сензале (в это время дня все рабы были на плантациях), подошли Онорио и Бруно, не расстававшийся с кнутом.

Бруно приветствовал Сеньориту.

— Вы простите мне, госпожа, что только сейчас я имею возможность поздороваться с вами. Я охотился за тремя сбежавшими рабами, когда вы прибыли. Очень удивлен, что вижу вас здесь, в сензале рабов...

Действительно, в своем розовом платье с кружевами посреди грязи и серого однообразия обители невольников девушка смотрелась странно. Бруно бросил взгляд на скорчившегося на полу Жусиньо. Черты его лица обострились.

— ...И к тому же за беседой с этим негром, помогавшим удрать своему брату и двум другим негодяям. Где они, отвечай, собака! Ну, выкладывай! — Бруно опять кипел от злости и было видно, что он собирается вновь наброситься с кнутом на Жусиньо. Сеньорита схватила его за запястья, при этом взгляд ее красноречиво говорил о том, что она думает о его методах.

Бруно непонимающе уставился на нее.

— Что вы делаете? Этот негр — самый дрянной из всех, он настоящая змея! — Его рука снова взлетела в воздух.

— Бруно! — на сей раз в голосе ее было достаточно силы, чтобы сдержать его. — Снимите с него цепи! — распорядилась она. — Немедленно!

— Вы шутите, — сказал Бруно в замешательстве, не зная, как относиться к подобному приказу. — А кто ответит перед бароном?

— Мои заботы предоставьте мне! — отозвалась Сеньорита решительно. — А теперь освободите этого человека! Ворча себе под нос, Бруно повиновался.

— Как прикажете, милостивая госпожа! Но я ни за что не отвечаю!

Глава 6

Родолфо Фонтес довольно быстро окунулся в жизнь Арауны и вскоре высказал желание войти в дело отца. Он решил — о чем известил и брата Рикардо — служить барону преданнее, чем это делал до него отец, и завоевать его доверие. Разумеется, за этим скрывалось намерение покорить его дочь Сеньориту.

Члены семьи доктора Фонтеса скоро стали частыми гостями в доме полковника Феррейры, а Родолфо — желанным собеседником барона. Последний нашел целеустремленного молодого человека весьма симпатичным, поражаясь его умеренным и подчеркнуто консервативным взглядам. Особенно импонировали барону неприязные замечания о движении за освобождение рабов, ибо об этом Родолфо говорил весьма откровенно. В глубине души барон надеялся, что Родолфо однажды удастся завоевать сердце его дочери. Однако расположения Сеньориты своим поведением Родолфо не добился, он все еще не замечал, что она — невзирая на свое положение — стояла не на стороне консервативно настроенных землевладельцев.

Сеньорита не ограничилась тем, что освободила от цепей измученного Жустиньо, она проявила мужество и пошла в сензалу рабов во второй раз, чтобы лечить его раны. Барон был вне себя, узнав об этом.

— С каких это пор ты получаешь приказы от моей дочери? — выговорил он Бруно и потребовал, чтобы отныне Сеньорита не вмешивалась в дела на фазенде.

— Ваша дочь совсем не знает, как надо обходиться с черномазыми!

Что же касается подозрений Бруно, что лодку помог раздобыть беглецам Себастьян, то барон их не разделил:

— Этого не может быть, Бруно. Себастьяну предоставлено немало прав в доме, и он не настолько глуп, чтобы все это поставить на карту...

В редакции местной еженедельной газеты под вечер собрались мужчины. У стола сидели окутанные облаками табачного дыма Эвералдо, Коутиньо и несколько других землевладельцев, отец Жозе и Аугусто, журналист и издатель «Голоса Арауны», единственного местного печатного органа. Они обсуждали события дня. Аугусто передал Коутиньо написанную им статью, чтобы узнать его мнение.

— Ну, что вы об этом думаете?

У Коутиньо были сомнения. Статья Аугусто казалась ему незавершенной.

— Мне бы хотелось, чтобы доктор Фонтес зашел сюда и высказал об этом свои соображения. Он лучше нас способен оценить все последствия такой публикации.

Эвералдо тоже внимательно прочел статью Аугусто:

— Ваш текст касается каждого из нас. Мы все являемся рабовладельцами.

— Это верно, — согласился с ним один из помещиков.

— Хотя на моей фазенде столб уже ликвидирован, — уточнил кто-то.

— И правильно! — торжествовал Коутиньо. — На моей тоже. Впрочем, на моей фазенде с рабами обращаются так, словно они люди.

Отец Жозе, до этого молча прислушивавшийся к разговору, насторожился. Обладая немалым чувством юмора, слуга Божий не удержался от язвительного замечания:

— «Словно они люди», сеньор Коутиньо?

— О, простите, отец мой, — поспешил исправить ошибку Коутиньо, — это всего лишь выражение...

— Всего лишь выражение? — Священник осуждающе взглянул на говорившего. — Они люди из плоти и крови, как любой белый!

— Мы не ставим это под сомнение, — возразил Эвералдо, — иначе мы не сидели бы здесь. Мы такие же противники рабства, как и вы. Но нам нужно обрабаты-

вать землю и собирать урожай, а для этого необходимы рабочие руки.

— А что произойдет, если мы их отпустим,— поинтересовался Коутиньо,— и они уйдут навсегда? Кто станет работать на наших плантациях?

— Кто станет работать на наших плантациях? Кто станет работать на наших плантациях? — возбужденный священник, словно эхо, повторял слова Коутиньо.— Мы говорим, говорим и всегда заканчиваем вопросом: «Кто станет работать на наших плантациях?» — Голос слуги Божьего дрожал от возмущения. — Лучше не публикуйте свою статью, сеньор Аугусто, а засуньте голову в песок! Но в конечном счете вы останетесь в одиночестве! — Он поднялся из-за стола, яростно жестикулируя в такт своим словам, и сейчас был похож на воплощенного ангела мщения.— «Словно они люди»... Желаю повеселиться, господа! — быстрыми шагами отец Жозе покинул помещение. Дверь с громким треском захлопнулась за ним.

— Что привело его в такую ярость? — Вопрос Коутиньо свидетельствовал, что он так ничего и не понял.

После долгого колебания Родолфо согласился на встречу с Анной. В глубине души он надеялся, что ему удастся закончить это неприятное дело по возможности быстро и без лишнего шума. Необходимо было ясно дать понять, что в его планы совсем не входит женитьба на Анне.

К свиданию с будущим супругом Анна готовилась весьма тщательно. Хотя она и не умерла от страха, несмотря на повседневные жалобы на сей счет своей матушке, но колени у нее начинали дрожать, стоило ей только подумать о Родолфо.

Обе женщины еще не закончили всех приготовлений, как вскоре коляска семьи доктора Фонтеса уже стояла перед домом Тейшейры. Из нее вышли адвокат и его сын Родолфо и решительными шагами направились к дому.

— Мой дорогой доктор Фонтес,— любезно приветствовал его Мануэл Тейшейра,— вы не можете себе представить ту радость, которую я испытываю, принимая вас и вашего сына здесь, в моем скромном жилище.

— Мы только что побывали на фазенде Арауна,— холодно отвечал доктор Фонтес,— и не хотели бы долго

задерживаться. Надеюсь, сеньор Мануэл, что вы не расстроились по этому поводу.

— Я? Расстроился? — Тейшейра сразу отбросил это предположение как неуместное. — Никогда.

— В таком случае,— продолжал официальным тоном доктор Фонтес,— я привез моего сына к вам, чтобы он, как было оговорено, познакомился с вашей дочерью...

— Прекрасно! Она всю свою жизнь ждала этого момента,— заявил тронутый Мануэл Тейшейра.— И я тоже...— Он повел гостей в просто обставленную гостиную.— Я сказал ей, что вы уже здесь. Чувствуйте себя как дома!

Едва Тейшейра покинул гостиную, Родолфо обратился к отцу.

— Что за комичное положение, отец? — приглушенным голосом проговорил он.

— Сын мой, сделай это для меня,— поспешил успокоить его доктор Фонтес.

Но для Родолфо все это было невыносимо.

— Надеюсь, что хотя бы здесь я могу открыто сказать, что я — республиканец и выступаю за ликвидацию рабства?

— Говори что хочешь, но будь мил с девушкой,— уговаривал доктор Фонтес сына,— имей сочувствие к ней и к ее родителям.

— Хорошо, отец,— с насмешкой проговорил Родолфо,— подготовимся, значит, к жертвоприношению...

Некоторое время они сидели молча в креслах гостиной семьи Тейшейры и ждали появления отца и дочери, но те еще задерживались.

— Кажется, я понравился барону.

Родолфо в мыслях был где-то далеко отсюда. Вместо того чтобы внутренне готовиться к встрече с обещанной ему невестой, он предался размышлениям о том, какое впечатление он оставил после себя в имении барона.

Но времени додумать до конца или обсудить этот вопрос с отцом не представилось, ибо в этот момент открылась дверь. С сияющим лицом впереди показался Тейшейра, за ним, взяв отца под руку, шла его дочь. На Анне было элегантно-зеленое платье из зеленого броката, подчеркивавшее совершенные очертания тела, и серая непроницаемая вуаль.

— Доктор Родолфо, я хочу представить вам свою дочь Анну!

Мужчины мгновенно поднялись с кресел, доктор Фонтес оправил свой сюртук. Отец и сын подошли к вошедшим и отвесили им легкий поклон.

— Добрый вечер!

— Добрый вечер!

Все собравшиеся испытывали смущение, неловкость. Со стороны отца и дочери Тейшейры было дружеское терпеливое ожидание инициативы другой стороны. Фонтесы были явно растеряны и тоже помалкивали. Никто не произносил ни слова. Наконец Мануэл Тейшейра откашлялся.

— Так. Скажи что-нибудь, девочка.

Реакция Анны была неразличима для гостей, так как вуаль надежно скрывала все проявления чувств на ее лице.

— Садитесь, пожалуйста, прошу вас, господа,— пригласил хозяин.

Теперь и донна Нина приветствовала доктора Фонтеса и его сына, войдя в гостиную, что снова заставило обоих подняться со своих мест. Последовала новая серия поклонов и вежливых слов.

— Я приготовлю кофе,— извинилась донна Нина, явно собираясь на кухню, дабы избежать мучительного молчания.

— Нет, спасибо! Не беспокойтесь!

Хозяйке дома ничего не оставалось, как занять свое место среди молчаливого общества.

Молчание затягивалось. Анна проявляла явный интерес к Родолфо, то и дело поглядывая в его сторону. И тут Родолфо предпринял не очень галантную попытку начать неотвратимый разговор:

— Ну что ж, поскольку здесь я среди своих, не могу ли я увидеть лицо вашей дочери, сеньор Мануэл?

— Само собой разумеется,— обрадовался хозяин, потому что наконец-то был найден путь продвижения вперед, нарушивший тягостное молчание. Он поднялся со своего кресла, подошел к Анне и, склонившись над ней, попытался снять с нее вуаль.

В этот момент раздался пронзительный крик донны Нины:

— Нет! Я обещала Святой Рите, что доктор Родолфо увидит лицо моей дочери только в церкви, после того, как даст свое согласие!

Глава 7

Мечта о свободе осталась мечтой, теперь уже вряд ли осуществимой.

Тучный комиссар Антеро, представлявший в Араруне государственную власть, и Лесной капитан, наводивший ужас на всех, кто его знал, охотник за сбежавшими рабами — чернокожий гигант с большим, грубым лицом и биографией, полной воинских подвигов, схватили беглых рабов — Фулженсио, Тобиаса и Педро. Теперь они сидели за голыми сырыми стенами тюрьмы в Араруне. Судьба их была неизвестна.

— Откуда вы пришли? Говори, негр! — Охотник за рабами ударил Фулженсио прикладом в бок, подталкивая на середину комнаты для допросов. — С какой фазенды вы убежали?

Рядом стояли два вооруженных охранника с безучастными лицами. Они, как и комиссар Антеро, уже привыкли к грубым методам допросов. Не волновало служителей закона и то, что охотник за рабами приволок на допрос, в сущности, истерзанных людей.

Молчание невольников бесило капитана.

— Говори, негр! Или ты хочешь, чтобы я вырвал твой язык? — Но даже эта ужасная угроза не заставила беглецов говорить. Через минуту капитан оставил жертву в покое и обернулся к комиссару Антеро.

— Этот негр плохой, комиссар, — Его слышали все рабы, так как он почти кричал. — Он набросился на меня, но я не прикончил его, потому что не хочу наносить ущерб его владельцу.

Фулженсио, раб, которого имел в виду охотник, казалось, чудом еще оставался в живых. У него было сломано несколько ребер, а тело сплошь покрыто кровавыми ссадинами.

— Вы правильно действовали, Лесной капитан, — согласился с ним комиссар. — Мы заставим их говорить! — Улыбка его не предвещала ничего хорошего. — Еще как заговорят! В камеру их!

Охранники, до этого невозмутимо ожидавшие конца допроса, подошли к беглым рабам, обессиленно сидевшим на стульях, и подняли их. Потом они потащили их чуть ли не волоком в дальний конец коридора, где находились камеры. Несмотря на свое состояние, рабы отчаянно со-

противлялись, чем вызывали еще большую ярость охранников...

— Пресса свободна! — горячился Аугусто, журналист и издатель еженедельника «Голос Арауны». — Несмотря на любые напасти! К сожалению, она склоняется туда, откуда идут деньги. Проклятие в том, что меня клонит всегда не в ту сторону...

В редакции еженедельника Арауны вновь собралась небольшая группа мужчин, которые и на этот раз обсуждали события в городе и в имениях. Все расселись в кабинете Аугусто, кругом заваленного бумагами. Едкий табачный дым клубился в воздухе.

— Вы печатаете неприятные вещи, — иронично заметил Эвералдо, — поэтому не стоит удивляться, если великодушные ваших кредиторов ослабевают. Барон определенно не был обрадован тем, что вы напечатали о поездке его дочери домой, в Арауну.

— Но ведь я не упоминал даже, что она ехала одна! — оборонялся Аугусто.

Тут в разговор вмешался Коутиньо, землевладелец:

— И все же это не та дневная сплетня, способная задуматься ваших покровителей. Хуже — ваши передовые статьи. Возьмем хотя бы сегодняшнюю. — Он взял корректуру со стола журналиста и пополоскал ею в воздухе: — В ней опять речь об освобождении рабов!

Очередные дебаты вскоре закончились. Был поздний вечер, и большинство огней в городе Арауне уже погасло. Над домами разлилась теплая ночь, тишину нарушали лишь треск цикад да отдаленный лай собаки.

Редакция «Голоса Арауны», однако, все еще была ярко освещена. Аугусто читал корректуры завтрашнего выпуска газеты. Ему предстояло потрудиться в эту ночь. Жулиана, его внучка, вошла в комнату с чашкой кофе для него.

— Не кажется ли вам, что вы чересчур много работаете? Нужно же и о себе подумать.

— Моя статья, — рассмеялся Аугусто, — не понравилась господам помещикам! Но они были правы. Я был слишком возбужден. — Он отложил ручку, взял чашку и отпил глоток. Кофе словно подстегнул его, хотя признаки

усталости на его лице были хорошо заметны. — Мне пришлось внести правку, и теперь я должен читать новый набор. — Он снова вернулся к работе, забыв обо всем на свете, в том числе и о Жулиане. Но внучка не собиралась сдаваться.

— Почему вас так волнует тема освобождения рабов? Это же приносит вам лишние хлопоты и неприятности.

Аугусто вновь оторвался от работы.

— Дитя мое, почему Иисуса Христа заботили грехи человеческие? Представь себе — покинуть небесное великолепие, чтобы умереть на кресте на земле, презираемым, оплеванным, униженным и замученным теми, ради кого он все это делал! Я думаю, что он делал это потому, что это было его призванием.

Такого красноречивого объяснения Жулиана не ожидала.

— И что вы получите взамен? — спросила она после некоторого молчания.

— Ничего, — ответил Аугусто, не отрываясь от корректуры, — и одновременно все!

Себастьяну удалось выкрутиться из скандального дела, связанного с бегством рабов. Допрос, учиненный ему бароном, не рассеял сомнений в его виновности и причастности к побегу. Себастьян разыграл полное неведение и под бесконечные самокритичные терзания вслух и вздохнул о том, что, мол, недоглядел, был отпущен хозяином без наказания, хотя и с предупреждением, что в следующий раз будет выпорот лично полковником без всякой жалости. И хотя допрос не дал положительных результатов, он в определенной степени удовлетворил барона, так как раболопное поведение Себастьяна во время пристрастного разговора подтвердило его власть в имении. Поэтому, как только раб был отпущен, он в хорошем настроении обратился к донне Кандиде:

— Кандида, я хочу попросить тебя поговорить с Сеньоритой. Скажи ей, что я был бы весьма рад, если бы она выбрала в мужа Родолфо, сына нашего друга доктора Фонтеса.

Недавний визит Родолфо произвел впечатление на барона. Ему показалось, что одаренность юриста, которой обладал отец, передалась сыну. А то, что Родолфо к тому же разделял его политические взгляды, окончательно располо-

жило к нему хозяина фазенды в Араруне. Донна Кандида молча смотрела на супруга. Ее абсолютно спокойный, ясный взгляд обеспокоил его, потому что в нем читалось немало вопросов. Он отвернулся в раздражении.

— Лучшей партии в Араруне она не найдет! — На этом тема была для него исчерпана.

На обратном пути из города Коутиньо решил посетить фазенду в Араруне. Полковник Феррейра радушно встретил своего друга, и вскоре оба сидели в кабинете хозяина, пили кофе с французским коньяком и курили роскошные сигары, предложенные бароном гостю. С кофейных плантаций сюда доносилось пение рабов, занятых работой. Коутиньо в тоне легкой болтовни посвятил барона в последние события в городе и среди прочего рассказал о троих арестованных рабах, в отношении которых возникло подозрение, что они с фазенды в Араруне. Внешне Феррейра воспринял сообщение Коутиньо крайне спокойно и обстоятельно растолковал собеседнику, что рабы, бывшие в конечном счете его собственностью, уже доставлены на фазенду. Но Коутиньо, казалось, занимали другие важные мысли.

— Кстати, я хочу поговорить с вами по одному делу, крайне деликатному, господин барон. В этом я рассчитываю на ваше молчание.

— Разумеется, — отозвался барон, — в чем же дело? Коутиньо отпил из своей рюмки.

— Состоялась некая встреча, — начал он неторопливо, — в городе...

— Встреча? — насторожился барон. — О чем шла речь?

— Об освобождении негритянского сброда, — вырвалось вдруг у Коутиньо. — Я рассказываю вам все это лишь из чувства благодарности. Ибо все, чем я сегодня владею, в частности вся моя земля, было куплено у вашего отца.

— А где проходят эти встречи? — Барон нервно стряхнул пепел с сигары. — Кто в них принимает участие?

Глава 8

— Я уже говорил своей жене, что она заходит слишком далеко. Почему жених не может видеть лица нашей дочери? — Мануэл Тейшейра, владелец лавки и питейного

заведения в Араруне, находился в доме доктора Фонтеса. Встреча его дочери и Родолфо произвела на него неприятное впечатление. — Я считаю, что моя жена сильно перестаралась, поэтому я здесь, чтобы принести вам свои извинения. Видите ли, я не хочу, чтобы это стало причиной расторжения нашего соглашения. — Тейшейра ловко выкрутил на главную тему.

Доктор Фонтес тоже собирался затронуть суть проблемы, только с его точки зрения история была еще менее привлекательной.

— Все это мероприятие вылилось всего-навсего в шутку, с тех пор как ваша дочь начала рассказывать повсюду в вуали. Я уже как-то говорил об этом вашей супруге, однако она ответила, что не намерена шутить.

— Да она не сделает этого в действительности, уверяю вас!

Недоброе предчувствие владело Тейшейрой — доктор Фонтес и его сын давно потеряли интерес к соединению обеих семей и лишь искали предлог, чтобы аннулировать старое брачное соглашение, заключенное многие годы назад.

День в имении Араруны протекал, как обычно, тяжело и скучно. Полковник Феррейра сидел за деловыми бумагами и все более раздражался, ибо шум, доносившийся со двора фазенды, мешал ему работать. Голос Бруно гремел над площадью, к тому же то и дело раздавались жалобные стоны рабов.

Бруно привез обратно в имение троих пытавшихся бежать рабов и весь долгий путь на фазенду использовал для того, чтобы излить свою злость по поводу неприятностей, которые ему доставил этот побег.

— Встать, кому говорят! — прорычал Бруно, восседая на лошади, и замахнулся кнутом на Педро. Тот бессильно растянулся на пыльной земле фазенды. Изловчившись, Бруно нанес лежащему рабу еще один болезненный удар.

— Встань, негр!

Он снова взмахнул кнутом, чтобы с силой опустить его на безжизненное тело невольника, но в этот момент из господского дома во двор вышли Себастьян и Сеньорита.

— Как поживаете, Сеньорита? — приветствовал Бруно дочь своего хозяина, не прекращая, однако, своей экзекуции.

Сеньорита знала, что Бруно уже не исполнял ее при-

казов, а оставлял их без внимания, поэтому она повернулась и побежала обратно в господский дом.

Барон, чертыхаясь, встал из-за стола и направился к окну, чтобы закрыть его, как вдруг дверь кабинета распахнулась и в него влетела Сеньорита.

— Отец! Отец!

— Что случилось? Почему ты в таком виде? — Барон с удивлением обернулся.

— Надсмотрщик! — смогла лишь выговорить на последнем дыхании Сеньорита. — Он как раз возвращается с пойманными неграми.

Барон снова уселся за письменный стол.

— Знаю. Это я распорядился доставить их сюда.

— Отец, вы не станете их наказывать, правда?

— Нет. — Барон придал голосу нарочито елейный оттенок. — Нет, я приглашу троих этих господ на трапезу и, когда они наедятся, снова отпущу их, чтобы они смогли бежать уже с дюжиной таких же, как они!..

Чрезвычайно рассерженная на отца, Сеньорита выбежала из комнаты, а барон закончил свою работу и отправился в сензалу рабов, чтобы осуществить правосудие, ибо по опыту знал, что непослушание распространится на остальных негров, если он оставит троих рабов без наказания. Барон решил допросить их лично и хотел справедливого возмездия для беглецов, которые в его глазах совершили тяжкое преступление.

То, как обращались с рабами в тюрьме, отнюдь не способствовало улучшению их самочувствия. Всю дорогу из города в имение Бруно и охотник за рабами тащили рабов со связанными руками за своими лошадьми, так что те были беззащитны против укусов moskitov. Босые, спотыкаясь на каждом шагу, они тащились по усеянной острыми камнями дороге, которой, казалось, не будет конца...

Измощенные и безразличные ко всему, беглецы сидели в углу сензалы, ожидая решения своей участи. Цепи с них сняли, поскольку бежать им было некуда. Повинуясь жесту барона, Бруно открыл дверь сензалы, и Феррейра вошел внутрь.

— Как далеко вы на этот раз продвинулись, Фулженсио?

Раб держался из последних сил, но его воля и желание обрести свободу любой ценой не были сломлены:

— Спросите охотника. Он же для вас поработал...

Барону не удалось сохранить душевное равновесие, хотя он и намеревался это сделать.

— Как ты смеешь со мной так разговаривать?!

Фулженсио выпрямился, он бесстрашно смотрел барону прямо в глаза:

— Я свободный человек и говорю то, что считаю нужным.

— Свободный человек? — насмешливо протянул барон. — Кто это тебя сделал таковым, жалкий негр?

— Я сам, — отвечал бесстрашно Фулженсио. — Недолго уже осталось ждать, когда ни одного негра не останется в этом бараке. Тогда вам придется собственными руками рыться в земле, если захотите есть!

Феррейра был взбешен. Взгляд его упал на кнут в руках Бруно. Он вырвал его из рук надсмотрщика и угрожающе двинулся на Фулженсио.

— Посмотри на меня, собака! — Он замахнулся. — Смотри на меня!

С трудом Фулженсио повиновался приказу хозяина, которому только что так бесстрашно отвечал. И тут барон ударил изо всех сил. Словно нож полоснул по лицу раба, боль пронизала все тело. Он пытался руками защититься от дальнейших ударов, кровь стекала с левой щеки и со лба, даже в глазах Бруно, жестокого надсмотрщика, читался страх.

— Глаз... — вырвалось у него. — Барон выбил ему глаз. Он ослепил его!

Но барон все еще не унимался.

— Привяжите его к столбу, — прорычал он, — я хочу знать, кто дал ему лодку!

Ужасный удар барона пришелся по глазам Фулженсио. Почти потерявшего сознание раба Бруно и Онорио потащили к столбу...

— Да, но это все равно, как если бы я ослепил какую-нибудь скотину... — Большого угрызения совести из-за своего поступка барон не испытывал.

Бруно тоже больше заботила репутация хозяина, чем состояние Фулженсио.

— Если нужно, я скажу, что это я его так наказал, — услужливо предложил он.

— Нет, нет, ответственность за это несу я один, — твердо сказал барон.

Его представление о мужской чести подсказывало ему, что не следует перекладывать свою ответственность на

других. К тому же ему нечего было опасаться, ибо между ним и законом в Арауне существовала столь сильная связь, что, даже убив одного из рабов, он вряд ли серьезно пострадал бы. Закон в Арауне был на стороне сильнейшего, то есть полковника Феррейры.

Нельзя было утверждать, что случай с Фулженсио — в чем он тщетно пытался убедить себя — не затронул его. Барон сердился на собственную несдержанность, на ярость, приведшую в конечном счете к тяжелым последствиям: один из его самых полезных рабов стал непригоден к работе.

В это время Фулженсио лежал в сензале рабов. Аделаиде и Жустиньо хлопотали над ним.

— Мои глаза, Жустиньо! Я больше не вижу!

— Успокойся, Фулженсио, успокойся. — Жустиньо пытался утешить его.

— Этот глаз уже неживой, Жустиньо, — сказала Аделаиде тихим голосом, промывая раны Фулженсио, — и ничего с этим поделать нельзя.

— Да, брат Жустиньо, нам не повезло. Охотник за рабами искал совсем других беглецов, а не нас. Почему именно мы попались на его пути?

— В следующий раз я пойду с вами! — заверил Жустиньо. — Мы пойдем в Куилombo, тайное убежище восставших рабов. А теперь поспи, брат

Измученный невыносимой болью и пытками, перенесенными у столба, Фулженсио заснул.

— Он уснул, Аделаиде.

Чувство общности судьбы позволило Жустиньо положить руку на плечо красивой рабыни, все еще сидевшей с тазом и полотенцем возле спящего Фулженсио. Он был застигнут врасплох, когда она тихо, но твердо дала ему отпор:

— Я не хочу, чтобы ты прикасался ко мне, Жустиньо.

— Тише! — Он кивком головы указал на Фулженсио. — Сейчас не лучшее время спорить...

— Что ты за человек, Жустиньо! — прервала она его. — Твоего брата привязали к столбу и избили до смерти, а ты? Ты помалкиваешь!

Жустиньо помолчал, потом пристально посмотрел на Аделаиде:

— Охотнее всего я убил бы барона! Но время еще придет, Аделаиде, оно придет! Мы все убежим и присое-

динимся к другим рабам. И я такого натворю, что они будут раскаиваться в каждом ударе кнута!

Глава 9

— Твой отец — хороший человек, — заверила донна Кандида Сеньориту. Она возилась поздним вечером на кухне, кипятила воду и раскладывала стопкой чистые салфетки.

— Папаша Жозе умер у столба, Рафаэла и Марию дас Дорес он продал. Я никогда не забуду этого, мама, никогда! А теперь Фулженсио... — Слезы подступали к ее глазам. — Я отправляюсь в сензалу рабов, чтобы лечить раны Фулженсио. Никто меня не удержит!

— Нет, ради Бога, только не это! Твой отец...

— Я сказал тебе, чтобы ты не вмешивалась в мои дела с рабами! — Барон, который слышал последние слова дочери, вышел из соседней комнаты в кухню и загородил дорогу дочери, державшей в руках миску с водой. — Ты не пойдешь в сензалу рабов!

Сеньорита намеревалась возразить отцу, но барон неожиданно повернулся и молча вышел из кухни. Донна Кандида и Сеньорита застыли в молчании.

— Дитя мое, я тебя предупреждаю! — жалобно взмолилась донна Кандида. — Ты не должна противоречить отцу, это неприлично.

— Но ведь то, что отец причиняет такие страдания этим людям, это вопиющее беззаконие. Он не имеет права так жестоко обращаться с ними, даже к животным он куда милосерднее! — Сеньорита поставила миску на стол и закрыла лицо руками. Теперь она дала волю слезам. Виржиния, занятая работой в дальнем углу кухни и слышавшая спор отца с дочерью, попыталась успокоить Сеньориту:

— У каждого в жизни своя судьба, а судьба негра — страдания. Так захотел Бог.

— Это неправда, Ба! — Сеньорите было особенно больно оттого, что ее старая няня так безразлично относится к судьбе своего народа, что она приняла сейчас сторону рабовладельцев. — Это ложь!

Донна Кандида, не в силах больше сдерживаться, сама была готова разрыдаться:

— Говори тише, дитя мое! Если отец услышит, он вернется, и будет еще хуже. Чему тебя научили в этой школе! — Ей казалось, что теперь самое время серьезно поговорить с дочерью, чтобы убедить ее в ложности такого поведения. — Ты уже не маленькая девочка, — продолжала она, немного успокоившись, — ты молодая женщина, юная госпожа!

Юная госпожа не могла понять мать. Слишком живы были в ее сердце события, свидетельницей которых ей пришлось стать. Перед глазами стояла картина мучений, принятых рабами от рук Бруно и Онорио. Хорошие манеры и ее социальное положение ничего не значили для нее в этот момент. Но ее мать невозмутимо продолжала:

— Ты должна подумать о замужестве. Твой отец считает, что доктор Фонтес и его сын приезжали с определенными намерениями, и он думает, что этот молодой человек — лучший из всех кандидатов.

Хотя после совместной поездки в поезде она прониклась симпатией к сыну адвоката, действительность быстро развеяла ее мечты. Взгляды Родолфо принадлежали ушедшей эпохе. Она слышала в его словах голос отца. А если не существовало взаимопонимания, не было созвучия сердец, то и общественное положение и внешность не играли никакой роли. Ее ответ матери звучал довольно резко:

— Достаточно, мама! Можешь не продолжать. Я хорошо знаю доктора Родолфо. Он сопровождал меня в обратной поездке, и я нахожу его отвратительным.

Слезы потекли по щекам донны Кандиды. Сеньорита не могла утешить ее. Слишком живо представляла она себе лица Рафаэла и Марии дас Дорес в момент их вынужденного отъезда, все еще вставала перед ней картина мучений папашы Жозе у штрафного столба. Здесь речь уже не шла ни о хороших манерах, ни о том, чтобы сделать выгодную партию. Сознание Сеньориты формировалось из глубины ее души и основывалось на живом и непосредственном опыте, приобретавшимся ею с раннего детства. Все это не оставляло ей другого выбора — даже если ей придется восстать против собственного отца.

Пожалуй, под впечатлением от случившегося с рабом Фулженсио и реакции на них дочери полковник Феррейра решил еще раз посетить доктора Фонтеса, чтобы усилить свое влияние на ход событий. Не могло быть и речи о

том, чтобы его дочь и дальше придерживалась идей освобождения рабов. Как и прежде, он и на этот раз надеялся на сдерживающее влияние Родолфо, которого он в своих мечтах все явственнее видел в роли жениха своей дочери.

Однако в доме семьи доктора Фонтеса барон не встретил — вопреки своим ожиданиям — поддержки. Адвокат отговорился тем, что-де не знает ничего о встрече сторонников упразднения рабства в Арауне. Это насторожило барона. Он даже не посетовал бы на доктора Фонтеса, прими тот участие в такой встрече. Но теперь, когда доктор Фонтес отрицал свое присутствие на ней, ему уже казалось возможным, что адвокат замешан в делишках аболиционистов, так как Коутиньо высказал такое же подозрение.

Таким образом, разговор принял для обеих сторон не очень дружественный характер. Доктор Фонтес высказал мнение, что во встрече не было ничего предосудительного, барон, со своей стороны, пожаловался на непредсказуемые последствия освобождения рабов для владельцев поместий и экономики региона. Уже сегодня дети рабов рождаются свободными, а старики становятся бесполезными едоками — что произойдет, если после освобождения рабов землевладельцы останутся без рабочей силы?

В конце разговора полковник Феррейра объяснил вторую причину своего визита: Родолфо. Его самого и его взгляды барон оценивает все еще высоко, хотя сегодняшняя встреча заставила Феррейру поколебаться в оценке его отца...

— Все знают об этом странном соглашении между Мануэлом Тейшейрой и вами... Собственно говоря, насколько серьезно вы еще воспринимаете тот уговор?..

— То была глупость с моей стороны — Мануэл Тейшейра поймал меня на слове... но еще больше его жена! — Адвокату было явно неприятно вспоминать об этом.

— А ваш сын? — настаивал барон как ни в чем не бывало.

— Он никогда не воспринимал этот уговор всерьез, об этом не может быть и речи, скорее наоборот... Но это не значит...

Феррейра покровительственно улыбнулся.

— Я рад, что слышу это! — Он гордился своей риторической уловкой, благодаря которой удалось, ничего по

сути не говоря, посвятить адвоката в возможность брака между их детьми.

— А ваша дочь? Какого она мнения? — вдруг спросил доктор Фонтес, до которого дошел смысл сказанного бароном.

— Если говорить откровенно, то мне было бы это по душе. Остальное за вами, друг Фонтес! — Барон многозначительно похлопал собеседника по плечу. — Я дал свое слово!

Доктор Фонтес онемел от неожиданности, тогда как для барона дело было решенным, ибо он тут же поднялся с кресла и направился к двери. Он не привык, чтобы кто-нибудь перечил ему. Доктор Фонтес был ему обязан, тогда что же могло помешать браку их детей?

Тем временем Родолфо внес сумятицу в душу отца заявлением, что навсегда уедет в Сан-Паулу, если соглашение с семьей Тейшейры о свадьбе между ним и Анной не будет объявлено расторгнутым. То, что эта угроза не будет нуждаться в исполнении, стало ясно Родолфо, когда его отец сообщил, что сокровенным желанием барона было заключение брака между Родолфо и его дочерью. Ему показалось более чем желательно, что именно сейчас его брат Рикардо начал проявлять нежные чувства к Анне. Родолфо послал своего брата в дом Тейшейры с письмом, в котором сообщал Анне, почему между ним, Родолфо, и ею не может быть близких отношений. В связи с этим поручением мечтатель Рикардо загорелся страстным желанием...

Анна ломала голову над вопросом, не сможет ли она привлечь к себе внимание Родолфо тем, что откроет свое лицо. Кроме того, она опасалась, что придется отправляться в монастырь, ибо ее мать, донна Нина, выполнит свое обещание. Тем легче понять крайнее замешательство доктора Фонтеса, когда его сын Рикардо объявил ему, что он предложил Анне и донне Нине занять место Родолфо в их семейном сговоре.

Несмотря на запрет отца, Сеньорита в сопровождении Себастьяна отправилась в сензалу рабов и стала ухаживать за Фулженсио, за что тот был ей благодарен. Когда она показалась в дверях убогого жилища рабов — дочь

его господина и мучителя, — ему показалось, что явился сам ангел спасения в лице этой милой девушки. Он почти готов был поверить, что над ее головой сиял венец. О том, как совершилось его чудесное излечение, остальные рабы смогли узнать позднее из его рассказов, на которые он не скупился. Фулженсио единственный оставался в сензале, ибо остальные работали на кофейных плантациях, включая Тобиаса и Педро, которых погнали, несмотря на их болезненное состояние после наказаний.

— Тот, кто может держаться на ногах, — распорядился Бруно, — обязан работать...

Пока Сеньорита обрабатывала раны Фулженсио, Себастьян все время торопил ее, потому что опасался быть застигнутым здесь вместе с дочерью барона. Сеньорите тоже было не по себе при одной мысли о том, что ее может увидеть отец. Но она, раз и навсегда решившись, гнала прочь подобные мысли, сознавая свою правоту.

Этой необычной ситуацией объяснялась и словоохотливость Себастьяна. Он уже в который раз рассказал Сеньорите о том, что именно он дал беглецам лодку и почему Жустиньо не бежал вместе с остальными. Жустиньо — тайный руководитель будущего массового побега рабов, целью которого является Куилombo. Говоря это, Себастьян был уверен, что Сеньорита на стороне рабов.

Донна Кандида никак не могла согласиться с поведением дочери.

— Ты была в сензале рабов вопреки запрету отца! Что было бы, если бы он застал тебя там!

— Я должна была позаботиться о рабе, которого он избил, — возразила матери Сеньорита. — Если бы это было в моей власти, я бы отпустила всех рабов, начиная с Виржинии и Себастьяна.

— Виржиния больше не рабыня, она свободна, — уточнила мать.

Сеньорита была иного мнения. Виржиния, ее няня, продолжала работать в господском доме как рабыня и надрывалась на кухне.

— Она с утра до вечера не разгибается, как вьючное животное! И при этом любезна и покладиста. Неужели вы не видите, мама, какие благородные души у этих людей? Они не животные, а отец обращается с ними именно

так! Пусть он лучше подумает о том, что там, внизу, на кухне, нам ужин готовит негритянка, чей сын был им продан, едва появившись на свет Божий. И несмотря на это, как только ее звали, чтобы покормить меня, потому что у моей собственной матери не было молока, она тотчас же являлась. Она никогда ни на что не жаловалась, никогда не заговорила о своем сыне, которого почти не видела. А мой отец! Как он обращается с этими людьми!

— Я знаю, — с дрожью в голосе ответила донна Кандида, — ради Бога, не напоминай мне постоянно об этом...

— Тогда, пожалуйста, не упрекай меня, что я забочусь о рабах...

Глава 10

Небольшие города, такие как Араруна, приезжие посещали лишь изредка. Поэтому комиссар Антеро удивился, когда однажды после полудня прибывший из столицы провинции поезд оставил на перроне молодого, хорошо одетого человека с багажом. Он был мулатом, но кожа у него была очень светлая, на нем были белый, со вкусом скроенный костюм и модная шляпа. Его появление и весь его облик можно было определить одним словом: «элегантный». Лицо с маленькими усами, большие темные глаза вполне могли вскружить голову молоденьким девушкам.

Ни блюститель закона, никто другой в Араруне не могли знать, что молодой человек, называвший себя Джимасом, был таинственным образом связан с именем Араруны и семьей полковника Феррейры. Его самоуверенная, дружеская манера держаться привлекала внимание местных жителей. Только при пристальном рассмотрении можно было заметить, что молодой человек искусно скрывал свои истинные чувства. После того как Джимас устроился в пансионе, он несколько дней потратил на то, чтобы познакомиться с особенностями местечка. Однажды вечером он постучал в дверь журналиста Аугусто. Ему открыла Жулиана.

— Добрый вечер! Можно поговорить с сеньором Аугусто?

Жулиана пригласила молодого человека войти. Он подошел к Аугусто, сидевшему за рабочим столом, протянул ему руку и представился:

— Меня зовут Джимас. Я только что прибыл из столицы провинции. Вот это я прочел в пансионе, где остановился. — Он держал в руке газету.

— А-а, «Голос Арауны»! — улыбнулся Аугусто. — Я всегда мечтал лично познакомиться с читателями моей газеты.

— Полагаю, что у вашей газеты, кроме меня, есть и другие читатели, а статья о движении за отмену рабства отразит сокровенное желание многих людей. — Джимас помолчал, словно подыскивая слова, но при этом неотрывно смотрел на Аугусто. — Видите ли... мне нужна работа. И я подумал, что, возможно, мы придем к единому мнению...

— Принеси кофе молодому человеку, Жулиана! — крикнул Аугусто внучке, которая направлялась в кухню. — А с вами, — повернулся он вновь к гостю, — давайте поговорим об этом.

В ином месте «Голос Арауны» находил меньше одобрения. Барону газета уже давно была как бельмо на глазу, а статьи, которые писал Аугусто, всякий раз вызывали у него вспышки гнева.

— Наступит день, когда я этого старого пачкуна вышвырну из города! — возмущался он.

— Кто это Аугусто, мама? — спросила как-то Сеньорита про этого человека, ибо любой противник отца мог стать ее союзником.

— Это владелец типографии, дитя мое, — пояснила донна Кандида, — он живет одиноко со своей внучкой Жулианой.

— Что сделал плохого этот человек, отец?

— Он хочет спасти мир своим грязным листком! Его газета непригодна даже в качестве оберточной бумаги. И на этот раз глупая болтовня об освобождении рабов!

Она попросила у отца один экземпляр, хотя могла бы догадаться, что барон вряд ли был заинтересован в распространении прогрессивных воззрений Аугусто.

— Я не ношу с собой подобный мусор, детка. Однако давай поговорим о вещах более радостных. Я был по делам у доктора Фонтеса. Его сын Родолфо проявляет симпатию к нашей дочери. — Он повернулся к жене: — Ну разве я тебе не говорил, донна Кандида, что за его недавним визитом крылось определенное намерение?

При этих словах Сеньорита густо покраснела. Она не согласна была с тем, что отец не захотел далее обсуждать тему освобождения рабов, и совсем не была готова к разговору о своей свадьбе с сыном сеньора Фонтеса.

— Если вы, отец, намерены выдать меня за этого господина, на то ваша воля. А теперь, если позволите... — она положила вилку и встала из-за стола, на котором стоял ужин, — у меня пропал аппетит.

— Но я еще не закончил есть! — воскликнул барон, не поднимая глаз от тарелки. Нотки гнева слышались в его голосе. Лишь когда Сеньорита вновь опустилась на стул, он продолжил трапезу как ни в чем не бывало.

Джимас наконец-то нашел себе работу, хотя и не ту, что обещает карьеру, потому что «Голос Арауны» с трудом кормил самого Аугусто, своего издателя. И все-таки это было неплохое начало для того, кто прожил в городе всего несколько дней. За свою работу в газете Джимас получал у Аугусто стол и имел выходной день, так что у него еще оставались деньги на квартирные расходы. Он ревностно набросился на работу, и вскоре все заметили, что Джимас старается многое перенять у такого опытного и трудолюбивого издателя, как Аугусто.

Джимас все больше укреплялся во мнении, что он сделал правильный выбор, решив остаться работать у Аугусто, поскольку напряженные часы работы в типографии несколько раз в день прерывались чудесным появлением Жулианы, приносившей мужчинам свежесваренный кофе и печенье из маниоки. В то же время чудесный аромат печенья удерживал неприкрытый интерес Жулианы.

— Так вот для чего нам нужна печатная машина в этом городе! — пошутил отец Жозе, неожиданно появившись в типографии «Голоса Арауны». Жулиана с испугом соскочила с тяжелой печатной машины высотой в человеческий рост, на которой она работала.

— Добрый день, отец Жозе! Я только хотела помочь дедушке.

Действительно, иной раз выход газеты оказался бы под угрозой, если бы Жулиана тихо и по-своему не-

приметно не помогала деду. Однако несмотря на то, что она брала часть работы на себя, Аугусто нередко до глубокой ночи засиживался в пыльном помещении типографии.

— Я считаю всякую поддержку доброго дела похвальной. Только не понимаю, почему такая одаренная молодая девушка занята подобной работой.

— Знаю! — согласилась Жулиана. — Лучше бы я родилась мужчиной!

— Нет, не говори чепухи! Ты... прекрасная девушка. — Хотя на нем была священническая сутана, отец Жозе видел разницу между привлекательными женщинами и теми, к кому судьба относилась словно мачеха.

Тут преподобный отец обнаружил в углу стопку свежееотпечатанных экземпляров «Голоса Арауны».

— Бобо, ризничий, утащил у меня сегодня утром мой единственный экземпляр. — Он принялся листать номер и наконец нашел статью, автором которой был сам. — В напечатанном виде она выглядит гораздо лучше!

Пока отец Жозе внимательно читал газету, Жулиана внимательно разглядывала его и вдруг спросила:

— Святой отец, если я вас кое о чем спрошу, вы ответите мне откровенно?

Священник оторвался от газеты и с любопытством посмотрел на Жулиану, вопрос которой застал его врасплох.

— Разумеется, если смогу.

— Почему дедушка и я живем здесь в одиночестве? Почему у меня нет матери? Почему дедушка все время уклоняется от ответа или выдумывает всякие истории, когда я спрашиваю об этом? — Жулиана пристально смотрела на слугу Господа, ибо ожидала от него искреннего ответа на вопрос, давно мучивший ее.

Отец Жозе не торопился с ответом. Он медленно сложил газету, положил ее на стоявший рядом стол, потер ладонью подбородок...

— Дитя мое, это... потому, что... — Он мялся, как школьник, не выучивший урок.

— Отец Жозе, вы обещали сказать правду. Ложь — это грех, не правда ли? — напомнила Жулиана.

— Да, конечно, ложь — это грех... — Священник смущенно рассмеялся. — Но маленькая ложь... — Он залпом выпил свой кофе. — У тебя очень вкусный кофе, и, честно говоря, я вообще ничего не знаю, мне нечего тебе сказать. — Он быстро засунул «Голос Арауны» под сутану

и поспешил к двери. — Большое спасибо тебе за твое вкусное маниоковое печенье, но сейчас я должен, к сожалению, идти. Мне еще нужно уладить важные дела. Да пребудет с тобой Господь!

Его стремление избежать прямого ответа только усилило в Жулиане подозрение, что за тайной ее происхождения скрывается что-то дурное. Она пристально смотрела вслед священнику, когда тот торопливыми шагами пересекал улицу перед их домом.

— Только один день! — Молодой Бентиньо не раз проклинал свою судьбу, которая благодаря роковой случайности сделала его рабом. — Всего за один день до нового закона я родился!

Закон о свободе детей, рожденных от рабов, который имел в виду Бентиньо, уберег многих детей бразильских рабов от жизни в рабстве, ибо устанавливал, что дети рабов, начиная с определенного дня, рождаются свободными. По стечению обстоятельств (роды были преждевременными) Бентиньо не попадал под действие этого закона. Себастьян, домашний раб Феррейры, подшучивал над ним:

— Значит, ты раб, а рабу место в сензале рабов! — Потом уже серьезно добавил: — Ну, давай, иди к себе, пока барон тебя не увидел!

Бентиньо действительно рисковал получить наказание, потому что барон не любил, когда рабы, выполнявшие тяжелую работу, появлялись возле его дома или, более того, заговаривали с привилегированными домашними рабами.

— Но я хотел только взглянуть на Сеньориту! — объяснял Бентиньо свой рискованный поступок. — Фулженсио говорит, что над ней сияет венец.

— Да она вовсе не ночник! — Себастьян разразился громким смехом.

— Но Фулженсио видел своими глазами, — настаивал Бентиньо — и кроме того, я хотел тебя спросить, не могу ли я тоже стать домашним рабом, как и ты? Ты определенно знаешь подходы, Себастьян, поговори с Сеньоритой!

— Ты что же, хочешь жить, как я, в сумасшедшем доме? — Себастьян снова рассмеялся: — Ты, верно, свихнулся!

— Подай яду, когда он придет!

К человеку, которого отец избрал ей в мужа, Сеньорита не питала нежных чувств. Родолфо Фонтес возвестил о своем визите, но было очевидно, что в первую очередь он был важен для барона и его планов. Барон хотел дать возможность Сеньорите ближе познакомиться с Родолфо Гарсия Фонтесом. Себастьян провел гостя в кабинет барона, где Феррейра и Родолфо оживленно побеседовали. Тем временем донна Каидида в гостиной давала наставления Виржинии, что приготовить гостю в первую очередь.

В кабинете барона царила приподнятая атмосфера, нарушить которую не мог даже отец барона, строгим взглядом окидывавший с портрета кожаные кресла и сидящих в них людей. Родолфо был по-настоящему обрадован тем, что барон во время своего последнего разговора с отцом помог уладить затянувшееся дело с Мануэлом Тейшейрой и его дочерью.

— Поначалу я был даже задет тем, что вы взяли на себя инициативу в этом щекотливом вопросе, — признался Родолфо. — Но вы не можете себе представить, барон, как вы меня в конечном счете обрадовали...

— Приятно слышать, — барон польщенно улыбнулся, — но я действовал вовсе не бескорыстно. Разумеется, мое большое уважение к вашему отцу... Короче, Родолфо, давайте перейдем к делу! Вы не в курсе того, что делают эти республиканцы? (Родолфо замотал головой, хотя его неосведомленность была наигранной.)

— Они подливают масла в огонь, и никто их не останавливает. Их целью является власть! — Барон расхаживал по кабинету, войдя в амбицию. — Я, во всяком случае, в курсе восстания, которое они затевают, эти академические глупцы, только что окончившие факультеты и не имеющие представления о действительности. Я знаю и об объединениях, которые собирают деньги, чтобы выкупить рабов и затем отпустить их на волю. Какое безумие! — Полковник наморщил лоб, лицо его покраснело, он вошел в раж. — В эти нестабильные времена я хотел бы иметь на своей стороне таких, как вы, то есть людей, которым можно доверять.

Родолфо пытался скрыть свои истинные чувства за дружеской улыбкой. Барон счел его улыбку знаком согласия.
— У меня большие виды на вас, Родолфо!

— Хотела бы я знать, дитя мое, — спрашивала донна Кандида, — о чем так долго могут говорить двое мужчин?
Однако не только донна Кандида проявляла нетерпение и любопытство.

— Он пришел, чтобы посмотреть на меня или говорить с отцом? — раздраженно бросила Сеньорита. — Кажется, отца забавляет болтовня с этим молодым отпрыском. А может, у них проблемы с моим приданым?

Донна Кандида вздохнула. Она тоже многое отдала бы за то, чтобы узнать, о чем идет речь за дверью кабинета.

— Виржиния, отнеси кофе и молоко на кухню, пока они не остыли, — приказала она няне-негритянке. — Думаю, господа еще долго будут разговаривать!..

В то время как женщины в гостиной выдвигали разные предположения, а домашние слуги на кухне среди клубящихся паром котлов и кастрюль ломали головы, состоится свадьба или нет, барон пояснял свои намерения. Речь зашла о далеко идущих планах.

— У вас дар оратора, Родолфо, — похвалил он своего будущего зятя, — но политика делается не только с помощью таланта, но и денег. Иной раз деньги играют главную роль. Когда вы возьмете в жены мою дочь, у вас будет и то, и другое.

Хотя Родолфо знал, что Феррейра испытывал к нему симпатию, однако подобное предложение его озадачило. Барон, видимо, считал, что этот зять для него — нечто само собой разумеющееся, и продолжал петь хвалебные гимны в честь Родолфо.

— Тот, кто женится на моей дочери, станет моим сыном. — Он отечески положил руку на плечо Родолфо. — И я надеюсь, что это будете именно вы.

— Большое спасибо, сеньор Феррейра, — с трудом проговорил Родолфо.

— Правда, я не даю приданого Сеньорите, но зато вы наследуете все, чем я располагаю! — Барон взглянул в окно, обозревая здания, постройки и уголья имения. — Арауна перейдет к вам в качестве приданого моей дочери.

Слова полковника потрясли Родолфо. Он, конечно, надеялся настойчивостью и огромным терпением завоевать любовь Сеньориты и, если возможно, заручиться доверием барона, но на такой быстрый успех не рассчитывал. Он прекрасно понимал, что барон возводил свои воздушные замки на фундаменте предполагавшегося прочного консервативного образа мыслей Родолфо. И только он один знал, что властитель Арауны строил на песке.

— Вы оба будете жить в Рио-де-Жанейро. Вы сделаете блестящую политическую карьеру, Родолфо, представляя интересы землевладельцев. Вы подарите мне внуков, которых я страстно хочу иметь.

— Сеньор барон, я не понимаю, как вы можете оказывать мне столько доверия, — вставил Родолфо. Слишком легкой ему казалась победа. Ему было неловко думать в этот момент о Сеньорите, которая ясно дала ему понять, что для нее неприемлемы ни он, ни его мировоззрение.

— Я люблю свою дочь, — возразил барон, — внутренний голос говорит мне, что вы тот, кто сделает ее счастливой. Возможно, это голос сердца, хотя некоторые утверждают, что у меня нет сердца...

С этими словами полковник повернулся к двери и жестом предложил Родолфо следовать за ним.

В гостиной их уже ждали Виржиния и донна Кандида. Сеньорита присутствовала только потому, что решила уступить матери, — так, по крайней мере, она утверждала. Она была одета в веселое, с небольшим вырезом шелковое платье, с рюшами на бедрах, выгодно подчеркивавшими ее женственные формы, которое она надевала лишь по праздникам.

Когда все заняли места за столом, Виржиния подала кофе и маниоковое печенье. Стол был накрыт белоснежной скатертью, настоящий фарфор европейского производства так же отчетливо демонстрировал благосостояние в доме, как и тяжелые изящные серебряные канделябры.

— Мой отец всегда хвалит ваше гостеприимство, — Родолфо отвесил легкий поклон хозяйке, — надо сказать, он не преувеличивал. — Затем он повернулся к ее дочери: — Меня особенно радует возможность сидеть с вами за одним столом.

Та сделала вид, что не расслышала слов Родолфо.

— Сеньорита! — напомнил барон.

— Я слышала, отец. Он, видимо, хочет выказать свое дружеское расположение, — съязвила она.

Родолфо постарался не заметить эту шпильку:

— Я всего лишь честен, Сеньорита.

— Если вы честны, я тоже хочу быть такой же. Угощайтесь, пожалуйста! — она подала ему блюдо с печеньем. — Мама и я уже успели устать, пока ждали вас с отцом.

Барону не понравился ее строптивый тон. Он представлял себе встречу более дружеской. Подобная резкость не подобала девушке из хорошей семьи. Однако он сохранял присутствие духа.

— Мы говорили об очень важных вещах, а на это уходит определенное время. Разве не так, доктор Родолфо? — спросил барон слегка дрожащим голосом, при этом преувеличенно подчеркивая его звание.

— Без сомнения, об очень важных, — подтвердил Родолфо. Взглянув на хозяйку, он попытался преподнести себя с лучшей стороны: — Тем не менее я прошу извинения, если мы заставили вас ждать.

Донна Кандида улыбнулась, ей понравился хорошо воспитанный молодой человек.

— Что касается меня, то вы прощены, — сказала она.

Сеньорита не разделяла восторгов своих родителей по поводу Родолфо Гарсия Фонтеса.

— А что касается меня, то вы тоже прощены. Так что пейте кофе, доктор Родолфо, а то Виржинии придется еще раз подогревать его, — насмешливо сказала она.

— Простите, пожалуйста, Виржиния, — пробовал шутить Родолфо.

Но барону было не до смеха, поскольку Родолфо совершил опрометчивый поступок: вводить в застольную беседу рабов и слуг было неслыханным делом.

— Я здесь, чтобы служить вам, — серьезно и тихо ответила Виржиния.

— Лучше всего, доктор Родолфо, если вы выпьете ваш кофе сейчас, — заметил полковник Феррейра, с трудом сдерживаясь. Он опасался, что разговор может перейти на неприятную тему, за которую дочь с удовольствием ухватится.

Густеющие сумерки опускались на фазенду, и легкая пелена тумана уже застилала поля и леса вокруг имения после обильного дождя, не прекращавшегося весь день.

Родолфо нравилось в такое время возвращаться в город, на его привычные улицы, в людскую суету... По дороге с фазенды он обдумывал, как всегда, события дня.

В целом он был доволен визитом к барону. Тем не менее его не устраивало, что барон чувствовал себя обязанным спланировать его будущее до деталей, пусть даже часть этих планов совпадала с его собственными. Он все еще размышлял о холодном приеме, оказанном ему Сеньоритой, когда Жусто, один из отпущенных доктором Фонтесом рабов, ожидавший его в коляске, спросил:

— Вы говорили с девушкой, доктор?

— Мы лишь перекинулись с ней парой слов, но она мне показалась весьма странной.

— Рабы барона говорят, она ангел доброты, — защитил девушку Жусто. — А вот ее отец, барон...

— А что он?

— Дьявол в облике человека! — произнес с чувством Жусто, но приглушенным голосом, словно опасался даже здесь, на порядочном расстоянии от господского дома, быть услышанным его хозяином.

Слова Жусто удивили Родолфо.

— Нет, Жусто! Барон очень хорошо обошелся со мной!

— С вами — да! — возразил Жусто. — Бедного Фулженсио он ослепил на один глаз.

— Барон? Наверное, это сделал Бруно, надсмотрщик...

— Это был барон! — заверил Жусто. — Бентиньо сам мне об этом рассказывал. Он ждет момента, чтобы убежать от барона, жизнь у которого ему невыносима.

Полковник был рад услышать от Коутиниьо, что последние встречи аболиционистов не состоялись. Однако он был взбешен, когда узнал в заведении Мануэла Тейшейры, что тот же самый Коутиниьо отпустил на свободу всех своих рабов. Барону показалось, что мир перевернулся, ибо Коутиниьо, хотя и не был рьяным защитником старых порядков, всегда стоял на стороне землевладельцев.

— Он дурной человек! — гремел полковник Феррейра. — И в жилах у него течет черная кровь! Наверное, поэтому... Уверен, он это делал не из любви к ближнему. Чего он хотел добиться, отпуская рабов на свободу?..

То ли вследствие жестоких ударов барона, то ли из-за отсутствия настоящего лечения Фулженсио ослеп на оба

глаза. Испуская стоны, катался он на соломенном мешке в убогой сензале рабов и звал Бентиньо:

— Позови Сеньориту! Только она может мне помочь!

Когда Бентиньо вернулся с Сеньоритой, в дверях сензалы их поджидал с кнутом в руках Бруно.

— Добрый вечер, Сеньорита! — иронически приветствовал он молодую хозяйку. — Ваш отец будет рад узнать, что вы снова помогаете мне в моей работе. А ты, Бентиньо... — Взгляд его ожесточился. — У меня предчувствие, что следующим у столба будешь стоять ты!

— Уйдите, Бруно! — потребовала Сеньорита. — Фулженсио нуждается в уходе и покое. Вы со своим кнутом здесь не нужны!

— В уходе и покое? — Бруно злорадно рассмеялся. — Порка нужна паршивому симулянту — и большая. Прикидывается слепым, ленивый негодяй, чтобы увилить от работы!

— Уходите! — снова потребовала Сеньорита, на этот раз подчеркнуто тихо. — Я надеюсь, ради вас и ради спасения вашей души, что вы сказали это не всерьез. — Она посмотрела Бруно прямо в глаза, и он отвел взгляд. Когда он уходил, смех его уже звучал не иронично, а скорее неуверенно. Затем его массивная фигура исчезла в темноте между постройками фазенды.

Барон по-прежнему расхваливал Родолфо и его способности. При каждом удобном случае он говорил о том, что молодой Фонтес станет его зятем и наследником.

Случилось так, что вскоре после малорадостной встречи в господском доме Родолфо Фонтеса и Сеньориты они снова встретились на прогулке.

Глава 12

— Прекрасное место... — Сеньорита вместе с Родолфо Фонтесом прогуливалась по угольям имения. Впервые за долгое время они имели возможность поговорить без посторонних. Они осмотрели длинные ряды кофейных плантаций, насладились видом близлежащих гор, поросших лесом, и достигли берега реки, знакомого Сеньорите еще

с юности. Это было чрезвычайно идиллическое местечко. Низко над водой склонялись ветви старых деревьев, хрустально-прозрачная вода, стекающая с гор, прокладывала себе путь по руслу из светлого песка и здесь образовывала небольшое озерцо.

— Я часто бывала здесь с Рафаэлом. Он был рабом, но я не знала об этом. Мы купались в чем мать родила. — Сеньорита мечтательно засмотрелась на поверхность воды и не сразу заметила удивленный взгляд Родолфо. Он был шокирован признанием Сеньориты. — Вам не следует ревновать к прошлому. Наши сердца тогда не знали дурных помыслов.

— И все же. Как вы могли? — Родолфо проявлял все признаки ревности, он нежно обнял ее за плечи и заглянул в глаза: — Мы впервые совсем одни...

— Ну и? — вызывающе бросила Сеньорита. — Воспользуемся этим обстоятельством?..

— Не знаю, — ответил Родолфо. — Своей историей мы меня сбили с толку.

Она посмотрела на него с сожалением.

— Если бы вы сказали, что я пробудила в вас ревность, я была бы польщена...

Не отвечая, Родолфо мягко привлек ее к себе. Они поцеловались. На протяжении нескольких ударов сердца в мире были только они и тихий шелест воды и ветра. Сеньорита звонко рассмеялась, выскользнула из его объятий и побежала прочь.

— Что вас так рассмешило? — крикнул ей вдогонку обескураженный Родолфо.

— Вы дурак, доктор Родолфо! — поддразнила она его. — И намного больший, чем я себе представляла!

Придя в себя, Родолфо бросился догонять ее. Он все еще пребывал в состоянии радостного возбуждения, потому что это было первое свидание с девушкой, которую он любил и желал, первый миг нежности, совместной и обоюдной. Как долго он мечтал об этом!

Бруно рассказал барону о встрече с Сеньоритой и Бентиньо в сензале рабов. Барон распорядился, чтобы дочь пришла в его кабинет. Он был решителен, спокоен, но полон намерения говорить с ней со всей вразумительностью, ибо знал свою дочь и то, что любая вспышка гнева лишь усилит ее несговорчивость и строптивость.

— Я не желаю, чтобы ты вмешивалась в мои дела. Ты знаешь, что я имею в виду! — начал он свою проповедь.

— А вы, дорогой отец, очень хорошо знаете... — принялась защищаться Сеньорита, но отец перебил ее:

— Я не желаю больше возвращаться к этой теме, — сказал он весьма категорично. — И повторяю: я не хочу, чтобы ты вмешивалась в мои дела, и не собираюсь жить под одной крышей со сторонниками освобождения рабов!

Сеньорита молчала.

— Можешь идти! — бросил барон и снова уткнулся в деловые бумаги.

Свежий номер «Голоса Арауны» расхватили еще утром. Причиной столь повышенного спроса еженедельника была красноречивая статья Джимаса на злободневную тему освобождения рабов. Молодой журналист принял в ней сторону угнетенных. Но что особенно возмутило противников освобождения рабов, так это то, что Джимасу удалось выставить Коутиньо и его поспешную акцию с освобождением своих рабов как героический поступок во имя свободы. Коутиньо же пожинал урожай упреков и враждебных высказываний со стороны многих землевладельцев, которые доходили до того, что обзывали его предателем.

Полковник Феррейра места себе не находил, хотя уж он-то понимал, что именно экономические расчеты побудили Коутиньо к подобному шагу, а вовсе не сочувствие республиканцам или приступ человечности.

Кем, собственно, был этот Джимас, новый единомышленник Аугусто? Не прошло и дня, как служащие барона уже стояли на ушах, задавая повсюду массу вопросов и собирая ответы и справки. Чуть позднее Джимас получил официальное приглашение немедленно явиться в местное отделение полиции. Чин, посланный комиссаром и вручивший журналисту предписание о явке, не оставлял ему выбора.

Джимас был готов к неприятностям, так как знал, что его статья крайне разозлит местную власть. Но то, что его сразу же пригласят на официальный допрос в комисариат, было для него неожиданностью.

Комиссар Антеро и не думал скрывать, чьи интересы он представляет. Он указал Джимасу место на низком,

очень жестком стуле перед своим широким письменным столом и посматривал на него сверху вниз как на несчастного грешника.

— Мне кажется, молодой человек, что вам незнакомы законы и обычаи этой местности, — заявил он Джимасу внешне дружески и полистал документы, которые он у него потребовал. — Итак, у вас высшее образование, вы настоящий бакалавр, с дипломом. Скажите, молодой человек, вы бакалавр чего? Какой у вас диплом?

— Да всего понемногу: врач, философ, поэт, сумасшедший, — пытался отшутиться Джимас. — Короче говоря, я — журналист! А вы надсмотрщик за рабами, послушный своему хозяину. Вместо того чтобы расследовать случай, о котором пишется в статье, вы предпочитаете просто изолировать репортера...

Антеро враждебно воспринял слова молодого человека. Джимас продолжал шутить, не догадываясь о нависающей над ним опасности и о том, что своими шутками он только усугубляет свое положение.

— Вы не кто иной, как надсмотрщик за рабами. Тогда поступайте так, словно я один из них, выполняйте ваш долг — арестуйте меня!

Подобной наглости комиссар стерпеть не мог, он стоял в полный рост перед Джимасом.

— У меня тоже есть диплом, такой, на котором основана моя карьера. И в этом дипломе сказано: для республиканцев у нас в Арауне места нет, и наши рабы должны оставаться рабами! Вы слишком много на себя берете, сеньор Джимас, мое терпение не беспредельно. — Тут он извлек один из документов журналиста, приведший его в смешливое настроение: — Смотри-ка, свидетельство об освобождении! Значит, вы были рабом...

— Вы умалчиваете о главном! Эта бумага свидетельствует, что я — свободный гражданин!

— Раб! — повторил комиссар Антеро с ухмылкой, не предвещавшей ничего хорошего, и задержал Джимаса.

Комиссар искал повод арестовать Джимаса, и случай вскоре представился. Родолфо Фонтес пришел в полицейский участок, чтобы предложить Джимасу свою помощь, но тот отказался. Они поспорили, и тут Джимас совершил ошибку, которая дорого обошлась ему, — в присутствии комиссара он бросил в лицо доктору:

— Вы услужливый подручный барона!

Таким образом, Родолфо вынужден был согласиться с тем, что комиссар получил основание заключить Джимаса в тюрьму — за оскорбление должностного лица.

В продымленном зале питейного заведения Мануэла Тейшейры сидели землевладельцы Эвералдо, Коутиньо, Мартиньо и Медейро и праздновали арест Джимаса, одного из самых яростных их противников.

— Правильно, так и надо этому пачкуну, — горячился Мартиньо. — Его следует без всяких церемоний вышвырнуть из города!

В это время в зал вошел барон, хотя, как правило, он редко посещал заведение. Хозяин поспешил первым приветствовать гостя.

— Для меня большая честь принимать господина барона в моем скромном заведении, — сказал он и размашисто поклонился.

Барон был в плохом настроении.

— Закройте рот! — напустился он на Тейшейру и присоединился к компании помещиков, среди которых был и Коутиньо.

Не прошло и пяти минут, как они вновь затронули в разговоре наболевшую тему. То, что Коутиньо отпустил своих рабов, не могло остаться без комментариев.

— Это вопрос свободного мышления, — отстаивал свою правоту Коутиньо.

Мартиньо был другого мнения:

— Пойти на такое предательство! Этим вы открыли дверь в хлев, Коутиньо! Негры побегут, как зачумленное стадо коров!

— Не будьте столь пессимистичны, господа! — Коутиньо вынул из кармана пиджака лист бумаги. — Разрешите мне в качестве пояснения прочитать вам письмо моего сына Жозе из столицы, где он учится. — Коутиньо развернул письмо и откашлялся. — Оно кое-что прояснит.

Он начал читать:

— Не имеет смысла загроживать солнце решетом. Вспомните поговорку, что самый безнадежный слепой тот, кто не хочет видеть. Не становитесь на пути прогресса, отец, откройте глаза, пока еще есть время! Рано или поздно, но движение за отмену рабства достигнет и стен Арауны, несмотря на своенравие и упрямство барона...

Барон заволновался, услыша последние слова. Коутиньо пытался его успокоить:

— Простите ему беспардонность, господин барон. Но действительно, он прав... Вы разрешите, я прочитаю дальше...

— Да, да, продолжайте! — крикнул кто-то из сидящих.

— ...Идея освобождения рабов овладела нацией, как лихорадка. И не только сегодня. На северо-востоке и в штате Сиара практически не осталось рабов. Аболиционисты, идеи которых сегодня распространяются по всей стране, выкупают негров и отпускают их на свободу. То же происходит в Рио-де-Жанейро и даже в Сан-Паулу. Волна катится на нас, и остановить ее невозможно...

— Но сюда она не достанет! — раздался чей-то крик.

— ...При дворе короля уже немало сторонников освобождения рабов, — продолжал читать Коутиньо. — Они прожужжали ему уши о необходимости избавить Бразилию от этого позорного пятна. Кастро Алвес стал национальным поэтом, и критики из интеллектуалов строчат как одержимые статьи о его стихах. Наш факультет за одну ночь превратился в оплот освобождения рабов. Сыновья землевладельцев из Сан-Паулу, заплатившие отцовским кофе за свои наряды и занятия, стали заправскими уличными ораторами...

Коутиньо оглядел сидящих. Никто не проронил ни слова.

— Будь я его отцом, я лишил бы его карманных денег! — прозвучал чей-то возглас.

— Читайте дальше! — потребовал барон у Коутиньо. Тот поднес бумагу к глазам и продолжал:

— По всем этим причинам я осмеливаюсь, дорогой отец, дать вам совет: отпустите наших рабов! Поманите их свободой и оставьте их дальше работать на кофейных плантациях, но уже в качестве свободных людей, иначе урожай на кустах кофе сгниет. Вспомните старую поговорку: лучше кольцо потерять, чем палец.

Коутиньо закончил чтение и оглядел присутствующих:

— Я надеюсь, теперь вы понимаете, господа, мои намерения!

— И на основании этого письма вы освободили своих рабов? — иронично осведомился барон.

Коутиньо кивнул:

— Лучше раньше, чем позже.

Родолфо Фонтесу стоило большого труда убедить барона в том, что Джимас в тюрьме мало чем полезен для помещиков.

Ведь таким образом очень скоро презренного нарушителя закона можно превратить себе на беду в мученика движения за отмену рабства. Поразмыслив, барон склонился к такому же выводу. Он поразился глубоко осмысленному и холодно-расчетливому подходу Родолфо и в конце концов распорядился, чтобы Джимаса выпустили из тюрьмы.

Джимас был рад вырваться из заключения, но он не мог действовать вопреки своему внутреннему глубокому убеждению. К тому же недостойное обращение со стороны комиссара подогрело в нем ненависть, которую он с трудом сдерживал. Он испытывал ненависть к обществу богачей, помещиков и рабовладельцев, к порядку при котором он страдал, еще будучи ребенком. Джимас встал за конторку и начал писать новую статью, в которой прямо обвинял барона в ослеплении раба Фулженсио.

С сожалением Аугусто был вынужден сообщить Джимасу, что его новая статья не может быть напечатана.

— В данном случае во внимание принимаются только факты! — объяснял он молодому журналисту. — Будет трудно, если совсем не невозможно, доказать это. Мне жаль! Ты, очевидно, не знаешь, с кем имеешь дело.

— Нет, я знаю, сеньор Аугусто, — заверил Джимас. — Но вы можете быть спокойны. Ни за что на свете я не хочу, чтобы пострадали вы и ваша газета!

Глава 13

Поступок Коутиньо разгневал землевладельцев и прежде всего барона. Все они сошлись на том, что требуется единство всех, если они не хотят, чтобы рано или поздно плотины рухнули и вместо старых порядков воцарилась безграничная анархия. Сын Коутиньо, Жозе, чья прозорливость привела отца к столь прогрессивному образу мышления, пусть и не по гуманным причинам, одобрил действия отца.

Отец и сын повелели всем рабам собраться на площади перед господским домом.

Пестрая толпа бедно одетых мужчин и женщин сто-

яла на пыльной площади фазенды под палящим солнцем и ждала сообщений своих господ. К рабам обратился Жозе:

— Настал момент признать вас свободными людьми, которые помогли нам создать наше богатство и богатство нашей страны. Рабский труд, как вы уже знаете, изгоняется из этого имения!

Ликование толпы было ответом на эти слова. Некоторые танцевали от радости, большинство аплодировали. Жозе не без труда удалось продолжить свою речь:

— Тот, кто работает, должен получать за свой труд, причем в справедливом отношении к тому, что он сделал! Я охотнее вижу вас работающими и получающими соответствующее вознаграждение, чем бегающими по лесам от охотников за рабами и скрывающимися в Куилombo, но неизменно попадающими в руки блюстителей закона. Отныне запрещается заковывать вас в цепи и привязывать к столбу! Почему все это? Только потому, что вы стремитесь к свободе? Нет, потому, что свобода и труд должны стать девизом на этой фазенде!

Толпа скандировала: «Да здравствует свобода!» Радость бывших рабов имения была неопишущей. Сбор на площади у господского дома незаметно перешел в радостный праздник. Коутиньо пошел к дому вместе с сыном. Он положил ему руку на плечо:

— Это мне очень понравилось, поздравляю тебя!..

Прогулка Сеньориты и Родолфо Фонтеса по имению Араруна запомнилась обоим. Не то чтобы Родолфо стал слишком близок с дочерью барона — для этого он был чересчур воспитан. Впрочем, поцелуй значил нечто большее, чем допускалось правилами общественного поведения. Но оба с большим наслаждением вспоминали о первом свидании. И настал момент, когда Родолфо не смог уже более скрывать от Сеньориты свои истинные взгляды.

— Я узнал от Жусто, что вы хорошо обращаетесь со своими неграми, — начал он разговор с дочерью барона, когда вновь нанес визит в его имение. — Я также слышал, что вы заботились о рабе, которого ослепил ваш отец. — Он заметил, что Сеньорита насторожилась. — Разумеется, то был несчастный случай, — заверил он, успокаивая собеседницу.

— То был несчастный случай, — машинально повторила она, хотя и не одобряла действий отца.

— Во всяком случае, рабы называют вас «ангелом доброты» и «прекраснейшим из всех цветков», — продолжал Родолфо свою похвальную речь.

— В действительности же Виржиния — «ангел доброты», — скромно заметила Сеньорита. — Это она всегда приходит на помощь.

Тема разговора была ей явно неприятна, и Родолфо, заметив это, поспешил добавить:

— Я говорю это только потому, что я на вашей стороне. Я хотел бы рассчитывать на ваше доверие и вашу дружбу.

— Так же быстро, как вы заполучили доверие и дружбу моего отца? — не без иронии спросила Сеньорита.

Родолфо сделал вид, что не расслышал.

— Хочу заверить вас, что я — аболиционист и к тому же республиканец. С моей стороны было бы нечестно скрывать это.

Сеньорита пристально посмотрела ему в глаза, словно пытаясь найти в них свидетельство его искренности. Он выдержал ее взгляд. Ее странная до этого манера держаться с ним, отсутствующий взгляд заметно стали меняться в сторону дружелюбия, необъяснимого веселья...

— Значит, вот что вы мне пытались все время сказать, ходили вокруг да около?!

Родолфо был счастлив. Не успел он ответить, как она подошла к нему совсем близко и обвила его шею руками. Сначала их губы лишь слегка коснулись друг друга, затем Родолфо рывком притянул девушку к себе. Поцелуй длился вечность...

Прежде чем они разошлись, Сеньорита предупредила его:

— Берегитесь моего отца. Он не должен узнать об этом. Никогда!

Марио, сын помещика Эвералдо, и его друзья Нино, Ренато и Вилья, сыновья богатых владельцев плантаций, были тоже одержимы идеей освобождения рабов. Их план основать в Арауне Клуб освобождения рабов с целью выкупа невольников и предоставления им свободы вряд ли встретил бы поддержку их отцов. Но молодые люди

чувствовали веяния времени и не стояли на пути у прогресса.

Так как их усилия не увенчались успехом, они попросили доктора Фонтеса помочь им в организации клуба. Поначалу доктор Фонтес мялся, когда они посвятили его в свои планы. Ему очень не хотелось ставить на карту свои хорошие отношения с полковником Феррейрой... Ни один значительный клиент не переступит порога его конторы, если этого не захочет барон. Пусть Марио и его друзья думают что угодно, пусть предполагают, что это из-за Родолфо, который был в прекрасных отношениях с Феррейрой и его дочерью... Такой шаг необходимо всесторонне обдумать, и потому доктор Фонтес дружелюбно, но твердо отказался поддержать Марио и его единомышленников.

Без такого талантливой организатора, как доктор Фонтес, им вряд ли удастся осуществить свой план — это Марио, Нино, Ренато и Вилья было ясно.

— Я не против того, чтобы Рикардо приходил в мой дом и беседовал с моей дочерью, доктор Фонтес, — начал Мануэл Тейшейра без всяких обиняков, — но это производит странное впечатление, не правда ли? В конце концов, его брат все еще помолвлен с ней...

Рикардо Фонтес запутался в своих романтических переживаниях. Ему все отчетливее казалось, что он испытывает нежные чувства к Анне...

В городе только и было разговоров, что о девушке, скрывавшей свое лицо, о ее строптивом женихе и о его брате, влюбленном в чужую невесту. В питейном заведении при лавке Мануэла Тейшейры мужчины посмеивались за его спиной над Родолфо. Анна тоже была предметом многочисленных слухов и сплетен.

Мимо отца Жозе эти кривотолки тоже не прошли, что было ему особенно неприятно, ибо тем самым и Священное писание, и сама церковь втягивались в порочный круг насмешек и издевательств. Он принял решение помочь Анне, для этого священник нашел повод поговорить с ее матерью. Но донна Нина, несмотря ни на что, намеревалась сдержать клятву, данную Святой Рите.

— Единственный выход, — повторяла донна Нина священнику, — отослать Анну с монастырь.

С каким наслаждением видел бы отец Жозе подобную

приверженность вере в других случаях! Но здесь совесть его претерпевала жестокие испытания: кому он должен отдать предпочтение — Святой Рите, на чем настаивала донна Нина, или Анне, молодой девушке, вынужденной скрывать свое лицо долгие годы?..

Принимая во внимание политические требования своей карьеры, Родолфо прежде не признавался открыто в своих взглядах, теперь же события, разворачивавшиеся на его глазах в Арауне, вынуждали его продумать свою позицию. Одно дело, как выяснилось, выражать свои взгляды мысленно, другое — когда сталкиваешься с действительностью.

Родолфо уже давно собирался поговорить с Рикардо, чувства которого колебались между повышенным интересом к Анне и безрассудно смелым влечением к баронессе. Наконец случай поговорить представился братьям во время прогулки по городу.

Они как раз неспешно проходили мимо комиссариата, когда стали свидетелями прямо-таки отвратительной сцены, оборвавшей их разговор на полуслове.

Лесной капитан конвоировал двух сбежавших рабов. Сам он сидел верхом на лошади и тащил рабов, связанных веревками, за собой по пыльной улице. Его жертвы уже еле держались на ногах. Очевидно, он схватил несчастных где-то далеко отсюда и сейчас тащил в Арауну, чтобы заточить их в тюрьму. Охотник то и дело бил по головам свои жертвы, скорее для того, чтобы показать всем сбежавшимся зевакам свою жестокость в обращении с таким сбродом.

— Зачем так сурово? — крикнул на всю улицу Аугусто, который в этот момент направлялся в типографию. Родолфо тоже стоило немало усилий, чтобы сдержаться.

— Откуда они? — спросил он.

— С фазенды Сете-Легуас, — ответил охотник. — Я их веду в участок. Эти негры никогда ничему не научатся!

— Ради Бога, господин, — взмолился один из рабов, — мы умираем от жажды!

Охотник за рабами проигнорировал эту мольбу.

— Двадцать миль пришлось тащить их по такой жаре!

— У вас нет воды для них? — осторожно спросил Родолфо, чтобы не вывести охотника из себя. Любая до-

сада или раздражение Лесного капитана вылились бы в новые беспощадные удары по еле живым людям.

— Воды? — с широкой ухмылкой Лесной капитан постучал по кожаному бурдюку, притороченному к седлу. — Конечно, у меня есть вода, но я дам им ее только тогда, когда мы будем на месте. — Он показал на здание тюрьмы. — Как еще их можно проучить?

Рикардо и Родолфо молча продолжили свой путь. Беседа о сердечных делах получила внезапное завершение.

— Я чуть было не сорвал его мешок с водой, чтобы дать беднягам напиться! — горячился Рикардо.

— Он опасен, как гремучая змея, — подтвердил доктор Фонтеc, когда услышал от сыновей рассказ об удручающей картине, увиденной ими. — Вы хорошо сделали, что не вмешались. Не стоит заступаться за неизвестных рабов, тем более когда они попали в руки охотника.

Родолфо был совершенно иного мнения, хотя и промолчал.

Над Арауной занимался рассвет. Цветы в немногочисленных палисадниках еще были покрыты инеем. Жалюзи приземистых домов были еще опущены. На сером песке перед полицейским участком отчетливо еще были видны следы босых ног и крови несчастных рабов.

В этот тихий утренний час возле участка неожиданно появился незнакомый всадник в широкополой шляпе и черной маске. Он неслышно соскользнул с лошади и вошел внутрь. Прежде чем оба охранника пробудились от предутреннего сна, они снова находились в бессознательном состоянии. Незнакомец взял у одного из них тяжелую связку ключей, открыл железную решетчатую дверь и разбудил обоих рабов, которые не могли сообразить, что происходит. Собрав последние силы, рабы последовали за незнакомцем, поскольку любая неизвестность была лучше той участи, что ожидала их. Словно тени, таинственный всадник и рабы проскользнули через площадь перед церковью и, не оставив никаких следов, скрылись в ризнице.

Несколько минут спустя всадник в маске снова вышел на предрассветную тихую площадь, вскочил на коня и исчез в дымке тумана, предвещающей жаркий безоблачный день.

Ночные гости отца Жозе — два бежавших раба — прибавили священнику хлопот. Но он ни на секунду не допускал мысли о том, чтобы выдать беглецов. Церковь всегда служила надежным приютом для всех мучеников и несчастных, и не потому ли в глазах консервативно настроенных прихожан репутация отца Жозе была не высока... В этом были повинны также его смелые статьи в «Голосе Арауны». Но укрывательство беглых рабов было делом особым, и чтобы избежать столкновений с законом, в тот же день отец Жозе попросил совета у доктора Фонтеса.

Адвокат предложил священнику удобное кресло и не забыл при этом его житейских наклонностей — за хорошим вином и сигарой беседа потекла оживленнее. Особое внимание доктора Фонтеса привлек Черный Всадник, ибо отец Жозе описал его появление во всех подробностях.

Разумеется, известие об освобождении узников поразило жителей Арауны, и они ломали голову над тем, кто мог скрываться под маской. В то время как одни наделяли этого человека доблестью героя, другие видели в нем преступника. Некоторые были склонны подозревать Джимаса, потому что раньше он был рабом. Барон же предполагал, что всадником в маске был сын Коутиньо, Жозе.

Молодые женщины мечтали о загадочном освободителе в черном, среди них была и Сеньорита, которая открыто выражала свое восхищение спасителем рабов.

Даже Марио, сын помещика Эвералдо, оказался в числе тех, кто восхищался Черным Всадником. Однако его крайне удивило, что неизвестный спаситель предложил именно Марио и его единомышленникам сообща помочь рабам выбраться из города... Мысли путались в голове Марио. Может, незнакомец узнал что-либо о его плане основать клуб или общество освобождения рабов? В противном случае как бы он смог выйти на него и его друзей? Должны ли теперь за громкими словами последовать и дела? Тем не менее уже через несколько часов Марио и его помощники выработали план, как помочь освобожденным рабам покинуть город.

Онорио, одному из верных помощников надсмотрщика Бруно, приглянулась красивая рабыня Аделаиде, и он не-

отступно преследовал ее, хотя она и давала ему резкий отпор. Было ясно, что Онорио употребит всю свою власть, чтобы заполучить ее, и только чудо могло помешать тому, что Аделаиде достигнет его «любви». Не обращая внимания на ее неприязнь к нему, Онорио, используя свое положение, продолжал досаждать ей.

Аделаиде сознавала грозящую ей опасность. Она понимала, что, если не уступит Онорио, тот применит силу, чтобы достичь цели. Не исключалась также возможность того, что его расположение могло перейти в ненависть. Только один человек на свете мог помочь Аделаиде, и красивая девушка-рабыня обратилась за помощью к Сеньорите.

Дочь барона уже успела заметить попытки Онорио сблизиться с рабыней и потому хорошо понимала Аделаиде. Она попросила отца взять Аделаиде в господский дом в качестве личной своей служанки. Ничего не подозревавший Феррейра охотно пошел навстречу желанию дочери, поскольку Аделаиде была юна и привлекательна...

Однако на этом несчастья рабыни не кончились. Хотя Аделаиде в господском доме была для развратника недосыгаемой, Онорио, понимая, что его провели, жаждал мести, и прежде всего он собирался отомстить рабу Жустиньо, который как никто другой почитал Аделаиде и в котором он по праву предполагал соперника. Онорио уже придумал, какой коварный сюрприз преподнесет ему...

Глава 14

Если раньше воображение жителей Арауны занимало появление Черного Всадника, то теперь все обсуждали исчезновение сбежавших рабов. Лесной капитан высказал предположение, что рабы все еще прячутся где-то в Арауне. За предположениями вскоре последовали действия. Помещики лихорадочно обдумывали, каким образом им удержать своих невольников, ибо два сбежавших негодяя, которых еще не поймали, могут подбить других рабов на бегство. Таким образом, во время сбора кофе владельцев плантаций больше всего беспокоило бегство рабов, сразу лишавшее их даровой рабочей силы.

Таинственный незнакомец привлек к себе внимание не

только власть имущих, но и рабов, которые прозвали его «куицломбским братом».

Интерес Сеньориты к таинственному всаднику пробудил в Родолфо Фонтесе ревность и подтолкнул его к все новым и новым клятвам в любви и преданности. Хотя для барона Черный Всадник был как бельмо на глазу, однако всплеск эмоций, вызванный им у ревнивого Родолфо, пришелся ему по душе. Недолго думая, Феррейра пригласил семейство доктора Фонтеса на ужин, на котором намеревался объявить о помолвке Родолфо и Сеньориты. Обе семьи с нетерпением ждали знаменательного дня.

Тем временем Жулиана и Джимас тоже сблизились. Хотя ни один из них еще не решался признаться другому в своих симпатиях, шутливые разговоры и колкости, которыми обменивались друзья, говорили красноречивее их. Так, однажды Жулиана в шутку спросила, не он ли и есть тот таинственный рыцарь в маске, пробудивший в рабах Арауны надежду на свободу...

Мечтатель Рикардо продолжал погружаться в мир своих романтических фантазий. Он сидел на веранде родительского дома под лучами теплого солнца и в дневной полудремоте строил воздушные замки. Целые дни он проводил в раздумьях о том, как выглядит лицо Анны, а когда это ему надоедало, то в своем богатом воображении Рикардо вызывал образ донны Кандиды, прекрасной жены барона...

Вероятность того, что когда-нибудь его мечты сбудутся, была ничтожна мала. Донна Нина настаивала на том, чтобы Анна готовилась отправиться в монастырь, если и дальше будет отказываться выйти замуж за Родолфо, а донна Кандида была верной супругой полковника Феррейры.

В эти часы бежавшие рабы готовились покинуть город. Они переоделись в женскую одежду, захватили с собой провиант и пистолет, и Марио вывел их из Арауны. Рабы отправились на поиски Куицломбо, тайного убежища беглых невольников, расположенного вдалеке от всех других поселений.

На обратном пути Марио наткнулся на охотника за

рабами, который рыскал в поисках добычи, прочесывая холмистую местность между зарослями кустарника и группой деревьев, предоставлявшими хорошие возможности для укрытия. Марио заверил его, что не видел беглецов. Капитан был не в духе. Охотник за рабами, казалось, не верил ни одному слову Марио и догадывался, что сам он находится на верном пути, а сын помещика — явный помощник негодяев. Прикрывать беглых рабов становилось опасным.

Отец Жозе все еще не терял надежды оказать помощь Анне. Он не мог вообразить себе, что Анна всю свою жизнь либо проведет в монастыре, либо будет ходить с закрытым лицом только потому, что ее мать, донна Нина, во что бы то ни стало хочет сдержать обещание. Священник неоднократно бывал в доме Тейшейры, где всякий раз заводил речь о положении Анны. Он постоянно заверял донну Нину, что теперь она освобождена от клятвы и может открыть лицо своей дочери. Однако донна Нина не полагалась на слова слуги Господа. А что, если священник ошибается?..

Глава 15

В имении, в городе и во всей округе только и было разговоров, что о предстоящей свадьбе Сеньориты и Родолфо. Даже у Виржинии, ее няньки, голова кругом шла. Как должна быть одета невеста, как ее подружки? Что будут кушать гости, какие напитки полагается выставлять? Как нужно накрывать стол? Предстояло еще решить вопрос чередования блюд и ведения торжества за столом. Кого пригласят на свадьбу, кто относится к почетным гостям барона?

Один вопрос особенно сильно мучил ее: что будет с ней, Виржинией, после свадьбы? Опасаясь потерять навсегда любимую воспитанницу, она попросила Сеньориту взять ее к себе, когда та выйдет замуж за Родолфо, — ведь она любила Сеньориту как мать.

— Ты чересчур рано ломаешь голову над этим, Виржиния! — шутила в такие минуты Сеньорита. — Кто кого берет замуж? Разве я?

Вопрос Виржинии был на время забыт, но не надолго, вскоре на него придется искать ответ.

Рабы, ускользнувшие от страшных рук Лесного капитана, все еще были в пути. Хотя барон надеялся, что вскоре они будут пойманы и выдадут с поличным всадника в маске, у них еще был шанс уйти. Бентиньо, встретивший их неподалеку от фазенды, сразу же понял, что им необходима передышка, чтобы восстановить силы. Они ходили по кругу. Сначала он привел их в расположенную неподалеку сензалу рабов на своей фазенде. Это было рискованно, так как и Бруно, и охотник за рабами уже заметили его как особо ловкого и серьезного противника.

Вскоре после этого был допрошен Бентиньо, но все расспросы ни к чему не привели. Бентиньо сказал лишь, что видел сбежавших рабов недалеко от имения, но когда охотник спросил, в каком направлении они двигались, солгал ему.

— Они давно там, за рекой, — он показал на бесконечную зеленую долину с речкой посередине, которая на юге фазенды разделялась на два заросших кустарником языка и постепенно переходила в непроходимую чащобу.

— Не ври, негр!

— Клянусь, что говорю правду! Они перебрались на ту сторону реки! — повторил Бентиньо, напустив на себя невозмутимый вид. Он так всегда водил за нос домашних рабов, когда воровал у них на кухне печенье или фрукты. Но в том, что охотник за рабами поверил ему, сомневался даже сам Бентиньо. Лесной капитан был недоверчив уже в силу своей профессии. Взгляд его не предвещал Бентиньо ничего хорошего.

Предположения Бентиньо подтвердились. Лесной капитан и не подумал принимать его слова за чистую монету. Напротив, он сообщил барону, что Бентиньо, по всей видимости, хотел его провести. В этом их мнения сошлись, поскольку барон хорошо знал своих рабов. Тогда капитан распорядился снова привести к нему Бентиньо. Поняв, что его попытка обмануть не удалась, он сознался, что говорил неправду. Бентиньо отказался отвечать, хотя и знал, что его ждет суровое наказание.

То ли потому, что на барона произвели впечатление выступления дочери в защиту рабов, то ли потому, что он хотел отложить наказание до тех пор, пока не станет ясна вся тяжесть проступка Бентиньо, но барон принял решение: Бентиньо не следует бить кнутом у столба. Вместо этого его заковали в цепи. Он должен оставаться в цепях, пока не будут пойманы рабы. Вероятно, полковник надеялся по их показаниям определить степень вины Бентиньо, а также выяснить, кто же был этот Черный Всадник. «Если это Джимас, он проклянет день, когда родился!» — решил полковник Феррейра.

Для Бентиньо было достаточно скверным ожидание развития событий, но его утешало то, что ему не придется испытать муки у позорного столба. Обитателей фазенды очень удивило решение барона, поскольку вплоть до последних дней полковник осуществлял свою власть здесь чрезвычайно жестоким образом. Поэтому предположение, что на решение отца повлияла Сеньорита, буквально витало в воздухе. Кроме того, рассказывали домашние рабы, она попросила свою мать предпринять все, что было в ее силах, чтобы барон, в случае если рабы будут пойманы, проявил милосердие к ним. Кто мог предсказать, какие еще удивительные вещи произойдут под ее влиянием?

— Не отчаивайся, Бентиньо, завтра он тебя освободит!

— Ты был отважен! Ты поступил как брат! — Фулженсио, Жустиньо и рабы-беглецы благодарили Бентиньо за то, что он не выдал их убежище в перекрытиях крыши. Когда Сеньорита пришла в сензалу рабов и узнала, что произошло, она стала действовать решительно.

— Вам нужно уходить отсюда. Вы не можете здесь больше оставаться! Идемте с нами! — не колеблясь, Сеньорита привела рабов в господский дом одной ей известными тропинками и спрятала их в складском помещении. Между корзинами для сбора кофе, канистрами с керосином, винными бочонками и мешками скрываться было не слишком удобно. Но если уж охотник за рабами не догадался искать их в сензале рабов, то здесь,

можно сказать, в пасти льва, они были в полной безопасности. Никому и в голову бы не пришло искать их именно здесь.

Лесной капитан был убежден, что беглецы скрываются во владениях барона, поэтому он решил заняться поисками вокруг фазенды.

— Возможно даже, что они, обезумев, разгуливают под носом у барона... Я должен еще раз все внимательно осмотреть там.

— Полностью разделяю ваше мнение, капитан, — поддержал его Родолфо, который почти одновременно с ним подошел к имению полковника Феррейры, он пришел известить Сеньориту. — Барон будет весьма рад такому усердию!

Домашний раб Себастьян, наблюдавший эту сцену с террасы господского дома, замер от страха. Он не подозревал, что Родолфо Фонтес уже знал о местонахождении беглецов и теперь пытался отвести от них беду.

— Вы думаете? — Охотник за рабами медлил, казалось, он размышляет.

— Наверняка, — заверил его Родолфо, — барон будет рад, если вы убьете преступников прямо в его покоях!

Лесной капитан насторожился, он уже не был уверен в своей правоте. Могло так получиться, что барон проявит мало понимания в отношении поисковой операции в его собственных стенах. При мысли о его реакции капитану стало не по себе. В конце концов он проговорил, все еще сомневаясь в своем решении:

— Думаю, надо прекратить поиски внутри дома.

Родолфо Фонтес пошел на большой риск, чтобы помочь рабам: он решил использовать свое привилегированное положение и попросил барона продать ему одного из рабов.

— Мой личный раб Жусто слишком стар, — пояснил он свою просьбу. — Он день ото дня становится все забывчивее...

Барон был счастлив оказать услугу будущему зятю и настоял на том, чтобы Родолфо выбрал себе раба по сво-

ему усмотрению. Кроме того, пусть это будет подарком от него, барона. Родолфо выбрал Бентиньо, таким образом он хотел помочь ему избежать жестокого наказания.

Его брат Рикардо, не в силах долее сдерживать свои романтические чувства, решил послать Анне Тейшейре анонимное любовное послание. Анна испытывала легкое головокружение и слабость, читая это письмо. Кто же мог быть этим таинственным поклонником, умеющим сочинять такие галантные письма?

Этим же вопросом задавалась и донна Нина, обнаружив послание среди швейных принадлежностей дочери. Она не могла взять в толк, кто этот пылкий почитатель, который даже не подписал, как она мысленно охарактеризовала это сочинение, «непристойное писание».

— Боже мой, какая невоспитанность! Как неприлично! — Она конфисковала письмо, чтобы оградить Анну от морального разложения.

— Я действительно не знаю, от кого оно, — заверяла Анна с заплаканным лицом.

Рикардо надеялся, что, получив письмо, Анна не переставала мечтать о нем, в то время как он мечтал о ней. Он уже воображал себя спасителем и освободителем, который помешал ее заточению в монастырь, где ее ждало безрадостное существование до конца своих дней.

— Отличная водка, сеньор Мануэл! — похвалил Аугусто поднесенный Мануэлом Тейшейрой напиток.

— Это специально для друзей, — обрадовался хозяин. — А мы ведь среди друзей! — Мартиньо за соседним столиком прислушался.

— Не знаю, как долго продержится эта дружба, если дела и дальше так пойдут...

— Да, сеньор Аугусто, — подхватил Тибурсио, еще один богатый владелец плантаций. — Мы считаем, что молодой человек, которого вы недавно взяли в типографию, пишет массу чепухи в вашей газете.

— И нам кажется, сеньор Аугусто, что эта чепуха во многом имеет отношение к бегству тех двух рабов, — закончил Мартиньо.

— Странно, — вмешался еще один помещик, — что такого человека вы пригнали в своем доме, где он живет

как член семьи, но, что еще хуже, именно в этот момент остался наедине с вашей внучкой, разве не так? Хотите, чтобы повторилась история с матерью Жульианы?

Страсти Онорио по красивой рабыне Аделаиде имели неприятные последствия для Жустиньо, в котором тот видел серьезного соперника. То, что он заставлял его работать за двоих, было еще сносно: он был молод и силен. Но гордость Жустиньо страдала сверх всякой меры, когда Онорио нагло утверждал, что Аделаиде полюбит только белого. Жустиньо приходилось ежедневно слышать подлые слова Онорио, а тот чувствовал себя довольно уверенно, так как Бруно, надсмотрщик, сделал его своим помощником. Но если присмотреться повнимательнее, можно было увидеть огонек в глазах Жустиньо, который, разрастаясь, рано или поздно, как проснувшийся вулкан, может сжечь любого, кто посмеет приблизиться.

Когда Сеньорита узнала, что Родолфо послал охотника за рабами в дом барона, она была возмущена до глубины души.

— Я видел собственными глазами! — заверил Себастьян. — И даже слышал, как доктор Родолфо сказал ему, что он должен поискать рабов в господском доме...

Сеньорита, естественно, не догадывалась, что действия Родолфо служили всего лишь защите беглецов и должны были сбить охотника за рабами с настоящего следа. Она была крайне разочарована и решила больше не принимать Родолфо. Себя она корила за простодушие и доверчивость и все же надеялась, что он перестал лебезить и угодничать перед бароном. К тому же Сеньорита теперь была твердо убеждена, что Родолфо не любил ее, а всего-навсего охотился за богатством ее отца. Свадьба с таким вероломным человеком, как Родолфо, по мнению Сеньориты, состояться не могла.

Вскоре ей представился случай поговорить об этом с отцом.

— Я не выйду замуж за доктора Родолфо! — заявила она отцу.

— Ты, разумеется, шутишь, — ответил барон.

— Нет, отец, это совершенно серьезно. — Пальцы ее сжались в кулаки.

— Тогда ты обязана мне назвать вескую причину, — потребовал барон повышенным тоном, — чтобы я нарушил все обязательства!

— Мне достаточно сказать об одной: я не люблю его. Я ненавижу Родолфо!

Стена молчания разделяла отца и дочь. Барон боролся в душе со вспышкой гнева, но сдержался и внешне сохранил спокойствие, хотя был страшно взволнован.

— Это не причина для меня, и я не собираюсь нарушать данное слово, — заявил он тоном, дававшим ясно понять, что он не намерен продолжать разговор. — Кроме того, я не понимаю столь быстрой перемены в тебе. Я жду объяснения, дочь моя!

У него не было ни малейшего сомнения в том, что Сеньорита выйдет замуж за сына доктора Фонтеса, ибо, в конце концов, он, полковник Феррейра, обладал правом голоса в семействе доктора Фонтеса — а его слово еще кое-что значило в Арауне.

Если чувства Сеньориты к Родолфо заметно охладели, то в другом месте любовь зарождалась. Джимас воспользовался моментом, которого давно дожидался: он обнял Жулиану за плечи, привлек к себе и заглянул ей в глаза. Она зарделась и опустила взгляд, однако ее попытка высвободиться из его объятий была скорее полупуштивной, чем серьезной. От Джимаса это не укрывлось.

— Не убегай! Никогда в жизни я не сделаю ничего, что могло бы навредить тебе!

Теперь и Жулиана решилась взглянуть ему в глаза.

— Ты из тех людей, которых любят тайком, которых обожают, понимаешь? — Джимас не мог оторвать взгляд от нее.

«О, — думал он, — в этих глазах я мог бы утонуть». Это было похоже на преклонение перед богиней. Любовь, которую нельзя трогать, чтобы не омрачить красоту и чистоту. Сердце испытывает радость уже при взгляде на нее. Оба улыбались улыбкой тихого согласия. Счастливые от одного лишь созерцания...

Влюбленные не заметили, как в дверях появился Аугусто и стоя наблюдал за ними. Казалось, он был не в восторге от подобной романтической ситуации. Не поздоровавшись, Аугусто закрыл за собой дверь и подошел к

Джимасу. Выражение его лица не предвещало ничего хорошего. Подойдя, он цепко схватил Джимаса за руку.

— Это я попросил ее немного задержаться у меня, — испуганно пояснил Джимас.

— Будет лучше, если ты оставишь нас одних, Жулиана, — приказал Аугусто. Жулиана повиновалась, так как знала своего деда. Его взгляд и само его появление исключали всякое возражение.

— Сеньор Аугусто, мне было бы весьма жаль, если бы вы подумали... — пробормотал Джимас извинения, но был оборван грубым голосом Аугусто:

— Я ни о чем не думаю, сеньор Джимас.

— Сеньор Аугусто, я никогда не злоупотреблю вашим доверием и хотел бы, чтобы вы знали, что я как раз...

— Эти слова я уже слышал много лет назад, — с горечью заметил Аугусто, — но, кажется, урок не пошел мне впрок, и я разрешил вам жить здесь, в этом доме, со мной и моей внучкой под одной крышей.

Теперь Джимас уже видел, что любые заверения и клятвы были бесполезны. Старый человек пришел в неистовство. И он не успокоится до тех пор, пока не выскажет все, что хочет высказать.

— Я уже однажды принял одного молодого человека, такого же юного, как вы, внешне, добропорядочного и с честными намерениями. Тогда у меня в доме росла дочь, сеньор Джимас, единственная и любимая дочь. — Взгляд Аугусто говорил, что он мыслями унесся в прошлое. — Он был отличным печатником, но, как оказалось, имел дурной характер. К несчастью, я заметил это слишком поздно. — Голос его звучал ожесточенно, чувствовалось, что Аугусто приписывал только себе вину за происшедшее когда-то. — Что меня больше всего убивало, это не мой позор, а отчаяние моей дочери. Она верила каждому его слову, каждому обещанию, а он ее бросил...

— Сеньор Аугусто, мне, право, жаль... я бы не хотел, чтобы вы думали... — Это был не лучший момент для оправданий. Аугусто схватил Джимаса за плечи и яростно тряс его, словно перед ним стоял тот самый негодяй.

— Он бросил ее! — кричал Аугусто в лицо Джимасу. — Он оставил ее безо всякой надежды, разрушил все ее мечты! — После этой вспышки гнева Аугусто, казалось, несколько успокоился; вид у него был подавленный. — Она была так несчастна, сеньор Джимас, что я ни разу не упрекнул ее. Что бы это изменило!

— Я понимаю, сеньор Аугусто, — заверил Джимас.

Несмотря на тревогу за Жулиану, Аугусто, видимо, был рад, что нашел собеседника, с которым он мог поделиться своими переживаниями:

— Она ушла, оставив Жулиану у меня на руках. Больше никого на свете не было у девочки, только я, ее дед.

— А что потом? Она последовала за этим типом?

— Она никогда бы не сделала этого, — с грустью отвечал Аугусто, — для этого она была слишком горда и самолюбива. Ее взял к себе Господь.

— Мне очень жаль, сеньор Аугусто, право, мне очень жаль.

— Сеньор Джимас, Жулиана не знает этой истории, и мне было бы не по себе, если бы она что-нибудь узнала, — попросил Аугусто. — Она ведь еще ребенок, сеньор Джимас.

— Я говорил от всего сердца, сеньор Аугусто, — заверил Джимас.

— Именно поэтому я и вмешался. — Голос Аугусто снова стал твердым, как в начале разговора: — Эти слова я тоже уже слышал много лет назад.

Джимас понимал, какие тревоги терзали душу деда Жулианы; в данную минуту не имело смысла заверять его в серьезности своих намерений, поэтому он сказал:

— Я не хочу спорить с вами, сеньор Аугусто. Завтра я покину этот дом.

Глава 16

Снова предрассветные часы выбрал Черный Всадник для совершения очередного героического поступка. Незамеченным он проехал по лугам фазенды. Мягкая, влажная от инея трава шелестела под копытами лошадей — вторую он тянул за собой на поводу. Вблизи сензалы рабов он бесшумно соскользнул с седла, незаметно подошел к господскому дому и исчез за дверями складского помещения.

В любой момент из своего дома, расположенного напротив господского, мог выйти Бруно. Каждую минуту мог появиться Онорио и направиться в сензалу рабов, чтобы будить их на работу...

Наконец Черный Всадник вышел с двумя рабами, которых Сеньорита спрятала в господском доме. Он огляделся, не видит ли кто-нибудь из посторонних их отъезд, и уже собрался заносить ногу в стремя, когда обнаружил, что за ним наблюдают: разбуженная легким, но все же слышным топотом копыт, к окну подошла Сеньорита. Однако опасения были напрасны — она и не думала поднимать шума из-за присутствия Черного Всадника. Словно в благодарность за это он бросил ей, галантно поклонившись, восхитительную розу, в ответ она улыбнулась. Пока Сеньорита вдыхала чарующий аромат цветка, всадник с освобожденными невольниками умчался прочь, в занимающую зарю.

— Сегодня ночью я и твоя матушка долго беседовали, дитя мое, — начал барон разговор, когда все сидели за утренним кофе. — Мы пришли к выводу, что твой отказ выйти замуж за Родолфо был всего лишь минутой настроения, капризом.

— Нет, отец! — Сеньорита в возмущении встала.

— Мы пригласили семью доктора Фонтеса завтра на ужин. И я надеюсь видеть тебя за столом тоже.

— Да, отец.

— Отлично! — обрадовался барон. — А во время ужина мы поговорим о свадьбе.

— Нет, отец, — снова возразила Сеньорита.

Барон все еще сохранял спокойствие.

— Дитя мое, я дал слово. Когда я заметил, что Родолфо проявляет к тебе интерес, то сделал первый шаг и сказал доктору Фонтесу, что был бы весьма рад, если...

— Если он женится на мне? — прервала Сеньорита.

— Точно! — продолжал барон. — И теперь ваша свадьба состоится даже вопреки твоему желанию.

— В таком случае, отец, вместо наряда невесты ведите меня к алтарю в ярме или в узде! Если до этого дело дойдет, я все равно буду говорить «нет» и притом так громко, что услышит вся Арауна! — Она с вызовом положила вилку рядом с тарелкой, слезы навернулись у нее на глаза. — Вы позволите, отец?

Плача, Сеньорита выбежала из комнаты.

— Какое бесстыдство! — вскипел барон.

Донна Кандида позвала няню:

— Пойдем со мной, быстрее!

Мать и Виржиния поспешили в комнату Сеньориты, чтобы успокоить ее.

Попытка барона уговорить Сеньориту дать согласие на свадьбу с Родолфо потерпела крах.

Всхлипывая, Сеньорита упала на свою постель, но в одиночестве побыла она недолго, донна Кандида и Виржиния уже появились в комнате дочери и принялись ее утешать.

— Детка, ради Бога, подумай хорошенько. Отец не изменит своего решения ни за что. Он не понимает, почему ты вдруг так возненавидела доктора Родолфо. Разве ты осмелишься признаться ему, что презираешь жениха за то, что тот советовал охотнику за рабами обыскать наш дом? — Донна Кандида пробовала убедить дочь в бессмысленности такого поступка.

Сеньорита выпрямилась, утерла слезы носовым платком. Постепенно отчаяние на ее лице сменилось выражением твердой решимости.

— Я приму доктора Фонтеса, сяду с ним за стол и попытаюсь быть дружественной и вежливой.

Донна Кандида облегченно вздохнула, но все же спросила с недоверием:

— А если речь пойдет о свадьбе?

— Я буду тихо слушать. А потом поговорю с доктором Родолфо с глазу на глаз. Уверена, что после этого разговора он откажется от женитьбы!

Глава 17

— Ждете Черного Всадника, Сеньорита? — пошутила Аделаиде, видевшая, как дочь барона в вечерних сумерках долго стояла у окна. — Вам, наверное, было приятно, когда он бросил ту розу?

— Интересно, кто он? — спрашивала мечтательно Сеньорита. — Откуда он узнал, что оба сбежавших раба скрывались здесь, в доме? Ведь только тебе, Аделаиде, Себастьяну, Виржинии и моей матери было это известно.

— И доктору Родолфо, — добавила Аделаиде.

— Да, доктору Родолфо, — согласилась Сеньорита. —

Но он захотел, чтобы охотник за рабами обшарил дом. Если бы это случилось, капитан увел бы обоих в цепях...

— Это правда, — подтвердила Аделаиде.

— Если бы не было Черного Всадника!..

Может быть, Сеньорита влюбилась в таинственного всадника в маске?

— В конце концов ты лопнешь, Бобо, — ругал отец Жозе ризничего, — оттого, что ешь слишком много причастий! Небо тебя покарает за это!

Отец Жозе застал Бобо в тот момент, когда он одной рукой лез за новыми причастиями, а другой одновременно запихивал себе целую пригоршню хлебцев в рот, который и без того был забит ими. Бобо прошамкал нечто невразумительное, вроде извинения, но слов его разобрать было невозможно. Он несколько секунд жадно жевал и шумно глотал, и только после этого можно было хоть что-то разобрать из сказанного им.

— Те, которые я ем, еще не освящены! — пояснил он.

— Но так нам никогда не хватит муки! — возразил отец Жозе.

— Если бы они были освящены, то это был бы грех, — трубил свое Бобо, выкладывая теологические познания.

Священник уже направился было в свои покои, когда Бобо крикнул ему вслед:

— Отец Жозе!

Тот оглянулся.

— Рабы снова здесь. Всадник в маске доставил их обратно.

— О Боже милостивый! Пресвятая Дева Мария! — вырвалось у отца Жозе. Он помянул лишь Деву Марию, хотя в иных случаях ругался крайне не по-христиански. Отец Жозе был не в восторге, что Черный Всадник снова привел к нему рабов.

— Что здесь — церковь или убежище для беглых рабов? — Конечно, он и в мыслях не держал отказывать преследуемым в крыше над головой или еще больше — выдавать их мучителям.

— Я же не могу все время набивать церковь беглыми рабами, не так ли? — горячился отец Жозе, когда Ниньо, Марио и Вилья пришли к нему, чтобы попрощаться. Они

решили на некоторое время уехать в столицу провинции. Их родители сочли это наилучшим выходом, так как опасались, что события в Арауне плохо повлияют на их детей.

Отец Жозе с облегчением узнал, что Марио, Вилья и Нино заявили о готовности прихватить с собой бежавших рабов. Предстояли еще некоторые приготовления, кроме того, рабы нуждались в новой одежде, чтобы не бросаться в глаза во время поездки. В конце концов сыновья землевладельцев и рабы вместе сели в поезд. Беглецы радовались, что избежали, наконец, преследования охотника за рабами. Но молодые люди во время всего длительного пути по железной дороге задавали себе один и тот же вопрос: «Что мы будем делать с ними, когда приедем в столицу?»

Терпение донны Нины иссякло. Долго размышляла она над тем, показать анонимное письмо, полученное дочерью, супругу Мануэлу Тейшейре или нет. В конечном счете она пришла к мысли, что надо поставить его в известность о содержании гнусного послания.

— Хочу целовать твои губы... — Цвет лица Мануэла Тейшейры стал походить на спелые томаты, пока его жена зачитывала ему пассажи из письма незнакомца. — Хочу ощущать тепло твоего тела...

— Дай сейчас же сюда это письмо! — Мануэл вышел из себя. — Кто его писал? Кто этот сластолюбец? Что себе позволяет твоя дочь? — набросился он на донну Нину, когда его замешательство сменилось негодованием. — К чему ты хранила зарок, если твоя дочь так бесстыдно пачкает честь нашей семьи?

Анна в предчувствии скандала предпочла запереться в своей комнате.

— Вот оно как! Она заперлась и не хочет открывать, милая девица! — Он в гневе дубасил по двери Анны. Тут донна Нина решительно встала на его пути:

— Мануэл, ради Бога! Приди же в себя!

Комиссар Антеро выехал на лошади на фазенду — длинный путь, который тучный блюститель закона охотнее бы избежал. Но трагические события сделали его присутствие там необходимым — Онорио, подручный

Бруно, был найден мертвым в зарослях вблизи «каза гранде». Кто-то приволок его труп на фазенду и привязал к столбу. Даже мертвого его бывшие жертвы захотели унижить.

Главным подозреваемым для барона и комиссара был Жустиньо. Его скорее всего можно было заподозрить в убийстве, так как оба соперничали между собой за благосклонность Аделаиде. Только было неясно, как погиб Онорио, ведь на теле не было обнаружено ни огнестрельной раны, ни ножевой, правда, все оно было в кровоподтеках. Комиссар предположил, что Онорио пал от рук бойца «капозэйры»¹.

— Они пинают друг друга ногами, — пояснил комиссар, — нанося ужасные, смертельные удары. Есть среди ваших рабов бойцы «капозэйры»?

Барон ответил отрицательно.

— Если бы даже и был один, — заверил комиссар, — вы, видимо, были бы последним, кто узнал об этом...

— Тебе не следовало делать это, брат! — сказал Фулженсио, когда Жустиньо признался ему в том, что он убил Онорио, чтобы защитить честь Аделаиде.

— Он меня довел до иступления, Фулженсио! Сказал, что был с Аделаиде в лесу и что ему это понравилось...

— То была ложь, Жустиньо! Тебе бы надо было знать об этом! — упрекал обеспокоенный Фулженсио своего брата.

— Я потерял голову, — раскаивался Жустиньо, — потому что он опять угрожал мне кнутом.

Разговор двух братьев состоялся рядом с трупом Онорио — скорченный и застывший, он все еще висел у столба.

— Отвяжи его, — потребовал Фулженсио. — Мы бросим его в реку, как он делал это со многими нашими братьями, которых забивал до смерти.

— Не найдут и следа! — Жустиньо схватил безжизненное тело за ноги. — Никто не сможет ничего доказать...

---

¹ Капозэйра — боевое искусство, схожее с «каратэ», которым владели рабы в Бразилии. — *Прим. пер.*

Глава 18

— Она больше не хочет даже слышать мое имя?

Весь город уже знал, что дочь барона отказалась выходить замуж за Родолфо. Однако Родолфо ни о чем не подозревал, поэтому он был глубоко потрясен, когда отец Жозе по дороге из имения Арауна сообщил, что Сеньорита не желает больше видеть его. Да и сам Родолфо еще во время своего последнего визита был немало удивлен отсутствующим взглядом Сеньориты и ее холодным тоном.

— Она считает, что ты злоупотребил ее доверием, — пояснил священник. — Как-никак это ты настаивал на том, чтобы охотник за рабами обыскал господский дом, где прятались беглецы.

— Но разве она не поняла, что это была хитрость? — Родолфо задавался вопросом: какое представление о нем имела отныне Сеньорита, считая его пособником Лесного капитана? На площади перед церковью священник, попроставшись, вылез из коляски:

— Это ты должен сам ей сказать, Родолфо.

— Как это исчез? — удивился барон. — Тогда у нас нет вещественных доказательств.

Исчезновение трупа Онорио вызвало смятение среди местных авторитетов. Хотя Себастьян и пустил слух о том, что здесь замешан Черный Всадник, в это, однако, никто не хотел верить.

— Это, должно быть, тот самый человек, который проник в участок и освободил рабов! — Комиссар только что допросил рабов в имении барона и теперь пришел к такому выводу. Он был очень возбужден, так как речь шла о его профессиональной чести, — и как это такое могло случиться у него под носом?

Он как раз собирался возвращаться в город, когда коляска с Бентиньо и Родолфо на полной скорости ворвалась в ворота фазенды Арауна.

— Позаботься о лошадях, Бентиньо, — приказал молодой доктор слуге и повернулся к барону и комиссару. Барон вздохнул с облегчением, увидев Родолфо.

— Хорошо, что ты заехал!

— Я уже в курсе, — Родолфо решил ускорить вы-

яснение обстоятельств дела, — происшедшего с Онорио...

— Это не то, что заботит меня, — продолжая разговор, барон повел Родолфо в дом. — Речь идет о Сеньорите. Я хочу знать, какая кошка пробежала между вами.

— Она, кажется, рассердилась на меня за то, что я позволил охотнику за рабами переступить порог вашего дома в поисках сбежавших рабов. — Родолфо старался выглядеть как можно равнодушнее и спокойнее, когда объяснял барону причину перемены в настроении его дочери.

— И это все? — рассмеялся барон. — Должен признаться, твой поступок мне тоже кажется несколько странным. Или они действительно находились в доме?

— Конечно, нет, — быстро заверил Родолфо, — но в глазах Сеньориты это является верхом бестактности. И когда я мысленно вновь вспоминаю об этом, то нахожу, что она была не так уж и не права. Я лично попрошу у нее прощения.

— Сделай так! — смеялся барон, удовлетворенный таким простым объяснением. — И помирись, в противном случае мне придется волей-неволей аннулировать приглашение семье доктора Фонтеса на ужин!..

Разговор между помолвленными, однако, протекал не совсем так, как представлял себе Родолфо. Сеньорита настаивала на своем.

— Есть известные поступки, которые отчетливо демонстрируют характер человека. В вашем случае — честолюбие, эгоизм, лживость!

Родолфо был в смятении от перечня плохих черт натуры, явно приписываемых ему Сеньоритой.

— Никогда бы не поверил, что вы способны так осуждать меня. Я прошу вас не заблуждаться и не идти на поводу у внешних проявлений...

— Как вы могли призвать Лесного капитана обыскать дом моего отца?! — Она отвернулась от Родолфо и смотрела в окно. Ее до сих пор охватывал ужас при мысли, к каким последствиям мог бы привести подобный поступок Родолфо. — Вы определенно произвели бы впечатление на моего отца, но моя безопасность вас совсем не интересовала!

— Прошу вас, Сеньорита, я скорее умру, чем позволю...

— ...Потерять состояние, которое вы наследуете, если женитесь на мне? — прервала она его. — Это единственное, что беспокоит вас, не так ли? Деньги, угоды, престиж!

Родолфо чувствовал, что их разговор не кончится добром. Слишком ироничен был тон Сеньориты, слишком неслыханны обвинения...

— Прошу вас, Сеньорита, вы абсолютно неверно оцениваете меня... — попытался оправдаться он.

— Я хочу быть с вами честнее, чем вы были со мной, доктор Родолфо, и прошу вас вернуть моему отцу обещание жениться.

Родолфо не хватало слов. Он хоть и предполагал, что случай с Лесным капитаном она воспримет с неудовольствием, однако на разрыв отношений не рассчитывал.

— В противном случае, — сказала Сеньорита, — я вынуждена буду покинуть дом и семью, чтобы избежать брака, которого не хочу ни при каких обстоятельствах! Прощайте!

— Что она о себе возомнила, кто она такая? Принцесса? — бранился Родолфо, выйдя из дома барона и садясь в коляску, в которой ждал Бентиньо. Тот мгновенно сообразил, о ком речь.

— Да еще к тому же влюблена в негра, — подлил он масла в огонь. — Себастьян говорит, что она влюбилась в Черного Всадника, «куиломбского брата» повстанцев.

— Что? — выдавил из себя Родолфо, не в состоянии поверить, что после всего, что произошло в «каза гранде» Феррейры, что-то могло быть еще хуже. — Что сказал Себастьян, выкладывай!

Бентиньо испуганно подался вперед. Он сам не ожидал такой реакции на свои слова.

— Ничего, ничего! Он сказал только, что юная госпожа влюблена в таинственного всадника, после того как он бросил ей розу.

— И она думает, что он негр, потому что об этом сказал Себастьян? — допытывался Родолфо.

Теперь была очередь удивляться самому Бентиньо словам его хозяина.

— А разве не так? Черный Всадник — не негр?

Родолфо не смог сдержать громкого смеха — настолько обескураженным сейчас выглядел Бентиньо.

— Конечно, он черный, — заверил Родолфо, широко улыбаясь. — Он черный, еще чернее, чем ты и Себастьян, вместе взятые! — Он украдкой оглянулся на дом полковника. — Сеньорита влюблена в Черного Всадника. Вот оно что!

Довольный, Родолфо велел подстегнуть лошадей.

С недавних пор чувства Жулианы к Джимасу не встречали ответа с его стороны. Он всячески избегал встречи с ней. После неутешительного разговора с Аугусто он сначала поменял местожительство, а затем пришел к выводу, что лучше всего было бы и работу в газете оставить.

Жулиана болезненно переживала разлад в их отношениях. В слезах она сообщила деду о своем опасении, что Джимас может бросить работу в газете.

— Что вы ему сказали, дедушка? Почему он больше не разговаривает со мной? Почему он даже не хочет ужинать вместе с нами, как бывало? — Все страдания прошедших дней прорвались словно сквозь плотину, сдерживавшую напор чувств молодой девушки. — Все это из-за меня? Он хочет нас покинуть?..

Аугусто кивнул.

— В ту ночь, когда вы здесь были одни...

— И ничего не было. Он никогда не касался меня, никогда не пытался приставать ко мне. Наоборот, он был всегда задумчив, когда мы были вдвоем.

— Его слова... — начал Аугусто, но внучка прервала его, ее глаза блеснули.

— Прекрасные слова, дедушка, которых я еще ни от кого не слышала, — откровенно призналась Жулиана. — А то, что он говорил, я уже читала в его глазах...

— Боже всемогущий! Кто бы подумал! Я, должно быть, был слеп и глух. Ты же влюблена, дитя! Ты неожиданно выросла, а я, старый дурак, ничего не замечал!

Взволнованные и радостные дед и внучка бросились в объятия друг другу.

— Не соглашайтесь с его намерением уйти, — сквозь слезы просила Жулиана, — он страдает и переживает. Я не знаю, что вы ему говорили. И для меня ничего не

значит, что у него более темная кожа, дедушка, он ведь сам нам сказал об этом.

— Успокойся, дитя мое, — утешал ее Аугусто, — я отправлюсь к нему и попытаюсь загладить свою вину. Я не могу видеть тебя несчастной, Жулиана.

Аугусто понял, что у Жулианы серьезное чувство к молодому Джимасу. Ему оставалось лишь надеяться, что последний так же серьезно отнесется к чувству девушки. Теперь самое время было — в этом Аугусто благодаря своему жизненному опыту не сомневался — поговорить с молодым человеком.

—... Джимас, я не хотел бы, чтобы ты оставил свою работу у меня. — Аугусто и Джимас встретились в доме священника. — Ты мне нужен в типографии.

— Я тоже нуждаюсь в работе, сеньор Аугусто, но... — Джимасу было неприятно говорить на эту тему, — ваша внучка...

— Ты думаешь, — рассмеялся Аугусто, — я сижу здесь только ради себя и прошу тебя вернуться? Может, мне встать на колени?

— Нет, сеньор Аугусто. После нашего разговора я все еще раз основательно обдумал. Мне нужно выполнить одно очень важное задание, которое я сам выбрал себе, и я смогу жить в мире и покое только тогда, когда выполню его.

— Что же это за проклятое задание, что побуждает тебя оставить мою внучку в слезах? — обиделся Аугусто. — Может, ты еще больший слепец, чем я сам? Или так глуп, что не замечаешь, как сильно она страдает?

— Я не могу вам открыться, почему я пришел сюда, пока не могу!

— К дьяволу твое задание! — гремел Аугусто. — Бери свои вещи и пошли домой!

— Все началось с того, что здесь объявился этот Джимас, — заявил комиссар Антеро. — Он не белый! Он освобожденный негр! Я сам читал его свидетельство об освобождении...

Джимас все глубже утонул в жерновах юстиции, которая лихорадочно искала след мистического Черного Всадника. Пламенные статьи, в которых Джимас в «Голосе Арауны» отстаивал дело свободы, прямо-таки подсказы-

вали простодушным и недалеким блюстителем порядка, что он несет ответственность и за действия таинственного всадника.

— Его свидетельство об освобождении, наверное, фальшивое, — ораторствовал Лесной капитан.

Комиссар Антеро подивился такой прозорливости.

— Об этом я не подумал.

— Вот видите! — обрадовался охотник за рабами. — Вы должны изучить его повнимательнее, это не повредит...

Рикардо, брат Родолфо, все же искал способ увидеть невесту. Случай встретиться с возлюбленной представился, когда донне Нине, матери Анны, пришлось отлучиться из дому.

— Войдите! — услышал он приветливый голос Анны. Но на присутствие Мануэла Тейшейры, отца Анны, Рикардо совсем не рассчитывал.

— Если бы ты не был сыном своего отца, — рычал Мануэл, — я бы заставил тебя вот это, — он помахал галантным любовным посланием, — проглотить, ты, бесстыжий невежа! — Он продолжал осыпать Рикардо угрозами, так что тот уже с трудом разбирал слова.

— Минутку, сеньор Мануэл! — Рикардо приложил все усилия, чтобы отделаться от отца Анны, который уже был близок к тому, чтобы от слов перейти к делу. — Вы заблуждаетесь! Я пришел, чтобы сообщить вам, что помолвка Родолфо с дочерью барона расстроена!

Гневное лицо Мануэла Тейшейры мгновенно прояснилось.

— Они поспорили! — Рикардо приводил в порядок свою одежду, в которую Мануэл Тейшейра успел-таки внести кое-какие коррективы, и, говоря так, медленно, но безостановочно двигался к двери. — Это был очень крупный разговор! Я не думаю, что можно что-нибудь спасти тут. Если ты, Анна, снимешь вуаль, из вашего уговора еще может что-нибудь получиться. Мое почтение, сеньор Мануэл! — с этими словами Рикардо исчез за дверью, потому что в свидании с отцом и дочерью он уже не находил никакой привлекательности. Он был рад своей находчивости, что известие о споре между Родолфо и Сеньоритой вовремя пришло ему в голову...

— Я уже показывал вам свое свидетельство в комиссариате! — Джимасу совсем не хотелось отдавать его в руки комиссара. Антеро явился в типографию Аугусто и настаивал на вторичном предъявлении документа Джимасом, желая повнимательнее изучить его.

— Вы находитесь под подозрением, — напомнил Лесной капитан, сопровождавший комиссара.

— Но это же абсурд, комиссар! — Аугусто бросился на защиту своего помощника. — Он работает днем и ночью и вообще не выходит из типографии. Я ручаюсь за него головой!

— Он abolitionист! — Лицо охотника за рабами налилось краской. — Он оказывал содействие мерзавцам, которые помогли обоим неграм смыться, когда я их преследовал, и к тому же он бывший раб. Я уверен, что он замешан в деле!

— Вы очень ревностны в исполнении своего долга, комиссар, — сказал Джимас. — Но вы и пальцем не пошевелили, чтобы завести дело на барона, когда он ослепил одного из своих рабов. Это, по-вашему, преступление или нет?

Комиссар сделал вид, что не расслышал слов Джимаса.

— Итак! — он протянул руку. — Свидетельство сюда! Теперь и Аугусто вышел из себя:

— На этой фазенде многие негры уже забиты до смерти, но никогда ничего не предпринималось против этого! — Он повернулся к Джимасу: — Мы же можем снова напомнить нашим читателям об этом, а, Джимас? — Аугусто снова обратился к комиссару: — Как, любезнейший комиссар Антеро, вы объяснили бы общественности ваш отсутствующий интерес в такие моменты? Вы государственный служащий или работаете на барона и прочих землевладельцев, которые держат рабов?

Это подействовало. Комиссар был загнан в тупик. Он убрал свою протянутую руку, но должен был хоть что-то придумать, чтобы спасти свою репутацию.

— Я бы мог расценить ваши слова, сеньор Аугусто, как оскорбление, — проговорил он неуверенно.

— Вы когда-нибудь взяли на себя труд посетить сензалы рабов в этой местности, — продолжал наступать Аугусто, — чтобы установить, что многие мужчины стар-

ше шестидесяти лет все еще содержатся взаперти, хотя недавно принятый закон всех их объявил свободными гражданами?

— Закон о шестидесятилетних! — поддержал Джимас своего защитника. — Вы о нем ничего не слышали, комиссар?

Блюститель закона понял, что все его упущения, будь они однажды с помощью «Голоса Арауны» доведены до общественности, принесут ему немало неприятностей. «Идемте, капитан!» — комиссар Антеро и охотник за рабами, озлобленные неудачей, поспешили скрыться за дверью.

С облегчением глядели вслед уходящим подручным барона Джимас и Аугусто. Хотя они знали, что их борьба еще не кончена, эту битву они определенно выиграли.

— Твое свидетельство настоящее? — спросил Аугусто, когда посетители отошли на приличное расстояние.

— Нет, сеньор Аугусто, — ответил Джимас с заговорщической ухмылкой, — но оно отлично сделано! Как мне вас благодарить?

— Я только выполнил свой долг. Представь себе, — засмеялся Аугусто, — оба действительно считают, что ты и есть Черный Всадник!

— Это было бы прекрасно! — рассмеялся и Джимас, но тут же стал вновь серьезным. — Но есть другая тайна, связанная с моей личностью. Полагаю, что не имею права и дальше скрывать ее.

Аугусто насторожился. Какое откровение мог прибегнуть для него молодой журналист?

— Меня зовут не Джимас. — Он решил ничего не утаивать. — «Джимас» — это имя одного моего друга, почти брата, который после своего освобождения умер от туберкулеза. Я уже выдумывал многие легенды, чтобы только получить работу, но это не легенда, а правда.

Аугусто был готов ко всему, но не к этой внезапной перемене личности молодого человека, к которому он только сейчас стал испытывать подлинное доверие.

— И как же твое настоящее имя?

— Меня зовут Рафаэл, и я сын рабыни Марии дас Дорес, которая служила в доме барона Арауны, а потом была продана какому-то работоторговцу. Барон Арауны — мой отец. Но он не знает об этом.

Отец Жозе не находил себе места, поскольку тревожился за судьбу и счастье Анны Тейшейры. Он видел ее в расцвете юных лет, вынужденную чахнуть под куском ткани, отгородившим ее от радостей жизни. Поэтому ему пришлось по душе находчивость Рикардо, и он обещал донне Нине устроить, наконец, большой праздник, где станет известно о помолвке Анны с Родолфо Фонтесом и где Анна перед всеми откроет свое лицо. Священник пригрозил донне Нине тем, что Бог наверняка не одобряет, что созданное им творение прячут от взоров людских, и донна Нина сдалась. Однако она потребовала от отца Жозе обещания лично сопровождать Анну в монастырь в том случае, если Родолфо откажется жениться на ней.

Однако намерения священника простирались еще дальше, он следовал далеко идущему плану. «Почему бы нет? — размышлял он. — В конце концов за все мои маленькие интриги отвечает Всевышний».

Явно обрадованный, рассказывал отец Жозе Сеньорите о празднике, на котором должно быть объявлено о помолвке Родолфо и Анны.

И он добился своего: в Сеньорите проснулась ревность...

Известие о предстоящем бале по случаю помолвки Родолфо и Анны стало вскоре темой пересудов в городе Арауэне. Оно вредило доброй репутации Родолфо: он все еще был связан словом, данным им барону. Что он подумает после этого?

А полковник Феррейра только что вернулся из столицы провинции, где он находился по неотложным делам. Когда ему сообщили о помолвке Родолфо и Анны, он разбушевался:

— Лучшего известия у вас для меня не нашлось, а?

Ни при каких обстоятельствах он не мог допустить, чтобы этот бал состоялся. Он отправился в город с целью посетить семейство доктора Фонтеса и выразить свое негодование по поводу «обманутого доверия». Только когда ему стало известно, что бал в честь помолвки был всего лишь маневром, задуманным Рикардо, чтобы покончить с бедственным положением Анны, он успокоился.

— Так, значит, вообще не будет никакой помолвки? Следовательно, вся эта история — лишь заранее задуманное дело, чтобы Анна наконец-то открыла свое лицо?

— Вот именно! — заверил его доктор Фонтес уже не в первый раз.

Хотя Сеньорита сильно сомневалась в его благородных порывах, сын доктора Фонтеса тем временем стал одним из самых ревностных борцов за дело чернокожих. Родолфо пошел даже на то, чтобы обучить Бентиньо верховой езде и стрельбе. Он требовал от него, чтобы тот освободил своих родителей — рабов, живших в соседнем имении Сете-Кедас. Более того, он показал ему, как можно незамеченным пробраться в имение. Бентиньо воспользовался советом своего хозяина и призвал родителей готовить других рабов к массовому бегству.

Тем временем Черный Всадник вновь посетил имение барона. Хотя Бруно и его подручные пытались прогнать его, тому удалось оставить весточку: он-де, Черный Всадник, будет на балу по случаю помолвки Анны Тейшейры, где собирается просить у Сеньориты ее первый танец. «Кто любит, тот верит!» — крикнул он на прощание и бросил ей розу.

Барон тем временем продолжал обхаживать Родолфо, чтобы в результате завоевать его как зятя и наследника. Но Родолфо поставил условие, что он женится на Сеньорите лишь в том случае, если она извинится за свои чудовищные упреки. Но Сеньорита, как и прежде, находила его поведение непростительным. Ее сердце принадлежало Черному Всаднику, которым она восхищалась и о котором ей теперь напоминали две розы.

Глава 20

Политические сторонники дела освобождения рабов в Араруне определялись все яснее. После убийства Онорио всем в городе и в имении стало ясно, что противники владельцев плантаций готовы драться до последнего. Из робких побегов и отдельных освободительных акций вот-вот вспыхнет открытое восстание.

Действия взбунтовавшихся рабов, организованные и скоординированные где-то в укромном месте, неведомом латифундистам, приобретали все большую силу и эффект. Марио, Вилья и Нино, сыновья владельцев поме-

ствий, поддерживали как могли начавшееся движение неповиновения. Вскоре Бентиньо, Джимасу и загадочному Черному Всаднику удалось освободить рабов в имении Сете-Кедас.

Когда рабы имения Сете-Кедас бежали, по пути они наткнулись на склад охотника за рабами — Лесного капитана. У спящих охранников они забрали провиант, оружие и лошадей и незамеченными двинулись дальше.

Спекуляции вокруг личности всадника в маске находили все новую пищу — как в богатых имениях и в городе, так и в убогих сензалах невольников.

Родолфо еще не занял твердую позицию, так как, с одной стороны, не хотел мешать отцу в его деятельности как адвоката, с другой — ему становилось все труднее скрывать свои истинные воззрения. Однако он считал, что еще не пришло время открыть Сеньорите свое подлинное лицо.

Так постепенно снова угасал интерес Сеньориты к Родолфо — в той же степени, в какой усиливались ее чувства к таинственному всаднику-освободителю. События в имении Сете-Кедас и последующие действия неизвестного спасителя чрезвычайно ее заинтриговали.

Красивая рабыня Аделаиде в качестве личной служанки Сеньориты перебралась в господский дом, и теперь не только Жустиньо стало ясно, что сердце ее все больше отдалялось от него.

Несмотря на убийство Онорио, у него появился соперник. Это был барон, который тоже обратил внимание на симпатичную молодую рабыню, которая, находясь в господском доме, постоянно была рядом с ним. Хотя Аделаиде с помощью лесты удалось добиться отмены наказания для Жустиньо, она не знала, чем обернется для нее со временем повышенное внимание барона.

Донна Кандида была уязвлена, узнав о неожиданном великодушии своего супруга, проявленном к молодой, смазливой служанке.

Джимас, напротив, как и прежде, пользовался недоверием барона и комиссара Антеро. Казалось, не будет конца толкам и сплетням вокруг подлинности его свидетельства об освобождении; это пробудило интерес к нему со стороны Сеньориты. Она захотела узнать, не он ли был таинственным всадником, при мысли о котором сердце ее билось учащенно.

Приготовления к большому балу по случаю помолвки на длительное время приковали к себе умы и души жителей Арауны и окрестностей, особенно представительниц прекрасного пола. Уже задолго до назначенного срока шляпницы и портные были завалены заказами. Молодые девушки и пожилые матроны часами проводили время у зеркала, примеряя наряды, — то была генеральная репетиция торжественного выхода в свет.

Жулиана давала Анне уроки танцев, готовя ее к предстоящему испытанию на светскость.

Вся Арауна радовалась предстоящему шумному веселью. Мануэл Тейшейра распорядился выставить на столы все, что могли предоставить кухня и погреба, и каждое помещение было залито торжественным светом десятков свечей. Вскоре главный зал стал заполняться празднично одетыми гостями. Они ели, танцевали или, с хрустальными бокалами в руках, углублялись в разговоры либо прохаживались взад и вперед. Все ждали прибытия Анны — и великого момента снятия вуали! Однако гармоничная картина праздника была обманчива. Задиристость и зависть вскоре нашли свою жертву.

С согласия барона Сеньорита привела с собой на бал девушку-рабыню, мулатку Аделаиде! Это вызвало повышенное внимание, особенно у мужчин, преимущественно молодых. Что касается женщин, то, наполненные ревностными чувствами, они вынуждены были признать, что девушка превосходила их всех по красоте и привлекательности, за исключением, возможно, Сеньориты и Анны, которая, правда, все еще скрывала свое лицо под вуалью и тем самым была как бы вне конкуренции.

— Замолчи, Рикардо, над тобой уже смеются! — вынужден был крикнуть Родолфо своему бестолковому брату, призывая его к порядку.

Однако вскоре все перевесило почти единодушное возмущение гостей: мулатка и рабыня на балу граждан Арауны! Какое неслыханное нарушение приличий!

Сеньорита была странным образом заинтригована Джимасом, в то время как барон и Мартиньо его появление здесь посчитали неуместным.

— Он является на бал, одетый как пижон! — съязвил Мартиньо. — Не лучше ли будет, если мы потребуем от него удалиться? В конце концов он всего-навсего отпущенный раб!

— В таком случае, сеньор Мартиньо, — обратилась к

нему Сеньорита, — не пожелаете ли вы, чтобы и Аделаиде, моя служанка, тоже покинула праздник?

Мартиньо сообразил, что зашел слишком далеко, и попытался спасти то, что еще можно было спасти:

— Ваша служанка — украшение праздника, Сеньорита, так же, как и вы!

— Ах, так? — Сеньорита преувеличенно широко улыбнулась ему.

— Это не наше торжество, сеньор Мартиньо. — Барон тоже счел нужным поправить неудачливого помещика, чтобы продемонстрировать дочери свое великодушие. — В конечном счете Мануэл Тейшейра приглашает, кого захочет.

Приближался торжественный момент. Донна Нина еще раз вознесла к небу короткую молитву: «Боже, прости мне мои грехи и ты, святая Рита, тоже...» Анна решительно сорвала вуаль с лица... Впервые дочь хозяина лавки и питейного заведения публично открыла свое лицо. И какое чудесное!

Сразу же мечты дюжины молодых людей Араруны обрели реальные очертания. Анна оставила далеко позади себя всех конкуренток, ее чистое, без единого изъяна лицо излучало долго скрывавшуюся от взоров людских прелесть. Все присутствующие восторгались ее красотой.

Первый танец Анна обещала Родолфо. За ним в длинную очередь выстроились Марио, Жозе, Ренато и Вилья — последние ничуть не жалели, что покинули столицу ради этого праздника.

Когда Родолфо бережно передал виновницу торжества следующему кавалеру, он тут же направился к Сеньорите, чтобы попросить у нее танец. Но она, взглянув мимо него, пошла танцевать с Жозе, сыном Коутиньо.

Поздним вечером, когда большинство танцоров уже утомились и, рассевшись на стульях и скамьях, искали другие формы развлечения и времяпрепровождения, Аугусто пришла в голову коварная идея. Он уже сильно нагрузился вином и теперь просил Джимаса почитать стихи. Недолго раздумывая, тот выбрал несколько стихотворений Кастро Алвеса, но прежде произнес вступительную речь.

— Я прочту вам лирическое стихотворение Кастро Алвеса, поэта рабов, чей голос умер вместе с ним и в то же время слышен сейчас по всей стране. Эти стихи я прочту в честь нашего гостеприимного хозяина, который так хорошо принял нас в своем доме... и в честь одной

женщины... — он выговорил последние слова почти печальным тоном, — которая — уже много лет прошло с той поры — зачала внебрачного ребенка... — в голосе его послышались обличительные нотки: — в сензале рабов на одной из фазенд этой местности. С этим внебрачным ребенком она была позднее продана! — Он помолчал. В зале царила мертвая тишина. — Потом она была продана во второй раз, но уже без сына, как будто оба были животными!..

Доктор Фонтес почувствовал приближение катастрофы и попытался остановить Джимаса, попросить прервать свое выступление, но Родолфо удержал отца:

— Оставь его, папа!

— Я заставлю его замолчать, господин барон! — вызвался Мартиньо, после того как полковник возмутился по поводу происходящего у всех на глазах неслыханного действия.

— Но это же всего-навсего стихи, господа! — иронически произнесла Сеньорита.

Джимас перешел непосредственно к поэзии.

— Стихотворение называется «Трагедия в сензале». Это история рабыни, которая лишается рассудка, когда господин вырывает из ее рук только что родившегося сына, чтобы продать его.

Присутствовавшие гости напряженно ждали, что последует дальше.

Тесная, сырая обитель рабов
Освещена пламенем свечи.
По соломенной крыше гуляет ветер
И колышет язычок пламени.
Чернокожая
Качает сына,
Тягуче поет медлительную песнь о любви.
И малыш смеется, довольный.
Но плачет он и кричит от холода,
Когда в соломенной крыше воет ветер...

— Рафаэл! — почти неслышно проговорила Сеньорита. — Бог мой, это же он! — Она узнала в Джимасе друга детства. К счастью, ее слова были столь тихими, что никто не обратил на них внимания. Джимас продолжал читать:

И дитя смеется, не слыша
Муки в каждом горьком куплете.
А голос, словно всхлипывание,
Продолжает песнь свою.
Я, словно цапля,
Живущая на берегу реки...

Мощные строки поэта будто оглушили на какое-то время консерваторов-землевладельцев и противников освобождения рабов. Барон опомнился первым.

— Это наглость! — выкрикнул он из середины зала. — Уйдем отсюда! Мы уходим! Пошли!

Возмущение охватило и других присутствующих, зал бушевал.

— Боже мой! — простонал Аугусто, только сейчас сообразив, какую бурю он вызвал. — Мне так жаль, Джимас! Я не мог... Лучше бы ты прикусил себе язык!..

Сеньорита, несмотря на возбуждение зала и на резкую реакцию отца, ощущала наполнившую ее глубокую радость; немного времени ей потребовалось, чтобы по последним словам Джимаса догадаться, что он был неразлучным другом ее детства, Рафаэлом, которого ей все время так недоставало.

Однако и барон задавался вопросом, не видел ли он где-нибудь и когда-нибудь прежде это лицо. Он поклялся жестоко отомстить за испорченный вечер.

Глава 21

Для Анны Тейшейры бал был во многих отношениях знаменательным, хотя он и закончился по вине Джимаса так внезапно и неприятно.

Она впервые открыла свое красивое лицо. И была весьма счастлива, потому что всем понравилась. Она решила и хотела жить так, как живут все девушки ее возраста. Почему бы и нет? Молодые люди Арауны восхищались ее красотой, делали ей комплименты, пытались робко ухаживать за ней. Анна наслаждалась обретенной свободой. Даже работа в лавке отца доставляла ей, ранее почти не появлявшейся на людях, огромное удовольствие. Поэтому она вырвала у него обещание позволить ей работать в заведении. Она взялась отвечать за кухню и следить за чистотой в зале. Казалось, что вуаль сняли не только с ее лица, но и с жизни. Однако этот новый этап ее биографии имел один изъян: для ее репутации было невыгодным то, о чем теперь поговаривали в Арауне, — стоит, мол, встретить Анну, как рядом встречаешь и толпу молодых мужчин. Отец Анны не испытывал большого счастья от этого, его раздражала неожиданно полученная дочерью свобода.

Впервые после бала в Арауне кто-то осмелился на глазах у барона выступить в защиту рабов — и притом таким пылким и убедительным образом, каким было чтение Джимасом стихов Кастро Алвеса. Сеньорита — и не только она — за это боготворила и почитала смельчака.

Впервые в истории города рабыня посетила бал в господском доме. Мартиньо был настолько поражен красотой девушки, что спустя несколько дней после бала попросил барона продать ему красивую рабыню. Тот стал тянуть с ответом и в конце концов переложил на Сеньориту решение о продаже Аделаиде, а та ловко соединила его с условием, которое Мартиньо услышит лично от нее в момент совершения сделки. Вскоре после этого разговора он появился в доме барона, чтобы забрать девушку. Все шло согласно уговору, Мартиньо выложил пересчитанные банкноты на стол — и тут Сеньорита назвала свое условие: Мартиньо должен определить дату своей женитьбы на девушке-рабыне. Поначалу он не поверил своим ушам: он, богатый землевладелец, должен жениться на рабыне?! Каково требование! Мартиньо почувствовал себя оскорбленным и как мужчина, и как помещик. Что себе позволяет эта девица, хотя она и дочь влиятельнейшего помещика во всей округе?! Он решил отступить от Аделаиде.

А последняя от всей души поблагодарила Сеньориту, вызволившую ее из этой беды.

Впервые барон решился лично выступить против отдельных представителей движения за отмену рабства. Когда он думал о Джимасе, то буквально кипел от негодования, а как отомстить Аугусто, барон уже знал, у него созрел коварный план: он закроет редакцию и типографию «Голоса Арауны», а его самого и Джимаса отправит в изгнание. Сеньорита не сможет его переубедить. Полковник принудил Мануэла Тейшейру, которому принадлежал дом, где размещалась типография, отказать своим арендаторам.

Впервые донна Кандида запротестовала против решений своего мужа. Она потребовала объяснений, почему он разрешил Аделаиде, девушке-рабыне, сопровождать Сеньориту на бал. Барон отмолчался.

И впервые, спустя тринадцать лет, Сеньорита вновь увидела друга своего детства Рафаэла, не зная, правда, что он ее сводный брат. Теперь у Сеньориты не осталось сомнений в том, кто был этот Черный Всадник. Полная радостного предчувствия, она спросила у отца Жозе, зная

о хороших отношениях его с Джимасом, не сможет ли он устроить ей тайную встречу с ним. Сначала священник отнекивался, зная, как это может повредить его репутации духовного лица. Однако, поразмыслив, вспомнил, что любовь — это тоже дело рук Всевышнего, поэтому при первом удобном случае он отвел Джимаса в сторонку и сообщил ему, что Сеньорита хочет встретиться с ним.

— Вы можете увидеться здесь, Джимас, в церкви!..

После выступления Джимаса на балу освободительное движение в Арауне переживало не лучшие времена. Однако abolitionисты и не думали сдаваться. Они уже планировали последующие освободительные акции. Джимас попросил Родолфо, чтобы тот сообщил Черному Всаднику, что вскоре предстоит освобождение рабов еще одной фазенды.

Родолфо не пришлось проделывать большой путь, чтобы встретиться с Черным Всадником. То, что он и Черный Всадник были очень тесно связаны, а именно представляли одно и то же лицо, тем временем удалось выяснить его отцу, доктору Фонтесу.

— Где ты прячешь свою одежду и лошадь, Черный Всадник? — спросил адвокат своего сына однажды ночью, когда тот тайком пробирался в свою комнату. — Ты, видимо, не очень беспокоишься за судьбу своей матери? Ты уже подумал о том, что может случиться, если с тобой приключится самое худшее?

— Нет, отец, со мной ничего не случится, — заверил Родолфо, — но я не могу иначе. Это миссия, которую я назначил себе сам. И если же со мной что-либо случится, я считаю, что умру во имя великой любви и великого идеала.

Доктор Фонтес вздохнул. Сейчас он даже завидовал своему сыну, наблюдая его юношеский порыв.

— Я знал, что не смогу очень долго утаивать от вас эту историю, — признался Родолфо с видимым облегчением. — Я рад, что теперь вы знаете об этом. Спокойной ночи!

— Будь осторожен в своих геройских деяниях, сын мой! Спокойной ночи! — он повернулся и пошел к себе. — Мне бы следовало знать, что хоть один Фонтес способен все же на такое безумие, — ворчал он по дороге себе под нос.

Несмотря на слова об осторожности, высказанные от-

цом, Родолфо Гарсия Фонтес успел заметить и искорки гордости в его глазах.

Глава 22

— Что касается меня, сеньор Аугусто, то вы со своей внучкой могли бы оставаться в этом доме до конца своих дней. — Мануэл Тейшейра изобразил на лице искреннее сожаление. — Но после того, что случилось на балу...

Власть барона в Арауне была велика, и Мануэлу ничего не оставалось, как сообщить Аугусто, что ему придется покинуть дом, потому что так приказал Феррейра. Поэтому несколькими днями позже Аугусто попросил доктора Фонтеса оказать ему юридическую помощь.

Вместе с Джимасом и Мануэлом Тейшейрой, которому вся эта возня была крайне неприятна, мужчины искали выход. В конце концов он был найден Джимасом: он сам купит дом от имени Аугусто. Адвокат препроводил предложение Джимаса еще одной уловкой: он подготовил контракт, по которому Аугусто вроде бы купил уже год назад дом с уплатой в рассрочку.

Поначалу Аугусто не решался принять деньги на покупку дома от Джимаса, но адвокат убедил его окончательно. Так как Джимас предположительно женится на его внучке Жулиане, он становится наследником Аугусто. Ко всему прочему, старый журналист надеялся заполнить Джимаса и как партнера в своей газете. Единственно, чего нельзя было предугадать, это действий барона. Не обратится ли он, разозленный ходом событий, к средствам насилия?

Против ожидания барон не выступил, хотя и не верил в историю с продажей дома. Он решил оставить журналиста в покое, тем не менее барон пришел в типографию и предупредил Джимаса, чтобы тот не заходил слишком далеко в своей игре. Молодой человек преувеличенно изысканно и в вежливых выражениях извинился за то, что произошло во время бала. Его намерением было лишь заполнить паузу, развлекая гостей, но не нападать на кого бы то ни было, заверил он. Барон принял извинения. Однако его подозрения не рассеялись. Лицо Джимаса пробуждало у него неприятные воспоминания.

Сеньорита и Джимас встретились в церкви.

— Рафазлло — крикнула она, войдя со священником в придел и увидев молодого человека. — Как прекрасно, что я вижу тебя снова!

Улыбаясь, священник вышел из церкви, предоставив обоим их радости свидания.

— Сеньорита! — Рафазл подбежал к ней и обнял. В глазах девушки стояли слезы.

— Я не хотела плакать. Я это твердо решила заранее...

— На балу... Ты узнала меня! Теперь понятно, почему ты так смотрела на меня тогда! — Они снова бросились в объятия друг друга.

— Да, сердце сразу подсказало мне! — смеялась Сеньорита. — И кроме того, мне известно обо всех рабах, которых ты освободил...

— Я прошу тебя, давай не будем об этом, — настаивал он.

На их встрече в церкви присутствовал один безмолвный наблюдатель. Родолфо Гарсия Фонтес пришел в храм, чтобы повидаться со священником. То, чему он стал невольным свидетелем, повергло его в глубокое замешательство и вызвало приступ невиданной доселе ревности: на мгновение ему почудилось, что под ногами разверзлась земля. Он задыхался, пульс его бешено отсчитывал удары сердца, когда он увидел, как Сеньорита и Джимас открыто и в едином порыве чувств обнимали друг друга. Он повернулся и пошел к обители священника.

Сеньорита и Джимас не заметили Родолфо, их захватила радость долгожданного свидания. Наконец Сеньорита выскользнула из объятий Джимаса.

— Мы еще увидимся, и увидимся очень скоро. «Кто любит, тот верит!»

Она хотела выйти из церкви первой — нельзя, чтобы их видели вместе. У дверей храма Сеньорита обернулась и сказала:

— Большое спасибо за розы.

— Какие розы? — растерянно спросил Джимас. Но Сеньорита уже вышла и вопрос его остался без ответа.

Родолфо проворчал, зайдя к отцу Жозе, что помещения церкви стали местом свидания любовных парочек. Слуга Господа с испугом услышал это замечание, но ничего не ответил. Однако Родолфо лучше не стало, на

сердце у него лежал камень. Несомненно, Сеньорита верила в то, что Джимас — ее возлюбленный Черный Всадник. Теперь он опасался, что потерял девушку навсегда. Жизнь ему показалась бессмысленной и пустой. Отныне у него не было больше страстного желания продолжать борьбу за свои идеалы. Женщина, которую он любил, отвернулась от него и предпочла ему другого. С горечью сообщил он Джимасу на их очередной встрече, что не хочет более иметь ничего общего с Черным Всадником и не сможет поэтому помочь в освобождении рабов в другом имении.

Утешение Родолфо нашел лишь у своей матери, донны Инес. Она расстроилась, увидев опечаленного Родолфо, так как давно чувствовала, что Сеньорита не отвечает на его любовь.

Родолфо рассказал ей о своих неприятностях за кофе.

— Тебе надо смотреть вперед и постараться забыть эту девушку, — посоветовала она в заключение разговора, — нельзя быть таким сумасшедшим — скакать среди ночи в имение и... — Она заметила, что сказала слишком много, так как Родолфо замер, уставившись на нее.

— Вам известно, что я — Черный Всадник? — простонал он почти беззвучно. — Вам сказал это отец?

— Я все же твоя мать, сын мой, должна же я знать... — Она хотела взять его за руку.

Родолфо встал и покинул комнату. Он был сердит на отца, что тот открыл его тайну матери и тем самым взвалил на нее груз забот, который не может не чувствовать мать, если ее сын занимается подобными делами.

В то время как мать и сын обсуждали сложности, возникшие между ним и Сеньоритой, брат Рикардо оставался наедине со своими проблемами. Он сидел в заведении Мануэла Тейшейры, совсем неподалеку от Анны, в которую он все еще был влюблен, даже сильнее, чем прежде.

— Отец, у вас было когда-нибудь ощущение, что какая-то женщина неотвратимо влечет вас к себе? — спросил Жозе Коутиньо. Прекрасная Аделаиде, присутствовавшая на балу, все еще стояла у него перед глазами. Он был по уши влюблен и был готов на все.

— Кто она? — деловито осведомился отец, явно забавляясь пылкостью сына. — Уж не Анна ли? — Выражение его лица тотчас же изменилось, когда он услышал,

что речь идет об Аделаиде. — Рабыня? Выбрось это из головы!

Но Жозе Коутиньо позволил себе не послушаться отца. Несмотря на все трудности, которые принесло с собой увлечение молодой рабыней, он искал любую возможность встретиться с ней. Вскоре молодые люди сошлись ближе, потому что она ответила на его проявление симпатии.

Не только Коутиньо-отец нашел малорадостным известие о связи между Аделаиде и Жозе. Когда однажды Сеньорита застала их целующимися, она вышла из себя от негодования.

— Аделаиде, сейчас же иди домой! — приказала она рабыне.

Она хотела помешать Аделаиде повторить судьбу многих господских служанок, выполнявших прихоти своих хозяев. То, что у Жозе Коутиньо были серьезные намерения, ей было невдомек.

Воодушевленный примером собственного сына, доктор Фонтес решил публично отстаивать свои позиции и выступить в защиту дела освобождения рабов и партии республиканцев. Родолфо был немало удивлен таким решением отца, придавшим новый импульс акциям аболитионистов в Арауне.

Так, на одной из встреч землевладельцев адвокат открыто высказался о своем видении политической ситуации в стране. Он поставил под сомнение дальнейшее существование монархии в Бразилии и предсказал отмену рабства. Он пошел еще немного дальше и призвал к организации в Арауне отделения республиканской партии, чем вызвал на себя огонь почти всех присутствовавших.

— Выступить против интересов барона? — изумился Коутиньо. — Вы это серьезно, доктор Фонтес?

— Конечно же! Вы должны подумать о том, что нам предстоят трудные времена!

Родолфо, правда, сомневался в том, что прогрессивное движение в Арауне найдет многих сторонников. Ведь не только Эвералдо и Коутиньо, который уже навлек на себя неудовольствие барона, будут вынуждены свои дальнейшие шаги вследствие экономической зависимости от барона планировать с оглядкой на него. Родолфо, пожалуй, был прав.

— Хотя я и отпустил своих рабов, чем вызвал ваше раздражение, господин барон, я всегда был лоялен по отношению к вам! — Коутиньо в последнее время отчетливо чувствовал досаду полковника. Дела его шли из рук вон плохо. Теперь он пытался вновь заручиться благоволением барона и информировал его о дальнейших встречах abolitionистов. Феррейра разгневался и обещал принять ответные меры. Сообщению Коутиньо о выступлении доктора Фонтеса он поначалу не хотел верить. Барон решил лично во всем разобраться.

— Я тоже пойду на эту встречу! Я им испорчу обедню!..

— Вы врываетесь в мой дом, в такое время, с комиссаром? Я жду объяснений! — Доктор Фонтес повысил голос на полковника Феррейру, после того как люди комиссара едва не сняли двери с петель безжалостными ударами и толчками. Протесты адвоката не возымели действия. Не колеблясь, комиссар Антеро и барон обыскали весь дом. Никакой сходки республиканских заговорщиков обнаружить не удалось...

— Я знал, что ваше уведомление совершенно необоснованно, — заявил комиссар. — Мы все знаем доктора Фонтеса и знаем о его преданности вам.

Барон пробормотал извинение и вместе с комиссаром поспешил ретироваться. Доктор Фонтес облегченно вздохнул — его еще раз пронесло над пропастью. К счастью, на эту предложенную адвокатом встречу решились лишь немногие землевладельцы — большинство побаивались мести барона, — но и те немногие, что пришли, вовремя удалились, предупрежденные отцом Жозе.

Глава 23

Родолфо Гарсия Фонтес был отнюдь не слабодушным человеком, хотя событие, свидетелем которого он оказался недавно в церкви, заставило его усомниться в смысле своих усилий. Не достигнув взаимности женщины, которую он боготворил, Родолфо всю свою энергию отдал освободительной борьбе против поработителей. О том, что для Родолфо это было весьма серьезным делом, говорил

тот факт, что он не рассматривал Джимаса как соперника; он даже пригласил его присоединиться к движению за отмену рабства. Джимас с готовностью согласился, однако не посвящал Родолфо в свои планы. Он решил отныне играть роль Черного Всадника и попросил Бентиньо подыскать ему соответствующую одежду.

Вскоре после этого разгорелся большой пожар в имении Мартиньо, который надолго лишил покоя всех помещиков. Большая часть уже собранного урожая красных кофейных зерен стала жертвой разбушевавшегося пламени. Более того, Черный Всадник открыл сензалу рабов. Мартиньо видел, как на ужасающем фоне пылающего склада разбегались все его рабы, а он вынужден был лишь смотреть на это, бессильный что-либо предпринять. Занятый борьбой с огнем, он не мог оторвать людей для организации погони, иначе пламя очень быстро перекинулось бы на господский дом и остальные постройки фазенды. Посему у Мартиньо не было никакой надежды снова отыскать своих сбежавших невольников. Урожай уже был уничтожен, Мартиньо грозило банкротство.

Прослышав о последних подвигах своего героя, Сеньорита отправилась в типографию «Голоса Арауны», чтобы лично поблагодарить Джимаса за его храбрость. При этом она была замечена Жулианой, которая с момента осуществления юридической уловки с продажей дома Аугусто считала себя помолвленной с Джимасом. Снова ревность, как обволакивающий туман, стала застилать глаза обеим девушкам...

Сеньорита поняла, что ее мечты рассыпаются, как карточный домик, когда она узнала о связи между Джимасом и Жулианой, а та проявила неслыханную для ее возраста ревность, заметив большое расположение Сеньориты к Джимасу. Она даже попросила деда аннулировать покупку дома Мануэла Тейшейры на деньги Джимаса, в ответ на что, правда, получила отказ.

После того как встреча сторонников освобождения рабов в доме Фонтеса закончилась неудачей из-за учиненной бароном проверки, доктор Фонтес и Родолфо поклялись раз и навсегда не принимать в расчет полковника и продолжить со всей решимостью борьбу против старых порядков.

Родолфо был не очень обрадован, узнав о неожиданной

новой акции Черного Всадника в имении Мартиньо. Он был глубоко задет когда обнаружил, что Джимас, одетый как Черный Всадник, посетил Сеньориту в имении Арауна и бросил ей красную розу. Помимо этого он оставил записку, в которой сообщал, что, учитывая присутствие Сеньориты, он пощадит имение барона.

Роль предводителя рабов в имении барона взял на себя Жустиньо — и ему были абсолютно безразличны гарантии, данные Джимасом. Он разрабатывал план освобождения всех живущих на фазенде полковника рабов — даже без помощи Черного Всадника. Но он был слишком возбужден и говорил подчас чересчур громко: Бруно, обладавший прекрасным слухом, имевший всюду своих доносчиков, проведал о его замыслах и теперь на всякий случай заковал Жустиньо в цепи. Раба обвинили в заговоре против порядка, и на следующий день он был наказан у столба ударами кнута.

Барон увеличил меру наказания, услышав о том, что затевал этот черномазый, и распорядился в течение недели наносить ему по пятьдесят ударов кнутом ежедневно.

Сеньорита отчаянно боролась против своего отца. Слишком живы были еще воспоминания о бесчеловечном обращении с папашей Жозе, оставшиеся с детства, она боялась, что повторится снова тот ужас. Девушка решила не сдаваться, она приняла сторону несчастных невольников и, невзирая на последствия, посетила Жустиньо в сензале рабов, чтобы лечить его раны. Когда пришло время закрыть сензалу, она отказалась покидать ее, сказав, что не двинется с места, пока не обработает все раны Жустиньо. У Бруно не было другого выхода, и он запер Сеньориту вместе с рабами. Произошло невероятное: дочь барона провела ночь подобно рабыне в собственном имении — в жалком жилище невольников.

О папаше Жозе напоминали Сеньорите не только бесчеловечное обращение с рабами барона и Бруно, но и упорство и решимость Жустиньо идти до конца в борьбе за свободу. Дух свободы, так живо напоминавший о папаше Жозе, был вездесущ и неистребим.

В эту ночь барон, крепко выпив, чтобы заглушить в себе досаду и гнев, вызванные последними событиями, не смог устоять перед искушением. Обнаружив задержавшу-

юся на кухне Аделаиде, он попытался затащить ее к себе в спальню. Дочь была заперта в сензале рабов, в то время как отец преследовал ее служанку... Виржинии с трудом удалось убедить барона отказаться от своих постыдных намерений.

Уже светало, когда донна Кандида стала умолять мужа выпустить Сеньориту из заточения. Разозленный упорством дочери, барон пригрозил своей супруге, что будет держать Сеньориту до конца ее дней запертой в сензале рабов. В действительности же у барона были иные планы в отношении дочери. Он распорядился вызвать в имение доктора Фонтеса — Сеньорита должна как можно быстрее выйти замуж за Родолфо. Теперь это казалось барону достойным наказанием за ее строптивость.

Уже на следующий день барон принимал Родолфо и его отца, оба приняли его приглашение незамедлительно. После нескольких вступительных слов о невыносимости политической обстановки в Арауне барон раскрыл суть своих планов:

— Вам должно быть известно, господа, что я вынужден был запереть свою дочь в сензале рабов, так как она встала на сторону презренного зачинщика беспорядков, одного из беглых негров. Она даже ночевала в их вонючем логове! Родолфо, чтобы эти дикие выходы никогда более не повторились, я хочу, чтобы вы оказали мне честь, взяв мою дочь в жены. Образумьте хоть вы ее!

Родолфо колебался, чувствуя, что наступило время сказать правду. Он попросил барона дать ему ключи от сензалы рабов и поспешил прийти на выручку девушке, которую любил...

Разумеется, как он и ожидал, Сеньорита воспротивилась его намерению и заявила, что покинет сензалу лишь в том случае, если отец даст ей слово, что не станет более наказывать Жустинью. На все увещевания и просьбы Родолфо последовать за ним в господский дом она никак не реагировала, похоже, что дух сопротивления в ней еще более усилился.

В конце концов Родолфо схватил девушку и забросил ее, словно тюк, себе на плечо, чтобы насильно отнести ее в дом. Она отчаянно сопротивлялась: кричала, била кулаками по спине, обзывая последними словами.

Жустиньо, присутствовавший вместе со своим братом

Фулженсио при этой сцене, лихорадочно соображал, должен ли он прийти на помощь Сеньорите, которую явно против ее воли силой собирался утащить Родолфо, но Фулженсио удержал его:

— Оставь его, брат...

Пока Родолфо тащил на себе девушку, на него сыпался град нескончаемых ругательств и ощутимых ударов кулаком.

— Отпустите же, вы, безжалостный угнетатель рабов! Вы лакей моего отца! Я презираю вас!

— Всякому терпению приходит конец, Сеньорита! — Родолфо рывком стащил девушку с плеча и поставил на землю. — Вы уже оскорбляли меня не раз таким образом.

— Вы не кавалер! — ответила Сеньорита.

— А что я должен сказать вам, после того как вы провели ночь здесь, в этой вшивой лачуге?

— Не думаете же вы, что я...

— Я ничего не думаю, — бросил в ответ Родолфо, — я только предвижу, что скажут люди, узнав про ваш геройский поступок.

Только сейчас спохватилась Сеньорита, задумавшись о том, какие последствия ее шаг может иметь для репутации ее семьи, но тотчас отбросила подобные мысли. В конце концов, она всего лишь хотела позаботиться о раненом Жустиньо.

Родолфо это было известно, и он постепенно стал успокаиваться, дочь барона после ожесточенной стычки также обрела спокойствие. Скорее от радости, что обрела понимающего слушателя, а не от каких бы то ни было чувств к Родолфо, она рассказала ему о событиях минувшего дня. Сеньорита никогда не поверила бы, что Бруно отважится запереть ее в сензале рабов, но еще менее вероятным считала она то, что отец позволит ей там провести ночь.

Когда они вдвоем подходили к дому, Сеньорита оглянулась, словно для того, чтобы еще раз охватить взглядом случившееся. Двери сензалы, в которой томились запертые Жустиньо и Фулженсио, Родолфо оставил широко раскрытыми. Это удивило Сеньориту, ибо он поступил так совсем не в духе ее отца.

Но было еще кое-что, что удивило бы Сеньориту, знай она об этом: Родолфо Фонтес использовал момент и снял восковой отпечаток ключа от сензалы рабов.

Вернувшись вместе с Сеньоритой в дом Родолфо барон даже не дал времени отдать ему ключи от сензалы. Даже донне Кандиде не удалось спросить дочь о ее состоянии. Без обиняков и полный самодовольства, барон объявил о своем решении:

— Несмотря на все твое ребячество, доктор Родолфо хочет сдержать данное слово. Ты выйдешь за него замуж!

— Я не могу утверждать... — начала было возражать Сеньорита. Но отец моментально прервал ее:

— Я не потерплю возражений! Я так решил, и так будет!

Так как с отцом разговаривать сейчас было бесполезно, Сеньорита обратилась к Родолфо:

— Отцу я не могу перечить, но я спрашиваю вас — хотите ли вы жениться на женщине, которая вас презирует?

— Сеньорита! — грозно возвысил голос барон.

— Оставьте ее, господин барон, — успокоил его Родолфо. — Я сдержу слово. Но должен сказать, что существует одно условие, при котором эта свадьба состоится.

— Условие? Вы не должны ставить никаких условий, доктор Родолфо. Девушка, которая позволяет себе спать вместе с неграми, не имеет права претендовать на что-либо!

— Речь идет не о Сеньорите, — сказал задумчиво Родолфо Фонтес.

Он наконец решился сделать важное заявление:

— Условие касается вас, господин барон. Прежде чем я узнаю, хочет ли Сеньорита, чтобы я был ее мужем, я бы хотел знать, примете ли вы меня как своего зятя. Я — полная противоположность всего, что вы во мне предполагаете. Я вас ввел в заблуждение.

Феррейра смотрел на Родолфо, открыв рот. А тот невозмутимо продолжал:

— Я убежденный республиканец и аболиционист! — заявил он с гордостью.

— Но... — хотел было вернуть барон, однако Родолфо перекрыл голос барона своим громким баритоном:

— Я одобряю каждое слово и каждый поступок вашей дочери! Включая вчерашний, когда она захотела помешать избвиению Жустиньо!

Казалось, мир перевернулся в представлении барона. Но еще более была поражена Сеньорита.

— Вы изволите шутить! — вырвалось у Феррейры. —

Доктор Фонтес, прошу вас, объясните хоть вы мне, что здесь происходит и почему ваш сын несет подобную чепуху?

Доктор Фонтес пожал плечами.

— По крайней мере, он честен, господин барон, и это впервые за то время, как он переступил порог этого дома...

— Итак, это означает, что он...

Снова Родолфо перебил барона:

— ...что вы ошибались в оценке моей личности, попавшись на внешних признаках консерватизма, которые я проявлял, чтобы вам понравиться. Потому что я очень сильно люблю вашу дочь еще с момента нашей первой встречи в поезде. Я полагаю, что это оправдывает мое поведение и манеры. — Он обратился к Сеньорите: — Сеньорита, я думаю, теперь вам не следует выходить замуж за меня, нелюбимого. Только, пожалуйста, не возвращайтесь в сензалу рабов! — пошутил Родолфо.

— Не могу поверить в то, что я только что услышал! Казалось, барон был как громом поражен.

— Но вам придется! — Родолфо Фонтес в прощальном поклоне склонился перед донной Кандидой: — Мое почтение! — И с гордо поднятой головой он покинул дом барона.

А тот в отчаянии бросился теперь к отцу Родолфо:

— Фонтес, надеюсь, у вас есть объяснение этому невероятному афронту?..

— Есть, господин барон, есть, — заверил доктор Фонтес с довольной улыбкой. Он давно ждал этого дня: — Сын вырос и стал походить на своего отца. Честь имею!..

Двери сензалы рабов все еще стояли настежь распахнутыми. Жустиньо и Фулженсио долго размышляли, не использовать ли им этот случай для побега. Жустиньо, которому, согласно распоряжению барона, еще предстояло выдержать не одно наказание кнутом жестокого Бруно, хотел незамедлительно удирать. Но его брат Фулженсио был другого мнения:

— Если мы убежим, от этого будут страдать другие, в том числе и Сеньорита! Ты — сын вождя! Что тебе эти удары? Ты должен с гордостью вынести их!

И негры отказались от побега. Бруно был не меньше их удивлен, найдя двери открытыми. Он тут же вычислил,

кто допустил эту «рассеянность». И удивился еще больше, когда увидел, что в сензале еще оставались Жустиньо и Фулженсио...

Барон отменил свое приказание бить ежедневно Жустиньо, когда услышал, что тот не воспользовался столь благоприятной возможностью для бегства. Бруно было приказано брать его снова на работу на плантации, но не спускать с него глаз. Полковник Феррейра по-прежнему считал молодого, строптивого раба опасным.

Сеньорита была рада, что Жустиньо освободили от наказания, в то же время она ни на секунду не строила иллюзий в отношении причины неожиданной милости своего отца.

Глава 24

После долгих лет пребывания в тени противникам рабства в Арауне наконец удалось оповестить прогрессивно настроенную общественность о своих взглядах. Доктор Фонтес и его сын Родолфо порвали с бароном. Адвокат взял на себя роль, которую ему уже давно уготовила судьба, — предводителя прогрессивных сил.

Однажды вечером в заведении Мануэла Тейшейры Родолфо Гарсия Фонтес объявил об основании в Арауне республиканской партии.

Поначалу жители Арауны реагировали сдержанно. Коутиньо за всем внимательно наблюдал и помалкивал, только помещик Мартиньо отстаивал свою консервативную идею и затеял спор с Родолфо, едва не окончившийся дракой.

Хотя барон уже был наслышан о Родолфо Фонтесе и его деяниях, он снова почувствовал себя обойденным и обманутым, когда Коутиньо рассказал ему о встрече в заведении Мануэла Тейшейры и о роли выступавшего там Родолфо. Покраснев до корней волос, барон в ярости прошептал:

— Я был чересчур снисходителен к этим людям. Они забыли, что я могу всех их уничтожить — всех! И я уничтожу семейство доктора Фонтеса!

Коутиньо-отец, не теряя времени, ловко использовал

недовольство барона, чтобы расхвалить отточенное политическое чутье и прочие способности своего сына Жозе и в самых теплых выражениях обожания и почитания порекомендовать могущественнейшему человеку Арауны сыграть свадьбу их детей.

Тревоги владельцев плантаций и угодий в Арауне и ее окрестностях возрастали. Ни один из них не мог знать, сможет ли он на следующий день рассчитывать на работу своих рабов, не посетит ли его имение в очередную ночь Черный Всадник, чтобы перечеркнуть в один миг всю их жизнь. Под руководством Эвералдо землевладельцы посоветовались и решили сделать барону предложение: выдать рабам свидетельства об освобождении и тем самым предупредить их будущие попытки к бегству.

Их замысел, однако, натолкнулся на жесткое сопротивление. Барон назвал их трусами и нерешительными людьми, ибо речь в конечном счете шла не об удовлетворении чаяний каких-то черномазых, а о защите права и порядка. Феррейра строго-настрого запретил освобождать кого-либо из рабов в Арауне. Помещики были озадачены. Они надеялись на простой выход из создавшегося положения, так как опасались, что на их имения очень скоро нападут восставшие рабы из Куиломбо, тайного прибежища невольников, чтобы освободить своих братьев по несчастью.

В то время как Родолфо силой слова боролся против барона и его козней среди граждан Арауны, отец его решил от слов перейти к конкретным поступкам — он носился с идеей купить для своего сына имение в Сете-Кедас, которое выставила на продажу вдова Медейро. Медейро, узнав о бегстве своих рабов, покончил жизнь самоубийством. Его вдове было не под силу вести хозяйство одной. Фонтес хорошо знал, что барон еще несколько лет назад присмотрел ее большой земельный участок, но не намерен был отступать. «С сегодняшнего дня в Арауне началась война!» — заявил он воинствующе, как никогда прежде.

— Я люблю тебя так же, как в те дни. Или даже больше! — Под напором нахлынувших чувств Сеньорита

хотела упасть в объятия Джимаса, когда они снова тайно встретились на фазенде. Но хотя укромное местечко, расположенное за домашним садом, предоставляло обоим прекрасные возможности поговорить друг с другом, чувствовалось, что Джимаса что-то гнетет.

— Что случилось, Рафаэл? — спросила Сеньорита, задетая его холодностью. После бала у Анны Тейшейры она называла его так, как звала в детские годы, — Рафаэл.

— Слишком много непреодолимых препятствий стоит между нами, — мрачно ответил он.

Сеньорита была глубоко разочарована. Этими немногими словами Джимас перечеркивал все ее мечты, которые он пробудил своим возвращением. Сеньорита не верила в существование непреодолимых препятствий для настоящей любви. Но Джимас не отвечал на нежность Сеньориты. Она разомкнула свои объятия и смотрела на него с отчуждением.

— Рафаэл, что с тобой? У меня такое чувство, словно я набиваюсь...

Слова Сеньориты ранили Джимаса.

— Я напоминаю себе жаждущего путешественника в пустыне, который направляется к оазису. Вода прозрачна и чиста, но он не может утолить жажду, потому что это запрещено. Я уже не маленький Рафаэл, а ты все еще маленькая Сеньорита. А теперь мне пора уходить, пока меня здесь не заметили.

Сеньорита пыталась удержать его. Но он снял с плеча ее руку.

— У нашей любви более высокая цена, Сеньорита, чем та, которую мы сможем заплатить. Прости мне ту розу, которую сегодняшней ночью я бросил тебе. Необдуманный поступок, хотя и от души... Прощай! — Джимас быстрыми шагами удалился, оставив Сеньориту в слезах...

Сеньорита жаловалась своей чернокожей служанке на свою несчастную любовь. Аделаиде не переставала рассказывать о галантных намеках Жозе Коутиньо. Казалось, несмотря на то, что сын помещика был белым, а она мулаткой, Жозе имел серьезные намерения.

Во время этого доверительного разговора между обеими молодыми женщинами появилась донна Кандида и объявила Сеньорите, что ее отец соизволил иначе, чем

прежде, рассудить будущее дочери: он обещал ее сыну Коутиньо. Слезы брызнули из глаз Аделаиде, ее надежды лопнули, как мыльный пузырь. Но Сеньорита успокаивающе положила руку ей на плечо и бросила на нее заговорщический взгляд — Аделаиде тут же поняла, что ее госпожа никогда не стала бы отбивать чужого возлюбленного.

Против всех ожиданий Сеньорита согласилась на свадьбу с Жозе. Но сказала, что ей нужно время, чтобы познакомиться с ним.

Жулиана была раздражена поведением Джимаса. В ней говорила одна ревность.

— Ты был у нее? — Джимас в ответ смотрел на нее с омраченным видом. — Я спрашиваю тебя, был ли ты у Сеньориты?

— Да, я был у нее, — признался он и попытался успокоить Жулиану. — Но тебя я не забывал ни на секунду!

— Зачем ты встречался с ней? — не отступала Жулиана.

— Это было необходимо. У меня есть задание, которое я должен выполнить. Ты должна помнить, я говорил об этом, когда пришел, — пояснил Джимас.

— Но какое отношение к нему имеет Сеньорита?

Джимас помолчал с минуту.

— Я не могу тебе сказать это.

— Она любит тебя, я знаю. Я видела, как она на тебя смотрела. — Жулиана с трудом подавила всхлипывание.

— Да, это так. Она любит меня. Еще сегодня утром на фазенде она призналась мне в этом.

— Ты был на фазенде ради нее? — удивилась Жулиана. — Ты многое ставишь на карту.

— Почему бы и нет? — Джимасу понравилась роль всеми обожаемого мужчины. — Раз она меня так сильно любит?

Брату Родолфо, Рикардо, тоже выпали хлопоты, связанные с любовными перипетиями. В один из визитов в дом Тейшейры он, собрав все свое мужество, попросил Анну выйти за него замуж, так как он скоро станет помещиком.

— Я всегда почитал вашу дочь, сеньор Мануэл, — начал он свое обстоятельное объяснение с отцом девушки. — Для меня самое время жениться. Я планирую вести жизнь степенного мужчины, которого во всем поддерживает верная супруга.

Анну все брачные намерения Рикардо не трогали. Она отложила шитье, несколько раз громко зевнула и собиралась вскоре откланяться:

— Отец, мама, извините меня, я умираю от усталости. Спокойной ночи, сеньор Рикардо!

Рикардо побелел. Он был глубоко разочарован. Тейшейра пытался уговорить дочь остаться, очевидно, он был более заинтересован в свадьбе, чем она.

— Ты останешься здесь! В конце концов, брачное предложение касается тебя. Это к тебе относится!

— Ко мне? — засмеялась удивленно Анна. — Думаю, едва ли!..

Рикардо пытался снова собраться с мыслями. Он потер руки, на лбу у него выступили капельки пота, но он не произносил пока ни слова.

Мануэл Тейшейра тоже не находил правильного решения. Ситуация была неприятна ему.

— М-да, теперь... Рикардо, я нахожу в высшей степени замечательным тот факт, что ради нашей дочери ты пришел...

— Но что мне это дало? — Рикардо поднялся, все еще немного пошатываясь, и одеревенело поклонился на прощание. Ему было ясно, что лучшим выходом из этого смешного положения было быстрое отступление. — Спокойной ночи, сеньор Мануэл! Спокойной ночи, донна Нина!

Перед домом Тейшейры Рикардо еще раз обернулся и бросил унылый взгляд назад. При этом он стал свидетелем разговора между Тейшейрой и его женой, которая не проявляла к нему ни капельки сочувствия, а, забавляясь, смеялась над ним.

— Что тебя так рассмешило, жена? — спросил муж.

— Так ему и надо! В конце концов, это по его настоянию состоялся бал, на котором Анна сняла вуаль.

Жусто, бывшему рабу и слуге Родолфо Гарсия Фонтеса, новообретенная свобода обернулась печальным опытом. После долгих лет службы у Фонтеса он ушел, чтобы зажить

жизнью свободного человека. Это далось ему нелегко, потому что он привык служить семье. Но зов свободы, несмотря на его уже зрелые годы, не отпускал его. Позднее он был до глубины души разочарован и без средств к существованию вернулся назад, в Арауну. Черные и белые обманули его. Рабыня, в которую он влюбился и которую выкупил на последние свои деньги, в первые же дни их свободной жизни удрала с другим. Ко всем несчастьям, Жусто еще попал под подозрение, что якобы деньги для выкупа рабыни он украл, за что был арестован. Теперь он был сыт свободой и хотел снова стать рабом.

Барон, Мартиньо и прочие помещики-консерваторы потирали руки от удовольствия, услышав об этом. Для них судьба Жусто была примером того, как мало бывших рабов могут начать новую жизнь, обрета свободу. Каждый, кто, раскаиваясь, полз на четвереньках к своему бывшему владельцу, доказывал — так они считали — правоту их собственных, консервативных воззрений.

Задуманный Сеньоритой план инсценировать свадьбу с Жозе Коутиньо стал обретать реальные черты. После того как она успокоила Аделаиде, что ей безразличен Жозе, обе женщины заключили между собой тайный союз. В план был посвящен и Жозе. Сеньорита попросила его, чтобы он помог ей встретиться с Джимасом, а в качестве взаимной услуги она вызвалась организовать свидание с Аделаиде, когда он пожелает. Известие о предстоящей помолвке между Сеньоритой и Жозе Коутиньо вмиг облетело Арауну. Родолфо Гарсия Фонтес более чем когда-либо был разочарован в жизни.

Глава 25

Взбешенный событиями, происходящими в городе, которые грозили вот-вот ускользнуть из его рук, барон распорядился позвать к нему комиссара.

— Эвералдо отпустил своих рабов, так как боялся, что они разбегутся, как это было с рабами Мартиньо и Медейро. Это произошло только потому, что вы до сих пор не поймали Черного Всадника! — напустился он на комиссара.

— Но как мне его поймать, сеньор барон? — защищался тот. — Я не имею представления, кто он! Это не человек, а призрак!

— А вы — бездарь! — заорал барон. — Если бы я знал, кто он, мне не потребовалась бы ваша помощь! Сколько еще прикажете дожидаться? Пока все лачуги рабов будут пустыми? А что с республиканской партией?

— Но, сеньор барон, это всего лишь болтовня, — заикался комиссар, страшно напуганный, — сейчас модно быть республиканцем...

— Болтовня? — уничтожающий взгляд барона упал на комиссара. — Я знаю о каждом, кто присутствовал на собраниях в заведении Мануэла Тейшейры. Начиная с доктора Фонтеса и его милого сыночка Родолфо!

— И что, по вашему мнению, я должен делать? — робко спросил комиссар. — Задержать обоих? А какое преступление они совершили? Доктор Фонтес — человек, пользующийся авторитетом и уважением в этом городе, его ценят. Если я его арестую, завтра окружной судья встанет передо мной и потребует объяснений. И что я ему скажу тогда? Что это был приказ барона?

— Что вы, к дьяволу, за комиссар? — Жилы на висках барона заметно вспухли. — Вы можете сказать, что доктор Фонтес и его сын — участники заговора!

Уходя, комиссар обернулся:

— Тогда, господин барон, я должен был бы арестовать самого судью...

— Ты сможешь сделать ключ, Жусто?

Родолфо передал Жусто восковой слепок с ключа от сензалы рабов, который он сделал несколько дней тому назад. Жусто задумчиво рассматривал оттиск, он догадался, что Родолфо не ограничивается выступлениями в защиту прав рабов.

— Мне нужен свинец, сеньор Фонтес, много свинца. Ключ будет не очень крепким, но, если вы с ним будете обращаться осторожно, он послужит своей цели.

— Хорошо, Жусто, — похвалил Родолфо своего старого слугу и помощника. — Но ты должен быть нем как могила!

— Значит, вот он каков! — вырвалось у Бентиньо, когда Родолфо ушел. — Я подозревал нечто подобное!

Как было условлено, Жозе Коутиньо привел Джимаса в имение, чтобы он мог встретиться с Сеньоритой.

— Я не хотел верить, когда Жозе Коутиньо рассказал о своем плане, — начал разговор Джимас. — То, что мы делаем, чрезвычайно рискованно, Сеньорита. Кто-нибудь может нас разоблачить или обнаружить — и тогда что ты скажешь своему отцу? Он меня продал, чтобы разлучить нас друг с другом.

— Мне это безразлично. Это был единственный способ чаще видеть тебя, — пояснила Сеньорита. Она не хотела возвращаться в мыслях к темному прошлому и пыталась вытеснить мучающие воспоминания. Она очень страдала от отсутствия Рафаэла и теперь была счастлива, что вновь нашла его. — Кто любит, тот верит.

Джимас, казалось, не слышал ее преисполненных любви слов. Прошлое оставило глубокие рубцы в его душе.

— Ты все забыла, Сеньорита? Забыла, как папаша Жозе страдал под ударами кнута Бруно и как он умер? Мы стояли рядом и вынуждены были все это видеть. Никто не заплатил за смерть рабов, которых бросили в реку, за все их страдания...

— Хватит, Рафаэл! — оборонялась Сеньорита, ибо грозные и неприятные картины детства вновь вставали у нее перед глазами. — Ни слова больше!

— Пойми, — продолжал Джимас, — в моем сердце нет места для других чувств! Я испытываю лишь ненависть и неудержимое желание мстить! Ты можешь это понять?

Сеньорита, уязвленная, молчала. Она видела, что все ее ожидания оканчиваются разочарованием. Рафаэла ее детства более не существовало.

— Папаша Жозе был моим прадедом, это тебе известно. И теперь я один из его бойцов. Я вернулся, чтобы отомстить и убить барона!

— Значит, ты не забыл своей клятвы, — спросила Сеньорита, — и осмелишься убить моего отца?

— Я сдержу свою клятву!

Сеньорита, грустная, повернулась и пошла назад, к господскому дому.

Когда Сеньорита рассказала Аделаиде о своей встрече с Джимасом, та не могла взять в толк:

— Как вы можете любить того, кто хочет убить вашего отца? Того, кто не может забыть старую клятву! Не лучше ли вам самой забыть его, Сеньорита?

Домашний раб Себастьян случайно подслушал разго-

вор между Джимасом и Сеньоритой. Он заговорил с ним, как только тот собрался уходить:

— Подождите! Вы — Рафаэл?

— Откуда тебе это известно? — удивился тот.

— Потому что у меня есть глаза, — гордо заявил Себастьян. — Вы один из бойцов папаши Жозе, как и Жустиньо, и слепой Фулженсио...

— Да, это я, — подтвердил Джимас, — я пришел, чтобы отомстить и за то, что барон ослепил Фулженсио тоже. Ты проведешь меня к нему?

Себастьян сделал знак Джимасу следовать за ним. Они исчезли в тени позади хижины рабов. Едва Рафаэл вошел в сензалу, раздался возглас слепого Фулженсио, прислушивавшегося к звуку шагов:

— Рафаэл, это ты?

— Я, Фулженсио! Я пришел, чтобы подбодрить вас. Не отчаивайтесь! Скоро ваши страдания окончатся. Еще немного терпения!

Фулженсио долго не мог прийти в себя. Рафаэл, боец папаши Жозе, вернулся! Но нужно было торопиться! В любой момент в сензалу мог зайти Бруно и обнаружить его здесь.

— Скажи остальным, — на ходу бросил Джимас, — что я был здесь. Им надо подождать и не наносить удар преждевременно...

В любовных делах Джимас был словоохотливее, чем в вопросе о своей клятве. Он считал, что пора Родолфо сказать правду о том, что касается помолвки между Сеньоритой и Жозе Коутиньо. Родолфо почувствовал облегчение и был одновременно обрадован, когда услышал, что еще имеет смысл бороться за свою любовь. Это был Черный Всадник, который действительно любил Сеньориту, — единственный настоящий Черный Всадник. Джимас приобрел себе нового друга, и Родолфо был рад, что плечом к плечу с ним такой решительный соратник. Он показал Джимасу ключ от сензалы рабов и предложил вместе открыть для угнетенных «ворота» на свободу.

— Говори же, Бруно! Что стряслось, если ты в такой час явился ко мне?! — допытывался барон у Бруно, появившегося в господском доме во время ужина.

— Извините, господин барон, негр Жустиньо...

Жустиньо, по словам надсмотрщика, снова провинился. Он оказал Бруно сопротивление, когда тот хотел проучить его брата Фулженсио. Дело дошло до потасовки, во время которой Жустиньо угрожал надсмотрщику смертью.

— А вы снизили до того, что побили слепого? — вмешалась Сеньорита.

— Сядь, дитя мое! — приказал барон, но дочь и не подумала слушаться его.

— Это отвратительно и подло — бить слепого...

— Видите ли, господин барон, — теперь жаловался Бруно, — ваша дочь портит негров!..

— А вы получаете удовольствие, мучая этих несчастных, — ответила Сеньорита.

Барон почувствовал, что ситуация сейчас вот-вот выйдет из-под его контроля, если он тут же не вмешается. Он приказал Бруно снова приковать Жустиньо цепями к столбу. Более того, если он посмеет и дальше оказывать сопротивление или вести свои подстрекательские речи, — прикончить его.

Снова перед Сеньоритой встали ужасные картины смерти старого папаша Жозе. Пережить еще раз такую сцену в Арауне было выше ее сил.

— Таковую жестокость я не потерплю! Даже от своего собственного отца. Я ни минуты не останусь в этом доме, если Жустиньо будет наказан!..

Она убежала в свою комнату и принялась упаковывать дорожный чемодан. Донна Кандида пыталась урезонить дочь. Сеньорита не слушала мать и как ни в чем не бывало продолжала собирать вещи.

— Я хочу быть готовой к уходу в тот момент, когда он прикажет сесть Жустиньо!

В дверях комнаты стоял барон.

— Тогда поспеши, девочка, — сказал он мрачно, — я уже отдал приказ.

— Прошу тебя! — взмолилась донна Кандида, — она же твоя дочь!

— Она выбрала свой путь, — констатировал барон, взгляд его был решителен. — Если она сейчас посмеет уйти из этого дома, возвращения не будет. Тогда я отказываюсь от нее — она больше не моя дочь и тем более не моя наследница!

— А я отказываюсь от фамилии Феррейра, — нападала на отца Сеньорита, — потому что стыжусь ее!

Такая строптивость была для барона чрезмерной. Он рассчитывал, что в конечном счете ему удастся уломать дочь, но вышло не так, как он предполагал. Теперь он уже не владел собой.

— Хватит упаковывать! — зарычал он. — Она уйдет в том, что на ней. Вон!

Сквозь слезы вынуждена была донна Кандида наблюдать, как дочь покинула дом и в коляске поехала в город Арауну. Когда позже на долгом пути сквозь приближающуюся ночь она раздумывала над происшедшим, то испытала облегчение от того, что осуществила свое решение. Она не беспокоилась, так как знала, что большинство людей в Арауне были на ее стороне. Незадолго до полуночи она постучала в дверь дома отца Жозе, и тотчас священник пришел ей на помощь, дав приют в доме Аугусто. Нет, она не была рабой своего отца, у нее было достаточно поддержки, чтобы строить планы на будущее.

Глава 26

Не только Родолфо и родная дочь давали отпор барону, но даже раб Жустиньо не хотел больше терпеть ярмо рабства. Дух старого Жозе вновь ожил...

Бруно доложил барону, что Жустиньо во время наказания у столба, казалось, ничего не почувствовал и с непреклонной волей настаивал на том, что он — «сын короля»; он также говорил всем, кто мог его слышать, что у него твердое намерение убить барона и Бруно и ничто не помешает ему выполнить свою угрозу. Вне себя от гнева, барон приказал продолжать бить негра кнутом, и измученный раб наконец рухнул под градом смертельных ударов Бруно... Сознание покидало его, однако перед тем, как впасть в беспамятство, он пробурчал одно имя: «Рафазл!»

Барона это имя насторожило, когда Бруно ему сообщил его, смутные подозрения терзали душу повелителя Арауны, и он поспешил в сензалу рабов, чтобы выжать из Жустиньо, кого он имел в виду, произнося это имя.

Волна возмущения старыми порядками захватила и семью полковника Феррейры. Донна Кандида не хотела

больше терпеть унижений от барона. На одном из диванов, стоявших в парадной комнате, она с помощью Виржинии соорудила ночное ложе.

— Я не намерена спать с тобой, пока моего ребенка нет дома, — твердо заявила она мужу. — В будущем это место будет моей комнатой.

— Твой ребенок никогда более не переступит порога этого дома!

— Тогда здесь будет моя спальня, пока я жива!

— Кандида! Я — твой муж!

Его слова не произвели на нее никакого впечатления:

— Нет, вы только мой владыка!..

Впервые в жизни Сеньорита оказалась без поддержки своей семьи. Однако она вскоре сориентировалась и сумела приобрести новых друзей. Поначалу Жулиана вела себя весьма сдержанно с дочерью барона и все же на следующий день выделила ей несколько своих платьев, так как Сеньорита покинула родительский дом без всякого багажа.

Тем временем весь город Арауна обсуждал драму, разыгравшуюся между Сеньоритой и ее отцом. Доктор Фонтес и его жена донна Инес не испытывали восторга от того, что их сыновья были втянуты в малоприятные дела. Родолфо, напротив, рассматривал конфликт Сеньориты с отцом совершенно с другой стороны. Он пошел в дом Аугусто, чтобы предложить помощь Сеньорите. Однако она холодно приняла его.

— Спасибо, но я не нуждаюсь в вашей помощи. Меня здесь очень тепло встретили.

Родолфо очень хотел узнать, что же произошло в доме барона. В конце концов, это было уже последнее средство — отцу выгонять родную дочь из дома.

— Я слышал, что он даже лишил вас наследства?

— Он больше не мой отец, доктор Родолфо! — заявила девушка твердо и решительно. — Отныне я не дочь барона Арауны. А теперь уходите, пожалуйста...

Джимас тоже предложил Сеньорите свою помощь, когда она застала его одного после полудня в типографии. Еще решительнее, чем при последнем их свидании, он отвергал ее заверения в любви. Он настойчиво просил ее ради Жулианы, к которой он испытывал нежнейшие чувства, не заводить больше речь о любви —

и все же признал, что ему приятно, когда рядом с ним Сеньорита.

— Я тоже люблю тебя, девочка, люблю, как тот ребенок, в те далекие дни коснувшийся твоих губ для поцелуя, которого никогда не было, но который ты не можешь забыть...

Коутиньо еще раз сыграл роль сыщика в угоду барону. Он сообщил Феррейре, что Сеньорита и Жозе обманывают барона с целью прикрыть Джимаса и Аделаиде. Разгневанный барон обратился к Богу, прося у него помощи и надеясь, что Господь подскажет ему правильное решение и помешает его дочери выйти замуж за мулата и бывшего раба...

Жустиньо молчал. Самые жестокие удары кнутом не в силах были заставить его выдать, кто был загадочным Рафаэлом, о котором он упоминал в бессознательном состоянии. Надвигалось новое несчастье, как и в случае с папашей Жозе...

Чтобы предотвратить гибель Жустиньо у столба, Фулженсио решился на опережающий шаг: он сообщил барону, что Жустиньо под «Рафаэлом» имел в виду праправнука старого Жозе. Теперь Феррейра яснее вспоминал события прошлого. Он порылся в старых деловых бумагах и установил, почему лицо помощника Аугусто уже при первой встрече смутило его в такой степени: Джимас — это Рафаэл! Барон приказал заложить свою легкую и быструю охотничью повозку, помчался в город, не щадя лошади, и буквально вломился к комиссару Антеро. Тот испуганно взглянул на него, подняв глаза от стола, когда барон, словно ангел мести, взорвался криком в небольшом помещении. Между вспышками ярости и ругани он потребовал от комиссара немедленно арестовать Джимаса. В противном случае комиссар будет смещен.

Хотя до сих пор комиссар послушно следовал указаниям барона, однако сейчас тот переступал все границы. Выполнение приказа барона затрагивало его профессиональную честь, ибо он все еще числил себя на стороне права и закона.

В принципе Феррейра уже давно ждал такого момента.

Всякого, кто сопротивлялся его приказам, да еще на высоком посту, он не мог долго выносить. Недолго думая, он сместил Антеро. С новой вакансией затруднений не было: Лесной капитан, верный слуга повелителя Арауны, занял кресло комиссара.

— Дай ему письмо, негр! Ты раб, следовательно, должен слушаться своего господина!

Новый комиссар действовал совсем в духе барона. Он приказал своим подчиненным доставить Джимаса в участок и принудил его показать барону свое свидетельство об освобождении. Теперь он был в большой опасности, когда его подлинная личность становилась достоянием гласности.

Барон обстоятельно изучил бумагу, затем произнес ледяным тоном:

— Я так и знал. Ты, негодяй, сын Марии дас Дорес... правнук старого Жозе! Тебя никогда не звали Джимасом, твое имя — Рафаэл!..

С минуту он разглядывал Джимаса, полный бешенства. Затем поток его ругательств продолжился:

— В твоих жилах течет испорченная кровь того несчастного, моего кузена, пьяницы, поэта и сумасшедшего, который запятнал доброе имя моего дома, когда лег в постель с этой негритянкой.

— Эта негритянка — моя мать, барон! Она — одна из ваших рабынь, — согласился Джимас, — но ни этот пьяница, ни какой другой потомственный раб не является моим отцом, иначе я не был бы тем, кем являюсь.

С минуту оба молча смотрели друг на друга, затем барон отвел взгляд и обратился к комиссару:

— Его имя не Джимас, его зовут Рафаэл, он сын Марии дас Дорес. Он мой раб, я не знаю, откуда он появился, но он мой раб до тех пор, пока никто другой не предъявит на него права.

Настроение барона в один миг переменялось. В хорошем расположении духа и полный гордости, рассказывал он новому комиссару, что Джимас — давно разыскиваемый Черный Всадник, «куиломбский брат» повстанцев. С этого дня, по мнению барона, в Арауне не будет опустошенных сензал рабов и обанкротившихся землевладельцев.

— А что мне теперь с ним делать, господин барон? — спросил новый комиссар.

— Закуйте его в цепи, — приказал барон. — Отведите в сензалу моих рабов и передайте Бруно, надсмотрщику.

— Мне жаль, что у тебя создалось неверное представление обо мне и Рафаэле, — вздохнула Сеньорита. — Я не хотела тебя обидеть, Жулиана.

Было вполне естественно, что Сеньорита и Жулиана, жившие теперь под одной крышей, в разговоре однажды коснулись темы, которая занимала их больше всего. Жулиана тоже вздохнула:

— Я знаю, что вы любите... друг друга.

— Люблю одна я, — возразила Сеньорита, — он — нет. Он любит тебя.

В это Жулиана не могла поверить.

— Но тебя он любит тоже.

— Да, но по-другому, а как — я не понимаю, — размышляла вслух Сеньорита.

Сеньорита не собиралась мириться с тем, что отец выгнал ее из дома, и просила у доктора Фонтеса как у адвоката совета. Доктор Фонтес обещал ей свою поддержку. Она просила его также совета в отношении Джимаса. Она задавалась вопросом, имел ли право ее отец, барон, так обойтись с молодым человеком. Доктор Фонтес считал, что имело бы смысл сначала выяснить, какие права у барона на Джимаса, прежде чем они предпримут какие-нибудь юридические шаги.

— И будьте сильной, Сеньорита! Ваш отец знает отныне, что Джимас в действительности — Рафаэл. Это не улучшает его положение.

— Я сожалею о том, что произошло, Сеньорита, — заверил ее Родолфо Гарсия Фонтес, встретив у родительского дома. Однако его сочувствие не встретило понимания.

— Вы должны жалеть Джимаса, — возразила Сеньорита. — Я знаю, почему отец так поступил с ним: он хочет разлучить нас.

— Ваш отец знает... — в нерешительности спросил Родолфо, — что вы любите Джимаса?

Сеньорита помолчала. Казалось, она задумалась над вопросом.

— Был момент, Родолфо, когда я даже верила, что... влюблена в вас. Но это было мимолетное чувство.

— Знаю, — грустно ответил Родолфо. — Вы не доверяли мне.

— А как еще прикажете думать? Вы так повторяли все, что говорил мой отец, что мне было стыдно за вас, — упрекнула его девушка.

— Но это был единственный путь, найденный мною, чтобы приблизиться к вам, — уверял Родолфо. — Я был глуп, но это стало мне ясно лишь сейчас.

— Это было большое разочарование для меня, — сказала Сеньорита, опустив глаза.

— И тогда появился Джимас, — огорченно добавил Родолфо, — и я полностью потерял надежду.

— Его сердце полно ненависти и жажды отмщения! — У Сеньориты на глазах выступили слезы. — Он не любит меня!

— Не плачьте, Сеньорита. — Родолфо положил руку ей на плечо. — Еще не все потеряно. Я обещаю вам, что выручу его, несмотря ни на что.

Когда доктор Фонтес узнал от Жусто о том, как барон и новый комиссар обошлись с Джимасом, он решил действовать немедленно. Повод для вмешательства, благодаря своему опыту, он нашел быстро. Уже в тот же день, когда известие достигло его, он отправился в комиссариат.

— Прошу вас, доктор Фонтес, чем могу служить? — приветствовал адвоката нарочито вежливо уполномоченный барона, новый комиссар. Тон был бы не столь подчеркнутый, знай он о цели доктора Фонтеса. Адвокат нашел способ помешать осуществлению планов барона. Лишь бы удалось поставить под сомнение авторитет Лесного капитана как комиссара.

— Значит, вы — новый комиссар, — начал доктор Фонтес.

— Покуда в городе правит барон. — Капитан был уверен в надежности своего положения, о чем говорил его голос. Доктор Фонтес улыбнулся ему, казалось, дружеской улыбкой.

— Итак, вы уверены, что уполномочены законом занимать это кресло?

Комиссар смотрел на доктора Фонтеса непонимающе.

— Не пойму, куда вы клоните...

— Сеньор комиссар, — начал адвокат, — преследовать рабов и сидеть в этом кресле — две принципиально разные вещи. Теперь вы меня понимаете?

— Все еще нет, доктор Фонтес. — Комиссар был явно затруднен в понимании происходящего. — Я без высшего образования...

— Это заметно! — сухо обронил доктор Фонтес.

— Но я могу засадить вас за решетку, если захочу, — вставил для спасения своей чести обретающий расположение духа комиссар. — Вы, кажется, плохо меня знаете...

— Спасибо, я как раз знакомлюсь с вами. — Доктор Фонтес повернулся к двери. — И того, что я слышу, мне достаточно. Мое почтение, комиссар!

Глава 27

— Он не имеет представления, что причиняет боль своему сыну! — Отец Жозе качал седой головой.

Аугусто был поражен, когда услышал, что священник знает о происхождении Джимаса.

— Вы знаете, кто он?

— Кто? Джимас? — Отец Жозе был уверен, что был первым из тех, узнал Джимаса. — Давно уже. Но барон... он ничего не знает... Будьте осторожнее в своих словах, — предостерег священник журналиста. — Кто знает, как отреагирует барон, если это дойдет до его ушей. Он никогда не признается, что он отец ребенка. И если он чувствует, что задета его честь, он способен в бешенстве убить молодого человека.

В сензале рабов Джимас, все еще прикованный цепями, напомнил рабам о папаше Жозе:

— Здесь, в этой лачуге, жил однажды негр, который для своего господина наделал так много детей, что все его называли старый папаша Жозе.

Рабы молча внимали его рассказу.

— Когда он умирал у столба под ударами надсмотрщика, то сказал: «Я оставил после себя так много детей, проклятый надсмотрщик, что у меня пальцев на ногах и руках не

хватит, чтобы их сосчитать!» И он обещал: «Эти пошедшие от моего корня бойцы, — ты, слышишь, собака! — однажды прервут жизнь твою и тебе подобных!..»

Ликование прокатилось по напряженно вслушивавшимся рабам, раздались воинствующие возгласы.

— Наш день придет! — закончил Джимас свой рассказ. — А барон — он мой!

...Во время отсутствия Джимаса в городе Аугусто не было справляться одному в «Голосе Араруны» Связь между сторонниками движения за отмену рабства в Араруне и единомышленниками в столице из-за ареста Джимаса была прервана. Это означало, что источники информации о политическом положении в столице были нейтрализованы, а также и то, что сам Джимас в своем опасном положении мог рассчитывать только на помощь из Араруны.

Сеньорита Феррейра и Жулиана поэтому приняли решение поискать в комнате Джимаса какие-либо доказательства его невиновности. Там они обнаружили переписку Джимаса с его друзьями в столице. Прежде чем сжечь аккуратно перевязанные письма, они решили прочитать их. Помимо политических сообщений и отчетов о развитии освободительного движения по всей стране, ему сообщали в письмах, что здешние сторонники движения за отмену рабства из-за угрожающей опасности преследования не смогут помочь в дальнейших акциях в Араруне. Джимас и его друзья, таким образом, могли рассчитывать только на себя...

Отдавая распоряжение отвести Джимаса в сензалу рабов, барон не подумал, какое сильное влияние было у него. Он считал молодого мулата опасным, но был уверен, что, находясь под замком, он не сможет причинить большого вреда. Бруно тоже не подозревал, что Джимас в сензале рабов барона присягнул героям прошлого, пробудил воспоминания о старом папаше Жозе и своим внимательно слушавшим друзьям по несчастью обещал прекрасное будущее, в котором нет места рабству. Напротив, Бруно докладывал барону, что Джимас — весьма перенимчивый и покладистый раб. Для надсмотрщика было непривычным иметь в сензале рабов, где он был безраздельным хозяином, светлогоже человека. Барон предусмотрел его:

— Не дай себя провести, Бруно, и не придавай значения светлой коже. Он хитрейший из всех!

В надежде ввести жизнь своего расположенного к мечтаниям сына Рикардо в упорядоченное русло после долгих переговоров с вдовой Медейро доктор Фонтес откупил имение Сете-Кедас и подарил своему чаду. Его предположения, кажется, были верны, так как Рикардо стал делать все возможное, чтобы вывести сельские угодья из экономического кризиса, в котором те оказались со смертью своего бывшего владельца. Многие были в плачевном состоянии, плантации кофе заросли сорняками, урожай был собран лишь частично; но хоть строения были в хорошем состоянии, так что Рикардо надеялся в ближайшем будущем стать владельцем вновь цветущей фазенды.

Несколькими днями позже он вступил в спор с полковником Феррейрой: кто-то из людей барона проник на территорию имения и отвел воду из лежащего неподалеку от границы владения источника. Причина этого была видна как на ладони: Рикардо Фонтес становился обременительным конкурентом, с которым приходилось бороться любыми средствами.

Рикардо незамедлительно отправился на фазенду Феррейры. В ожидании барона он поведал донне Кандиде, что Сеньорита в городе живет неплохо, но вот его брат Родолфо очень опечален.

Растроганная его рассказом, донна Кандида вспомнила о собственных переживаниях и принялась плакать. Она была рада найти слушателя, с которым могла говорить открыто. Донна Кандида открыла свое сердце и призналась Рикардо, что ее жизнь потеряла смысл. В груди Рикардо вновь вспыхнули угаснувшие было чувства к донне Кандиде, которые он с трудом подавлял, — и тут в комнату вошел барон. Когда он узнал о причине визита Рикардо, он отреагировал довольно резко:

— Вы ищете ссоры, сеньор Рикардо?

Обстановка в имении Арауны обострялась: по приказу барона в цепи был закован также Себастьян, за то, что он доставил одежду Сеньорите, хотя его попросила об этом донна Кандида. Она умоляла барона простить раба, так как сама была повинна в проступке Себастьяна. Чрез-

вычайно расстроенная и не понимающая всего ужаса его действий, баронесса спросила мужа, не согласится ли он приковать к столбу ее вместо раба...

Плача, донна Кандида покинула комнату.

Позднее, когда барон стал спокойнее и настроен примирительно, он решил исправить положение и даже пытался заманить жену в свою спальню.

— Не прикасайся ко мне! — донна Кандида не собиралась потакать его желаниям. Наоборот, ее решение продолжать спать в парадной комнате еще более укрепилось. — Мне и здесь хорошо, а ты мне совсем не нужен!

Кроме того, она настояла на том, чтобы в будущем трапезы были тоже отдельными. Она видела в этом решении способ отпущения за наказание Себастьяна. Со своей стороны барон сделал выводы и предостерег всех слуг и домашних рабов: каждый, кто принесет еду в комнату, где сейчас находилась донна Кандида, может считать себя выпоротым у столба.

— Ты — прекрасный «куиломбский брат» повстанцев! — Барону мало было лицеизреть Джимаса в цепях, он еще возымел желание поиздеваться над ним. — У тебя даже цвет кожи не такой, как у твоих братьев!

— Это правда, — отвечал Джимас, — у меня ваш цвет кожи, господин барон!

— Наглец! — выругался полковник Феррейра. То, что он считал удачной насмешкой, обернулось против него самого. — Ты мне за это заплатишь!

— Не тревожьтесь, — продолжал издеваться Джимас, — я горд, что во мне кровь человека, которого вы приказали убить у столба!

Барону было не по себе, что Джимас у всех на глазах оскорблял его и выставлял дураком.

— Я мог бы приказать привязать тебя к столбу!

— Вы не стали бы избивать раба, который вам не принадлежит. В этом я уверен.

— Я охотно верну тебя твоему владельцу, если ты скажешь, как его зовут. — Последнюю фразу барон сказал как бы вскользь, но Джимас разгадал его намерения.

— Чтобы купить меня и делать со мной все, что вам захочется?

Барон снова оказался в роли побежденного. Он кипел от злости. Капли пота выступили на его покрасневшем лбу.

— Да я могу убить тебя сейчас же, если мне будет нужно! — вырвалось у барона.

— Тогда убейте, господин барон, — издевался Джимас. Он отлично понимал, что в данную минуту опасность ему не грозит.

— Стоит тебе сделать одно неверное движение или высказаться о побеге, и я убью тебя! — раздраженный, барон отвернулся. Он проиграл битву человеку в цепях.

Глава 28

В своем бьющем через край юношеском задоре Марио, сын Эвералдо, зашел слишком далеко. Он затронул самые чувствительные струны комиссара своим замечанием о его темном цвете кожи.

Лесной капитан был сделан из другого теста, чем его предшественник Антеро: он тотчас же посадил под арест Марио и сопровождавшего его друга Нино. К тому же он подозревал в сыне помещика явного помощника Черного Всадника.

Эвералдо пустился в неблизкий путь — от своей фазенды до комиссариата, чтобы освободить своего сына. Но он аргументировал так яростно и вместе с тем так неубедительно, что сам попал за решетку.

— Лесной капитан, вы смещены с должности комиссара! Вот судебное постановление! — Доктор Фонтес пришел как нельзя вовремя. Он сунул охотнику за рабами письменное извещение под нос. Фонтес обжаловал его противоправное поведение при исполнении своих обязанностей и добился постановления судьи: согласно ему, капитан несправедливо носит звание комиссара и немедленно освобождается от этой должности. Все решения, принятые им во время его официального «исполнения службы», объявляются недействительными...

Все пленники были освобождены и громко ликовали, славя доктора Фонтеса, который имел еще одну причину для радости: впервые барон потерпел поражение от судебных органов.

— Это так, отец Жозе, я даю вам слово, что люблю ее! — Сын Коутиньо, Жозе, говорил вполне серьезно; он

посетил священника и просил его назначить дату его свадьбы с Аделаиде, девушкой-рабыней.

При следующей встрече с Коутиньо отец Жозе сообщил ему, что его сын Жозе намеревается жениться на Аделаиде.

Коутиньо был вне себя.

— Я уже замечал, что он проявляет интерес к ней, отец Жозе. Я согласен примириться с тем, что он питает нежные чувства к прекрасной маленькой мулатке. Но, ради Бога, почему он должен на ней жениться? — Коутиньо был безутешен. Никогда он не смог бы понять мотивов своего сына. — Он хочет жениться на рабыне? Это невозможная вещь! Мой сын доведет меня до сумасшествия, отец Жозе!

Тем временем в сензале рабов на фазенде барона произошел неприятный разговор между Жустиньо и Джимасом. Здесь тоже речь шла об Аделаиде. Жустиньо никак не мог взять в толк бесперспективность своих планов в отношении красавицы Аделаиде.

— Нет, я все еще люблю ее, и она уже могла бы быть моей, но она не захотела. Из-за нее я убил Онорио.

— Я знаю об этом, брат, — заверил Джимас, тронутый выражением страдания на лице Жустиньо. — Но, к моему великому сожалению, она любит другого.

— Другого? — Жустиньо сверкающими глазами посмотрел вокруг себя, словно искал спрятавшегося соперника. — Когда любишь по-настоящему, сердце не знает удержу! Я убью и этого «другого»...

— Он же не виноват, Жустиньо! — пытался успокоить его Джимас. — Аделаиде сама выбрала его...

— Меня она никогда не хотела... — Голова Жустиньо опустилась на грудь. Он был сломлен. — Она сказала, что ее дети не должны быть рабами...

— Это были только отговорки, — уверял Джимас, — сегодня каждый родившийся от раба свободен.

— Это ты называешь свободой, если ребенок не может остаться с матерью, если она — рабыня? — Жустиньо оглядывал Джимаса строгим взглядом, будто именно он был ответствен за это бесправие. — Она не будет принадлежать другому, так как я убью его! Мне все равно, если даже я сам погибну!

— Тогда ты не любишь ее! — окончил разговор Джимас.

— Это же неслыханно, такого я никогда не ожидал услышать в своей жизни! — Коутиньо призвал к ответу своего сына.

— Я прошу вас, отец, не волнуйтесь, — успокаивал Жозе. Но тот и не думал утихомириваться.

— У тебя что — нет чувства стыда? Эту сумасшедшую идею можешь выбросить из головы, я не допущу этого! Мой сын женится на черной рабыне! Ты соображаешь, в какое идиотское положение ты меня ставишь?

Жозе Коутиньо еще не знал, что попытки священника в свое время тоже не увенчались успехом. Его отец остался глух к речам слуги Господа — напротив, даже отец Жозе стал мишенью отцовского гнева:

— Меня удивляет, что он, как священник, еще и одобряет это! Это верх аморальности!

— Но, отец, я люблю ее! — Жозе Коутиньо выдвинул свой сильнейший аргумент. Однако разошедшегося старика унять уже было невозможно:

— Я спрашиваю тебя в последний раз: почему ты хочешь жениться на негритянке с этой фазенды? Женщине, которая служила своему господину за столом и в постели? Отвечай! Почему?..

Если раньше все враждебные действия со стороны своего окружения барон уверенно преодолевал, то теперь он уже видел себя одного противостоящим миру врагов. Большинство владельцев имений предало его — они уловили знамение времени и отпустили своих рабов, которые теперь работали на них за вознаграждение. Он порвал даже с женой и дочерью, и бывший друг и доверенное лицо доктор Фонтес и его семья стояли в списке его противников.

В этой мрачной ситуации полковник Феррейра стал слабеть и все чаще заглядывать в бутылку. Совершенно опьянев, он шатался по ночам из комнаты в комнату своего дома.

Испуская чередой проклятия и угрозы, он жаловался на свою судьбу. Желая он просил вновь вернуться в спальню, одновременно признаваясь ей, как сильно он страдает от отсутствия дочери.

— Если ты так мучаешься, почему не приведешь ее обратно домой? — Донну Кандиду не смущали его показные речи и жалобы.

— Она откроет ворота сензалы рабов, если сможет, — плакался барон, — и дом придет в запустение, как у Мартиньо или Медейры. Если ты сможешь примириться с нищетой, тогда иди и приведи ее!

Донна Кандида с недоверием качала головой. Она слишком хорошо знала своего мужа. Он не в силах был размягчить ее ни угрозами, ни внезапными припадками. Она предпочла спать и дальше в парадной комнате.

— Я принял решение, Бруно! — крикнул барон, распорядившись позвать к нему надсмотрщика. Рядом с хозяином фазенды стоял охотник за рабами, Лесной капитан. — Капитан и его люди остаются здесь, на фазенде, в моем распоряжении, — распорядился Феррейра, — чтобы помочь вам стеречь рабов! Я не доверяю этому белому рабу!

— Да, но... — Бруно увидел, что его власть на фазенде слабеет. — Я же сам охраняю его!

— Вы и дальше отдаете приказы, — успокоил его барон, — капитан будет только вам помогать.

— Как желаете, господин барон. — Бруно, как побитая собака, пошел восвояси. Лесной капитан наблюдал за ним с довольной усмешкой.

— Отсюда не сбежит больше ни один раб, — пообещал он своему новому хозяину, который заплатил за его присутствие на фазенде приличную кучу денег.

— Действуйте, не зная жалости!

В этот момент барон хотел только одного: чтобы охотник за рабами нашел повод прикончить Джимаса...

— Рут! — Бентиньо проскользнул на кухню и сделал таинственный знак домашней прислуге семьи доктора Фонтеса, отпущенной рабыне. Гордо выпятив грудь, он сообщил:

— Я и доктор Родолфо освободим завтра Джимаса из сензалы рабов барона! И приведем его сюда!

Рут всплеснула руками:

— Вы с ума сошли?

— Я говорю тебе это, чтобы ты подготовилась, — разъяснил с важным видом Бентиньо, — но смотри, никому ни слова!

— Не бойся, мне уже хорошо известно, что наш милый

друг — Черный Всадник, «куиломбский брат» повстанцев. А теперь убирайся с кухни, мне нужно еще обед готовить!

Рикардо снова предался своим любовным видениям. Он долго искал повод, чтобы нанести баронессе еще один визит.

— Вы пришли, чтобы опять говорить об источнике? — Донна Кандида была не в большом восторге так скоро вновь увидеть Рикардо. К тому же она была занята работами в своем роскошном цветочном саду.

— Да... да, — бормотал Рикардо, не краснея, — речь... э-э... об источнике. — Глядя на усталое лицо баронессы, он понял, что его доводы не были приняты всерьез. — Но если говорить откровенно, то я сам не знаю, почему я здесь...

Вы здесь наверняка, чтобы беседовать с бароном.

— Собственно говоря, я собирался поговорить с вами, — заикаясь, продолжал Рикардо. Он упал на колени перед возлюбленной, о которой мечтал. — Я не могу иначе... я каждую ночь мечтаю о вас!

Донна Кандида этим признанием была несколько обеспокоена. Еще бы: приходит к ней на фазенду сын всеми уважаемого гражданина в то время, когда рядом находится ее муж, который в любую минуту может нагрнуть сюда, и заявляет ей дерзко о своей любви! Молодой человек действительно не в своем уме.

— Уходите! — она вздохнула и жестом указала ему на дверь.

— Извините, милостивейшая госпожа! — вырвалось у Рикардо. Бесперывно сгибаясь в поклоне и пятась, он едва не упал, наткнувшись спиной на куст мальвы. Окончательно подавленный, он исчез из виду.

Донна Кандида смотрела ему вслед, качая головой. Она стояла возле великолепных цветов и размышляла над сбивчивыми любовными признаниями Рикардо. Мысли о нем еще долго кружили ей голову...

Глава 29

— Это ты, Феррейра? — спросила донна Кандида мужа, когда тот поздним вечером хотел пройти через парадную комнату, где теперь расположилась его жена, в спальню.

— Я думал, ты уже спишь, — ответил барон, подходя к ней.

— Стук копыт твоей лошади разбудил меня, — пояснила донна Кандида. — Я начала беспокоиться, потому что уже поздно.

— Я полагал, что безразличен тебе... — удивился барон.

— Нет, это не так, — она жестом пригласила его присесть к ней. — Мы часто причиняли друг другу боль, но я все еще люблю тебя.

Барон бережно взял ее руку и поцеловал.

— Приятно слышать это!

— В моей жизни я не знала другого мужчину и ни о каком другом не думала, — призналась донна Кандида, чтобы ослабить смятение чувств, в которое ее поверг сегодняшний визит Рикардо. Барон, которому была неведома причина резкой перемены ее настроения, блаженствовал, ощущая свою восстановленную мужественность.

— Я твоя жена и должна быть с тобой в радости и в горести, в каждый момент нашей жизни...

После долгих недель отчуждения эти слова прозвучали для него как рождественский колокол. Радуюсь тому, что хотя бы на время супружеская война окончена, он заключил жену в объятия:

— И я люблю тебя, Кандида, больше всего на свете!..

Однако Феррейра заблуждался, если думал, что отныне все семейные проблемы решены. После примирения с мужем донна Кандида испытывала облегчение, однако разрыв отца с дочерью не давал ей покоя. Чувство тревоги не покидало ее.

— Феррейра, ты хоть раз подумал о том, что мы оба разрушаем нашу жизнь? — заявила она мужу, лежа рядом с ним в их общей спальне.

Барон насторожился.

— Разрушаем? Я не понимаю, о чем ты?

— О нашей дочери.

— Не говори о ней! — Барону был явно неприятен этот разговор. — Не пытайся меня переубедить. Она потеряла мое уважение.

— И все же ты любишь ее?

Феррейра задумался.

— Если любят ребенка, это еще не значит, что он может творить что угодно. Меня возмущает ее поведение и то, что она противится моей воле!

— Ты был не прав и должен это признать! Она была и остается нашим ребенком!

Феррейра окончательно вышел из себя. Он, не раздумывая, вскочил и принялся выталкивать жену из постели.

— Вон! Уходи отсюда! — ворча, он выталкивал совершенно сбитую с толку донну Кандиду из комнаты. — И больше не заикайся о ней!

— Я слышала, как сердился барон... — тихо проговорила появившаяся Виржиния. — Может, заварить госпоже чаю?

— Да, моя милая, завари мне чаю, — попросила упавшим голосом донна Кандида, — и добавь в него немного яду, чтобы моему горю, наконец, пришел конец. Я так страдаю!

Слухи напугали Жулиану, внучку Аугусто. Весь город судачил о ее неудачном романе с Джимасом. Большинство женщин в Арауне вспомнили о трагической истории, случившейся с матерью Жулианы. Сама Жулиана была единственной, кто о ней не знал.

— Все кумушки Арауны говорят о моей матери. Не лучше ли было бы, если вы, дедушка, рассказали бы мне про ее историю? — требовала Жулиана от Аугусто правду и только правду.

В конце концов Аугусто, годами скрывавший эту тайну, поведал Жулиане обо всем, что произошло.

— Твоя мать была очень красивой девушкой, веселой, жизнерадостной... — начал Аугусто. — Она заботилась обо всем и всех, вела домашнее хозяйство, пока твоя бабушка обучала сыновей фазендейро и торговцев. Так продолжалось много лет, Жулиана, пока в один из дней твоя бабушка не умерла. — Аугусто вздохнул. — Мы оба остались одиноки.

Жулиана сидела напротив своего деда и читала каждое его слово по губам, хотя хорошо слышала.

— Ну а дальше? — торопила она его.

— Однажды в доме появился молодой человек, такой, как Джимас, примерно. Он был чрезвычайно прилежен, хороший наборщик, а твоя мать красива, молода и легковажна. Она позволила молодому человеку околдовать себя... — Он запнулся, ушел в себя, и горестная складка легла вокруг его губ. — Слишком поздно она поняла, что он бесчестный и низкий человек. Они не поженились, он

просто оставил ее и исчез. — Аугусто снова замолчал. — Я чувствую свою вину в том, что всему этому не помешал.

Жулиана заметила, что история ее матери даже спустя много лет все еще болезненно переживается дедом.

— Она любила его? — спросила Жулиана.

Аугусто вскинул брови и вздохнул:

— Потом родилась ты, дитя мое, и я один воспитывал тебя, потому что твоя мать нас тоже покинула.

— Она ушла, чтобы искать его?! — воскликнула удивленная Джулиана.

Лицо Аугусто казалось еще более усталым.

— Нет, Господь взял ее к себе, дитя мое.

— А мой отец? Он приходил когда-нибудь? Он спрашивал о ней?

— Нет, — ответил Аугусто, — да и я не пытался искать его. Я не хотел потерять еще и тебя. — Он вынул носовой платок из кармана и высморкался. — Вот какая произошла история, Жулиана, давай не будем больше о ней вспоминать. Память о ней все еще отзывается болью.

— Да, дедушка, никогда больше! — Жулиана взяла руки старого человека, покоившиеся перед ней на рабочем столе, и доверчиво заглянула ему в лицо.

— Ах, дедушка... как я люблю тебя!

— Он любит тебя иначе, чем Жулиану, ты наверняка это заметишь. — Отец Жозе разговаривал с Сеньоритой в своем доме о любви, но чаще речь заходила о Джимасе. Священник собирался открыть дочери барона тайну, но тут неожиданно появился Родолфо Гарсия Фонтес:

— Добрый вечер, отец Жозе, добрый вечер, Сеньорита! Надеюсь, не помешал?

Он принес известие о Черном Всаднике, который хотел освободить Джимаса и просил священника спрятать его на одну ночь в церкви.

— Я думала, Джимас и есть Черный Всадник! — смутилась Сеньорита. До этого дня она твердо была уверена, что только Джимас может быть таинственным незнакомцем в черной маске. Теперь она требовала от обоих мужчин сказать ей правду. Но Родолфо ловко увернулся от разговора на данную тему и перешел к другим вещам: Сеньорита должна найти приют в доме его родителей, пока она не хочет жить в своем имении.

Дочь барона согласилась, поскольку она уже не будет зависеть от расположения Аугусто и Жулианы, которая любит того же человека, что и она, — Джимаса. Мать Родолфо, донна Инес, приняла девушку радушно.

Сначала Аугусто был очень рассержен этим шагом Сеньориты. Он считал ее неблагодарной, но Жулиана убедила его в конечном счете: «Это из-за Джимаса!»

Джимас! Он подчинил себе все мысли и чувства Жулианы, даже если он сейчас сидел в сензале рабов барона Феррейры. Джимас! Жулиана надеялась, что Черный Всадник спасет его. Она была уверена, что Джимас не имеет никакого отношения к убийству Онорио — одному из дел, предъявленных ему в качестве обвинения, — она могла присягнуть в этом перед судом.

И она никогда не стала бы терпеть дочь барона в доме своего дедушки, не скажи ей Джимас того, что сама Сеньорита еще не знала: Джимас был ее братом...

Глава 30

«Куилломбский брат» повстанцев продолжал возникать то и дело в мыслях жителей Арауны. Барон, например, представлял его в облике Джимаса и в тюрьме, куда барон по настоянию Аугусто и других важных персон города распорядился его препроводить. Там ему надлежало ждать начала судебного процесса, где ему придется отвечать за свои действия, которые кто-то считал преступлением, а кто-то — чистым геройством. Рикардо догадывался, что не Джимас, а его брат Родолфо все больше соответствовал образу Черного Всадника...

Прошло уже несколько дней с той поры, как Сеньорита поселилась в доме доктора Фонтеса. У нее была своя отдельная комната и достаточно свободного времени, чтобы хорошенько обдумать свое положение. Она чувствовала себя почти как дома, и она и Родолфо снова сошлись ближе. И однажды им представился случай поговорить с глазу на глаз.

— Он любит вас не так, как я, — заявил Родолфо.

Она вынуждена была с ним согласиться и признать, что была порядочно этим уязвлена. Нечто загадочное сто-

яло между нею и Джимасом. Но она никак не могла понять, что это. Хотя ее нежные чувства к Джимасу были безответными, Сеньорита тревожилась за него. Она попросила доктора Фонтеса выступить в роли адвоката Джимаса на процессе. Кроме того, она позаботилась, чтобы те немногие лица в Араруне, чье мнение она ценила, оказались на ее стороне, а значит, и на стороне Джимаса.

Донна Кандида еще не выбрала ни одну из противостоящих в Араруне сторон. Хотя доводы сторонников освобождения рабов казались ей убедительными, но святыня брака обязывала ее соблюдать верность мужу. Таким образом, она печалилась не столько о судьбе Джимаса, заключенного в тюрьму, сколько о том, что он вернулся в Араруну и стал причиной столь многих осложнений и неприятностей.

Произвол Лесного капитана, назначенного на должность комиссара, благодаря доктору Фонтесу длился недолго. За соблюдением порядка и законности теперь снова следил комиссар Антеро, который решением суда был восстановлен в своей прежней должности. Он вновь начал выполнять свои обязанности в качестве блюстителя закона, располагая точными судебными инструкциями — не допустить, чтобы полковник Феррейра оказывал давление на судебные органы и нарушал законы, как это стало правилом в прошлом. Он настойчиво попросил барона сформулировать свои упреки по адресу Джимаса в подобающей форме, а именно как официальное обвинение. Не без удовлетворения он упомянул о том, что судебный исполнитель является республиканцем и ярым сторонником движения за отмену рабства.

Позднее комиссар имел конфиденциальную беседу с Джимасом и спросил его, почему он столь активно выступает за дело освобождения рабов и тем самым навлекает на себя гнев барона. Джимас не отвечал...

В то время как мужчины делали политику в своих интересах, а во вражеском стане были расхождения, Сеньорита неустанно трудилась над тем, чтобы и женщинам Араруны донести значение новых идей. Она была разочарована, натолкнувшись на равнодушие. Донна Инес даже посоветовала ей вернуться домой и помириться с отцом. От нее Сеньорита ожидала такой реакции меньше всего. Поначалу дочь барона еще колебалась, но потом приняла решение. По

ее мнению, нужно было только найти повод для того, чтобы вернуться. Что-то в ее душе окончательно умерло с тех пор, как она узнала, что Джимас не любит ее.

Жулиана собралась в путь, чтобы навестить Джимаса в тюрьме. Тем временем барон отыскал в бумагах, кому он продал Рафаэла тринадцать лет назад. Феррейра решил распорядиться найти последнего владельца Рафаэла, с тем чтобы он смог официально выкупить его у него.

— Кандида, в этом городе все помешались на том, чтобы освободить этого негодника из тюрьмы. Но я расстрою их планы. Я куплю его, прежде чем это сделают другие.

— Почему? — донна Кандида слишком хорошо знала, что может замышлять барон. — Почему вы просто не забудете всю эту неприятную историю?

— У меня есть на то свои причины, Кандида. Не вмешивайся в мои дела!

Поняв, что барон не желает больше говорить об этом, она повернула к новой, отнюдь не менее взрывоопасной теме:

— Скажите, Феррейра, вы что-нибудь узнали о нашей дочери?

Но и этим она не вызвала у барона больших ответных чувств:

— Не знаю и знать не хочу! Никто меня еще так не выводил из себя!..

— Поговаривают, что она теперь живет в доме доктора Фонтеса.

Упоминание этого имени разбудило в бароне мрачное предвосхищение возможности отомстить.

— Этот Фонтес и его сын! Они мне заплатят за все!..

Несмотря на то, что барон отказал дочери в родительском доме и в разговоре с женой еще раз показал свой нестигаемый характер в том, что касалось возможности пойти на примирение с его стороны, несколькими днями позже одно событие заставило его задуматься. Пусть между дочерью и отцом возникают конфликты, однако есть более значимые ценности, чем честь. Это была репутация семьи полковника Феррейры, которую ему надо было защищать, и он не мог допустить, чтобы его дочь запятнала ее.

Когда полковник Феррейра увидел, как Родолфо Гарсия Фонтес и его дочь, углубившись в разговор, проходили по улицам города, он понял, что настало время спасать репутацию своего рода. Это уже было слишком. Молодая женщина на виду у всех прогуливается с молодым человеком, который не был ей ни родственником, ни помолвленным женихом, — с таким непослушанием барон не мог мириться. Безумию дочери следовало положить конец. Совершенно неожиданно даже для донны Кандиды барон принял решение вернуть дочь назад, домой.

Родолфо Гарсия Фонтес воспользовался посещением Джимаса в тюрьме, чтобы посвятить его в планы «куилломбского брата». Черный Всадник освободит его этой ночью, после чего Джимас должен тут же покинуть Арауну.

Джимас догадался, что Родолфо тем самым хочет избавиться от соперника в борьбе за любовь Сеньориты. Тем не менее он одобрил замысел. Если «куилломбский брат» повстанцев его освободит, то одновременно с него спадет подозрение, что это он сам им является. И убийство Онорио уже нельзя ему более приписывать. Впрочем, Родолфо, так же как и Джимас, знал, что Жустиньо убил Онорио из-за Аделаиде.

— И еще кое-что, — сказал Родолфо, уходя. — Вы не только боретесь за идеалы, Джимас, вы слишком горячо ненавидите. Я не хочу убивать барона, а лишь освободить его рабов. Вы же, напротив, помышляете только о мести...

— Я знаю, за что я борюсь! — мрачно возразил Джимас.

Родолфо понял, что продолжать разговор не имеет смысла.

— Я освобожу вас, и затем вы исчезнете! Или предпочитаете судебное разбирательство? Так что готовьтесь к отъезду. Если вам снова понадобится вернуться в Арауну, то появляйтесь только с подлинным свидетельством об освобождении! — Родолфо проводил Джимаса обратно в камеру.

Уже на пороге тюрьмы Родолфо посвятил комиссара в свой замысел. Казалось, Антеро не имел ничего против запланированного похищения пленника. Побег Джимаса раз и навсегда устранил неприятный конфликт с бароном.

Прежде чем дверь за ним закрылась, Родолфо еще раз обернулся:

— Итак, я появляюсь в полночь, одетый как Черный Всадник!

— Мне что же, ночевать здесь, чтобы узнать всю правду? — спрашивала Сеньорита отца Жозе, которому нанесла визит поздним вечером. Она чувствовала, что бесконечно любит Джимаса, но он избегает ее любви, и она догадывалась, что священник знал причину этого... Однако отец Жозе не собирався выкладывать истину.

— В такой час бедный старый пастор обычно спит глубоким сном...

— Тогда... мне остаться?

— Ну не будь такой упрямой! — попросил отец Жозе. — Семья доктора Фонтеса уже заждалась тебя...

Но Сеньорита не намеревалась так легко сдаваться, она усилила нажим на священника.

— Я думаю только о Рафаэле, который сейчас заперт в камере. Я пойду в тюрьму и буду спать там на грязном полу, если вы мне не скажете правду.

Священник совсем было сник, прикорнув в своем кресле, но тут вдруг дремоту его как рукой сняло:

— На это ты способна, я не сомневаюсь. В конце концов, ты же спала однажды в сензале рабов. — Старый слуга Божий не торопясь выбрался из своего кресла и налил себе рюмку портвейна. Джимас уже при первой встрече с ним в доме доктора Фонтеса показался священнику на удивление знакомым внешне. Поразмыслив, отец Жозе пришел к выводу, что Джимас был Рафаэлом, сводным братом Сеньориты, которого барон много лет назад продал как раба. Тогда священник решил держать это открытие про себя. А сейчас он отпил глоток и начал:

— Возможно, Рафаэл и хочет ответить на твою любовь, но не той любовью, которую имеешь в виду ты.

— Что вы хотите этим сказать? — Сеньорита была сбита с толку.

— Сеньорита, он не хочет впасть в грех, — вздохнул отец Жозе.

Но и это высказывание священнослужителя ничего не прояснило Сеньорите.

Решение продолжить разговор явно стоило отцу Жозе больших усилий.

— Я не могу допустить, чтобы ты и дальше так страдала — и всего лишь из незнания. Твое сердце ничего тебе не подсказывает?

— Клянусь Богом, нет!

— Сеньорита, Рафаэл — твой брат! Внебрачный сын твоего отца, но он — твой брат! Не говори ему, что я выдал тебе эту тайну. Я нарушил клятву и поплачусь за это.

Девушка как во сне воспринимала слова священника. Поняла ли она вообще, что он сказал?

— Брат... брат... — твердили ее губы, в то время как глаза были пусты. — Сын Марии дас Дорес... мой брат? — Слезы залили ее лицо, мир ее потаенных мечтаний рушился, как картонный домик. — Я хочу умереть, отец Жозе, чтобы больше не думать ни о чем.

— Не говори так, Сеньорита! — Священник обнял ее за плечи. — Река не течет прямо через поля, она обтекает холмы и горы, иногда бежит по долинам, а порой падает вниз водопадом, но всегда достигает цели!..

План Родолфо, связанный с освобождением узника Джимаса, был отлично продуман, и все протекало как по маслу. Оказалось, что он посвятил в него комиссара лишь частично...

Сначала он послал своего верного слугу Жусто, одев его как Черного Всадника, в комиссариат.

— Не так реально, доктор Родолфо! — принял его комиссар с улыбкой, которая уже в следующий миг превратилась в гримасу...

— Я не доктор Родолфо! — сказал Черный Всадник, помахивая в воздухе револьвером внушительного калибра. — Выпустите узника!

— Но уговор был не такой! — пожаловался Антеро. В ту же минуту, к его безмерному удивлению, появился еще один незнакомец, одетый так же, как Черный Всадник.

Они вместе скрутили комиссара и заперли в камере Джимаса.

Последний узнал Жусто, несмотря на маску, но имя настоящего своего освободителя — второго Черного Всадника — ему выяснить не удалось. Родолфо Гарсия Фонтесом он определенно не был.

Никто не смог бы предположить, кто был этот второй Черный Всадник, и меньше всего сам комиссар, который, ругаясь, сидел в камере.

Жулиана была огорчена, узнав, что Джимас покинул город. Она печалилось, что он ушел, даже не собрав вещи и не повидав ее. Но она не могла знать, что Джимас все еще оставался в Арауне и нашел убежище в доме священника.

На следующее утро Родолфо Гарсия Фонтес явился к комиссару Антеро и спросил его о Черном Всаднике. Антеро был взбешен, считая, что Родолфо провел его самым чудовищным образом. В конце концов — таков был смысл его чертыхания, — он не для того во второй раз принял дела, чтобы выставлять себя на посмешище.

— Не все и не всегда происходит так, как ожидалось, комиссар! — улыбнулся Родолфо и поспешил туда, где мог скрываться Джимас. Когда, как и предполагалось, Родолфо встретил Джимаса в церкви, то сказал ему, что в маске Черного Всадника, который освободил его, был не он, не Родолфо. У Джимаса тоже разгорелось любопытство. Может, Родолфо Фонтес лгал? Или знал больше, чем захотел сказать? А если не он, то кто же тогда был вторым Черным Всадником?

Глава 31

Донна Кандида пришла в дом доктора Фонтеса, чтобы забрать свою дочь, которая тоже была не против вернуться домой. Она поблагодарила донну Инес за великодушные, с каким та отнеслась к ее дочери.

Покидая гостеприимный дом, Сеньорита попрощалась и с Родолфо.

— Мое сердце ужасным образом обманулось, — призналась она, — я сделала большую ошибку. Теперь я знаю, что люблю вас!

Это любовное признание изменило все, хотя Родолфо Фонтес не понимал, что подтолкнуло Сеньориту к такой перемене чувств. Он не знал также и о разговоре между Сеньоритой и отцом Жозе, в котором священник открыл ей, что Джимас — ее сводный брат.

— Теперь вы забудете Джимаса?

— Давайте не будем говорить о нем, Родолфо! Я прошу извинения за все, что произошло.

Родолфо был на седьмом небе от счастья. Мысли смешались у него в голове. Он подумал, что надо как можно скорее жениться на девушке, и потому посоветовал ей не

возвращаться в родительский дом. Однако Сеньорита попросила его проявить терпение — слишком неожидан был бы такой поворот событий. Он повез ее на фазенду ради донны Кандиды и Виржинии, которые не могли дождаться своей любимицы. Сеньорита очень хотела вернуться домой и предложить отцу забыть обиды и попытаться начать все сначала.

И все же Родолфо было легко от сознания того, что отныне трения между ним и Сеньоритой, все недоразумения устранены. Теперь уже вопрос времени, когда будет назначена помолвка.

Правда, реакцию самого барона на подобное развитие событий и он, и Сеньорита ожидали с тревогой...

— Я не совсем понимаю, сеньор Эвералдо, что вы имеете в виду. — Доктор Фонтес казался застигнутым врасплох, когда Эвералдо и Коутиньо без предупреждения нанесли ему визит. — Может, вы хотите сказать, что мой сын Рикардо послал Жусто на вашу фазенду, чтобы завербовать ваших отпущенных на волю рабов?

— Точно так, вы меня правильно поняли! — Эвералдо кипел от возмущения. — Если бы я не был начеку, десять моих лучших рабов ушли бы, чтобы работать в имении Рикардо! Так что позаботьтесь об этом заранее — иначе мы примем собственные меры!

Доктор Фонтес долго размышлял, можно ли еще было предотвратить конфликт между помещиками Эвералдо и Коутиньо, с одной стороны, и его сыном Рикардо — с другой. Но он пришел к заключению, что владельцам плантаций и помещикам придется смириться еще со многими новациями. В конечном счете он попросил своего сына Рикардо сообщить Эвералдо и Коутиньо, что он не оспаривает у них ни одного из рабов, но что отныне это свободные люди, могущие сами решать, где они в будущем хотят работать. Им, как помещикам, придется смириться с этим фактом.

— Я бы не ушел, не попрощавшись с тобой! — заверил Джимас Жулиану, когда та навестила его в доме священника, где он скрывался. Их взгляды встретились и не могли разминуться друг с другом.

— Ты можешь взять все, потому что я люблю тебя, —

шептала Жулиана, — я бы умерла, если бы ты ушел, не взяв меня с собой!

— Тебя с собой? — спросил удивленно Джимас. — Это было бы безумием, Жулиана. Я люблю тебя, как не любил еще никого на свете! Если ты пойдешь вместе со мной, то возьмешь у меня всю мою силу, а этого я допустить не могу, понимаешь? — Выражение лица Жулианы говорило, что до нее не доходил смысл сказанного Джимасом. — Я не имею права быть слабым, у меня есть задание, — продолжал он свои объяснения, — а теперь, я прошу тебя, уходи, забудь меня...

— Джимас! — испуганно воскликнула Жулиана.

— Меня зовут не Джимас, моя имя — Рафаэл. — Лицо его, когда он говорил это, приняло невыразимо грустное выражение, показывавшее внутреннюю борьбу чувств. — Я не хочу тебя больше видеть! Уходи, Жулиана, ради Бога, уходи!

— Нет, я останусь с тобой! — Жулиана не подозревала, что в эту минуту переживал Джимас.

— Мне еще яснее сказать тебе? — теперь в его голосе звучал гнев. — Как ты думаешь, сколько я еще могу противостоять тебе? Твой дед не хочет, чтобы повторилась история, подобная той, что произошла с твоей матерью. Прошу тебя, уходи, пожалуйста. — Только теперь до Жулианы дошел смысл его слов, и она разрыдалась.

— Ты не любишь меня, да? Но ведь ты только что сказал, что любишь...

— Нет, я не люблю тебя. Я только хотел соблазнить тебя, но не решился. Может, теперь ты меня лучше понимаешь?

Никогда прежде не страдал так Джимас оттого, что не мог сказать правду. Но что ему оставалось делать? Он не хотел втягивать Жулиану в свои замыслы, замешенные на ненависти и отмщении...

Не только Жулиане объявил Джимас о разрыве их отношений. Он сказал также Аугусто, что не считает себя достойным любви такой девушки, как его внучка. Джимас опасался, что он может принести ей несчастье. В конце концов он не только убежденный республиканец и поборник освобождения рабов, но, что еще хуже, его заключали в тюрьму как сбежавшего раба. Такое прошлое будет всегда бросать тень на будущее его и Жулианы. Аугусто слишком хорошо знал, как прав был Джимас. К тому же прошло бы немало времени, пока Джимас смог бы вер-

нуться в Араруну. Слишком долгое для молодой любви, предполагал Аугусто.

— Вот, значит, как здесь, в господском доме... — Слепой Фулженсио еще никогда не переступал порога дома барона и ощупью пробирался по роскошно обставленным помещениям. — Даже запах другой. Неудивительно, что Аделаиде, перебравшись сюда, забыла моего брата Жустиньо.

Поначалу Жустиньо был скептически настроен, узнав, что его слепого брата Фулженсио взяли в дом барона. Но чем больше он над этим размышлял, тем больше нравилось ему это решение, ибо теперь Фулженсио станет недостижимым для надсмотрщика Бруно.

Сеньорита тоже была рада, что Фулженсио покинул мрачную сензалу рабов и жил теперь с домашними слугами в господском доме. Она благодарила отца, чье милосердие ее удивляло. Так как полковник Феррейра явно выказал человеческие порывы души, понемногу его дочь проникалась все большим доверием к нему. Она даже сказала ему, что Джимас освобожден Черным Всадником, и попросила его в дальнейшем не преследовать Джимаса, ибо он не является Черным Всадником...

Аделаиде, служанка Сеньориты, скоро тоже прониклась доверием к Фулженсио и посвятила его в тайну: она чувствует, что Жустиньо из сензалы рабов звал ее.

— Он сделал для тебя колдовское зелье, — пояснил Фулженсио, — чтобы ты никогда не забывала про его любовь.

Но Аделаиде знала, что даже с колдовскими чарами Жустиньо не добьется ее.

— Я пропал, мама! — Рикардо чувствовал себя отвратительно. Очнувшись от кошмарного сна, он посетовал донне Инес на свои невзгоды. Донна Инес невозмутимо ответила:

— Не говори чепухи, сын мой, ты всегда думаешь, что пропал, а потом...

Однако на этот раз Рикардо был сам не свой. Он снова видел во сне желанную баронессу: Рикардо еще отдавался сладострастным наслаждениям с ней в своих фантазиях, как вдруг, совсем внезапно, словно удар молнии, его на-

стигла жестокая месть барона. Весь в поту, он с трудом очнулся от этого кошмара...

— Думай о лошадях, которых ты собираешься разводить на своей фазенде! — посоветовала ему мать. — Это отвлечет тебя.

Отец Жозе вынужден был сообщить сыну Коутиньо, Жозе, горькую правду: он не сможет жениться на Аделаиде без разрешения своего отца. Почти в это же время барон сообщил прекрасной рабыне Аделаиде, что, если Сеньорита не будет возражать, он мог бы теперь продать ее Жозе. Вскоре после этого барон и Жозе Коутиньо встретились и заключили соглашение об этом, и Жозе пригласил барона на свою и Аделаиде свадьбу. Барон дал согласие при условии, что на ней в качестве гостя будет присутствовать и отец Жозе.

Новость о том, что Аделаиде продана, чтобы выйти замуж и стать дамой общества, распространилась в Арауне, как огонь в бикфордовом шнуре. А в сензале рабов сидел Жустиньо и заливался горькими слезами отчаяния.

— Простите мне мою откровенность, но я никогда не симпатизировал священникам, — признался Джимас удивленному отцу Жозе, хотя тот с момента его побега из сензалы рабов барона мужественно стоял на его стороне и укрывал в своем доме. — Я всегда верил только в справедливость и свободу, то есть вещи, которые церковь не трогают, раз она обхаживает рабовладельцев и принимает от них пожертвования...

Отец Жозе откашлялся, разговор был для него неприятен.

— Сын мой, к сожалению, церковь нуждается в великодушии таких людей, чтобы жить...

Джимас дал понять, что не удовлетворен таким ответом:

— А я считаю, церковь прочнее была бы в сердцах всех людей, если бы не всегда склонялась в сторону богатых и власть имущих.

— Джимас, — вздохнул священник, — мне с каждым разом все труднее говорить с вами.

Оба помолчали. Затем Джимас попросил:

— Отец Жозе, я хотел бы исповедаться.

Священник был явно застигнут врасплох. Он не ожидал услышать подобную просьбу.

— Не понимаю вас. Только что вы сказали, что не верите церкви и священникам...

— Я доверяю вам как человеку, — сказал Джимас, — и хотя бы кто-то один должен знать правду, потому что я не знаю, что со мной будет, если...

Исповедь Джимаса поразила слугу Божьего...

Пока Джимас пытался осмыслить всю свою жизнь, барона мучило сознание, что с его возвращением на его собственную жизнь брошена темная тень прошлого. Не зная, каким образом приблизиться к тайне Джимаса, барон потребовал от охотника за рабами выяснить, кто такой этот Джимас. Лесной капитан рано или поздно докопается до истины, хотя и не слишком разборчивыми методами, в этом барон был уверен.

Сеньорита посвятила Виржинию в свою тайну: теперь она знала, что Джимас — ее брат. Виржинию эта новость не удивила. Она поспешила заверить Сеньориту, что барон не согрешил, так как все произошло еще до свадьбы с донной Кандидой. Теперь, когда даже Сеньорита была в курсе, старая няня поведала также донне Кандиде, что рабыня Мария дас Дорес незадолго до свадьбы ее госпожи и барона уступила его домогательствам. Поначалу донна Кандида не могла понять, куда клонит старая негритянка.

— Ты говоришь, чтобы я не огорчалась — отчего? Расскажи мне все как было. Разве у барона и Марии дас Дорес были...

— Я этого не говорила, — запричитала Виржиния, — я...

— Ты мне дала понять, что барон... — заметила донна Кандида.

— Что она дала тебе понять? — спросил барон, заходя в этот момент на кухню. Он, казалось, догадался, что обе женщины говорили о нем. Появление полковника Феррейры сразу оборвало разговор — остались лишь предположения и сомнения, которые для донны Кандиды были еще мучительнее.

Любовь в Арауне не признавала ни рабов, ни господ. Многие молодые люди в своих симпатиях друг к другу оказывались по разные стороны баррикад и теперь должны были пережить немало страданий.

С той поры как Фулженсио жил в господском доме, Жустиньо занимал в его лице верного сообщника. Но в основном его интересовал лишь один человек в «каза гранде» — Аделаиде. То, что он слышал о ней, не радовало Жустиньо. Она призналась как-то Фулженсио, что хотя она очень ценит внимание Жустиньо, но замуж хочет выйти за Жозе. Жозе был белокожий и к тому же с высшим образованием, поэтому она была уверена, что их детей ждет счастливое будущее и им не придется страдать от цвета их кожи. В это же самое время Коутиньо угрожал своему сыну, что навсегда вышвырнет его из дома, если тот рискнет жениться на Аделаиде.

Джимас покинул Арауну. По его мнению, он сделал все что мог, чтобы Жулиана испытывала как можно меньше страданий. Однако у Аугусто были все основания тревожиться за судьбу Жулианы. Он признался отцу Жозе, что опасается, как бы она не умерла от любовной тоски. Целыми днями она ничего не ела и думала только о Джимасе, который отказался от нее ради ему одному известной цели. В одном из долгих разговоров Аугусто удалось убедить Жулиану в том, что она не должна замыкаться в своем горе, а быть открытой для радостей жизни. Только так она сможет освободиться от глубокой тоски, напавшей на нее после разговора с Джимасом.

На следующее утро Жулиана впервые вышла из дому, чтобы сделать кое-какие покупки. Разговор с дедом указал ей новые пути, и лучи утреннего солнца грели ее душу так же, как галантные комплименты Марио, вызвавшегося ее проводить. Сын Эвералдо давно уже заприметил внучку журналиста, но сдерживал свои чувства, видя частое присутствие в ее доме Джимаса. Теперь Эвералдо радовался возможности поговорить с Жулианой.

После того как Сеньорита высвободилась и узнала правду о Рафаэле, она заново влюбилась в Родолфо Гар-

сия Фонтеса. Ей импонировало, что в разговоре с ее отцом он открыто признался в своих прогрессивных убеждениях. К тому же она ощущала, что ее чувства к нему никогда полностью не охладевали. Хотя Сеньорита длительное время была убеждена, что ненавидит Родолфо, она не могла забыть их первого нежного поцелуя. Она открылась матери в своей любви к нему, и отныне обе совместно искали возможность объяснить барону, что намерения ее, Сеньориты, и Родолфо очень серьезны. Сеньорита не хотела выходить замуж без одобрения отца, но в то же время твердо решила сделать это, если он не даст ей своего согласия на их брак.

Донна Кандида предложила дочери молиться и выждать момент, когда можно будет поговорить с бароном на эту опасную тему.

Глава 32

— Я был уверен, что вы примете решительные меры, — шумел Коутиньо, — вместо этого вы умыли руки, а ваш сынок действовал!

Несмотря на первый демарш перед доктором Фонтесом, беспорядки в сензалах рабов в имениях Эвералдо и Коутиньо продолжались. Рабы бежали целыми группами, чтобы работать у Рикардо Фонтеса за плату. Поэтому Коутиньо и Эвералдо решили пожаловаться доктору Фонтесу на его сына.

— Это очень просто, господа! Идите и заберите их! — призвал адвокат своих посетителей. — Вы же сами освободили своих рабов, и они могут теперь работать, на кого им угодно!

— На абсурдные предложения вашего сына мы не пойдем! — горячился Коутиньо. — Он оплачивает труд рабов кофейными зернами! Не зная, какая сегодня цена мешку кофе!

— Знает, знает, — защищал адвокат своего сына, — это ему хорошо известно. Он рассчитал, что это самый дешевый способ оплаты их труда — кофе, который все равно испортился бы. Кроме того, он хочет разводить коров и породистых лошадей. Я сам поражаюсь, как ловко и дальновидно этот негодник стал вести дело.

— Тогда мы просто зря теряем время, — мрачно по-

дытожил Коутиньо, — но я верну своих рабов в имение, и если понадобится — кнутом!

— Этого вы не вправе делать, — предупредил доктор Фонтес. — Они свободные люди!

Не говоря больше ни слова, Коутиньо выхватил из кармана пачку бумаг и широким жестом разорвал их в клочья. — Они были свободны! Я только что разорвал их свидетельства...

Коутиньо был готов на все, чтобы заполучить обратно своих рабов. На карту был поставлен урожай, а вместе с ним и вся жизнь Коутиньо. Так как визит к доктору Фонтесу не продвинул его в этом деле ни на шаг, Коутиньо разыскал комиссара и пожаловался ему, что Рикардо украл пять его рабов и занял их на своей фазенде. Он даже хотел сделать заявление по обвинению доктора Фонтеса и его сына в воровстве: по его мнению, оба вели нечестную игру. Комиссар подчеркнул — как до этого доктор Фонтес, — что рабы теперь свободные граждане, на что Коутиньо возразил, что он сжег их свидетельства об освобождении.

— Пошлите своих людей на фазенду! Выполните свой долг, комиссар! — требовал Коутиньо.

Комиссару очень не хотелось выполнять требования помещика. Он приступил к делу с огромным спокойствием. Сначала он посетил доктора Фонтеса и поговорил с ним. В доме он встретил также Родолфо; только Рикардо, виновник конфликта, отсутствовал.

— Коутиньо собирается заявить на вас, — объяснил Антеро цель своего визита. — До сих пор я не принимал никаких мер, но если он это сделает, я пошлю своих людей на фазенду Рикардо и заберу пятерых рабов...

— Сэкономьте свои силы, комиссар, — заверил Родолфо, — мой брат сам вернет рабов.

Довольный, комиссар попрощался — он добился всего, что хотел. Родолфо потребовал от Рикардо, чтобы тот вернул рабов Коутиньо. Таким образом он хотел избежать конфликта. Черный Всадник будет счастлив, добавил Родолфо, освободить не только пятерых, а всех рабов Коутиньо.

Вскоре после этих событий Жусто, по указанию Рикардо Фонтеса, сообщил пятерым рабам, что им придется возвращаться к своему прежнему владельцу. Они

возмутились, однако Жусто просил их подождать и не поднимать шума. Черный Всадник готовит для них сюрприз...

Родолфо и Бентиньо планировали новую акцию Черного Всадника. Бентиньо опасался, что на этот раз действовать будет опаснее, чем когда-либо. С одной стороны, они не могли из-за спешки рассчитывать на помощь друзей из столицы провинции, а с другой — помещики за это время хорошо подготовились.

— И все же мы рискуем! — решили оба. — В конце концов надо преподать урок этому старому Коутиньо!..

— Ты меня обманула, Аделаиде! — Жустиньо подстерг ее, когда она рано утром покидала господский дом, чтобы встретиться с Жозе Коутиньо.

— Тебе надо быть на работе, — пыталась она обороняться, — возвращайся на плантацию! Если Бруно увидит тебя здесь...

— Он ищет не меня... — Неожиданная ярость овладела Жустиньо, он цепко схватил Аделаиде за руки и стал трясти ее: — А ты ... кого ищешь здесь ты?

Аделаиде в отчаянии вырывалась.

— Жустиньо, отпусти меня! Ты мне делаешь больно! — Но раб словно потерял рассудок.

— И это ты называешь любовью, Жустиньо? — Сеньорита в нужный момент подошла к обоим рабам и предотвратила худшее. — Я разочарована в тебе.

Жустиньо тут же отпустил Аделаиде. Если бы его в этой ситуации застigli барон или Бруно, дело наверняка дошло бы до ожесточенной схватки. Но дочь барона он ценил слишком высоко, чтобы возражать ей. Теперь от смущения он не знал, куда девать свои руки, и просто поник головой, как набедокуривший школьник, застигнутый врасплох.

— Накажите меня лучше, Сеньорита. Мне все равно. Без Аделаиде моя жизнь не имеет смысла.

— Возвращайся на работу! — резко приказала ему Сеньорита. — Пока никто не заметил, уходи отсюда.

Взглянув в последний раз на Аделаиде, Жустиньо послушался приказа...

Рабья была еще бледна от страха и вздохнула облегченно лишь тогда, когда Жустиньо скрылся. «Если бы

Сеньорита не появилась, не знаю, чем бы это все кончилось», — подумала она.

— Ни одного сентаво ты от меня не получишь! — Коутиньо вышел из себя. — Я лишу тебя наследства и отрекусь от тебя, если ты не откажешься от нее... Она — негрятянка!

Жозе попросил у отца денег, чтобы выкупить Аделаиде. Он поклялся, что уйдет с ней, чтобы не навредить доброму имени семьи. Но со старым Коутиньо невозможно было договориться.

— Пока я жив, ни одна рабыня не будет носить мою фамилию!

Жозе был в отчаянии. Был еще всего один человек, который мог помочь в этом безвыходном деле. Сеньорита должна попросить своего отца сделать Аделаиде свидетельство об освобождении. Барон, казалось, не отказывал, однако запросил три меры риса за Аделаиде — слишком высокую цену для безденежного Жозе. В отчаянии тот попробовал получить ссуду у Мануэла Тейшейры. Но и здесь его ждала неудача, потому что он не смог предоставить залог, гарантировавший возврат ссуды. В конце концов Сеньорита предложила своей матери продать что-нибудь из украшений и дать Жозе денег, чтобы на них он смог купить Аделаиде. Из страха перед супругом донна Кандида отказалась сделать это.

Жозе Коутиньо не продвинулся ни на шаг к своей цели. Против его любви к Аделаиде стояли добрые старые нравы, запрещавшие браки между господами и рабами, и не в последнюю очередь власть барона в Араруне.

С тех пор как Анна Тейшейра открыла свое лицо, она сильно изменилась. Из робкой девушки, которая покидала четыре стены своего родительского дома лишь для посещения церкви, она превратилась в молодую женщину, полную уверенности в себе и жадности к жизни.

Теперь Анна вела серьезный спор со своей матерью донной Ниной. Та была совсем не в восторге от внезапной перемены в дочери, от ее тяги к окружающей жизни. Ее поступки вызывали неудовольствие ее матери. Мало того, что теперь любой мужчина мог глазеть на Анну, что, кажется, доставляло ей явное удовольствие, дочь еще чи-

тала книги в высшей степени сомнительного содержания. Если так дело пойдет и дальше, то недолго осталось ждать, когда Анна вовсе свернет с пути добродетели.

Анна была другого мнения. Она не собиралась жить так подчеркнуто набожно и отгородившись от всего остального мира, как ее мать.

На недостаток светских удовольствий она действительно не могла пожаловаться. Многочисленные почитатели чахли по ней. Нино, ее новый воздыхатель, потребовал от Рикардо больше не наносить визиты Анне, поскольку Мануэл Тейшейра разрешил только ему одному ухаживать за своей дочерью.

Рикардо, в свою очередь, нанес визит вежливости Анне и так затянул беседу, что в комнате оставались лишь он да его возлюбленная, когда вошел Нино. Только ревность делает любовь прекрасной...

Жусто, несмотря на ужасные впечатления от полученной свободы, стал ярым борцом за освобождение рабов. Так, он призвал рабов Коутиньо сжигать свидетельства об освобождении, которые тот для вида выписывал самым безропотным и безвольным, на глазах у своего владельца. Этим они продемонстрируют, что ни в коей мере не чувствуют себя свободными и что доверяют одному Черному Всаднику.

Коутиньо резко изменил свою точку зрения об отмене рабства с тех самых пор, как его сын пожелал жениться на мулатке. Если раньше Коутиньо считался одним из прогрессивных помещиков, пусть лишь из экономических соображений, то теперь он явно переметнулся в лагерь консерваторов. Он даже сообщил доверительно барону, что предпочитает, чтобы сын его ненавидел, чем женился на чернокожей.

То, что подписанные им свидетельства об освобождении не стоили и бумаги, на которой были написаны, Коутиньо уже доказал. Он разорвал на глазах у доктора Фонтеза и его сына бумаги пятерых его отпущенных рабов, посмеявшись уйти в имение Сете-Кедас. Более того, он приказал заковать их в цепи. Это была свобода в понимании Коутиньо!

Однако это сладкое слово «свобода» значило кое-что для остальных его рабов, и чуть позднее они сожгли на глазах у владельца бесполезные бумажки об освобожде-

нии. Они доверяли словам Жусто больше, чем фальшивым сертификатам своего продувного хозяина: Черный Всадник так или иначе вскоре появится, чтобы действительно их освободить.

Весть об этом чудовищном происшествии на фазенде Коутиньо быстро распространилась в городе: Марио сообщил об этом Аугусто, и тот попросил его написать статью, которая будет опубликована в «Голосе Арауны».

Оказалось, что Родолфо Гарсия Фонтес и дальше сохранял прочные связи с «куилломским братом» повстанцев и проинформировал Жозе Коутиньо о его планах. Черный Всадник намеревался освобождать следующих рабов, и в их числе Аделаиде, чтобы Жозе смог жениться на ней. Отец Жозе обещал совершить обряд венчания, но после этого, по его словам, ему придется податься в другой приход, так как такое позорное действие общество консервативно настроенных землевладельцев ему никогда не простило бы.

О том, что их замыслам не придется сбыться, Родолфо Фонтес и Жозе Коутиньо поначалу не знали. Барон сообщил донне Кандиде и Сеньорите о продаже Аделаиде старому Коутиньо, и дело было только за тем, чтобы пришел землевладелец и забрал ее. Этим матримониальным планам его сына были определены узкие временные границы.

О судьбе прекрасной Аделаиде беспокоились во многих домах Арауны. Смутные предчувствия одолевали и слепого Фулженсио. Он попросил домашнего раба Себастьяна отвести его из господского дома барона в сензалу рабов, так как боялся что в слепой ярости наделает немало бед, когда услышит, что Аделаиде была продана Коутиньо и отныне живет далеко от него.

Тем временем Родолфо удалось уговорить своего отца заняться делом Аделаиде и Жозе. К тому же он передал два послания от имени Черного Всадника — одно Сеньорите, другое Жустиньо.

Письмо к Сеньорите содержало точные указания, как нужно подготовить побег Аделаиде. Сеньорита должна, во-первых, бросить из окна вещи Аделаиде, чтобы Себастьян тут же спрятал их; и, во-вторых, в эту ночь спать в своей комнате вместе с Аделаиде.

Ничего не подозревающий барон согласился. И так, все посвященные в план Черного Всадника с волнением ожидали наступления темноты.

Теперь, когда все было пущено в ход для спасения Аделаиде, отец Жозе, наконец, нашел в себе мужество сообщить сыну Коутиньо, Жозе, что его отец купил Аделаиду. Он опасался, что Жозе бездумно бросится в авантюру похищения, поэтому он заклинал его сохранять спокойствие и не предпринимать поспешных действий.

— Я совершенно уверен, что уже в эту ночь Аделаиде будет спать в домике при церкви...

Все шло по плану. Себастьян увел Бруно подальше от господского дома, занимая рассказом о том, что Жустиньо собирается устроить в эту ночь резню в сензале рабов, так как он узнал о продаже Аделаиде. Бруно, поверив Себастьяну, побежал к сензалу рабов, чтобы там наводить порядок. Все обитатели фазенды не могли заснуть в эту ночь, лишь барон, его жена и помощник Бруно ни о чем не подозревали...

— Нам долго еще ждать? — только успела спросить Сеньориту Аделаиде, как перед окном в комнате Сеньориты возник Черный Всадник.

— Быстрой, Аделаиде, прыгай! — прошептала Сеньорита, помогая ей встать на подоконник.

Все произошло в считанные секунды. Едва она коснулась земли, как уже оказалась в седле Черного Всадника, подхваченная мощной рукой. Всадник уже хотел развернуться и умчаться в темноту, но передумал — натянул поводья и придержал лошадь...

— Прошу тебя, уезжай скорее! — крикнула ему Сеньорита приглушенным голосом. — Мой отец может прийти! — Но он неотрывно смотрел ей в глаза, как будто хотел загипнотизировать.

Черный Всадник сорвал маску, и Сеньорита увидела его лицо...

— Родолфо! — забыв об осторожности, воскликнула Сеньорита. — Это ты!

— Кто любит, тот верит! Что бы ни случилось, верь мне! Если нам будет угрожать опасность, я заберу тебя!

Он бросил ей розу, и они взглянули в глаза друг другу. Время, казалось, остановилось... Затем конь встал на дыбы

и, подстегнутый всадником, галопом поскакал в темноту ночи.

Глава 33

Когда Коутиньо на следующее утро явился на фазенду барона, чтобы забрать купленную рабыню, он узнал, что она убежала. Барон довел ситуацию до крайности, великодушно предложив Коутиньо отказаться от сделки. Правда, потом он, барон, подарит красавицу Аделаиде Жозе...

Коутиньо был в отчаянии. Он решил предпринять все возможное, чтобы найти рабыню, и даже обратился за помощью к охотнику за рабами.

Но Коутиньо был не единственным, кто любой ценой хотел помешать свадьбе Аделаиде и Жозе. Был еще намного более опасный враг, готовый на все, — Жустиньо, который поклялся барону, что убьет обоих, как только найдет их. Его любовь к прекрасной рабыне переросла в ненависть.

Самой желанной девушкой в Араруне оставалась по-прежнему Анна Тейшейра. С тех пор как она открыла лицо, она вскружила голову не одному молодому человеку. Самыми пылкими ее поклонниками были Марио, Нино и измученный своими противоречивыми чувствами Рикардо. Тем самым поводов для ревности было предостаточно. Когда однажды Нино в разговоре с Анной пожаловался, что видел ее с Рикардо, девушка ответила с достоинством:

— Пока я еще никому не отдала предпочтение, разве не так?..

Другая юная пара мечтала о том, чтобы счастливые мгновения длились как можно дольше. Отец Жозе торжественно венчал Жозе Коутиньо и Аделаиде. Рабыня, таясь от людских взоров, провела в доме доктора Фонтеса всего несколько часов, и вот она уже стояла с Жозе перед алтарем. Доктор Фонтес поздравил новобрачных первым:

— Аделаиде, эта любовь принесла вам свободу! Моя семья будет всячески вас поддерживать.

Донна Инес предложила молодой паре на некоторое время поселиться в их доме. Аделаиде и Жозе с благодарностью приняли это приглашение.

Старый Коутиньо тяжело переживал известие о свадьбе своего сына. Мануэл Тейшейра, сообщивший ему эту роковую весть, видел, как лицо у Коутиньо вначале сделалось белым как мел, а затем покраснело от гнева. И так, пока он искал эту девчонку, сынок дошел до такой дерзости, что обвенчался с ней в церкви! И Коутиньо знал, без чьего участия тут не обошлось...

— Я здесь для того, чтобы получить свою собственность!

В доме доктора Фонтеса Коутиньо застал всю семью вместе с Жозе и Аделаиде за праздничным столом. Он настаивал на том, чтобы Аделаиде, которую он приобрел по закону, была ему возвращена немедленно. Но Жозе решительно восстал против этого:

— Здесь нет никакой рабыни, отец! Она моя законная жена и свободный человек!

— Она станет твоей женой лишь тогда, когда ты мне оплатишь три меры риса, которые я отдал барону, этому предателю! До тех пор она остается моей собственностью, и я отведу ее туда, где полагается быть рабыне. В сензалу рабов!

— Вы не сделаете этого! — резко возразил Жозе своему отцу. — Я дам вам деньги!

— Ты? Откуда ты их возьмешь? — Коутиньо зло расхохотался. — У тебя даже клочка земли нет, чтобы, если придется, помереть на нем!

— Если проблема в деньгах... — предложил доктор Фонтес свою помощь Жозе, но Коутиньо заорал на него:

— От вас я не возьму ни одной монеты! Я не торгуюсь с человеком, который запятнал честь моей семьи! — он злобно смотрел на своего сына.

— Отец, я не допущу, чтобы вы продолжали оскорблять меня и мою жену! — Казалось, что отец и сын вот-вот бросятся друг на друга.

— Я больше тебе не отец! Вот так я накажу тебя! Проклятая негритянка! — Коутиньо уже не мог сдерживаться — положение становилось угрожающим.

— Прекратите! — воскликнул хозяин дома доктор Фонтес. — Вы достаточно долго оскорбляли мою семью! — недвусмысленным движением руки он сделал знак Родолфо выпроводить землевладельца из дома. Тот хотя и

сопротивлялся изо всех сил, но не смог помешать Родолфо безо всяких церемоний выставить его за порог.

Однако Коутиньо не думал сдаваться. После своего унижительного поражения он тут же отправился к комиссару Антеро и потребовал от него, чтобы Аделаиде была немедленно арестована. Комиссар объяснил, что в данных обстоятельствах ничего не может предпринять, и тем не менее отправился к доктору Фонтесу. Доктор Фонтес сказал, что дело должно решаться в судебном порядке, если Коутиньо подаст в суд, хотя как адвокат он не видит для помещика больших шансов выиграть процесс.

Тем временем Фулженсио в сензале рабов успокаивал своего брата Жустиньо.

— Аделаиде тебя не обманула, когда вышла замуж за Жозе. Они оба действительно любят друг друга! — Это последнее замечание только раздувало пламя мести в сердце Жустиньо.

— Ты помогла Аделаиде убежать из дома! — заявила донна Кандида дочери в ее комнате, куда пришла поговорить с ней. Непослушание дочери и последние события в Арауне вызывали у донны Кандиды большую тревогу. Она знала, что ее муж не одобряет поведения дочери и ее чувств к Родолфо. После всего, что произошло, он всеми силами души ненавидел семью доктора Фонтеса. Когда мать высказала эти опасения дочери, та не проявила ни малейших признаков растерянности или страха. Сеньорита решила действовать, заявив матери:

— Если окажется невозможным получить согласие отца на брак с Родолфо, я убегу из того же окна, что и Аделаиде!..

Границы фронтов движения за отмену рабства пролегли поперек Арауны. Они делили пополам число жителей города, даже отдельные семьи раскололись на враждующие группировки.

Так, Эвералдо считал, что обязан наказать своего сына Марио, когда, внезапно нагрянув в типографию Аугусто, застал там за работой своего любимца.

— Отец, у меня нет ни малейшего желания изучать право, — не моргнув глазом сообщил сын, — даже если ты меня принудишь работать на фазенде с лопатой в руке, зарабатывая на пропитание и на ночлег, все равно

каждую свободную минуту я буду торчать здесь, в типографии сеньора Аугусто!

Таким же решительным был на другой стороне фронта Коутиньо. Раз уже не оставалось выбора, чтобы отвести позор от семьи, он решил убить Аделаиде.

— Это слишком! — заклинал его друг Эвералдо. — Общество вам этого никогда не простит, хотя она и рабыня! Времена меняются...

Глава 34

«МАССОВОЕ БЕГСТВО РАБОВ ЗЕМЛЕВЛАДЕЛЬЦА КОУТИНЬО» — гласил заголовок статьи, помещенной в «Голосе Арауны». Что же произошло?

Родолфо Гарсия Фонтес, одетый Черным Всадником, при помощи Жусто и Бентиньо на рассвете освободил всех рабов Коутиньо. Коутиньо, близкий к помешательству, поскакал к комиссару Антеро и заявил о бегстве тридцати двух рабов. Но комиссар отказал ему в помощи, объяснив, что у него всего три человека. Обо всех этих бесславных для барона и его сторонников событиях сообщил «Голос Арауны» в мельчайших подробностях.

Когда барон узнал о побеге, он разбушевался. Для него главным подозреваемым был Джимас. Феррейра потребовал от всех помещиков сплоченности. Все они должны снабдить Коутиньо оружием и добровольцами, чтобы он смог преследовать сбежавших рабов. Если он их не отыщет и позволит им уйти, предупреждал барон, очень скоро в Арауне вовсе не останется рабов. Помещики с большой неохотой помогли барону, поскольку сами нуждались в каждом человеке, чтобы защищать собственные владения.

Рикардо вернулся с сообщением о встрече землевладельцев в доме своего отца: семью доктора Фонтеса подозревали в сговоре с повстанцами. Рабы, трудившиеся у Рикардо, были уверены, что Черный Всадник поможет им, только поэтому они так легко сжигали свои свидетельства об освобождении. Это позволяло сделать вывод, что Рикардо участвовал в заговоре.

Джимасу, ничего не подозревавшему, грозила большая опасность. Барон уже давно искал способ отделаться от

него. Теперь он решил, что сейчас настало самое время выполнить намеченное, как только Джимас снова появится в городе и подвернется подходящий случай. Никто не посмеет встать на пути у барона или выступить в защиту Джимаса. Охотник за рабами выяснил, что Джимас не мог быть Черным Всадником, однако Джимас принадлежал к организации, которая выкупала рабов и затем выпускала их на свободу, и был, так гласила еще одна информация, в прошлом рабом очень богатых и влиятельных людей.

Следующая встреча землевладельцев прошла безрезультатно. Каждый из них интересовался лишь собственными делами, и никого не беспокоили трудности соседа.

В особенности Коутиньо не мог воспринять, что тревоги других были также и его тревогами. Он был одержим идеей восстановления запятнанной репутации семьи. Вместо того чтобы объединиться с другими землевладельцами, он вынудил Мануэла Тейшейру назвать дом, где жили Жозе и Аделаиде.

Аделаиде быстро освоилась в своей новой роли свободной женщины и супруги белого мужчины. Но раем их жизнь не стала. У Жозе были серьезные проблемы с поиском работы, и многие из его бывших друзей вдруг перестали узнавать его.

И вот однажды перед дверью их дома появился его отец. Он сказал, что хочет повидать сына, но уже вскоре выложил истинную причину своего визита. Коутиньо предложил Аделаиде деньги и свободу при условии, если она покинет Арауну и никогда сюда не вернется. В противном случае он отправится в суд и попытается аннулировать ее свидетельство о свободе. Это означало, что она вновь стала бы его рабыней. Жозе воспринял предложение отца таким, каким оно являлось в действительности: как угрозу и оскорбление. Сын потребовал, чтобы отец немедленно покинул дом.

Рикардо, по совету Родолфо, решил избегать встреч с Анной. Он надеялся, что чем реже она будет видеть его, тем сильнее будет скучать по нему.

Поначалу отсутствием Рикардо пользовался Ниню, не упускавший ни единой возможности встретиться с девушкой. Он уже считал цель своих желаний достигнутой, как

вдруг наигранное равнодушие Рикардо по отношению к Анне стало давать эффект. В глубине души Анна была убеждена, что Рикардо лелеял мечты о ней, потому что в конце концов он был первым, кто поцеловал ее в губы. Денно и ночью изводилась она в мыслях о нем.

Когда Нино однажды предложил сопровождать Анну к портному, она отказалась, так как это могло не понравиться Рикардо. Рикардо отдал бы все, что имел, лишь бы видеть в этот момент лицо Нино...

Донна Кандида попыталась поговорить с бароном о тех чувствах, которые испытывала их дочь к Родолфо, но полковник Феррейра был непреклонен. Для него все это уже перестало быть темой для обсуждения. Со временем страсть дочери уляжется, уверял он. С его точки зрения он поступал правильно, когда запретил Сеньорите уехать в город. То, что она хотела поговорить в церкви с отцом Жозе, он нашел плохим предлогом. Было абсолютно ясно, что она собиралась встречаться с Родолфо. Барон лучше посадит дочь под домашний арест, чем выставит себя на всеобщее посмешище, как Коутиньо.

Сеньорита была возмущена действиями своего отца. Она проклинала день, когда вернулась домой, и объявила донне Кандиде, что не смирится с тем, чтобы словно пленница проводить свои дни в родительском доме...

Глава 35

Неожиданно Джимас вновь вернулся в Араруну. Бесстрашно шагал он по улицам города, направляясь к дому священника. С гордостью в голосе он сообщил отцу Жозе, что теперь он и перед законом свободный человек и ему нечего больше опасаться. Но он не хочет больше жить в доме Аугусто, хотя и любит Жулиану, — он боится, что его присутствие там осложнит их мирную жизнь, так как по-прежнему он еще должен выполнить свое задание. Затем Джимас посетил комиссара и показал ему свой новый документ об освобождении. Антеро подтвердил, что отныне Джимас может свободно передвигаться в Араруне, не рискуя быть арестованным.

— Что вам надо? Хотите удостовериться, не сбежал ли я? — Фулженсио во сне почувал, что в спальное помещение домашних рабов вошел Бруно. Точнее говоря, не только почувал...

— Ты — «не сбежал ли»? Такой слепой, как ты?

— Тогда оставьте меня в покое!

— Да Бог с тобой, Фулженсио, мне тебя очень жаль! — насмехался надсмотрщик. Он был в хорошем настроении, в противном случае он тут же отреагировал бы на ответ Фулженсио ударом кнута. Поэтому раб осмелился на большее:

— Вам меня жаль? Вы вообще способны на такое?

Бруно оставил Фулженсио, продолжая смеяться над ним, в его вечной темноте как он считал. Однако Фулженсио сидел на своей койке и плакал от радости:

— Боже праведный! Сдается мне, что я одним глазом снова могу кое-что различать... Я снова вижу! — Фулженсио рассмеялся. Судьба шла кривыми путями. — И именно Бруно должен был быть первым, кого я увидел!..

— Я слышал о твоём возвращении, раб! — Барон вошел в типографию Аугусто и, как и ожидал, встретил Джимаса. — Ты показывал комиссару новый документ об освобождении. Я хочу его видеть!

— Не показывайте ему свидетельство, Джимас! — Родолфо как раз вошел в дом, чтобы поговорить с Джимасом, но услышал последние слова барона. — Он не имеет никакого права на это!

— Я начинаю терять терпение, доктор Родолфо! Покажите мне документ, Джимас!

— Не делайте этого! — повторил Родолфо. — Он вас в цепях притащил в сензалу рабов, затем приволок в комиссариат и арестовал, заперев в темную камеру, где держал как узника. И вы снова хотите подчиниться его приказам?

— Уполномоченным на то людям я уже показывал документ, — заявил Джимас, — и не думаю, что я должен в этом вопросе отчитываться перед вами...

— Покази документ! — настаивал барон, приближаясь к Джимасу.

— А если нет?

— Тогда ты ни одного дня не останешься в городе!

— Но прошу вас, сеньор барон,— включился также Аугусто,— вы несколько преувеличиваете.

— Не вмешивайтесь в мои дела,— прервал его барон,— это вас не касается!

— Но касается меня! — Родолфо Гарсия Фонтес протиснулся между Джимасом и бароном.— Как адвокат сеньора Джимаса, я буду защищать его гражданские права. У него нет никаких причин предъявлять документ кому бы то ни было и менее всего вам, причинившему ему столько страданий!

Барон кипел от бешенства.

— Я хочу знать, кто был его прежним хозяином?! — вырвалось у него.

— Это касается только меня, сеньор барон! — возразил Джимас.— Как только что сказал Родолфо, вы виноваты передо мной, и больше, чем вы полагаете. Вы должны возместить мне ущерб!

Барон язвительно рассмеялся:

— В таком случае возьми его себе, негр!

— Я сделаю это, когда придет время! — Джимас прошел мимо барона к двери и широко распахнул ее.— И хотя это не мой дом, я требую, чтобы вы удалились!

— Я еще вернусь! Можете быть уверены! Я еще вернусь! — крикнул барон в лицо Аугусто, грозно сжав кулаки. Потом бросился к двери, чуть не сбив с ног Джимаса.— Прочь с дороги, мерзавец! — прорычал он.— Уйди с моего пути!

Поведение Родолфо по отношению к барону удивило Джимаса.

— И вы еще надеетесь, что он однажды отдаст свою дочь вам в жены?

— Его дочь любит меня, Джимас, и это единственное, что для меня имеет значение,— сказал Родолфо.— Барон не любит никого, а семью доктора Фонтеса уже давно ненавидит, еще до этого происшествия...

Родолфо похвалил Джимаса и сказал, что хотя мало что о нем знает, он уважает его неутомимое стремление освободить рабов.

— Джимас, вы можете положиться на мою дружбу и верность!

После этих событий барон чувствовал себя глубоко задетым, пострадала его честь. Он поклялся уничтожить

Родолфо и его отца. Но это было непростым делом. Ярость полковника, вызванная только что испытанными унижениями, искала выхода. Не осознавая никаких связей между настроением и своим окружением, безо всякой видимой на то причины он отстегал кнутом Бентиньо, слугу Родолфо, который в это время седлал ему лошадь. Но на этом барон не успокоился и строго-настрого запретил дочери произносить в доме имя Родолфо Гарсия Фонтеса.

Услышав о происшедшем скандале, донна Инес спросила мужа, собирается ли он что-либо предпринять против барона. В тот же день доктор Фонтес нанес визит комиссару и подал жалобу на полковника Феррейру.

Несмотря на то что барон и могущественное лицо в Араруне, закон должен соблюдаться. Адвоката в его решимости ничто не могло остановить.

Бентиньо также не хотел мириться с оскорблением, нанесенным ему бароном. Что он задумал сделать, об этом он поведал откровенно старому слуге Жусто:

— Когда Родолфо как Черный Всадник откроет двери сензалы рабов на фазенде барона, я пойду вместе с ним! И клянусь тебе, Жусто, я все предаю огню, все! Фазенду барона, сензалу рабов, господский дом, дом надсмотрщика и кофейные плантации! Я подожгу даже реку!

Барона и старого Коутиньо свели вместе одни и те же интересы. Поэтому не стоит удивляться, что Коутиньо отыскал барона и попросил у него совета. Ни один из адвокатов не брался вести дело против его собственного сына.

— Молодежь — все абolicционисты, такие же, как доктор Фонтес и его отпрыск!

Феррейра мог только согласиться с ним...

Однако Жозе, сын Коутиньо, вел в Араруне неравную борьбу. Слишком велико было влияние отца и барона, выступивших против него объединенными усилиями. Его последней надеждой было уехать с Аделаиде в Рио-де-Жанейро, где у него было много друзей. Джимас считал его план разумным, однако предостерег от опасности, которую представлял собой Жустиньо, давший обещание разделиться с обоими. Дальность расстояния роли не играла. Если раб, который все еще страстно любил Аделаиде,

станет свободным, он и в столице страны будет преследовать ее и соперника.

Полковник Феррейра тоже думал о мести и предложил охотнику за рабами меру риса за убийство Родолфо и большое вознаграждение за негра.

— Капитан, вы человек, умеющий подчиняться приказам. Вы были хорошим солдатом, и я считаю, мне повезло, что вы служили у меня. Надеюсь, что и с этим заданием вы справитесь успешно. Уничтожьте его, избавьте меня от этого человека!

— Но я никогда белого не... — размышлял вслух охотник за рабами, — не знаю...

— Так сделайте это впервые, капитан! — Барону была безразлична его жалость...

Сеньорита чувствовала себя трагической героиней из сказки, запертой в башне замка и охраняемой огнедышащим драконом, который имел лицо охотника за рабами.

Однажды утром она не смогла встать. Слабая и бледная, дочь барона лежала на подушках и воспаленными глазами вглядывалась в пустоту. Виржиния тотчас установила глубокую причину ее заболевания: дочь барона была больна любовью. Сеньорита открыла свои чувства и донне Кандиде: для нее жизнь без Родолфо не имела никакого смысла.

Донна Кандида поделилась с бароном своей тревогой за состояние дочери, но он не придавал этому ни малейшего значения.

— Не знаю никого, кто бы умер от этой болезни, — заявил он.

Однако из предосторожности он приказал позвать доктора Аморима, врача из соседнего городка, чтобы тот осмотрел Сеньориту. Доктор Аморим установил диагноз: любовная тоска. По его мнению, истощение молодой женщины было следствием жизненных стрессов. Закончил он обследование еще менее дружественными словами:

— Вы обращаетесь с вашей дочерью, как с рабыней!

— Позвольте! — возмутился барон, но доктор Аморим повысил на него голос:

— Лечение бесплатно! Да здравствует республика!

Несмотря на все старания донны Кандиды, Сеньорита

отказывалась от еды. Она думала только о Родолфо. В бреду она выдала матери тайну: Родолфо и Черный Всадник — одно и то же лицо.

То, что происходило в доме барона, доктор Аморим не смог держать при себе. Он сообщил семье доктора Фон-теса, что произошло на фазенде барона, и попросил Родолфо предпринять все возможное, чтобы спасти Сеньориту...

— Я боюсь, что барон хочет видеть ее скорее мертвой, чем вашей женой! — мрачно предположил он.

Когда Себастьян рассказал, что Родолфо — это Черный Всадник и что Сеньорита заперта в собственном доме и лежит при смерти от любовной тоски, Фулженсио тоже решил вступить в борьбу. Он попросил Себастьяна достать ему оружие, и тот украл его из шкафа барона. Правда, Виржиния в последний момент помешала Себастьяну передать оружие Фулженсио. Кто знает, какую драму предотвратила негритянка своим поступком?

Отец Жозе, как служитель церкви, соблюдал нейтралитет, хотя все знали, что в душе он был за отмену рабства. Барон указал ему на дверь за то, что он взял сторону Сеньориты и Родолфо. Донна Кандида, которая и в радости, и в горе всегда поддерживала мужа, теперь решительно выступала против барона. Родолфо получил от нее письмо, в котором она благословляла его, но предостерегала от появления в имении. Надсмотрщики барона только и ждали, чтобы схватить его и уничтожить.

Барон нанес визит Коутиньо, чтобы обсудить с ним последние события в Араруне. Во время беседы между ними возник яростный спор: барон обвинял Коутиньо в уступчивости и слабости духа. Он закончил свои пространные ругательства пророчеством, что однажды его собеседник будет качать на руках чернокожего внука...

Насколько прав был Феррейра в своем предположении и как скоро сбудется его предсказание, в то время ему еще было неясно. Тем временем отец Жозе навестил Жозе Коутиньо и узнал, что его жена Аделаиде ожидает ребенка. Донна Инес поспешила с поздравлениями к будущей матери. Она пыталась вдохнуть мужество в Аде-

лайде и Жозе: не исключено, что с рождением ребенка сердце старого Коутиньо оттаает...

Глава 36

Урожай кофе убрали, но на этот раз рабы не отмечали, как было заведено еще их предками, праздник урожая. Атмосфера в Араруне была напряженной и зловещей. Это чувствовал и сам барон. А вот охотник за рабами пребывал в хорошем настроении. Он говорил, что он против проведения праздников, потому что у него слишком мало людей для присмотра за рабами.

Жаркий спор с охотником за рабами в отсутствие барона стал для донны Кандиды поводом для разговора с Сеньоритой о Лесном капитане. Вид этого мрачного мужчины с жестокостью во взоре внушал ей ужас, и она решила потребовать от своего мужа рассчитать охотника за рабами. Иначе, угрожала донна Кандида, она уйдет из дома. Сеньорита более чем охотно присоединилась к этому требованию, поскольку и ей был неприятен этот человек, преследовавший своих же товарищей словно диких зверей.

Барон закончил свои дела с Мануэлом Тейшейрой. Как только он вернулся в свое поместье, донна Кандида пожаловалась на жестокое и заносчивое поведение охотника за рабами. Она спросила мужа, что он намерен предпринять.

Полковник Феррейра уже знал от Лесного капитана, что произошло. Его версия случившегося звучала по-другому: он подозревал существование сговора между донной Кандидой и домашним рабом Себастьяном, который постоянно прокрадывался в сензалу рабов, где ему нечего было делать.

Барон ответил донне Кандиде, что он и не подумает отказываться от услуг охотника за рабами и будет жестоко наказывать каждого, кто помогает рабам. И на этот раз он посчитал необходимым продемонстрировать свою власть. На глазах донны Кандиды и Сеньориты охотник за рабами должен был высечь Себастьяна за то, что тот навел сленного Фулженсио.

— Но я же ничего не сделал! Я же ничего не сделал! — Лесной капитан безжалостно подтащил жалобно причитающего раба к столбу и привязал его. Задыхаясь, Себастьян терял под тяжелыми ударами охотника за ра-

бами последние силы, в то время как донна Кандида и Сеньорита вынуждены были с ужасом следить за этой чудовищной сценой.

— Я не знаю, кто хуже,— закричала Сеньорита в отчаянии,— охотник за рабами, который бьет людей, или мой отец, который приказывает их бить! Прекратите, прекратите, я не могу этого больше вынести!

Донна Кандида стояла рядом с дочерью, с белым от ужаса лицом.

— Он, должно быть, болен! — восклицала она.— Мой муж сошел с ума!

Барон был доволен этим жестоким зрелищем, но ему нужно было еще одно доказательство своего могущества: он запретил донне Кандиде и Сеньорите покидать дом без его согласия и пригрозил запереть их, если они вздумают противиться его приказу.

Марио, сын Эвералдо, теперь открыто примкнул к противникам его отца. Он не вернулся в столичный университет. Слишком по-разному представляли себе отец и сын будущее Марио, поэтому Марио попросил Аугусто подыскать ему какое-нибудь занятие в еженедельнике «Голос Арауны».

Марио быстро освоился в типографии Аугусто, но ненадолго, поскольку и в его сердце зародились те же чувства, что овладели Джимасом: Марио был по уши влюблен в Жулиану. Однажды, когда представилась возможность поговорить с глазу на глаз, Жулиана сразу же завела речь об отношении Марио к отцу и о его прерванной учебе.

— Почему ты такой упрямый и не хочешь слушать отца?! Тебе ведь оставалось несколько месяцев до окончания учебы! — упрекала его Жулиана.

— Обещаешь, что дождешься моего возвращения?

— Можешь выбросить это из головы,— ответила Жулиана холодно,— ты только теряешь время.

План Рикардо Фонтеса осуществился. Анна Тейшейра по-прежнему пыталась с ним сблизиться, хотя он довольно долго демонстрировал ей свое равнодушие и обнаруживал преувеличенно страстное преклонение перед донной Кандидой, женой барона.

— Рикардо, здравствуй! — окликнула она его, когда

они опять случайно повстречались на улице. Но Рикардо поспешно перешел на противоположную сторону. Он хотел как можно дольше удерживать Анну на расстоянии, пока она в него безнадежно не влюбится. Но Анна была бы счастлива, если бы Рикардо проводил ее на занятия по шитью. Но он наотрез отказался:

— Нет, нет, я спешу.

— Если ты сердисься на меня из-за Нино, то я ведь больше с ним не встречаюсь...

Собственно, развитие событий полностью соответствовало желаниям Рикардо, и все же он остерегался открыто демонстрировать свое удовлетворение. Он предпочитал и дальше разыгрывать роль одинокого героя.

— Ты больше не встречаешься с Нино? Какое несчастье! — промолвил он саркастически и исчез, не прощаясь, в переулке.

— Я думала, что ты... — Анна опять осталась одна, и это ей совсем не понравилось. — Грубиян! — крикнула она вслед Рикардо.

В конторе адвоката собрались видные борцы за освобождение рабов, чтобы обсудить свои дальнейшие действия. Доктор Фонтес полагал, что страх потерять рабов может толкнуть барона на отчаянные поступки. Он считал самоубийством освобождение рабов в данный момент, поскольку реакция Феррейры могла быть непредсказуемой.

Джимас думал иначе

— Не время складывать оружие из уважения к духовной жизни барона, — доказывал он возбужденно, — рабы на нас рассчитывают! Борьба продолжается, доктор Фонтес, с вашей помощью или без нее!

Родолфо Гарсия Фонтес тоже не намерен был уступать. Он попросил отца Жозе срочно передать Сеньорите сообщение: скоро все рабы барона должны быть освобождены. Возникшим смятением сможет воспользоваться Черный Всадник. Пока барон, Бруно и Лесной капитан будут пытаться вернуть бежавших рабов, он попытается похитить Сеньориту.

Рикардо решил изменить тактику. По совету Родолфо он не держался больше с Анной так же замкнуто, как

прежде. Но это отнюдь не разрешило проблемы людей, которых он любил. Он одновременно мечтал о прелестных влажных губках Анны и о бездонных глазах баронессы. Повстречав в очередной раз дочь Мануэла Тейшейры по пути на занятия шитьем, он сделал ей изысканнейшие комплименты.

— Анна, я тебя нахожу по-настоящему хорошенькой...

— Правда?

— Да, Анна, я тебя нахожу даже очень хорошенькой! Да, необычайно хорошенькой! — Неожиданно в его глазах появился странный блеск. — Раньше, когда ты еще носила вуаль, я тебя один раз поцеловал во сне... через вуаль, потом я ее приподнял... и это была баронесса!

— Баронесса? — Анна охотно внимала бы и дальше его комплиментам, но почему, черт побери, этот рохля заговорил о своем сне и о баронессе.

Рикардо понял, что совершил ошибку.

— Это был только сон!

— А мое лицо? Нравится оно тебе теперь, когда я его открыла?

Рикардо не мог отделаться от своих сновидений.

— В любом случае оно приятнее тех лиц, которые я всегда видел... такие мерзкие... без зубов!

— Что-что? — Громогласный вопрос Анны вывел Рикардо из транса.

— Но сегодня... — поспешил он сказать, — сегодня я мечтаю только о тебе. Ты прекрасна! Ты меня сводишь с ума! — Он страстно обнял девушку и запечатлел поцелуй на ее губах.

Анна была счастлива. Она улыбалась, как ребенок, самое большое желание которого вдруг исполнилось, как может улыбаться только молодая, неопытная девушка, наслаждающаяся радостями первой любви. Анна призналась Рикардо, что она его тоже любит. Они снова страстно поцеловались...

Эта любовная сцена пробудила в Рикардо наилучшие намерения. Ему захотелось наконец-то упорядочить свои чувства. И он сообщил своей семье, что теперь ухаживает за Анной Тейшейрой, потому что любит ее и еще потому, что хочет забыть баронессу. Рикардо даже попросил своего отца замолвить за него словечко перед Мануэлом Тейшейрой, чтобы ускорить ход событий.

Джимас сидел, как обычно, в доме Аугусто за обедом, когда Жулиана опять заговорила о том, что постоянно занимало ее мысли.

— Когда ты рассказал мне, что ты — сын барона, ты хотел, чтобы я не ревновала тебя к Сеньорите,— это правда?

— Да.

— Потому что она твоя сестра?

— Очевидно,— проворчал Джимас. Он не отличался особой разговорчивостью, когда речь заходила об этом. Но Жулиана не отставала.

— А еще ты рассказал мне это потому, что меня любил? Правильно?

Джимас со страданием во взоре отложил свой прибор в сторону. Значит, Жулиана еще раз пытается до него добраться.

— Ты совершенно правильно сказала — любил...

— А сейчас ты меня больше не любишь?

— Жулиана, я тебя прошу! Если ты не прекратишь, я в дальнейшем буду обедать в заведении Тейшейры!

Глаза Жулианы наполнились слезами.

— Я знаю, что задаю одни и те же вопросы и получаю одни и те же ответы.

Джимас пересел к девушке на другую сторону стола. Утешая, он обнял ее одной рукой.

— Прости!

— Был когда-то Джимас, который меня любил! — воскликнула она.— А тому, кого в действительности зовут Рафаэл, я безразлична.

— Вот ты и получила лучший ответ,— подтвердил он, кивнув.

— Да, Рафаэл не может любить... Так говорила и Сеньорита, когда у нас жила. — Жулиана вытерла слезы носовым платком.— Он так переполнен чувством мести, что хочет убить даже собственного отца!

При этих словах Джимас встал и резко отвернулся. Его глаза блеснули.

— Я не желаю больше с тобой об этом разговаривать!

Взгляд девушки говорил о ее разочаровании.

— Рафаэла я не люблю, а Джимас мертв...— Она немного помолчала.— Но с меня хватит, не хочу больше оплакивать мертвеца! — вырвалось у нее.

Те, кто не присутствовал при этой сцене в доме Аугусто, должно быть, очень удивлялись тому, что Жулиана

отныне всеми способами старалась понравиться Марио. Аугусто был не единственным, кому эта неожиданная перемена казалась удивительной.

В жизни обитателей фазенды Араруна постоянными спутниками стали ссоры и разлад. Глубокая пропасть разделяла Феррейру и его дочь, а после спора из-за охотника за рабами и последовавшего за ней избиения Себастьяна и его отношение к донне Кандиде стало более чем напряженным. Барон ужинал в одиночестве, поскольку его жена и дочь были заперты в комнатах.

— Господин барон, — спросила его однажды вечером Виржиния, подавая ужин, — а вы не боитесь закончить ваши дни вот так, в одиночестве?

— Боюсь? Я? Почему ты меня об этом спрашиваешь?

— Потому что любовь жены и дочери — это совсем как фарфоровая ваза. Когда она разбивается, никакая починка не поможет. Она никогда не будет такой, как раньше.

Барону и в голову не приходило выслушивать совет рабыни.

— Заботься о собственных делах и принеси мне вина!

— Я поеду в столицу, — сообщил Феррейра жене и дочери на следующий день. — У меня там дела. Я вернусь через три-четыре дня! Охотнику за рабами приказано никого не впускать и не выпускать. Это мой приказ. Поняли?

Ответом было гробовое молчание.

— Что же, мне никто не пожелает счастливого пути?

В комнате по-прежнему царила тишина. И вдруг, словно удар хлыстом, раздался ответ Сеньориты.

— Когда вы вернетесь, то меня здесь не найдете!

— Им запрещено переступать через собственный порог!

Себастьян с возмущением рассказывал Родолфо о страданиях донны Кандиды и Сеньориты. По приказу барона их держали под домашним арестом, они проводили целые дни в своих комнатах.

— Барон, похоже, совсем сошел с ума! — заключил Родолфо.

План похищения Сеньориты принимал все более конкретные очертания. Себастьян тоже не хотел оставаться без дела: он спросил, не может ли Черный Всадник достать ему оружие. Он хотел дать его Фулженсио, чтобы

тот убил охотника за рабами. Родолфо отнесся к этому скептически. Никто из рабов в поселке никогда не пользовался оружием, а уже первый выстрел должен был попасть в цель — второго шанса у стрелка не было бы.

Спустя какое-то время донна Кандида заметила у Виржинии оружие и спросила ее, не вздумала ли она застрелить барона. Виржиния была в полной растерянности.

— Нет, нет, не барона. Это оружие для Себастьяна. Если я его ему не дам, он попытается бежать. Я не хочу, чтобы он совершил такую глупость. — Она непрерывно извинялась перед своей госпожей и рыдала.

Глава 37

— Каждый день в обеденное время Тейшейра исчезает, чтобы не есть собственную жратву! — говорил Эвералдо, сидя в заведении Мануэла за обедом, который явно не пришелся ему по вкусу. — Даже мою кухарку они забрали, эти черные свиньи!

Поплакавшись, он нашел время сообщить помещику Коутиньо, что он повстречал его сына. Тот работал теперь контролером на погрузке кофе.

— Коутиньо, — Эвералдо знал, как помучить собеседника, — я считаю, Аделаиде замечательная девушка! Ваша невестка беременна. Она ожидает первенца — вашего внука!

— Что за глупости, Эвералдо! — ответил Коутиньо, но его лицо выдавало растерянность.

— Я бы никогда не подумал, что нужно столько труда, чтобы погрузить кофе, который здесь растет, и что за это так мало получают. — Жозе Коутиньо вернулся после работы домой и почувствовал себя ужасно усталым. Как сложно было найти работу и как мало давала эта работа, чтобы прокормить семью. Аделаиде сказала, чтобы он не беспокоился: теперь у нее есть деньги заплатить за жилье. Она стирала белье на стороне. Жозе был просто уничтожен и разразился упреками в собственный адрес. Он мечтал ввести свою жену в общество, а теперь Аделаиде должна была работать прачкой на этих самых людей.

— Черт поберет! Что это? Покажи-ка!..— Родолфо случайно обнаружил пистолет, который домашний раб барона носил с собой. Он собрался спрятать в карман Себастьяна записку для Сеньориты и нашел оружие. Родолфо попытался отговорить рабов от их опасной затеи.— Каждый из вас рискует жизнью. И зачем?

Когда Себастьян собирался передать Сеньорите письмо Родолфо, появился охотник за рабами.

— Письмо, не так ли? От кого оно и кому адресовано?

— Это молитва, обращенная к Святому Бенедикту, капитан! — К счастью, находчивость Сеньориты спасла положение. — Его посылает отец Жозе. Я его недавно об этом просила. Хотите прочитать?

— Ах, нет, спасибо...— осекся охотник за рабами. Все, что имело отношение к церкви, напоминало ему о его черной душе.

Сеньорита подпустила шпильку:

— Может быть, это поможет вам замолить ваши грехи!

— Оно от Родолфо!

— Так читай, дитя, читай!

Сеньорита прочитала письмо матери.

— «Сеньорита, я надеюсь, ты знаешь, что любовь к тебе занимает все мои мысли...» — Дочь барона улыбнулась, и легкий румянец проступил на ее лице.— «Себастьян принес мне сегодня известие о том, как барон обращается с тобой и донной Кандидой, и я чуть не сошел с ума от гнева. Как хотел бы я найти слова утешения, о прекраснейшая из женщин, но они не приходят мне на ум... Я глубоко сожалею, что конфликт между тобой и твоим отцом так обострился. Я узнал, что ты отказываешься принимать пищу. Это действие я не могу одобрить из опасения за твоё здоровье. Я был на волосок от того, чтобы подчиниться моему внутреннему побуждению и примчаться на фазенду. Я бы освободил тебя, несмотря на вооруженную охрану... Твой отец величайший безумец, если подвергает вас таким страданиям. Передай также мое сожаление твоей матери и скажи ей, что я надеюсь и на ее благословение, когда приду когда-нибудь ночью забрать тебя. Ведь что стоит моя жизнь без тебя? Помни о послании, которое тебе передал вместе с розами Черный

Всадник, — «кто любит, тот верит»! Верь мне, моя дорогая... Целую тебя. Родолфо».

— Мама, он готов даже умереть за меня! — Сеньорита была глубоко тронута. Донна Кандида реагировала трезвее. Она опасалась, что с Родолфо может что-нибудь случиться. Зачем только он написал это письмо и зачем идет на такой риск?

Сеньорита знала, зачем.

Рикардо по-прежнему грезил, но на этот раз в особенно приятном месте. Он приник усталой головой к мягким коленям Анны и спал сном здорового, простодушного человека. Он фантазировал о том, как он проникает в поместье барона и говорит Сеньорите, что пришел проводить ее к его брату. А поскольку раз уж он оказался на фазенде барона, то использовал благоприятную возможность и открыл донне Кандиде свою любовь. Он признался ей, что сделает все, чтобы добиться ее благосклонности.

— Будь у меня десять жизней, я отдал бы десять жизней! — воскликнул он — И не только во сне!

— Рикардо! — растолкала его Анна. — Ты видел сон. Ради кого ты хочешь пожертвовать десять жизней?

— Ради тебя, Анна, только ради тебя... — промямлил молодой человек спростонья.

Анна все еще не верила.

— А я уж подумала, ты видел во сне баронессу.

— Н-нет! — отверг Рикардо это неприятное для него предположение и мгновенно соврал. — Я видел сон, будто я — Тирадентес, великий борец за свободу. Он сказал: «Будь у меня десять жизней, я отдал бы десять жизней!»

— Да? Что-то я его не знаю...

— Тогда почитай книжку по истории. — Рикардо закончил неприятный для него разговор и вернулся в серую реальность. — Ты еще должна много учиться!

В тот же день он предложил Родолфо вместе с ним, переодевшись в Черных Всадников, напасть на поместье барона. Пока один отвлекал бы внимание охотника за рабами, другой мог бы убежать с Сеньоритой. Но Родолфо был невысокого мнения о героических мечтах своего брата.

— Это ты, Анна? — изумилась донна Инес, когда дочь Мануэла Тейшейры неожиданно появилась на пороге дома семьи доктора Фонтеса. Она пришла, чтобы рассказать донне Инес о том, как сильно она любит ее сына, несмотря на то, что мать Анны, донна Нина, считает Рикардо бездельником и потому враждебно относится к семье доктора Фонтеса. Донна Инес приняла Анну дружелюбно. Но во время разговора с ней донна Инес внезапно подумала, что с ее сыном Рикардо что-то может случиться...

Примерно в то же время на фазенду прискакал Рикардо.

— Убирайся отсюда, парень! — приветствовал его Лесной капитан.

— Побольше уважения, если позволите! — потребовал Рикардо от охотника за рабами. — Я хочу поговорить с бароном!

— Барона нет!

— Тогда я хотел бы пройти к баронессе!

— Баронессе запрещено принимать посетителей! — Охотник за рабами взял ружье на изготовку. — Еще один шаг, и ты мертвец!

— Позаботьтесь о моей лошади, капитан! — хладнокровно приказал Рикардо надсмотрщику и приготовился соскочить с седла. Между тем в дверях показались донна Кандида и Сеньорита, привлеченные громкими голосами мужчин к происходящему во дворе.

— Рикардо! — закричала баронесса испуганно. — Не делайте этого, не спускайтесь!

Но Рикардо ничто не могло остановить, так же как и Лесного капитана.

— Я вас предупредил! — закричал охотник за рабами и выстрелил в сына адвоката. Рикардо Фонтес, раненный в плечо, свалился на землю.

Женщины в дверях господского дома громко вскрикнули и поспешили к Рикардо. Он был тяжело ранен.

— Что же вы не целились мне в шляпу? — пошутил он.

Донна Кандида склонилась над ним, но охотник за рабами оттеснил ее от раненого.

— Оставьте! Я его предупредил. Его труп я потом отошлю его отцу.

Сеньорита и донна Кандида отнесли молодого человека в дом и попросили Себастьяна привести доктора Амори-ма — обе женщины думали, что Рикардо умирает.

Охотник за рабами, осознав возможные последствия своего поступка, незаметно исчез.

Вскоре после этого комиссар Антеро посетил семью доктора Фонтеса и передал печальное известие. Он сообщил, что охотник за рабами стрелял в Рикардо, но что все возможное уже сделано и доктор Аморим приступил к лечению молодого человека. Он не умолчал, однако, о критическом состоянии Рикардо, хотя доктор уже извлек пулю и остановил кровотечение.

Известие о ранении Рикардо на фазенде барона мгновенно распространилось по Арауне. Скоро стали известны и все подробности. Анна и донна Нина поспешили к доктору Фонтесу, чтобы быть с донной Инес в трудную минуту, в то время как доктор Фонтес и его сын Родолфо немедленно отправились в поместье барона.

Все жители Арауны были возмущены жестоким поступком Лесного капитана. Марио предложил отвезти его в комиссариат, как сам он всегда поступал с бежавшими рабами.

Охотник за рабами начал задумываться о правильности своего поступка. Правда, он только выполнял приказ барона, но стрелять в безоружного человека?.. Желая избежать последствий своего поступка, он попытался спрятаться в сензале рабов, но был обнаружен Фулженсио.

— Уж не хотите ли вы здесь отсидеться, капитан? — насмешливо спросил Фулженсио охотника за рабами. Услышав громкий голос брата, к ним поспешил Жустиньо.

— Я ни от кого не прячусь, негр! Если ты не заткнешься, будешь побит, как бродячая собака!

— Но это вам не поможет, — возразил Фулженсио, — Вы стреляли в белого, в сына влиятельных людей!

Жустиньо поразился тому, как уверенно держится его брат, но он понял, что Фулженсио уже давно ждал такой возможности. Когда охотник за рабами стал наступать на Фулженсио, тот мгновенно достал пистолет:

— Отдайте мне ваше оружие, капитан, и опустите кнут!

Охотник за рабами злобно засмеялся.

— Ты же слепой, негр, ты даже в быка за полметра не попадешь!

— Я в этом не уверен, капитан! — усмехнулся Фулженсио с видом победителя. — Недавно Господь вернул мне зрение. Я целюсь вам точно в лоб!

Подошли другие рабы и стали наблюдать перепалку.

— Брось оружие, Фулженсио! — с трудом проговорил охотник за рабами.

— С угрозами теперь покончено, капитан! — вмешался Жустиньо. — Что теперь, негр? — При слове «негр» охотник за рабами вздрогнул. — Негр! — снова выкрикнул ему в лицо Жустиньо. — Это слово вам неприятно слышать, да? Ты негр, капитан, такой же, как и мы! И сейчас я тебе это докажу! К столбу его!

Окружившие их рабы с готовностью последовали его приказу. Не успел охотник за рабами опомниться, как они обезоружили его, связали и привязали к столбу.

— Урожай собран, брат, — издевался Жустиньо, — но, к сожалению, мы его не отпраздновали. Сейчас мы это наверстаем!

— Я капитан, проклятые свиньи! — выругался охотник за рабами. Но вскоре сильные выражения перешли в крики боли.

— Я убью каждого, кто осмелится меня ударить! — угрожал Лесной капитан. Но Жустиньо отвечал холодным, угрожающим тоном:

— Правда, ты так и сделаешь? Этот столб ты не оставишь живым, негр!

— И не надейся на помощь! Бруно наблюдает за господским домом. Но и его очередь придет! — добавил Фулженсио. — Каждый, кто попытается тебе помочь, умрет, предатель!

Плетка охотника за рабами переходила из рук в руки — каждый раб, которого он мучил, возвращал ему со всей силой каждый удар, и таких было много. Праздник мести...

Когда комиссар направлялся на фазенду Арауна, чтобы увидеться с охотником за рабами, он не знал, какая неожиданность его поджидала. Он обнаружил там двух убитых людей охотника за рабами и самого Лесного капитана, висевшего без движения на столбе. Он был весь покрыт шрамами, кожа свисала со спины клочьями. Без медицинской помощи он бы неминуемо истек кровью. Антеро доставил его в комиссариат.

Рикардо Фонтес, жертва Лесного капитана, много часов пролежал без сознания в постели, приготовленной для него баронессой. Он потерял много крови, и все готови-

лись к худшему. Но в конце концов он все же открыл глаза.

— О Боже, я, наверное, на небесах...

Придя в сознание, он увидел над собой лицо донны Кандиды. Это, вне сомнения, было небесное явление. Донна Кандида была рада — Рикардо очнулся.

Сеньорита чувствовала себя виноватой, и Родолфо посоветовал ей и баронессе уехать на какое-то время, чтобы отдохнуть и успокоиться. Но Рикардо, который удивительно быстро набирал силы, пригрозил, что умрет, если она это сделает.

— Выдайте убийцу! Отдайте нам капитана! — Разъяренная толпа собралась перед комиссариатом и намеревалась, взяв исполнение закона в свои руки, линчевать охотника за рабами.

— Судить его — дело закона! — объяснил комиссар, отесняя самых дерзких и успокаивая остальных. В благодарность охотник за рабами обругал комиссара и даже пригрозил:

— Когда я отсюда выйду, комиссар, не попадайтесь мне!

— Если ты когда-нибудь отсюда выйдешь, — ответил хладнокровно Антеро, — ты попадешь прямиком в тюрьму! На этот раз ты слишком далеко зашел, капитан!

Фулженсио, Жустиньо и другие рабы объединились и решили сдать комиссару, признав, что они все вместе ответственны за смерть людей Лесного капитана. Если комиссар будет проводить расследование, он не сможет никого конкретно обвинить. Они чувствовали, какая сила от них исходит, — никто не осмелится больше поднять на них плетку...

Жертва кровавого преступления Лесного капитана начала быстро поправляться благодаря нежной заботе Сеньориты и баронессы. Доктор Фонтес и Родолфо вскоре вернулись домой и успокоили донну Инес. Рикардо вне опасности. Его жизненные силы прибывали на глазах и он, пользуясь своим положением, принялся так льстить баронессе, как может себе позволить только больной.

— Пока вы возле меня, мне больше не нужен никто во всем мире!

Донна Кандида смущенно взглянула на доктора, который, посмеиваясь, стоял у постели больного и слышал каждое слово.

— У него горячечный бред! — попыталась она спасти положение, хотя знала, что Рикардо в здравом рассудке.

— Конечно... конечно! — засмеялся доктор Аморим. — Я ничего не слышал.

Глава 38

— Как же ты меня напугал, мой мальчик!

Донна Инес отправилась на фазенду Арауна навестить своего раненого сына. Но Рикардо спал и видел сны, по своему обыкновению — сладкие сны.

Если донна Инес испытала облегчение при виде сына, то Сеньориту мучили мрачные мысли. Что будет, когда ее отец вернется и увидит, что произошло? Какая судьба уготована рабам, и что он подумает о Рикардо?

Всем в городе было известно об отношении Рикардо к баронессе. Болтали многое, и кое-кто полагал, что Рикардо поскакал в поместье не для того, чтобы поговорить с Феррейрой, а чтобы повидать жену барона Донну Кандиду испугали эти слухи. Она знала, что Рикардо обожает ее, но ей хотелось раз и навсегда покончить с болтовней и подозрениями. В кругу своих знакомых донна Кандида объяснила, что никогда не давала Рикардо повода и что она всегда была верна своему супругу.

Кроме того, донна Кандида попросила отца Жозе что-нибудь предпринять, пока барон не разузнал, с какой целью Рикардо оказался на фазенде. Священник поговорил с Рикардо и обвинил его в том, что он порочит репутацию баронессы, этой уважаемой замужней женщины. Это счастье, что Рикардо вспомнил о давнем споре между ним и бароном об источнике, расположенном между их владениями. У отца Жозе появилась идея, и он поспешил в город попросить о помощи старого друга...

На следующий день «Голос Арауны» опубликовал статью по поводу случившегося на фазенде барона, она вызвала большой интерес читателей. Рикардо — так говорилось в газете — отправился в имение барона, чтобы

уладить старый спорный вопрос об источнике. Каждый отнесся к этой истории по-своему; сплетники, правда, были разочарованы, но честь баронессы была спасена. Донна Инес, опасаясь, что ее сын может совершить на фазенде новый сумасбродный поступок, отвезла его домой. Родолфо встретил брата не особенно дружелюбно.

— Когда ты поправишься, я с тобой посчитаюсь! — заявил он.

Рикардо, наивный по природе, не понял, что имел в виду его брат, и спросил:

— Но что я такого сделал?

После покушения Лесного капитана на жизнь Рикардо для любви Сеньориты и Родолфо появились новые препятствия: теперь против их связи возражала донна Инес. Она объяснила Родолфо, что против его женитьбы на Сеньорите по соображениям семейной чести. Родолфо безуспешно пытался ей объяснить, что ее неожиданное неприятие Сеньориты необоснованно и что она в наименьшей степени была причастна к событиям прошедших дней. Но донна Инес продолжала упорствовать. Она считала, что цена его любви слишком высока для одного из семьи доктора Фонтеса.

Не только эта тема привела к напряженности в семье. Рикардо жаловался, что Родолфо все еще отказывается с ним разговаривать из-за событий на фазенде.

Барон вернулся из поездки. Он побелел, узнав из газеты, что произошло.

— Не может быть! Это невозможно! — восклицал он снова и снова. Он немедленно поспешил в участок и поговорил с комиссаром. Запереть этого мошенника было единственно правильным решением. Комиссар не мог сдержать злорадной улыбки:

— Столько раскаяния, сеньор барон? Если бы я так не поступил, рабы забили бы его до смерти на столбе!

Посетив заключенного в камере, барон сразу же смог убедиться, что Лесной капитан все еще страдает от последствий ужасного избиения. Но проявление сострадания было чуждо барону. Его интересовало только то, что произошло на фазенде. Описание этих событий охотником за рабами навело его на размышления: он узнал, что Фул-

женсно снова стал зрячим; следовательно, не исключалось, что он будет мстить. Кроме того, его отнюдь не успокоили сообщения о том, что Жустиньо принадлежал к бойцам «капозэйры», владеющим опасной техникой борьбы, и что это он убил Онорио.

После того как Лесной капитан закончил свой доклад, барон звалил на него собственные проблемы. Он потребовал от него скрыть, что это он, барон, отдал приказ стрелять в каждого, кто приблизится к поместью.

— Вы не проговоритесь ни одной человеческой душе, капитан! Иначе я оставлю вас подыхать в этой вонючей камере!

Соблюдение приличий требовало формального извинения. По этой причине барон нанес визит семье доктора Фонтеса. Эвералдо и Коутиньо сопровождали его в качестве свидетелей. Встреча в доме Фонтесов вышла холодной.

— Я не ожидал когда-либо увидеть вас в своем доме! — приветствовал его доктор Фонтес.

— А я не думал снова переступить через этот порог, — отвечал барон, — но когда моих ушей достигла весть о том, что случилось, я посчитал своим долгом прийти, чтобы убрать все неясности относительно хода событий... Я позволил себе взять с собой сеньоров Эвералдо и Коутиньо, в качестве, так сказать, свидетелей моей позиции.

Донна Инес испепеляла барона презрительным взглядом.

— Значит, военная поддержка? — Она намеренно не замечала Эвералдо и Коутиньо. — В этом доме никто не выстрелит вам в спину!

— Уж не думаете ли вы, донна Инес, что я приказал охотнику за рабами стрелять в вашего сына? — воскликнул барон с негодованием.

— От человека, у которого в надсмотрщиках ходит убийца, я ожидаю только худшее!

Донна Инес постоянно прерывала беседу саркастическими замечаниями, поэтому Коутиньо, в конце концов, предложил продолжить разговор между доктором Фонтесом и полковником Феррейрой с глазу на глаз. Барон выразил сожаление о случившемся и пообещал возместить затраты на лечение Рикарду.

Вернувшись в имение, он попросил жену представить

ему свою версию происшедшего. Донна Кандида подтвердила версию истории, опубликованной в газете.

Она почувствовала облегчение оттого, что ее супруг извинился перед семьей доктора Фонтеса.

Комиссар Антеро тоже желал как можно скорее завершить неприятную главу. Конечно, ему очень повезло, что барон поверил выдумке Рикардо об источнике. Между тем против Лесного капитана были возбуждены два дела: доктор Фонтес хотел навсегда засадить охотника за рабами за решетку; второе заявление поступило от полковника Феррейры.

— Не может быть... Барон вытасит меня отсюда!

Антеро покачал головой:

— Он — ни за что!

— Но почему же, комиссар? — Лесной капитан не мог понять, почему его господин так неожиданно отвернулся от него.

— Потому что несмотря на должность, данную тебе белыми, ты все равно остался негром. У тебя с рабами один цвет кожи! — пояснил комиссар. — Со своим военным опытом ты мог бы стать великим военачальником или борцом за дело рабов!

Раненый Рикардо не только физически страдал, но и пребывал в душевной растерянности. Он отказывался принимать пищу. Донна Инес тревожилась, поскольку при его состоянии это угрожало его жизни и могло вызвать рецидив.

Но Рикардо решительно заявил, что он только тогда начнет принимать еду, когда Родолфо репит с ним заговорить. Потом он опять принялся звать в полусне Анну...

Когда донна Инес с ним потом заговорила, он сказал, что, похоже, ранение и новая вспышка безнадежной любви к баронессе привели его к внутреннему разладу. Рикардо все еще не был уверен в своих чувствах и не знал, кому он должен подарить свою любовь. Но после выздоровления, поклялся Рикардо, он наконец-то заставит себя принять решение. Если он возьмет Анну Тейшейру в жены, его внутренняя раздвоенность исчезнет, и он сможет обрести покой.

— Великолепно! Печенье очень вкусное. Ах, Жулиана, когда ты рядом, не спасешься от греха обжорства!

Отец Жозе посетил дом журналиста Аугусто, внучка которого угощала его сейчас свежей выпечкой, которую он так любил. Жулиана была рада такому терпеливому слушателю ее любовных проблем. Она жаловалась отцу Жозе: что бы она ни делала, Джимас не желает с ней знаться.

— Что бы я ни предпринимала, это его не занимает. Похоже, что он специально толкает меня в объятия Марио!

— Марио? — Отец Жозе взял еще одно печенье. — Как он себя ведет?

— Он очень помогает дедушке в работе, — сообщила Жулиана без особого восторга. — С кем еще я должна была заставить ревновать Джимаса?

— Да, с кем еще? — Перед внутренним взором священника прошли все возможные в Арауне кандидаты, и он снова обратился к печенью...

— Отец Жозе, можно я как будто бы исповедуюсь? — Священник отдернул руку от вазочки с печеньем. Он был изумлен.

— Но вы можете угощаться дальше, — заверила Жулиана. — Вчера Марио попытался меня поцеловать...

От ужаса у отца Жозе крошки застряли в горле. Его лицо побагровело, и он закашлялся.

— Кто? Марио?

— Добрый вечер, брат, сегодня у меня нет жара!

Рикардо опять начал принимать пищу, поскольку Родолфо проявил благоразумие и начал разговаривать с братом. Первая беседа принесла Родолфо сюрприз: Рикардо открыл ему, что это он был третьим таинственным всадником в маске, который помог освободить Джимаса из тюрьмы.

— Жусто слишком трусил, он до смерти боялся идти в одиночку и обратился ко мне, — объяснил Рикардо. — Я думаю, я прибыл тогда как раз вовремя.

— Ты поступил правильно, а теперь спи. Все в порядке, — ответил Родолфо.

— Все в порядке? Но ведь ты потерял Сеньориту... Мама просто слишком упряма! Я сказал ей, что ведь не Сеньорита стреляла, но... — Рикардо прервал свои оправдания. Его мучили сомнения. Было заметно, что он жестоко упрекает себя.

— Нет, ты не был виноват, как раз наоборот... — Ро-

долфо вздохнул.— И кроме того, брат, я ее еще не потерял.

— Негры, которые приходят ко мне в гости, не получают такой хорошей еды...— Комиссар принес заключенному охотнику за рабами обед.— Пока не начнется процесс, тебе у меня будет неплохо.

— Меня привлекут к суду? — Похоже, Лесной капитан все еще не осознал до конца всей серьезности своего положения.

Комиссар открыл дверь и передал в камеру своему заключенному миску с едой.

— Ты все еще думаешь отвертеться?

— Но барон...

— Он считает, что не имеет к этому делу никакого отношения. Он даже выступит с показаниями против тебя.

Капитан отставил еду в сторону. У него пропал аппетит.

— Если он так поступит, ему не жить!

— Да? — спросил Антеро иронически.— Значит, ты его убьешь? Но, конечно, через двадцать лет, когда выйдешь из тюрьмы! Не забывай, ты напал на белого и чуть не убил его. И тебя знают как убийцу рабов. Суд присяжных, составленный из республиканцев и аболиционистов, без сомнения оценит тебя по достоинству...— Капли пота выступили на лбу охотника за рабами. Антеро хладнокровно продолжал разворачивать перед его глазами бесперспективность его положения.— Не говоря уже о нашем многоуважаемом судье. Спокойной ночи, капитан!

Этой ночью охотник за рабами видел много снов.

— Осторожно, Фулженсио, осторожно, Жустиньо, не оставляйте отпечатков на берегу реки! Они найдут ваши следы! — бормотал он во сне.— Вы должны добраться до Куилombo, чтобы мы могли вместе поджечь фазенду Арауны и поймать барона... поймать, насадить на вертел... и поджарить, как поросенка!

Глава 39

Предчувствия сидящего в тюрьме охотника за рабами были верны: Жустиньо и Фулженсио должны были опасаться за свою жизнь, поскольку барон знал, что и они

были повинны в том, что его самый верный слуга Лесной капитан и он сам оказались в таком щекотливом положении. Они решили бежать, выбрались из сензалы рабов и направились к Куиломбо, крепости беглых рабов. Но Феррейра повел себя не так, как они ожидали: он приказал прекратить все расследования относительно местонахождения братьев. Таким образом, как объяснил он донне Кандиде, он избавился от самых опасных рабов и мог лучше держать других в узде. Хозяин Арауны извлек урок из происшедшего, хотя и не тот, о котором мечтали противники рабства в Арауне.

С волнением в сензале рабов он справился, щедро раздав им «качаку», крепкую водку из сахарного тростника.

Жустиньо и Фулженсио поставили теперь себя вне закона и стали мятежниками. Когда барон для проформы подал заявление в полицейский участок, ему сообщили неприятную новость: охотник за рабами намеревался заявить перед судом, что ему было приказано стрелять в каждого, кто приблизится к имению, несмотря на его личность и цвет кожи.

— Его слово поспорит с моим,— энергично отмел барон таящуюся в этом заявлении угрозу. — И теперь хватит об этом, Антеро! Страшнее его нет, потому что он предаст своих братьев. Он видит в них себя, как в зеркале. Именно поэтому он так опасен!

— Таким образом, вы хотите оставить его на произвол судьбы, сеньор барон?

— Он мне больше не нужен...— Барон повернулся к двери.— Зачем он мне? Прощайте, комиссар.

— Ты слышал, капитан? — обратился Антеро к своему заключенному, как только за бароном захлопнулась дверь.— Тебе надо найти кого-то, кто бы тебя защищал, иначе ты пропал!

— Ему придется молиться, когда я отсюда выйду, комиссар,— злобно прошипел охотник за рабами.— Спаси его Бог!

— Он для нее слишком молод!

Джимас ревновал к Марио. Таким образом, план Жулианы особо приветливым обращением с Марио выманить Джимаса удался. Теперь Джимас пытался привлечь на свою сторону Аугусто и объяснял ему, что Жулиана положила глаз на Марио.

— Ты сам виноват. Ты сам помог ей понять, что первая любовь не обязательно должна стать последней!

— Она меня никогда по-настоящему не любила,— вздохнул Джимас.

— Нет? — спросил Аугусто в изумлении.— Я полагаю, она предоставила тебе все возможные доказательства!

Донна Инес была поражена: она застала своего сына Рикардо, когда он целовал Анну, пришедшую навестить больного.

Несомненно, его выздоровление шло полным ходом. Она не знала, что делать, и решила переговорить с донной Ниной, поскольку не хотела иметь внуков от неженатого сына.

Ее мужа, доктора Фонтеса, беседовавшего с Мануэлом Тейшейрой в его заведении, мучили те же заботы, что и донну Инес. Честь его семьи очень легко могла пострадать, поскольку Рикардо с его страстной мечтательностью был на многое способен. Поэтому доктор Фонтес попросил Мануэла Тейшейру разрешить его сыну Рикардо жениться на Анне.

Но у Рикардо были совсем другие планы...

— Барон подал заявление, я должен немедленно собрать поисковый отряд.— Комиссар напряженно размышлял.— И куда только они могли бежать? В лагерь повстанцев, в замок рабов? Что мне предпринять для их поимки, капитан?

— Не называйте меня больше капитаном,— возразил присмиревший охотник за рабами.— Я всего лишь жалкий негр, ждущий приговора.

— Ты это наконец-то признал? — усмехнулся Антеро.

— Я надеюсь, еще не слишком поздно.— Охотник за рабами увидел луч надежды.— Если вы меня отпустите, комиссар, я отыщу рабов!

Снова и снова пытался он убедить комиссара, что лучше бы его отпустить, чтобы он смог начать охоту за Жустиньо и Фулженсио. Он клялся всеми святыми, что вернется, на самом же деле теперь капитан знал, на чьей он стороне. Он хотел присоединиться к двум бежавшим рабам и напасть на поместье барона.

Джимас разговаривал с Аугусто об охотнике за рабами.

— Когда он гнался за мной по пятам, я навел о нем

справки, потому что хотел знать, с кем имею дело. Мои друзья в столице об этом позаботились...

— И? — спросил Аугусто заинтересованно. — Что они обнаружили?

— Вы вряд ли поверите... — Джимас со значением помолчал. — Лесной капитан — потомок папаши Жозе, как и Жустиньо, и Фулженсио, и многие другие. Если быть точным, я тоже происхожу от папаши Жозе. Капитан — старший сын рабыни Бальбины, которую барон купил, когда она еще была ребенком.

Джимас видел охотника за рабами в более выгодном свете, нежели другие жители Арауны. Для него Лесной капитан был скорее жертвой, нежели ищейкой барона.

— Я справлюсь, обещаю тебе, я справлюсь! — Жозе Коутиньо снова и снова убеждал свою жену Аделаиде, что он вырвется из бедности, в которой они жили. Домом им служила простая хижина, они испытывали острую нужду и еле сводили концы с концами.

Между тем Аделаиде занимали другие проблемы: она ужасно испугалась, узнав, что Жустиньо бежал из сензалы. Теперь она боялась, что он явится, чтобы убить их обоих, как поклялся.

Рикардо опять вызвал сумятицу. Только что договорились с родителями Анны о всех необходимых приготовлениях к свадьбе, как вдруг он заявил, что не хочет на ней жениться.

Доктор Фонтес потерял дар речи. В каком положении он, уважаемый человек, окажется? Что будет стоить его слово, если он позволит своему сыну нарушить его? Бесчестие и позор грозили доброму имени семьи доктора Фонтеса, если бы Рикардо нарушил семейную договоренность. Родители умоляли его сдержать слово.

— Как ты только можешь, Рикардо... — укоряла его донна Инес, — после этих бесстыдств!

— Ты имеешь в виду тот мимолетный поцелуй? — успокаивал ее Рикардо.

Чем стремительнее приближался день свадьбы, тем яснее осознавал Рикардо, какие последствия будет иметь для будущего его женитьба на Анне Тейшейре. У него

не будет больше времени для мечтаний. Его беззаботной холостой жизни грозила опасность. Рикардо испробовал еще много уверток, но отец каждый раз обезоруживал его решающим аргументом:

— Позволь! Я потеряю свою репутацию в городе!

В конце концов Рикардо был вынужден произнести спасительные слова:

— Ну хорошо, я на ней женюсь!

Отец и мать Фонтесы вздохнули с облегчением. Они избежали грандиозного скандала.

— Но если баронесса овдовеет, — заявил Рикардо торжественно, — я покину Анну.

Джимас навестил Лесного капитана в тюрьме. Некогда грозный охотник за рабами съезжился с несчастным видом в углу своей мрачной камеры.

— Что вам здесь нужно? — спросил он удивленно, увидав Джимаса. — Хотите посмеяться надо мной, как комиссар?

— Нет, я хотел вас спросить, знаете ли вы историю моего рождения, капитан, — ответил Джимас.

— У меня нет истории, — устало возразил охотник за рабами. — Я только знаю, что происхожу из бедного квартала, что у меня было столько господ, что я не могу их сосчитать. Иногда я страдал от голода, а потом опять жил, как король. Я часто убегал, и меня пороли за это до полусмерти. В конце концов я стал солдатом и сражался, сражался, не спрашивая, против кого... Я хотел только убивать. — Капитан был рад, что нашел слушателя. — В благодарность за мои заслуги в армии я получил свидетельство об освобождении.

— И стали охотником за рабами?

— Да. Я больше не мог выпустить из рук оружие.

— Вы преследовали меня, когда были охотником за рабами, — рассказывал Джимас дальше, — но наши люди шли по вашим следам, не замеченные вами. Мы провели расследование...

Лесной капитан смотрел на него недоверчиво. Охотник с трудом мог себе представить, что и за ним тогда охотились.

— Мы выяснили следующее: вы, капитан, и Жустиньо с Фулженсио — сыновья папаши Жозе и рабыни Бальбины. Жустиньо и Фулженсио — ваши братья, и не только по цвету кожи, но и по крови!

Охотник за рабами открыл рот от изумления.

— А я, — завершил Джимас, — ваш, так сказать, сводный брат, потому что мы оба сыновья папаши Жозе.

Охотник за рабами долго молча смотрел на него, словно искал в глазах Джимаса подтверждение только что услышанному. Если Джимас правильно рассчитал, капитан полностью изменит свои взгляды.

Джимас помог ему в этом, доверительно попросив о поддержке, как только Лесной капитан оправился от изумления.

— Я могу вам доверять? Вы наконец-то поняли, на чьей вы стороне?

Лесной капитан ответил не сразу. Он напряг свой мозг и тяжело дышал. Потом все его тело содрогнулось, он ощутил прилив сил. Человек, которого боялись все черные, решительно заявил:

— Я безоговорочно на стороне рабов.

— Хорошо, — сказал Джимас удовлетворенно, — тогда вас скоро освободит Черный Всадник.

Когда Родолфо позднее узнал от Джимаса о разговоре в тюрьме, он осудил его, полагая, что после освобождения охотник за рабами станет их врагом. Уж слишком невероятной показалась ему перемена в человеке, который еще недавно был готов убивать на стороне барона и старого порядка — и не в последнюю очередь за деньги. Отец Жозе тоже сомневался. Он умолял Джимаса отказаться от своих намерений, но тот уже вынес решение. Он был уверен, что в лице Лесного капитана получил решительного борца за освобождение рабов.

— Свобода! Свобода!

Жустиньо и Фулженсио достигли заветной цели: они стояли перед Куилombo, крепостью рабов, которая на самом деле представляла собой поселок — скопление простых хижин среди огромного лесного массива. Но там был только старый раб папаша Андре с семьей. Все остальные устремились на берег моря: они хотели найти путь, по которому могли бы вернуться на родину своих предков, в Африку. Фулженсио и Жустиньо с разочарованием убедились, что бойцов папаши Жозе больше не существует. Но они обнаружили нечто другое, в чем они срочно нуж-

дались после утомительного бегства: еду, питье и крышу над головой.

После того как Сеньорита узнала, что она сводная сестра Джимаса, ей захотелось познакомиться со всей историей своей семьи. Виржиния посоветовала ей не заходить в своем любопытстве слишком далеко. Иначе ей, возможно, придется пожалеть об этом. Но Сеньорита хотела знать все. Она выяснила, что на фазенде всегда существовали внебрачные связи между господами и рабами и что ее дед отнюдь не был тем образцом для подражания, каким его всегда представлял барон. Всю свою жизнь он преследовал негритянок, а притворялся, что презирает их. И рабам в Арауне пришлось много выстрадать в прошлые времена. История семьи полковника Феррейры, как с разочарованием установила Сеньорита, представляла собой чудовищную картину ханжества и двойной морали. Но она услышала и хорошее: красивую историю любви Бальбины и Жусто, бывшего в молодости рабом ее деда и потом проданного им доктору Фонтесу.

Все эти ужасающие и интригующие истории рассказала своей Сеньорите няня Виржиния, и та не уставала их слушать. Но в конце концов злодеяния ее предков перевесили: Сеньорита была пристыжена и возмущена ложью, разоблачаемой историями старой няни. Она почти жалела, что когда-то вернулась в Арауну.

Глава 40

Барон был обеспокоен развитием событий в Бразилии. Влияние республиканцев на политическую жизнь страны усиливалось, и не сегодня-завтра будет издан закон об отмене рабства. Но что тогда будет с урожаем? Кто будет представлять землевладельцев в новом правительстве? Феррейра подумывал о переходе в другой лагерь.

— Я спрашиваю себя, Кандида, как долго мы еще сможем сдерживать наших рабов? Когда мне придется открыть двери их лачуги?

Донна Кандида была крайне изумлена словами мужа. Она никогда не предполагала услышать от него ничего подобного.

— Я ведь не дурак, Кандида, — польстил сам себе барон, — в конце концов я знаю, чей час пробил.

Не только члены семьи доктора Фонтеса удивлялись тому, что барон не был обеспокоен бегством рабов Фулженсио и Жустиньо. Сначала никто в Арауне не понял, что вызвало эту резкую перемену. Раньше он приказывал своим людям безжалостно преследовать каждого бежавшего раба до тех пор, пока жертву не загоняли до смерти.

Но барон знал, что делает. Он сообщил Бруно, что в будущем попыток побега больше не будет. В лице Фулженсио и Жустиньо рабы потеряли своих вожakov. Кроме того, наносимый побегами ущерб был восполним. В то время в страну нахлынули толпы ищущих работу эмигрантов-итальянцев, и барону ничего не стоило заменить нехватавших рабов рабочими-переселенцами. Ко всеобщему изумлению, Феррейра приказал готовиться к большому празднику в селении рабов, на котором собирался присутствовать и он с семьей.

Доктор Фонтес сделал из сообщенных ему новостей правильный вывод: в столице происходило что-то очень важное. Изменение убеждений барона было явно связано с его недавним посещением Рио-де-Жанейро.

Сеньорита и донна Кандида были более чем поражены идеей барона. Они боялись, что в связи с празднованиями, которые каждому рабу после многолетних мучений должны были казаться издевательством, жажда мести прорвется наружу.

В своих опасениях они были недалеки от истины: когда рабы узнали о готовящемся празднике, их первой мыслью было поступить с бароном так же, как и с охотником за рабами: они мечтали привязать его к столбу.

Виржиния, обычно не скупившаяся на слова, потеряла дар речи.

— За здоровье самой благородной негритянки, которую я когда-либо встречал.

На фазенде барона происходили чудеса. Феррейра пригласил Виржинию и Себастьяна на стакан вина.

— За здоровье единственного негра, которого я когда-нибудь освобожу! — Полковник Феррейра выпил теперь за здоровье ошеломленно уставившегося на него Себастьяна.

Но скоро обоим, столь неожиданно возвеличенным, стала понятна истинная причина этого удивительного приглашения: барон хотел узнать, почему Рикардо Фонтес в тот несчастливый день приехал в поместье.

— Что он хотел, Себастьян, выкладывай! Если скажешь правду, я тебя отпущу уже завтра!

— Он хотел разрешить спор из-за источника, вы же знаете, сеньор барон... — Себастьян прикинулся простаком.

— Только поэтому? — переспросил барон. — Себастьян, ты же хочешь стать свободным...

— Да, но... я не знаю, куда вы клоните, сеньор барон. У вас есть... подозрения?

Себастьян знал больше, чем мог сказать, и поэтому предпочитал и дальше разыгрывать неведение.

Барон махнул рукой. Каждая новая капля дорогого вина была пустой тратой. Он понял, что ничего не узнает от Виржинии и Себастьяна. Удивительная встреча закончилась так же быстро, как началась.

Антеро не любил принимать скоропалительных решений. Но наконец-то он решил действовать на свой страх и риск: он освободил охотника за рабами.

Горожане были возмущены, узнав, что Лесной капитан опять на свободе. Правда, некоторые подозревали, что комиссар отпустил его, чтобы иметь реальную возможность застрелить за побег. Но никто не знал точно, что действительно произошло. Полагали даже, что Черный Всадник освободил капитана, чтобы самому расправиться с ним.

Комиссар поощрял распространение слухов, будто сам барон освободил охотника за рабами, чтобы избежать его допроса на суде. Мотивы барона были ясны: тщательное судебное разбирательство, безусловно, выявило бы тот факт, что барон сам отдал приказ стрелять в каждого. Неудивительно, что у этого объяснения быстро появилось множество сторонников.

— Охотник за рабами... — комиссар Антеро подмигнул барону. — Бежал!.. Вы понимаете?

Представитель закона принес барону новость об освобождении охотника за рабами. Постыдный допрос капитана перед судом теперь не был возможен — и барону не надо было больше ожидать неприятностей. Но и Антеро надеялся извлечь для себя определенную выгоду...

— Чего мне это будет стоить, комиссар? — спросил Феррейра недоверчиво.

— Ничего, сеньор барон, ничего, — возразил Антеро, — достаточно только вашей благодарности. Да, кстати, вы сделали ошибку, вознамерившись заменить меня на посту этим негром, причинившим вам столько неприятностей. Но забудем об этом! Я уверен, что с другом такое не может случиться...

Феррейра понял. Антеро хотел всегда быть уверен в его благосклонности, не важно, что еще принесут новые времена. И комиссар попользуется своей властью над всемогущим господином Арауны...

— Убирайся, негодяй!

После долгого, тяжелого перехода охотник за рабами прибыл в Куилombo, приют беглых рабов в недоступных диких горах. Его занесло туда так же, как и многих других знакомых рабов, которые нашли здесь убежище в последние дни.

По понятным причинам Жустиньо и Фулженсио по-прежнему не доверяли своему бывшему мучителю, стоящему теперь перед ними. Они не могли себе представить, что он пришел с добрыми намерениями. «Отнимите у него оружие!» По приказу папаши Андре двое мужчин схватили охотника за рабами и обыскали. Он не сопротивлялся. Караульные немедленно прочесали местность вокруг Куилombo. Возможно, он пришел с сообщниками.

— Я пришел один, брат Фулженсио! — заверил охотник за рабами.

Фулженсио посмотрел на него сначала с изумлением, а потом с крайним негодованием:

— Не называй меня братом!

— Но я твой брат, потому что я сын папаши Жозе, как и ты. И я пришел с миром, — объяснил охотник за рабами.

— Лживая свинья! — набросился на него Жустиньо. — Застрелите его!

Один из бойцов папаши Андре уже прицелился, но Фулженсио ударил его по руке:

— Не будьте дураками! Дайте ему сначала сказать.

— Ладно, говори! — прикрикнул Жустиньо на своего бывшего притеснителя. — С кем это папаша Жозе произвел такого ублюдка, как ты?

— Моя мать — Бальбина, рабыня, у которой на правой

руке не хватает одного пальца. Мне рассказал об этом Джимас. Следовательно, Жустиньо и Фулженсио — мои братья!

— Я не верю, — заявил Фулженсио, — что ты поэтому отказался от службы у рабовладельцев. Почему ты хочешь к нам присоединиться?

— Разве цвет моей кожи — не достаточная причина, брат?

На этот вопрос Фулженсио не смог ничего ответить.

В именин барон приказал надсмотрщику Бруно развести вокруг столба огонь и сжечь его. Плетка тоже должна была стать добычей огня, пока праздник не начался. Символы рабства сжигались и навсегда исчезали из истории фазенды.

Праздник был в разгаре. Над фазендой стоял запах поджаренного на вертеле мяса, столы прогибались под тяжестью угощений, вино лилось рекой. Каждый раб, умеющий играть на каком-нибудь инструменте или петь, играл и пел так, как это делали его предки. Рабы пили, пели и плясали; они радовались празднику, о котором было так много разговоров.

Никто не думал мстить барону, как того боялись донна Кандида и Сеньорита.

Проснувшись, Сеньорита спросила себя, не приснился ли ей вчерашний вечер. Но дальнейшие события имели совсем новую окраску. С ее отцом произошла перемена, которую она не могла объяснить.

— Тебя, Бруно, я не хочу больше видеть с плеткой в руке!

Барон созвал рабов на большую площадь фазенды и торжественно объявил им, что для них наступили новые времена:

— Ворота сензалы отныне не будут запираться! Вы больше не должны себя считать заключенными. В будущем вы станете работать без присмотра надсмотрщиков. Я больше не буду вас охранять и наказывать!

Над площадью воцарилась тишина, потом послышалось бормотание отдельных голосов, перешедшее под конец в восторженные крики. Барону пришлось приложить усилия, чтобы быть услышанным.

— Вы можете идти куда хотите, оставайтесь только в границах фазенды, чтобы вас не спутали с беглыми рабами. В свободные дни вы не должны работать и можете делать

все, что пожелаете. Кроме того, отныне я буду вам платить за вашу работу, и вы можете выкупить себя за цену, которую я за вас заплатил.

— Братья, это свобода! — раздался голос из рядов рабов, и снова разразилось неопишное веселье. — Свобода, братья, свобода!

Пока рабы на площади перед господским домом праздновали свою независимость, надсмотрщик Бруно держался в тени. Он был растерян происходящим. Он боялся потерять свою власть над рабами, которые будут ему, возможно, мстить за его зверства. Чтобы остудить общий восторг, он сообщил собравшимся, что Жустиньо и Фулженсио застрелены за побег, как паршивые собаки, — позднее выяснилось, что это была ложь.

Для донны Кандиды и Сеньориты тоже настали после недель страданий новые времена. Мать и дочь съездили с бароном в город Арауну, где у него были дела. Эта поездка была давнишним желанием Сеньориты. Она хотела навестить Аделаиде. Та, в свою очередь, была счастлива повидать свою бывшую госпожу, но в то же время ей было стыдно принимать Сеньориту в такой нищете. Она жила в бедном квартале, в крошечном домике, состоящем всего из двух скудно меблированных комнат. Ей было неприятно, что она даже не может предложить своей гостье конфет или печенья к чаю. С присущей ей скромностью Сеньорита помогла ей выйти из положения:

— Я пришла, чтобы повидать тебя и поговорить, Аделаиде, я сыта.

Молодые женщины могли о многом говорить, но главной темой стал ребенок, которого ждала Аделаиде.

— Надеюсь, он не будет черным, — поведала свою печаль Аделаиде и принялась плакать. — Только бы он не был черным...

— Что подумает твой ребенок в утробе, если ты уже сейчас указываешь ему, как он должен выглядеть? — выговаривала ей Сеньорита. — Он должен чувствовать твою любовь еще до того, как появится на свет.

— Так я и люблю его больше всего на свете! — Она смахнула слезы. — Больше всего я хочу, чтобы Сеньорита была его крестной матерью...

— С удовольствием, Аделаиде, — согласилась Сеньорита.

Аделаиде добавила:

—...А доктор Родолфо — крестным отцом!

— На вашем месте, доктор Родолфо, я бы не замедлил посетить Аделаиде... — тем самым хитрый Жусто давал понять своему господину, что Сеньорита в гостях у Аделаиде. Не прошло и пяти минут, как Родолфо уже стоял на пороге дома Жозе и Аделаиде.

— Родолфо! — Сеньорита поспешила ему навстречу с сияющей улыбкой.

Он прижал ее к своей груди и признался:

— Я пришел сказать тебе, что я тебя по-прежнему люблю. Мне сказали, что ты в городе.

Влюбленные не отрываясь смотрели друг на друга, и на лице Аделаиде показалась улыбка. Ей было приятно видеть, что они любят друг друга так же, как она и Жозе.

— Пожалуйста, прости мою мать! — попросил Родолфо. — Она против нашей связи после всего того, что случилось с Рикардо на фазенде твоего отца. Но со временем она все забудет.

Сеньорита вздохнула. Соппротивление ее семьи связи с Родолфо было гораздо сильнее. Барон никогда не допустил бы, чтобы его дочь вышла замуж за одного из членов семьи доктора Фонтеса.

— А почему бы вам, Родолфо, не похитить Сеньориту, — предложила Аделаиде, — как сделал со мной Черный Всадник? Если барон действительно стал овечкой, как все рассказывают, он даже не будет вас преследовать.

— Я об этом тоже думал, Аделаиде, — согласился Родолфо.

Сеньорита была осторожнее.

— Это безумие, Родолфо, но мне тоже кажется, что другого выхода нет.

Глава 41

— Не говорите глупости, доктор Фонтес! Этот город существует только потому, что его основал мой отец!

Пока Родолфо и Сеньорита клялись друг другу в своей любви, их отцы сидели друг напротив друга словно боевые петухи: доктор Фонтес и барон вели в заведении Мануэла

Тейшейры жаркий спор о заслугах старого Феррейры. Кутиньо и Эвералдо насторожились. В воздухе пахло ссорой.

— Мой отец выкорчевывал эту землю и сделал ее плодородной, и это ясно! Так почему мы не должны с почтением относиться к его памяти?

— Я это не имел в виду, сеньор барон, я с почтением отношусь к памяти вашего отца, — защищался доктор Фонтес.

— Для вас позорно думать иначе! — горячился барон. — Вы были одним из первых, кто ел из его руки!

— Позвольте внести ясность, — возразил барону доктор Фонтес. — Я не ел из его руки, я предложил ему свои услуги в качестве адвоката.

— Ваши услуги как адвоката? — издевался барон. — Кем вы были, когда приехали сюда? Маленький никчемный крючкотвор!

Этого доктор Фонтес, который до сих пор старался оставаться спокойным и хладнокровным, уже не мог вынести.

— Хорошо, я вижу, вы не хотите успокаиваться. Что касается крючкотворства: половину своих угодьев ваш отец получил противозаконно, не знаю уж, за какие заслуги, интриги и подхалимаж при дворе.

— Вы, вы!.. — барон был вне себя от злости, но теперь доктору Фонтесу было все равно.

— А вторую половину своих владений он присвоил, нарушая границы... Я могу это засвидетельствовать, потому что я, маленький крючкотвор, как вы меня предпочитаете называть, должен был легализовать его подлые мошенничества!

— Вы лжец! Вы неблагодарный паразит, плюющий в тарелку, из которой ест всю свою жизнь!

Последнее замечание было для доктора Фонтеса смертельным оскорблением; ссора приближалась к своей кульминации. И тот, и другой были взбешены до крайности. Одно оскорбление рождало другое. В заведении стало тихо, все посетители как замороженные слушали спорщиков.

— Прошу вас, господа, перестаньте! — Мануэл Тейшейра, начавший волноваться, попытался остудить горячие головы.

— Я требую, чтобы вы по всей форме извинились за свои слова! — потребовал наконец доктор Фонтес.

— Я? Извиниться? — Барон засунул руку в жилет,

вытащил револьвер и постучал им по столу. — Если вам нужно извинение, можете его получить! Если вы честный человек, в чем я сомневаюсь, тогда вы понимаете, что я имею в виду!

Тем самым барон вызывал доктора Фонтеса на дуэль. Все присутствующие замерли.

— Мне не нужно оружие, Феррейра, у меня есть разум! — проговорил доктор Фонтес дрожащим от возбуждения голосом. — Кроме того, вы мне еще должны объяснить, что случилось с моим сыном Рикардо у дверей вашего дома. Это оружие точно так же ничего не объясняет, как и загадочное исчезновение вашего прислужника, Лесного капитана. — Доктор Фонтес отвесил легкий поклон. — Вы позволите, господа... — И он твердыми шагами покинул комнату.

— Вернитесь, Фонтес! — бушевал барон. — Мы будем драться!

Сеньорита не могла выбрать для своей просьбы более неподходящего момента, чем тот, когда она заговорила с отцом на обратном пути на фазенду. Он все еще кипел от гнева.

— Я лучше отдам тебя в жены чернокожему, чем будешь замужем за одним из Фонтесов, — ответил коротко и ясно барон на вопрос дочери о ее свадьбе с Родолфо.

— Вы не должны были допускать, чтобы он вас так оскорблял, отец! — упрекнул отца Родолфо за случившееся в заведении Тейшейры, когда тот поздно вечером вернулся домой и рассказал, что произошло.

— Всему свое время, сын мой, — слабо защищался отец.

— Время? Я говорю не о времени, а о чести!

— Чести? — Их взгляды встретились. — Ах так, речь идет о чести...

— Я убью негодяя! — вмешался Рикардо. — Или мы сложа руки будем наблюдать, как нашу семью поливают грязью, брат?

— Ради Бога, только не будем развязывать в Апаруне войну! — Всю свою жизнь доктор Фонтес стремился к компромиссу и сдержанности. Что, в конце концов, произошло? Два старика высказали друг другу свое мнение после долгих лет лжи и притворства. Если подумать, все

это касается только его и барона. И дело можно, как всегда, уладить. — Идемте спать...

Однако доктора Фонтеса обуревали противоречивые чувства. Он напряженно и много думал.

— Ты правильно поступил, — поддержала мужа донна Инес.

— Не уверен, — засомневался Фонтес, — возможно, мне надо было застрелить его. Иногда мужчина должен делать то, что положено делать без оглядки на жену, детей и прочие интересы. Рикардо бросился мне на шею и заплакал — из жалости к такому слабаку! Лучше бы ему оплакивать мою гибель...

— Не говори таких ужасных вещей, Фонтес! — Мир мужчин остался для донны Нины загадкой даже после десятилетия брака. Она не понимала, как можно убивать друг друга по соображениям чести. — Мы все рады, что ты жив.

Так думала не только донна Инес. Мануэл Тейшейра сказал донне Нине, что адвокат действовал не как трус. Отец Жозе тоже поддержал доктора Фонтеса в мнении, что тот правильно отклонил дуэль с бароном:

— Христос подставил своим врагам вторую щеку, доктор Фонтес! Вы поступили как настоящий христианин!

— У Христа не было двух сыновей, сожалевших о своем трусливом отце! — возразил доктор Фонтес с горечью.

Рикардо искал способ восстановить честь своей семьи. Он полагал, что сильнее всего можно обидеть и оскорбить барона, если похитить его дочь. Родолфо был согласен. Другого пути не было, настало время действовать.

На следующее утро барон пришел на кухню и спросил Виржинию, как она отнесется к тому, что он отпустит Себастьяна на свободу. Решение он полностью возложил на нее. Это неожиданное предложение повергло Виржинию в растерянность. Она часто ссорилась со своим помощником Себастьяном. Он, конечно, с радостью освободится от ее докучной опеки. И она окажется одна со всем грузом работы на своих усталых плечах. Но готова ли она позтому помешать его свободе? Ответственность давила на нее, как кошмар. И почему барон взвалил это решение именно на нее?

Жулиана долгое время избегала объяснений Марио в любви. Но теперь она потихоньку начала его поощрять, все еще для того, чтобы заставить ревновать Джимаса, по-прежнему ее не замечавшего. Помимо всего, с каждым днем, проведенным на работе в типографии, Марио становился ей все приятнее...

И Марио спросил своего отца, можно ли ему привезти с собой в поместье Жулиану, чтобы с ней поближе познакомиться. Марио решил жениться на Жулиане, но Эвералдо отнесся к этой идее без восторга и отклонил ее со всей откровенностью. Он вынашивал в отношении своего сына другие планы.

Джимас, мужчина, которому в действительности предназначались чувства Жулианы, не мог свернуть с избранного пути, хотя ему и причиняла боль неожиданная симпатия Жулианы к Марио. Даже отец Жозе не мог переубедить Джимаса:

— Я восхищаюсь твоей смелой борьбой за интересы твоих братьев, Джимас, но я хочу тебе напомнить, что ты должен думать и о себе и выпустить любовь в свое сердце. Не забывай, Джимас, Жулиана не заслуживает такого отношения.

Джимас охотно последовал бы совету священника, но его убеждения удерживали его. Он должен был выполнить клятву и слишком хорошо знал, как легко мог бы при этом завлечь в гибельный водоворот Жулиану, которую любил больше всего на свете.

— Рабы, которые получили свидетельства об освобождении и теперь живут грабежами и кражами, вместо того чтобы работать на полях, хуже белых, — объявил папаша Андре в Куилombe своим братьям. Беглые рабы слишком часто по нужде или из мстительных чувств совершали преступления. Отец Андре не собирался терпеть подобные преступления своих людей. — Мы хотим и дальше жить мирно, заводить семьи, возделывать наши поля, растить детей, — он немного помолчал. — Мы больше не хотим войны, не хотим страха. В глазах некоторых из вас слишком много ненависти! Если вам нужны война, грабежи и убийства, — здесь вам не место!

— Папаша Андре прав, — согласился один из рабов, — мы не хотим стать преступниками! Каждый из нас мечтает жить в мире, завести семью и растить детей! Но в

Куилombo слишком мало женщин. Нехорошо, когда мужчины живут одни.

— Я мог бы сюда доставить женщин, — предложил Лесной капитан. — Мы заведем детей и построим наш собственный город. Для Жустиньо я заберу из города Аделаиде...

Папаша Андре сомневался.

— У вас плохая слава из-за вашего прошлого, капитан! — заявил он. — Никто из женщин вам не поверит и с вами не пойдет...

— Теперь он один из нас, — взял его под защиту Фулженсио, — я поеду с ним.

В поместье события последней недели принесли свои плоды. Надсмотрщик Бруно заметил, что рабы никогда так хорошо не работали, как после речи барона. После этого работа закипела, каждый усердствовал, как только мог. Полковник Феррейра довольно усмехался:

— Видишь, Бруно! Этого я и добивался!

Родолфо Гарсия Фонтес поехал на fazendu, чтобы мирным путем уладить конфликт между своим отцом и бароном. Но Феррейра принял его холодно.

— Я попрошу вас излагать свою просьбу покороче, поэтому не предлагаю вам стул.

Но провокационное поведение барона не смутило Родолфо. Он с похвалой отзывался о гуманной уступке барона своим рабам и извинился за грубости, которыми он в прошлом обменялся с бароном. Он извинился также за то, что так долго скрывал от барона свои республиканские убеждения.

— Я знаю, что нас разделяют миры, но полагаю, что два порядочных человека могут прийти к согласию, откровенно переговорив.

— Два порядочных человека? Я вижу в этой комнате только одного! — грубо оборвал его барон.

Родолфо старался сохранять спокойствие. В конце концов, он приехал, чтобы договориться. Он завел разговор о ссоре между бароном и своим отцом.

— Я рад, что мой отец не ответил тогда как человек, чья честь оскорблена. Он, без сомнения, помнил о долгой дружбе и считал дуэль бессмысленной...

— Да, вы полагаете? А я думаю, что ваш отец не хотел со мной стреляться из трусости! — Было очевидно, что барон хотел довести дело до скандала.

В глубине души Родолфо негодовал, но внешне сохранял спокойствие.

— Сеньор барон! Вы здесь где-нибудь могли спрятать оружие. После того, что случилось с моим братом, у меня было достаточно оснований полагать, что со мной может произойти что-то подобное. Как видите, я не вооружен.

— А если я сейчас достану свое оружие, доктор Родолфо?

— Я пришел с мирными намерениями, но в таком случае вам придется меня убить, — сказал Родолфо мрачно, — чтобы не умереть самому.

— Это что, угроза?

— Это вы мне угрожали! Я пришел с миром, в надежде вас переубедить, — объяснил Родолфо.

— Это меня вы хотите переубедить? — Барон злобно засмеялся: — Вы такой же дурак, как и ваш брат!

— Действительно, такова цель моего визита, — сказал Родолфо, — потому что я люблю вашу дочь и женюсь на ней несмотря ни на что!

— Да вы с ума сошли!

— Ничуть, сеньор барон! Я думал о свадьбе, приличествующей двум почтенным семействам, но теперь мне ясно, что эта последняя попытка не имела смысла...

— Тут вы действительно правы, — подтвердил барон.

— Я предпочел бы видеть вас своим тестем, нежели врагом, но если вы хотите помешать мне похитить вашу дочь и жениться на ней, то стреляйте! — Родолфо поклонился. — Наилучшие пожелания!

Барон достал револьвер и прицелился в Родолфо...

— Лучше не делайте этого! — Родолфо как раз намеревался покинуть дом. — Как вы собираетесь оправдаться? Потом вы не сможете ссылаться на самооборону. Выстрел в спину — тут пахнет трусостью, сеньор барон!

— Вы действительно полагаете, что нам стоит купить такую машину для Араруны? — Мануэл Тейшейра и Жозе вели деловой разговор. Тейшейра искал компаньона для обработки кофе, которую он намеревался открыть в Араруне, и предложил Жозе Коутиньо сотрудничество. Он нуждался в опыте Жозе Коутиньо для надзора за рабочей

силой, в котором Жозе знал толк после работы на фазенде своего отца. Для Жозе Коутиньо успех этого начинания означал бы освобождение от горькой нужды, мучившей его и его жену Аделаиде и грозившей в скором времени и их ребенку. Он выслушивал планы Мануэла Тейшейры с жадным интересом.

— Но нам понадобится участок земли с ангаром для такой большой машины, — вступил он, в конце концов, в разговор. — И деньги, много денег...

— Деньги у меня есть, — уверенно заявил Мануэл Тейшейра. — Все, что мне сейчас нужно, это ваши помощь и опыт, Жозе. Я обещаю вам, скажем... десять процентов. За это вы должны полностью посвятить себя предприятию, поезжайте, чтобы ускорить дела, в Сантус или, если это необходимо, даже в Рио-де-Жанейро. — С этими словами он пододвинул к Жозе договор, который набросал уже за несколько дней до этого. Молодой Коутиньо подписал без долгих колебаний. Сделка удалась на славу. Они выпили по стаканчику водки за успешное окончание дела. — Что же, займемся делами, компаньон! — рассмеялся Мануэл Тейшейра.

Глава 42

Последней каплей, переполнившей чашу терпения Родолфо, явилась очередная стычка с бароном. Теперь он окончательно решил, что похитит Сеньориту, отвезет ее в Куилombo и там спрячет. Все детали похищения Родолфо обсудил с Джимасом, Жусто и Бентиньо.

Однако Родолфо не рассчитывал, что и барон после этой ссоры начнет решительно действовать. Феррейра решил немедленно отправить свою дочь и жену в Европу. Этому Родолфо уже не мог ему простить. И молодой человек захотел рассчитаться с бароном как можно скорее.

Донна Кандида не стала возражать супругу и начала готовиться к отъезду. Сеньорите эта поездка была не по душе, поскольку она должна была разлучиться с Родолфо. Девушка делала все возможное, чтобы выиграть время и оттянуть отъезд. Дочь барона не знала, догадывается ли Родолфо о планах ее отца. Не имея возможности увидеться с Родолфо, она попросила Себастьяна встретиться

с ним и рассказать о поездке в Европу. Девушка была уверена, что, услышав об этом, Родолфо сделает все, чтобы не допустить ее отъезда.

Однако Феррейра очень быстро разгадал намерения дочери. Когда Себастьян тайком исчез с фазенды, барону стало ясно, что он отправился к Родолфо по просьбе его дочери. Феррейре необходимо было во что бы то ни стало помешать встрече Сеньориты с молодым человеком. Барон и мысли не допускал, что кто-то может посметь перебежать ему дорогу, тем более этот ненавистный Родолфо. Во избежание нежелательных для него событий полковник Феррейра решил проводить дочь и жену до самого вокзала, а может, даже и посадить на пароход, чтобы убедиться в их отъезде.

Вконец изнуренные долгим ночным путешествием, Жустиньо, Фулженсио и Лесной капитан достигли желанной цели — поместья Араруна. Они намеревались подбить на бегство как можно больше рабов. «Узнать бы сейчас, где Аделаида», — думал Жустиньо. Он так и не мог забыть эту женщину. Голос капитана прервал его размышления.

— Послушайте-ка, вы голодны? Хотите есть? — обратился Лесной капитан к своим спутникам. — Я знаю здесь одно местечко, где можно неплохо перекусить. Оно расположено недалеко, в двух шагах.

Он привел Жустиньо и Фулженсио в лавку Мануэла Тейшейры, где тот хранил съестные и питьевые запасы. Открыть ветхий замок на двери не составляло никакого труда, так что Жустиньо, Фулженсио и капитан хорошо провели остаток ночи, лакомясь всевозможными деликатесами и напитками, которыми была набита лавчонка.

Родолфо понимал, что ему следует как можно скорее похитить свою возлюбленную. Узнав от Себастьяна, что уже завтра утром Сеньорита с донной Кандидой выезжают в Европу, он стал думать, что бы предпринять, с целью помешать их отъезду.

Рикардо пытался, как мог, успокоить брата.

— Да ты не волнуйся, мы очень легко организуем похищение Сеньориты и донны Кандиды: перекроем железнодорожный путь, остановим поезд и украдем женщин. Это же очень простое дело!

— А если барон будет в поезде? Вдруг он захочет

проводить дочь и жену до самого парохода, чтобы избежать недоразумений по дороге? Что тогда?

— Тогда я убью барона! У меня до сих пор болит то место, в которое меня ранили по его милости! Я с ним за все рассчитаюсь! — решительно заявил Рикардо брату.

— Твой план не так уж и плох, братишка, — поддержал его Родолфо, — но надо действовать разумно, не применяя силы.

— Ну и как же ты себе это представляешь? Как можно, не применяя силы, остановить поезд? Уж не собираешься ли ты лечь на рельсы? — съязвил Рикардо. — Хотя постой, постой... У меня есть одна идея!

— Ну и что ты придумал? — поинтересовался Родолфо.

Рикардо объяснил брату, как можно спокойно остановить поезд.

— Мы, конечно же, не будем бросаться под поезд. Мы просто должны помешать поезду запастись водой на вокзале в Арауне, а без необходимых запасов воды поезд в скором времени сам где-то остановится и не сможет ехать дальше.

За день до отъезда, поздно вечером полковник Феррейра позвал жену и протянул ей золотой слиток:

— Я даю тебе это золото, Кандида, на тот случай, если тебе во время поездки что-то понадобится.

Донна Кандида была потрясена, она не могла понять, откуда у ее мужа появился золотой слиток.

— Где ты это взял? Откуда у тебя золото?

— Не надо задавать мне никаких вопросов! — возразил жене барон. — Я тебя люблю, Кандида, и я счастлив, что ты мне помогаешь оградить нашу дочь от этого мерзавца Родолфо. Я всегда был предан тебе, Кандида. И от тебя я тоже жду безграничной преданности. Должен тебе сказать, что и этот золотой слиток, и все остальное золото, которое спрятано в доме, для меня ничего не будет значить, если я потеряю тебя. А еще я прошу тебя, Кандида, помочь мне найти достойного мужа для нашей дочери, который не будет меня ненавидеть и подарит мне столь желанного для меня внука. — Феррейра обнял баронессу и поцеловал.

— Если все пойдет так, как мы запланировали, то уже дня через три мы покинем город, отец Жозе, — обратился к священнику Джимас.

Он также изложил отцу Жозе просьбу Родолфо — обвенчать его с Сеньоритой в Куиломбо.

— Я вас сам буду туда сопровождать, святой отец.

— Куиломбо? Это пристанище беглых рабов? Господи, ну и идеи же у нынешней молодежи. Ну что же, хорошо. Это будет удивительная свадьба.

Сеньорите было очень тяжело прощаться с Виржинией. Сколько же радостных дней провела она в детстве со своей няней! Виржинии тоже было нелегко расставаться с Сеньоритой, и она горько заплакала. Сеньорите захотелось как-то утешить свою старую няню, и она сказала:

— Ничего, Виржиния, когда-нибудь я обязательно вернусь к тебе!

На вокзал Арауны прибыл поезд, с которым и должны были ехать дочь и жена барона. Похитители Сеньориты изменили свой план. Они решили не применять трюк с водой. Рикардо и Джимас спрятались в густой высокой траве возле железной дороги, недалеко от водонапорной башни. Как только машинист остановил поезд, чтобы наполнить водой паровой котел, они выскочили из своего укрытия и залезли на локомотив. Угрожая пистолетами, молодые люди велели машинисту выполнять их приказ: остановить поезд по первому же их требованию. При этом никто из пассажиров не должен ничего заподозрить... Родолфо попрощался на вокзале с Сеньоритой и донной Кандидой.

— Счастливого путешествия, баронесса. Желаю вам приятно провести время. Надеюсь, вам понравится в Европе.

Сеньорита была разочарована поведением своего возлюбленного, она не могла поверить, что Родолфо так спокойно отпускает ее. До последней минуты девушку не покидала надежда, что он что-то предпримет и не даст ей уехать. Но вот поезд тронулся. Теперь уже от Родолфо ждать было нечего. Он стоял на перроне и махал вслед уходящему поезду.

Стоя в стороне, барон с удовлетворением наблюдал за сценой прощания молодых. Теперь-то он был полностью уверен, что сделал свое дело и что Сеньорита и Родолфо больше никогда не увидятся. Ах, если бы он в этот мо-

мент знал, что для похищения его дочери все уже подготовлено!.. Тогда бы он проводил донну Кандиду и Сеньориту до самого порта... И не было бы многих последующих событий...

— Ни слова! Немедленно остановить поезд! — командовал Рикардо машинисту. Тот не послушался приказа, так как ему не верилось, что Рикардо способен выстрелить. Тогда за дело взялся Джимас, причем он решил применить другой способ воздействия. Он сказал машинисту, что речь идет вовсе не о нападении с целью грабежа, а о спасении дамы, которую насильно увозят в Европу, и что они хотят соединить два любящих сердца.

— Конечно, я обязан строго придерживаться расписания, но раз речь идет не об ограблении, а о любви... Ладно, я согласен! — миролюбиво ответил машинист.

Тем временем Сеньорита сидела в своем купе, ровным счетом ничего не подозревая. Как же Родолфо мог не помешать этой поездке?

— Господи! — Возглас донны Кандиды прервал ее печальные мысли, и Сеньорита увидела вошедшего в купе Родолфо. С него градом лился пот, ведь он с безумной скоростью догонял поезд, мчавшись на лошади. Затем он прыгнул с лошади на площадку последнего вагона, в котором находились Сеньорита и донна Кандида.

— Родолфо! — влюбленные бросились друг к другу. В этот момент поезд начал резко тормозить, машинист вял все-таки просьбе Джимаса. От резкого толчка молодые упали. Когда поезд остановился, молодая пара поднялась и соединилась в долгом, бесконечном поцелуе. Они были заняты только друг другом, и всеобщая суматоха среди пассажиров поезда их совершенно не волновала. Только через несколько минут Родолфо обратил внимание, что донна Кандида забилась в угол и испуганно озирается по сторонам.

— Ничего не бойтесь, баронесса. Я пришел сюда за той, которую люблю, за вашей дочерью.

У донны Кандиды на глазах выступили слезы. Трудно было определить, почему она заплакала — то ли от страха, то ли от умиления, то ли от облегчения.

Рикардо и Джимас соскочили с локомотива и, пробежав с немыслимой скоростью вдоль поезда, очутились в нуж-

ном купе. Рикардо принялся успокаивать баронессу, решив, что сейчас удобный случай для любовного объяснения.

— Мой брат любит вашу дочь, а я люблю вас... Могли бы хотя бы на что-то надеяться?

— Надо спешить! — произнес решительно Родолфо. — Нам предстоит очень долгий путь.

Родолфо и Сеньорита прыгнули с поезда на железнодорожную насыпь.

— Я не знаю, — тихо прошептала баронесса, — может быть, в один прекрасный день...

Вскоре поезд тронулся. Никто из пассажиров не заметил похищения дочери барона, так как все произошло очень быстро. Баронесса стояла в замешательстве посреди своего купе. Следом за Сеньоритой и Родолфо исчезли и Рикардо с Джимасом. Баронесса долго не могла опомниться после случившегося. Это все было похоже на какой-то сон, и тем не менее это было явью — дочери в купе не было...

Тем временем дочь барона и ее похитители вышли к лесу. Там их уже ждали Жусто и Бентиньо с приготовленными для беглецов лошадьми. Из лесу они сразу же устремились в Куилombo...

Пассажиры поезда, в котором ехала донна Кандида, оправившись от испуга, начали обсуждать столь непонятную остановку. Проводник предложил дать в Араруну срочную телеграмму с ближайшей станции об этом странном происшествии. Но донна Кандида попросила проводника никому ничего не сообщать, потому что она хотела помочь молодой паре. Проводник согласно кивнул в ответ. В конце концов, баронесса была супругой влиятельного лица и хозяйкой положения.

Вскоре Рикардо снова появился в Араруне. Слишком долгое его отсутствие могло навлечь на него ненужные подозрения. Кроме того, ему не терпелось рассказать Аугусто и отцу Жозе о подробностях похищения дочери барона...

Глава 43

Обнаружив следы ночного разбоя в своей лавке, Мануэл Тейшейра отправился к комиссару Антеро. Он пожаловался на то, что какие-то неизвестные, проникнув

ночью в его лавку, устроили там страшный беспорядок и уничтожили почти все съестные запасы. Комиссар пообещал ему поспособствовать в розыске виновников. Тем временем Жустиньо, Фулженсио и Лесной капитан находились все еще недалеко от Арауны. Фулженсио решил открыть капитану одну тайну.

— Поскольку ты теперь на нашей стороне, я хочу, чтобы ты знал — доктор Родолфо и есть Черный Всадник, помогающий рабам!

— Ах, значит, барон был прав, подозревая его... — проговорил капитан. И тут ему в голову пришли коварные мысли: «А что, если я убью Родолфо и брошу его труп к ногам барона, тогда полковник Феррейра наконец-то поймет, как я ему предан, и вознаградит меня».

Вскоре Лесной капитан уже был в поместье барона. Там его обнаружил управляющий Бруно и привел к барону.

— Я увидел его недалеко от вашей усадьбы. Кто знает, что он там задумал, может, что-то и доброе, — прокомментировал Бруно появление Лесного капитана.

— Да ничего я не замышляю. Я просто принес барону весьма любопытную весть, — пояснил капитан. Он был внешне очень спокоен. Барон понял, что человек, которого поймали бы на месте преступления, едва ли был столь хладнокровен.

— И что же это за весть? — поинтересовался барон. Жестом он велел Бруно отпустить капитана, которого тот цепко держал.

— Хотите узнать, кто скрывается под маской Черного Всадника?

— Ну так кто же это?

Капитан, видя повышенный интерес Феррейры, решил придать своим словам больше весомости.

— То, что я вам сообщу, абсолютно точно. Но я бы хотел поговорить с вами с глазу на глаз. Пусть Бруно уйдет!

— Хорошо, уйди, Бруно. — Управляющий удалился. — Ну так кто же это?

Лесной капитан понял, что за свое сообщение он может выудить у полковника Феррейры кругленькую сумму. Барон многое даст за то, чтобы узнать, кто же этот Черный Всадник.

— Помнится, вы мне и так задолжали, барон, за одну оказанную мною услугу. Я хотел бы сейчас получить по-

ловину обещанного вами. Сначала денежки, а потом я вам все расскажу!

Феррейра вынул из потайного ящика конторки пачку денег, внимательно пересчитал их и протянул капитану требуемую сумму.

— Ну а теперь к делу. Так кто он?

— Это — Родолфо Фонтес, а Джимас — его сообщник. — Лесной капитан сделал многозначительную паузу. — Я узнал это от Фулженсио и Жустиньо. Я специально проник в Куиломбо и завел с ними дружбу, чтобы все у них выведать.

— Я так и думал! — Барон самодовольно улыбнулся. — Капитан, к возвращению моей дочери и жены из Европы этого негодяя не должно быть в живых. Я вам поручаю стереть его с лица земли, но не вздумайте кому-то сказать, что это я вам приказал сделать! Все ясно?

— Ну конечно же, господин барон! — с готовностью воскликнул Лесной капитан. — Но выдайте мне прямо сейчас оружие, продовольствие и все причитающиеся мне деньги!

— К чему такая спешка?

На лице капитана появилась язвительная ухмылка.

— Когда Родолфо будет мертв, едва ли у меня будет возможность снова появиться здесь и забрать оставшиеся деньги!

— А где это вы были так долго, капитан? — спросили Фулженсио и Жустиньо подошедшего к ним охотника за рабами. Им показалось очень подозрительным, что их приятель принес с собой несметное количество всяческой еды. А что, если он просто-напросто их обманул и выдал Родолфо? Их подозрения еще больше усилились, когда капитан вынул из кармана пачку денег. Часть из них он протянул своим спутникам.

— Берите! С этими деньгами можно отправляться в путь.

— А откуда у вас деньги?

— Только не надо задавать никаких вопросов! Откуда деньги — это уж мое дело! — отрезал охотник за рабами.

— Нельзя было ему так слепо доверять! — Фулженсио проклинал себя за такую опрометчивость. — Он наверняка выдал Родолфо! Никакой он нам не брат!

Фулженсио и Жустиньо швырнули деньги под ноги капитану и ушли прочь.

— Братья! Не будьте же идиотами! — кричал им вслед охотник за рабами.

Отец Жозе навестил семью доктора Фонтеса. Он сообщил им о предстоящем в Куилombo венчании Родолфо и Сеньориты.

— Конечно же, после этого мне придется подыскивать для себя другой приход, так как барон Арауны никогда не сможет мне этого простить!

Донна Инес до сих пор отнюсилась с большой опаской к действиям своих сыновей, которые могли прогневать барона. Ее очень пугала месть барона. Доктор Фонтес спокойно и одобрительно принял сообщение священника. Он передал отцу Жозе для Родолфо и Сеньориты немного денег в качестве подарка молодой паре.

— Молодым следует после свадьбы уехать куда-нибудь подальше, иначе их обязательно схватит цепкая рука барона. Передайте им этот мой совет, святой отец, — попросил доктор Фонтес священника.

Тем временем Фулженсио и Жустиньо усердно разыскивали священника. Жизнь Родолфо была в опасности, и единственным человеком, которому они могли полностью доверять, был отец Жозе. Священник как раз возвращался домой от доктора Фонтеса, когда они наконец увидели его. Их рассказ заставил отца Жозе повернуть назад и вернуться в дом адвоката. Ему надо было немедленно сообщить доктору Фонтесу, что над их сыном нависла серьезная опасность. Священник поведал родителям Родолфо и о том, что за убийство их сына барон заплатил Лесному капитану немалые деньги. Первая мысль доктора Фонтеса была пойти к комиссару Антеро. Он считал, что для спасения жизни Родолфо необходимо, чтобы комиссар взял его под свою защиту.

«Опять этот капитан! — подумал комиссар Антеро, внимательно выслушав доктора Фонтеса. — И ведь я собственноручно выпустил его тогда на свободу! Как же опрометчиво я поступил!»

И он успокоил доктора Фонтеса, что непременно разыщет капитана и посадит за решетку. Антеро направил

на поиски охотника за рабами отряд вооруженных людей. Однако найти его было не так-то просто.

Появление в Куиломбо Сеньориты и ее похитителей в первую минуту вызвало у негров ужас. Они решили, что Лесной капитан выдал их и что вновь прибывшие — их враги. Однако, узнав в одном из них Джимаса, обитатели Куиломбо успокоились. Правда, им не очень понравилось, что появившаяся здесь белая девушка — дочь барона. Не то чтобы они ей не доверяли, нет, они просто боялись, что ее пребывание здесь навлечет на них беду. Барон, разыскивая свою дочь, может обнаружить их пристанище. Однако Сеньорита была невестой Родолфо, Черного Всадника — их защитника. Поэтому постепенно все негры стали относиться к ней с теплотой.

Родолфо и Сеньорита были готовы к тем нуждам и лишениям, которые их здесь ждали. Ведь они очень любили друг друга, и это для них было самым главным. Поэтому они не сожалели о том, что их сытая жизнь в богатых домах осталась в прошлом.

Комиссар Антеро не прекращал поиски охотника за рабами. Уже по всему городу прошел слух, что капитан снова стал прислужником барона. Сам же барон начисто отрицал какие-либо отношения с ним.

— Смотрите, господин барон, вы сами будете нести ответственность, если разыскиваемый совершит какое-нибудь новое преступление, — предупредил Антеро пришедшего к нему полковника Феррейру.

Однако на барона эти слова не произвели никакого впечатления. словно пропустив сказанное комиссаром мимо ушей, барон потребовал, чтобы тот арестовал Родолфо Фонтеса.

— Он и есть Черный Всадник, защитник рабов. И он должен быть наказан за все свои деяния.

— Да как же я его арестую, ведь его сейчас и в Арауне-то нет! Он куда-то уехал, — ответил барону Антеро.

«Ах вот оно что, Родолфо нет в Арауне», — подумал барон. И тут чутье подсказало ему, что, вероятнее всего, Родолфо последовал за его дочерью. Скорее всего, донна Кандида и Сеньорита сейчас вовсе

и не на пароходе, плывущем в Европу, а в каком-то другом месте.

Барон поспешил закончить разговор с Антеро.

— Давайте ничего больше сегодня не обсуждать. Я должен немедленно кое-что предпринять. Для меня это вопрос чести.

В тот же день барон отправился на поиски жены и дочери. Узнав об отъезде барона, Антеро сразу же доложил об этом адвокату Фонтесу. Он боялся, что барон разыщет свою дочь и сына адвоката.

У Жулианы созрело окончательное решение. Она больше не желала играть с Марио в кошки-мышки. В конце концов, она испытывает к нему лишь дружеские чувства, и он должен об этом знать. Конечно, ей было жаль лишать Марио последней надежды. Однако после решительного разговора с ним Жулиана почувствовала облегчение. Джимас — вот тот человек, которого она любила. Однако Жулиана знала, что ее с Джимасом разделяет стена, хотя она и не могла точно ответить, что именно препятствует их взаимопониманию.

Старый Аугусто видел беспокойство своей внучки. Он все ждал подходящего момента, чтобы поговорить с ней о Джимасе. Аугусто решил про себя, что не станет возражать, если Жулиана захочет уйти к нему и поселиться в Куилombo. Он не будет останавливать внучку...

Обитатели Куилombo начали готовить побег своих темнокожих братьев из поместья Арауна. Ведь никто не верил, что полковник Феррейра когда-либо предоставит своим рабам свободу и хоть немного облегчит их участь. Поэтому для них бегство было единственной возможностью спасти себя. Было решено проникнуть на фазенду барона, открыть ворота сензалы рабов и выпустить их на волю. Узнав об этом, Сеньорита тоже решила участвовать в освобождении рабов вместе с Родолфо и Джимасом. Девушка понимала всю справедливость этих действий. Единственное, что ее беспокоило, как бы с отцом что-нибудь не произошло во время этих событий. Сеньорита старалась отгонять от себя мысли о том, что ее отец может быть ранен или даже убит.

Предчувствия барона оправдались. Донна Кандида отыскалась в столице, в одной из гостиниц. Как и предполагал барон, ни ее, ни дочери не было на пароходе, следующем в Европу. Донна Кандида рассказала мужу какую-то туманную историю, полную невероятных происшествий. Феррейра, конечно же, не поверил ни единому ее слову. Баронесса уверяла мужа, что их дочь похитили, когда сама донна Кандида выходила.

— Это чистая правда, Феррейра!

Она без конца убеждала барона в правдивости своих слов, а он ей отказывался верить. Ему было ясно, что мать и дочь сговорились. Феррейра пытался угрожать жене:

— Ты не представляешь, как я поступлю с тобой, Кандида!

— От вас всего можно ожидать, сеньор барон. Но знайте, я даю свое благословение нашей дочери и Родолфо, потому что они любят друг друга! — решительно сказала супругу баронесса.

По дороге в Арауну полковник Феррейра продолжал расспрашивать жену о случившемся. Баронесса клялась, что не знает, где сейчас дочь, и даже если барон забудет ее до смерти, она все равно больше ничего не скажет.

Несмотря на предупреждения барона, Лесной капитан опять появился на фазенде. Бруно застал его на кухне, где тот уплетал за обе щеки и болтал с Виржинией. По самонадеянному виду капитана можно было подумать, что он здесь хозяин. Надсмотрщик схватил его за шиворот и притащил к барону.

Феррейра был как раз в этот момент в состоянии крайнего гнева и раздражения. Причиной тому явилась перепалка с женой по дороге домой. Свою злобу барон перенес на капитана. Он приказал Бруно облачить того в лохмотья и с веревкой на шее привести к комиссару Антеро.

— Если он попытается бежать, немедленно стреляй! — приказал Феррейра надсмотрщику. Было решено, что эту ночь охотник за рабами проведет на фазенде, а на следующее утро его отведут к комиссару.

Бруно вел себя с капитаном как с самым презренным рабом. Он унижал его, как только мог. Затем над-

смотрщик дал своему пленнику пресную воду и черствый хлеб.

— Ну подожди же, я еще с тобой посчитаюсь. Это тебе все даром не пройдет, — пригрозил капитан своему мучителю. Это единственное, что он мог сделать.

— Я это уже слышал от многих рабов. Но все они были лучше тебя, — с усмешкой заметил Бруно.

На следующее утро барон и Бруно повели своего пленника к комиссару. Это было удивительное шествие. Лесной капитан тащился по городу с веревкой на шее, а ведь раньше он, будучи охотником за рабами, частенько подвергал такому издевательствам беглых рабов. Теперь он прочувствовал на собственной шкуре все эти унижения.

— Антеро, я привел к вам преступника, которого вы разыскиваете. Признаюсь вам, что я нанял этого субъекта в качестве убийцы, чтобы не запятнать свое имя... Но теперь я ни в ком не нуждаюсь. Я способен сам защитить свою честь! — обратился барон к представителю власти.

Приготовление к свадьбе Родолфо и Сеньориты шло полным ходом. Отец Жозе объявил своим прихожанам, что он уезжает на несколько дней к своему заболевшему брату, и вместе с Фулженсио и Жустиньо отправился в Куилombo. Тем временем жители Куилombo решили усилить охрану своего прибежища, поскольку стало известно, что над их защитником Родолфо Фонтесом нависла опасность. Услышав о том, что уже вот-вот должен прибыть отец Жозе, Сеньорита захлопала от радости в ладоши — наконец-то она станет женой Родолфо... Это была необычная свадьба. Не было ни господ в элегантных костюмах, ни дам в роскошных шелковых платьях. Алтарь был сооружен из нескольких ящичков, украшенных цветами. Не было оркестра, играющего свадебный марш. Лишь цикады что-то напевали этой теплой летней ночью.

Но такой счастливой невесты, как Сеньорита, отец Жозе никогда еще не видел. Рафаэл, сводный брат девушки, вел невесту к алтарю. Свидетелями венчания были четверо негров — папаша Андре, его жена Мария, их сын Тони и его жена. Возле алтаря зажгли свечи. Взгляды всех присутствующих на этой брачной церемонии устремились к священнику, который говорил мягким, ровным голосом:

— Я никогда не думал, Сеньорита, что мне придется венчать тебя в подобных условиях. Но свадьба в такой обстановке с любимым гораздо лучше, чем роскошное свадебное пиршество с нелюбимым...

Откашлявшись, священник приступил к основной части:

— Брак заключается по законам священной, католической, римско-апостольской церкви между доктором Родолфо Гарсия Фонтесом и Сеньоритой...

Тут он запнулся:

— А как твое полное имя, Сеньорита? Я забыл...

— Мария дас Грасас Феррейра.

— ...между доктором Родолфо Гарсия Фонтесом и Марией дас Грасас Феррейра, — продолжал священник. — Если кто-то из присутствующих знает что-либо, препятствующее заключению этого брака, то пусть он сообщит сейчас об этом... Родолфо, Мария дас Грасас, перед лицом Господа я благословляю вашу любовь! Несмотря на отсутствие обручальных колец, о которых некому было позаботиться, я объявляю вас мужем и женой! С этого момента вы супруги, да благословляю вас мужем и женой! С этого момента вы супруги, да благословит вас Господь!

Родолфо и Сеньорита припали друг к другу и слились в поцелуе. После брачной церемонии священник пожелал молодым счастья и передал письмо и деньги от доктора Фонтеса. Затем был устроен свадебный «пир». Все веселились от души. Негры постарались выглядеть нарядно. Они сделали себе оригинальные костюмы из цветных лоскутов, цветов и листьев. Все танцевали до упаду под бой барабана. Свадебное веселье продолжалось до рассвета.

Первым рассказал доктору Фонтесу о свадьбе Родолфо и Сеньориты Бентиньо. Донна Инес была очень растрогана. Она несколько раз повторила, что ей очень хотелось присутствовать на свадьбе своего сына.

Отец Жозе уже на следующий день вернулся в Арауну. Передав семье доктора Фонтеса привет от молодых, священник поведал им о том, что молодые не хотят жить вдали от Арауны. Им уже надоело прятаться и быть постоянно в бегах. Сеньорита и Родолфо хотели, чтобы все окружающие признали их союз. Они

поручили брату Родолфо, Рикардо, рассказать баронессе о состоявшейся свадьбе. Как отнесутся к этому известию барон и баронесса, молодым было неважно, потому что Родолфо и его молодая жена поклялись друг другу в вечной верности.

В Араруне настала глубокая ночь. Заведение Мануэла Тейшейры покинули последние посетители. Лишь за одним из столиков оставался какой-то человек. Перед ним стояли пустой стакан и пустая бутылка. Гость все время бормотал какие-то бессвязные слова. Было уже далеко за полночь, и Мануэлу Тейшейре пора было закрываться. Он потребовал, чтобы посетитель расплатился и покинул заведение. И тут он увидел, что перед ним сидит властитель Араруны. Барон бросил какой-то безумный взгляд на свой стакан и хриплым голосом произнес:

— Я никогда не пущу на порог своего дома ни дочь, ни ее мужа! Все! С сегодняшнего дня не хочу о ней больше слышать!

КНИГА ВТОРАЯ

Золото Феррейры

Это была удивительная свадьба. Родолфо в своих воспоминаниях все время возвращался к этому счастливому дню. Такой счастливой невесты, как дочь барона, никто никогда еще не видел...

Однако праздник закончился. Наступили будни, которые означали для молодых борьбу с бесконечными интригами барона. Чтобы снова не оказаться под властью полковника Феррейры, молодые решили пожить пока в Куилombo. Поселись они в Араруне, в доме родителей Родолфо, люди барона непременно схватили бы Родолфо, которому барон не мог простить похищения дочери.

Журналист Аугусто всегда отличался свободолюбием и независимостью суждений. Никто не решался так открыто и последовательно выступать за отмену рабства, как это делал Аугусто через свою газету «Голос Араруны». Уже давно эта газета была у крупных землевладельцев бельмом на глазу. Особую ненависть старый журналист вызывал в последние месяцы у барона Феррейры.

Жулиана, внучка Аугусто, после самоубийства своей матери из-за несчастной любви, жила постоянно в доме деда. Жулиана вела хозяйство в доме и помогала дедушке печатать статьи. Жулиана и ее дед обожали друг друга, и ничто бы никогда не нарушило гармонию в их доме, не полюби она Рафаэла, который после приезда в Араруну стал зваться Джимаом. Рафаэл был незаконнорожденным сыном барона и его рабыни Марии дас Дорес. Барон и не догадывался, что этот молодой человек — его плоть и кровь, поскольку он продал его еще ребенком. Несмотря на столь близкое родство, барон и Рафаэл ненавидели друг друга лютой ненавистью.

С тех пор как Рафаэл появился в Араруне, Жулиана день и ночь думала о нем. Аугусто относился к молодому человеку с большим недоверием. Чем-то Рафаэл напоми-

нал ему того юношу, который затянул в водоворот любви его дочь, мать Жулианы, а затем бросил. Из-за него молодая женщина покончила с собой.

В семье Мануэла Тейшейры ожидали торжественное событие — свадьбу дочери Тейшейры Анны и младшего брата Родолфо, Рикардо. Правда, в отношениях молодых не все было гладко и просто. В душе молодого человека постоянно боролись два чувства — симпатия к Анне и глубокая романтическая любовь к баронессе Феррейра. Поэтому Анна и ее мать донна Нина точно не знали, действительно ли Рикардо хочет жениться на Анне.

Рикардо прискакал в поместье барона, чтобы сообщить баронессе о свадьбе ее дочери. Но он не мог упустить благоприятной возможности и в очередной раз объяснился донне Кандиде в своей любви. Но в этот раз ему не повезло: даже не выслушав молодого человека до конца, донна Кандида поспешила выпроводить его.

Конечно же, баронессе не могли не лстыть горячие объяснения Рикардо. Но она не хотела навлекать на себя никаких подозрений окружающих, особенно теперь, когда отношения с бароном обострились. Она не могла безрассудно рисковать своей честью. Доктор Фонтес тоже считал, что визит его сына на фазенду барона бросил тень на честь баронессы, и поэтому его поездку туда отнюдь не одобрил. Однако Рикардо его заверил, что выполнил свой долг, сообщив жене барона о свадьбе дочери.

Услышав о свадьбе Сеньориты, барон сначала не хотел в это верить. Но, хорошенько поразмыслив, он понял, что дочь едва ли могла быть похищена не по своей воле. Значит, она хотела соединиться со своим похитителем. И барон принял решение никогда больше не видеть свою дочь. А что касается Родолфо, то Феррейра решил рассказать всем землевладельцам в Арауне, что он и есть Черный Всадник, и непременно отомстить ему.

Глава 2

Лесной капитан сидел за решеткой. Он, охотник за рабами, преследовавший беглых рабов и жестоко издевавшийся всегда над ними, был сейчас в полном смятении.

Капитан стал подумывать о том, не перейти ли ему в самом деле на сторону восставших рабов, которые с готовностью приняли бы его. Однако капитану не хватило духу отказаться от своей прежней жизни. Он слишком высоко ценил материальные блага, поэтому он предал Родолфо Фонтеса и пообещал барону убить его, запросив за это немалые деньги. Конечно же, теперь рабы этого ему никогда не простят.

Однако в его планы с самого начала не входило выполнение их договоренности с бароном. За ним ведь уже числилось одно преступление: несколько месяцев назад он стрелял по приказу барона на фазенде в Рикардо Фонтеса и тяжело его ранил. Тогда барон от него отрекся, начисто отрицая, что это был его приказ. Более того, чтобы отвлечь от себя всяческие подозрения, Феррейра выступил в качестве свидетеля против капитана. Охотник за рабами всегда был для барона только орудием, негром, готовым за деньги сделать что угодно. Капитан понимал, что вечно он не будет нужен барону и что в скором времени может стать для Феррейры просто опасным. На судебном разбирательстве по поводу покушения на Рикардо Фонтеса охотник за рабами может рассказать всю закулисную сторону событий.

Уже несколько недель Лесной капитан томился в камере аранунской тюрьмы. Первым, кто его здесь посетил, был Рафаэл, который сразу же приступил к сути дела, обвинив капитана в предательстве.

— Фулженсио и Жустиньо мне все рассказали. Как же вы можете доверять такому человеку, как барон?

— Этот мерзавец меня предал! — с ненавистью бросил капитан.

— А вы предали своих братьев. Да как же вы только могли взять у барона деньги? — с возмущением воскликнул Рафаэл. — Вы понимаете, что вы сделали? За тридцать сребреников предали друга борющихся рабов!

Опустив глаза, капитан некоторое время стоял молча, а потом признался:

— Да, тут все дело только в деньгах. Барон мне пообещал большие деньги. Я даже и не представлял, что смогу получить столько денег когда-либо, а о последствиях я просто не думал...

— Но вам же приказали его убить!

— Знаю... — В глазах капитана вспыхнула дикая злоба. — Но теперь я хочу только одного — убить барона!

Рафаэл тут же возразил на это:

— Ну уж нет! Феррейра принадлежит мне, капитан. И знаете что, я вас вытащу отсюда. Только руки прочь от барона! Это уже мое дело! А у вас еще остался последний шанс. Может быть, ваши братья и простят вас, если вы очень постараетесь. И на всякий случай будьте в любую минуту готовы к побегу!

Визит Рафаэла несколько подбодрил Лесного капитана, пребывавшего уже долгое время в состоянии глубоких сомнений и раздумий о своей дальнейшей участи.

В последнее время барон не переставал сетовать на свою судьбу. Подумать только, у него не было сына, который мог бы стать его наследником. Донна Кандида подарила ему дочь, и эта единственная дочь принесла ему одни несчастья. Он никогда не признает внука, в жилах которого будет течь кровь семьи доктора Фон-теса. И все-таки барона волновала судьба Сеньориты, он все время пытался узнать у баронессы, где она. Однако донна Кандида неизменно отвечала, что понятия не имеет. Она была уверена, что самый злейший враг дочери — это барон.

Феррейра ни на грош не верил своей жене. Он знал, что она пойдет на любую ложь, лишь бы защитить дочь и Родолфо.

Тогда барон решил сделать такой шаг, какого от него баронесса совсем не ожидала. Однажды вечером полковник Феррейра взял свою жену за руку и повел ее в кладовую со съестными запасами, куда обычно заходили лишь слуги. Феррейра попросил подождать немного и отодвинул в сторону шкаф, стоящий в кладовой. Донна Кандида увидела потайную дверь. За дверью оказалась лестница, по которой супруги спустились вниз. Очутившись в небольшой темной комнатке, донна Кандида сначала не поняла, зачем муж привел ее сюда. Но когда барон зажег прихваченную с собой лампу и ее слабый свет осветил эту комнату, баронесса увидела такое, что заставило ее замереть на месте: перед ее глазами предстала груда золотых сокровищ. Здесь были и тяжелые золотые слитки, и золотые монеты, и дорогая посуда, и

подсвечники, и статуэтки. Все это составляло богатство семьи полковника Феррейры, которое барон и его отец накапливали в течение многих десятилетий. Сколько же пота и крови рабов хранили в себе эти сокровища!

Донну Кандиду охватила дрожь. Теперь ей стало понятно, почему ее муж так решительно настроен против освобождения рабов. Ему, как воздух, нужна его фазенда — ведь в нее столько вложено им и его предками. Вот почему он так жаждал всегда наследника, ему необходимо кому-то передать эти богатства. Барон заметил смятение на лице жены.

— Теперь я вас намного лучше понимаю, Феррейра, — промолвила баронесса. — Мне понятно ваше желание иметь наследника.

— Я рад это слышать. — Голос барона звучал теперь несколько мягче, чем обычно. У него словно камень с души упал, ему давно хотелось доверить кому-нибудь эту тайну. В этот момент он даже подумал о том, что, может быть, и сделает сына своей дочери своим наследником, если таковой родится. Но, конечно, он будет готов пойти на это только при выполнении его условий.

Жозе Коутиньо и его жена, очаровательная мулатка Аделаиде, наконец-то вернулись в Арауну. Их долгое отсутствие в городе было связано с тем, что Жозе выполнял кое-какие поручения своего компаньона Мануэла Тейшейры в другом городе. Жозе тотчас же направился к Мануэлу рассказать о результатах поездки. Аделаиде осталась в доме одна. Вдруг в дверь постучали. Открыв ее, она увидела старого Коутиньо, пришедшего навещать своего сына Жозе. В последнее время он делал это крайне редко. Старик все еще не мог смириться с тем, что его сын женился на мулатке. К невестке Коутиньо относился с сильной неприязнью. Он почти с ней не разговаривал.

— Где же мой сын? — спросил старик, глядя куда-то мимо Аделаиде в глубь дома.

— Насколько мне известно, у вас больше нет сына, — промолвила темнокожая невестка Коутиньо и преградила свекру дорогу.

— Ты должна уважать меня! Ты же все еще рабыня! — закричал старик.

— Так заслужите мое уважение! — отпаривала Аде-

лайде. — А я-то думала, когда открывала дверь, что пришел кто-то порядочный!

Коутиньо ничего другого не оставалось, как повернуться и уйти.

Отец Жозе всегда занимал нейтральную позицию. Он ко всем внешне относился ровно и спокойно, никогда не показывал своих симпатий и антипатий к окружающим и не высказывал никаких убеждений. И только просьба Сеньориты и Родолфо обвенчать их в Куилombo выбила священника из привычной колеи — он впервые совершил решительный поступок.

Отъезд священника из Арауны не остался для жителей города незамеченным. По городу поползли различные слухи в связи со столь долгим отсутствием отца Жозе. Никто не поверил в то, что у священника заболел брат. Сидя вечером в заведении Тейшейры, землевладельцы коснулись этой темы. Эвералдо утверждал, что он знает отца Жозе уже более тридцати лет и никогда не слышал, чтобы у того были родственники. Значит, здесь кроется какая-то тайна. И землевладельцы засомневались в истинности убеждений отца Жозе.

Анна Тейшейра призналась своей подруге Жулиане, что сомневается в верности своего жениха: она очень ревновала Рикардо к баронессе. Молодой человек еще с давних времен слыл в городе мечтателем и фантазером, у него часто бывал отрешенный вид, и было ясно, что он погружен в глубокие мысли. Но в последнее время Рикардо стал еще более задумчивым и рассеянным. Он ходил по городу с совершенно потерянным взглядом. Анна Тейшейра многое бы отдала, чтобы узнать, о чем думал Рикардо.

Жулиана хорошо понимала состояние своей подруги, потому что ей тоже сейчас было нелегко. Ей предстояло принять правильное решение. В нее был влюблен Марио, сын крупного землевладельца Эвералдо. Он добивался расположения девушки с первой их встречи. Марио работал у ее деда в газете «Голос Арауны», поэтому Жулиана встречалась с ним каждый день. Внутренний голос уговаривал девушку пойти навстречу любовным объяснениям Марио — наверное, более подходящего и любящего

мужа ей не найти. Но романтичная часть ее души протестовала, ведь она так любила Рафаэла, а он старался держаться от нее подальше, и она не понимала, почему. Девушка не догадывалась, что Рафаэл ее тоже любит, но скрывает свои чувства, потому что боится за нее. Его безграничная ненависть к барону может и на Жулиану навлечь несчастья, если она будет рядом с ним.

Марио знал о чувствах Жулианы к Рафаэлу. Ему не нравилась неопределенность в их отношениях, и он хотел ясности. Поэтому при первой же возможности он заговорил с Рафаэлом о Жулиане.

— Зачем вы все время играете с Жулианой? — начал разговор Марио. — Если вы любите Жулиану, то зачем заставляете ее страдать? Я не понимаю, по каким причинам вы стараетесь избегать Жулиану, но знайте, что она из-за этого сильно переживает.

Как же Рафаэлу стало горько после этих слов Марио! Но он решил и далее скрывать свои чувства и попытался изобразить безразличие.

— Ну, я полагаю, что вы сможете ее утешить, вам это будет нетрудно.

Марио возразил:

— Да она меня и видеть не хочет. Все мысли Жулианы только о вас, и не делайте вид, Рафаэл, что вы здесь совершенно ни при чем. Ах, если бы я был на месте сеньора Аугусто, я бы запретил вам к ним приходить раз и навсегда! Да я бы просто вышвырнул вас из дома!

— Возможно, он еще это сделает! — невозмутимо ответил Рафаэл.

— Наверное, это произойдет тогда, когда вы кое-кого убьете и станете убийцей?

— А вы, оказывается, это уже знаете? Значит, Жулиана успела проболтаться, — с разочарованием в голосе промолвил Рафаэл.

— Что вы несете! При чем здесь Жулиана? Что я, сам все не вижу, что ли? Да у вас же ненависть на лице написана! И знаете что — катитесь-ка вы к своим братьям в Куилombo! Не попадайтесь больше на глаза Жулиане, не мешайте ее счастью! И вообще я полагаю, что ее чувства к вам — это вовсе не любовь, а сострадание, сочувствие. Она жалеет вас, но ведь на этом совместную жизнь не построишь!

— Да что за чушь вы несете? — Рафаэл пытался говорить спокойно, но его голос дрожал. — Вы — безумец!

— Я безумец? А кто из нас двоих собирается убить собственного отца? А кто из-за безудержной ненависти не может разобраться со своими личными делами?

Рафаэл хотел что-то возразить, но не нашел подходящих слов. Он понимал, что Марио сказал правду. Мужчины помолчали, затем Марио продолжал уже спокойным тоном:

— Попробуйте освободиться от своей ненависти, Рафаэл! И дайте барону последний шанс! Если же Феррейра, узнав о том, что вы его сын, все-таки не признает вас, то тогда больше не сдерживайте ненависти! Тогда убейте барона!

Слова Марио глубоко запали в душу Рафаэла. В этот раз он покидал типографию газеты «Голос Арауны» в глубоком раздумье. Через некоторое время там появилась Жулиана.

— Извини, Марио, но я слышала твой разговор с Рафаэлом.

— Да мы ни о чем таком не говорили, что тебе не следовало бы слышать, — невозмутимо ответил Марио. — И я надеюсь, что теперь ты лучше разберешься в моих чувствах к тебе.

— Да. С сегодняшнего дня я прониклась к тебе еще большим уважением как к человеку.

Со дня свадьбы Сеньориты Рафаэл пребывал в глубокой печали. Казалось, что у него пропал всякий интерес к жизни. Он рассказал отцу Жозе о своем душевном состоянии и о причинах своей грусти. После того как он повел Сеньориту к алтарю, у него возникло чувство, что он навсегда потерял ее. Священник улыбнулся и сказал веселым тоном:

— Ты говоришь ерунду. Сеньорита не могла никогда бы стать твоей женой, а потерять ты ее тоже никогда не сможешь, поскольку вы брат и сестра.

Глава 3

Доктор Фонтес не ожидал, что барон придет к нему в дом. Однако вскоре адвокат понял, что приход барона вызван вовсе не желанием помириться. Полковник Фер-

рейра хотел выведать, где сейчас находятся Родолфо и его дочь. Доктор Фонтес не ответил барону, тогда Феррейра закричал со злобой:

— Я сделаю все, чтобы ваша семья голодала! Вы останетесь без всяких средств к существованию! Уж я об этом позабочусь!

Барон покидал доктора Фонтеса в безудержном гневе. Дома его гнев еще более усилился.

— Все, что я планировал, теперь уже не состоится! Этот негодяй украл мою дочь! — кричал барон.

— Но они любят друг друга, — донна Кандида пыталась утихомирить мужа, но ее слова вызывали у Феррейры еще большую ярость.

— Замолчи! Она не должна мне больше никогда попадаться на глаза! — закричал барон, затем принялся упрекать донну Кандиду: — Мало того, что ты мне не смогла родить сына! По твоей милости у меня никогда не будет внука, который мог бы заступить на мое место! Я никогда в жизни не признаю своим внуком ребенка, рожденного в этом браке.

— Но ведь ребенок этот не будет ни в чем виноват, — робко попыталась возразить донна Кандида.

— Однако он будет Фонтесом! А я никогда не допущу, чтобы Фонтес унаследовал мое состояние! — Барон угрозил жене кулаком. — Это ты, ты все это допустила и скрыла от меня!

Донна Кандида замолчала. Она знала, что продолжать разговор бессмысленно.

Мануэл Тейшейра загорелся идеей приобрести машину для обработки кофейных зерен. Эта идея не очень пришлась по душе его жене, донне Нине, поскольку машина стояла немалых денег, а впереди была свадьба их дочери Анны.

Мануэл понимал, что его жена права в том, что для свадьбы дочери необходимо иметь немало денег. Конечно же, отец жениха, доктор Фонтес, даст на свадьбу некую сумму денег, но ведь именно в данный момент семья доктора Фонтеса испытывала серьезные денежные затруднения. По науськиванию барона в последнее время к адвокату перестали обращаться клиенты, так что основная часть свадебных расходов должна была лечь на плечи Мануэла. Однако обычай требовал, чтобы свадьбу устра-

ивал отец жениха, поэтому доктор Фонтес попросил Тейшейру скрыть от донны Нины, в сколь бедственном положении сейчас находится его семья.

Лесной капитан все еще находился в мрачной тюремной камере. Он не знал, чего ему ожидать — то ли судебного процесса, то ли освобождения руками восставших рабов. На душе у него скребли кошки. Он все время вспоминал слова комиссара Антеро, которые его особенно задели: «Барон и не думал защищать тебя, ведь тогда могло обнаружиться, что это он подстрекал тебя...»

А барон тем временем плел уже новые интриги. Он поведал Бруно о своих планах. Барон сказал, что ворота сензалы рабов в скором времени нужно будет держать постоянно открытыми. Кроме того, каждому рабу будет предоставлен земельный участок.

Эти замыслы, как всегда, преследовали интересы одного лишь барона — ему не было никакого дела до рабов. Просто полковник Феррейра боялся, что будет издан закон об отмене рабства, и на этот случай хотел обеспечить себя рабочей силой за счет своих бывших рабов.

Сбежавшие с фазенды барона рабы — Себастьян, Жустиньо и Фулженсио хотели отомстить барону и надсмотрщику Бруно как можно скорее. Но они намеревались вернуться на фазенду не только для того, чтобы отомстить барону, но и для того, чтобы освободить всех оставшихся на фазенде рабов, открыв ворота сензалы, однако не все обитатели Куилombo были настроены столь боевито. Большинство негров, живших здесь давно, хотели тихой, мирной жизни, которую они вели. Кроме того, некоторые из них боялись, что освобождение всех рабов с фазенды вызовет сильный гнев барона, и он всю жизнь будет мстить всем беглым рабам.

Однажды вечером Сеньорита предложила своему мужу вместе организовать освобождение рабов с фазенды барона, не привлекая обитателей Куилombo. Она изложила Родолфо свой план, и тот с ним согласился. Молодые супруги решили на следующее утро отправиться в Араруну. Они понимали, что им уже больше нельзя будет вернуться в Куилombo, чтобы не навлечь на рабов беды, — ведь барон может начать преследовать молодую пару и добраться до этого пристанища беглецов. На следующее утро молодые покинули Куи-

ломбо с некоторой грустью — ведь здесь они провели немало счастливых дней.

Отъезд Сеньориты и Родолфо никак не повлиял на боевитость обитателей Куиломбо. У них по-прежнему были разногласия относительно освобождения рабов в имении барона. И Фулженсио, Жустиньо и Себастьян решили втроем пробраться на fazendu и освободить всех рабов.

Аделаиде, молодая жена Жозе Коутиньо, была очень счастлива, узнав, что у нее будет ребенок. Единственное, что ее беспокоило в связи с этим, — это цвет кожи ее будущего ребенка. А что, если ребенок будет черным? Аделаиде в глубине души надеялась когда-нибудь помириться со своим свекром. Но она была уверена, что старый Коутиньо никогда не признает внука-негра. Обо всем этом молодая женщина решила поговорить с отцом Жозе.

Священник постарался успокоить Аделаиду. Он сказал, что ей не следует думать о цвете кожи ее будущего ребенка, а надо просто любить его уже сейчас, до его рождения. Молодая мулатка поблагодарила отца Жозе за совет. Внутренний голос говорил ей, что этот ребенок принесет ей много счастья.

Комиссар Антеро и Мануэл Тейшейра в очередной раз сидели вечером в заведении и оживленно беседовали. Вскоре их разговор перекинулся на охотника за рабами, который все еще находился в тюрьме и ждал начала суда. Представитель закона был озадачен, увидев, как волнуется Тейшейра при упоминании о Лесном капитане. Еще более удивлен был Антеро, услышав о причине беспокойства Тейшейры: Мануэл опасался, что признания капитана на суде могут бросить тень на его будущего зятя Рикардо. Охотник за рабами мог сболтнуть что-нибудь о нежных чувствах молодого человека к баронессе, и тогда об этом будет знать весь город. Тейшейра многое бы отдал, чтобы капитан навсегда исчез с его пути.

А будущий зять Тейшейры и не скрывал ни от кого своей привязанности к баронессе. Упреки, которые он слышал от Анны, его мало волновали.

— Я и не скрывал никогда своих чувств к баронессе, — возразил он однажды Анне. — Если ты еще заговоришь об этом, я уйду.

Когда молодой человек уже собрался уходить, Анна удержала его:

— Нет, Рикардо, останься!

Рикардо совсем не хотелось обижать девушку. Помирившись, молодые люди обнялись.

В это же время донна Нина и донна Инес обсуждали предстоящую свадьбу своих детей. Обе матери подробно обсудили свадебную церемонию, свадебные наряды, список предполагаемых гостей. Во всех вопросах они достигли полного согласия. Донна Нина призналась донне Инес, что она постоянно ломает голову над одной проблемой: как бы поделикатнее рассказать дочери о первой брачной ночи, ведь она, как мать, обязана это сделать.

— Ах, прямо не знаю, как начать эту беседу, — жаловалась донна Нина. — Мне так неудобно говорить на такую тему...

Донна Инес искренне расхохоталась, такими смешными показались ей слова донны Нины.

— Не принимайте это так близко к сердцу, голубушка...

Барон приехал в город, чтобы уладить кое-какие дела, завершив которые, он заглянул к комиссару Антеро. Ему нужно было поговорить с представителем власти.

— Я думаю, комиссар, что было бы разумно держать охотника за рабами под арестом, но не устраивая над ним вообще никакого судебного процесса. Этот негр во время суда может ляпнуть что-нибудь такое, что бросит тень на многих уважаемых в Араруне людей, и возможно, что вы тоже предстанете после его показаний в невыгодном свете.

Полковник Феррейра, как всегда, хитрил, его волновали в этом вопросе собственные интересы, но надо же было как-то заинтересовать и Антеро.

— Вы же, как каждый человек, не без греха. И наверное, вы не совсем чисты перед законом...

Антеро насторожился. В его прошлом были кое-какие темные пятна, да и в тюрьме он иногда превышал свои полномочия...

— Если дело дойдет до суда, то, конечно, найдутся адвокаты, готовые его защищать. И возможно, выйдя из тюрьмы, Лесной капитан будет изображать из себя героя и великомученика. Поэтому не лучше ли будет просто сгноить его в камере? Вероятно, этот негр попытается бежать, а при попытке к бегству его можно и пристрелить. Тогда уж этот тип замолчит навеки... Вы поняли меня, любезный мой комиссар?

Антеро понимал, что барону следует пойти навстречу. Действительно, то, что скажет охотник за рабами на суде, совершенно непредсказуемо.

— Если капитан скажет лишнее, мы можем все пострадать, поэтому настоятельно прошу вас, комиссар, не слишком усердно охранять этого негодяя, — заключил барон.

У Рафаэла созрел новый план, о котором он решил рассказать Жулиане.

— Если бы Феррейра был в моей власти и наступил бы благоприятный момент...

— Благоприятный для чего, Рафаэл? — перебила его Жулиана. — Чует мое сердце, у тебя не хватит смелости убить барона. После приезда в Арауну ты много раз с ним сталкивался, но так и ни на что не решился.

— Значит, ты считаешь меня трусом? — возмутился Рафаэл. — Да у меня просто изменились намерения. Как раз об этом я и хотел с тобой поговорить. Убийство не входит больше в мои планы. Я хочу, чтобы состоялся судебный процесс над этим охотником за рабами, Лесным капитаном, и чтобы на этом процессе капитан сказал такое о бароне, после чего тот стал бы всеобщим посмешищем! Я хочу, чтобы были уязвлены спесь и гордыня барона. Я поставлю полковника Феррейру на колени!

Слова Рафаэла заставили Жулиану содрогнуться. Этот человек, которого она так любила до сих пор, в роли фанатичного мстителя вдруг показался ей не очень привлекательным. В довершение всего, уходя, Рафаэл дал девушке неожиданный совет — стать женою Марио. Рафаэлу, конечно же, совсем не хотелось, чтобы Жулиана стала женой Марио. Но он знал, что его дальнейшая жизнь будет связана с огромным риском, поэтому не стоит привязывать к себе девушку.

Визит Рафаэла оставил в душе Жулианы неприятный

осадох, и при следующей встрече с Марио в типографии она сделала ему неожиданное признание:

— Марио, как же глупо я себя вела! Ты ведь мне очень нравишься! И я не возражаю, если ты меня сейчас поцелуешь...

Сеньорита и Родолфо после длительного пути наконец-то глубокой ночью достигли Арауны. Об этом никто не знал, кроме старого преданного Жусто, давшего приют молодым в заброшенном сарае. Жусто сообщил только доктору Фонтесу, что его сын с женой прибыл в Арауну.

Лесной капитан сильно сдал за те недели, которые он провел в мрачной камере-одиночке. Он был сломлен и физически, и морально. Капитан роптал на свою горькую судьбу не переставая. Во время очередного разговора с Рафаэлом и комиссаром он в сердцах выпалил:

— Уж лучше бы меня убили на войне! Хотя бы погиб в борьбе за Бразилию! А теперь-то все перевернулось! И я не могу понять, на чьей я стороне и за что я боролся...

Комиссар совершенно не ожидал услышать такие речи от человека, которого, как он считал, ничего не интересовало, кроме денег. Неужели охотник за рабами так изменился в результате всех последних жизненных перипетий? Комиссар проявил к капитану интерес. Ощувив к себе внимание, охотник за рабами начал подробно рассказывать о своей жизни. Лесной капитан провел многие годы в рабстве, под гнетом различных господ. Когда разразилась война, он пошел добровольцем в армию, чтобы иметь возможность освободиться от рабства и начать новую жизнь...

Молча покидали комиссар и Рафаэл тюремную камеру Лесного капитана. История жизни этого человека, который часто был лишь послушным орудием в руках своего господина, дала им определенную пищу для размышлений. Они оба решили, что такого человека, как капитан, следует выпустить из тюрьмы.

Глава 4

Землевладелец Эвералдо и журналист Аугусто встретились за чаркой вина в заведении Тейшейры. Они хорошо знали, сколь разнятся их точки зрения по вопросу освобождения рабов, и тем не менее им очень хотелось поговорить. Причиной тому послужил Марио, сын Эвералдо, в последнее время часто появлявшийся в типографии Аугусто. И дело было не только в чувствах молодого человека к внучке Аугусто — у Марио был явный журналистский талант. Об этом и говорил Эвералдо старый Аугусто.

Однако Эвералдо интересовал совсем не талант сына к журналистской деятельности. Он хотел поговорить о любви Марио к Жулиане. Марио очень сильно любил Жулиану и не пытался ни от кого это скрывать.

— Почему же ваша внучка обращается с ним так холодно? Что она имеет против него? — жаловался Эвералдо своему собеседнику. — И чем уж так плох мой сын? У него ведь есть большие перспективы в будущем, вы же сами говорили о его журналистском таланте...

Аугусто было крайне неприятно выяснять семейные проблемы в столь людном месте. Эвералдо говорил при этом так громко, что на них начали оглядываться с соседних столиков. И чтобы побыстрее закончить этот разговор, Аугусто сказал Эвералдо:

— Дело совсем не в вашем сыне, сеньор Эвералдо. Все дело в вас. Жулиана сказала мне по секрету, что вы ограниченный и отсталый человек, поэтому она и не хочет иметь с вами ничего общего, ей не нужен такой тесть.

Слова Аугусто произвели на Эвералдо весьма своеобразное впечатление. Он лишь улыбнулся в ответ. На лице у него не было ни тени гнева или раздражения. Он лишь слегка улыбнулся и продолжал разговор. Значит, до него не дошел смысл слов «ограниченный» и «отсталый»?

— Отец Жозе, вы образованный человек, и поэтому я хочу у вас кое-что спросить...

Аугусто крайне заблуждался, считая, что его слова не произвели впечатление на Эвералдо. Уже на следующий

день Эвералдо поспешил к отцу Жозе. Ему хотелось, чтобы священник разъяснил ему значение слов «ограниченный» и «отсталый», которые не давали ему покоя.

Отец Жозе не хотел быть слишком резким, и он решил как-то поделикатнее объяснить Эвералдо смысл этих слов.

— Знаете, может быть, я и ошибаюсь, но мне кажется, что человеком ограниченным и отсталым называют того, кто придерживается консервативных взглядов и не может понять, что в обществе постоянно происходят изменения, — такое объяснение дал Эвералдо священник. Поразмыслив, Эвералдо истолковал слова священника по-своему.

— Тогда я думаю, что Жулиана рано или поздно должна ко мне расположиться — я-то ни в коей мере не отсталый и не ограниченный...

— Я тоже так считаю, что вы не отсталый человек, — промолвил отец Жозе, несколько покривив душой.

Старый Жусто, бывший раб доктора Фонтеса, теперь стал свободным человеком. Но он продолжал жить и работать в доме своего прежнего хозяина. Здесь он и услышал от Бентиньо, что Лесной капитан находится в тюрьме. Многие негры ненавидели капитана за то, что он был охотником за рабами и выловил много рабов, пытавшихся бежать. Тем не менее Жусто сообщение об аресте капитана не обрадовало, а, наоборот, он посочувствовал незавидной доле Лесного капитана и решил его навестить. С капитаном их объединял не только темный цвет кожи, но и то, что охотник за рабами был родным сыном Жусто, плодом его любви с прекрасной Бальбиной.

Во время посещения Лесного капитана Жусто начал разговор с ним издали, пока не приступая к главной сути:

— Капитан, ты знаешь, кто я?

— Ты — бывший раб, а ныне свободный негр, который так и не смог оторваться от своих хозяев, — сострил охотник за рабами.

— Я очень люблю семью доктора Фонтеса, — заметил Жусто. — Они всегда хорошо ко мне относились, а ты все еще хочешь убить их сына Родолфо?

— Нет... — Капитан помрачнел. — Я теперь хочу

одного — убить барона. — Этот план капитан вынашивал уже несколько дней и ночей.

— Тебе следует знать, что Родолфо — друг борющихся рабов. Он на нашей стороне.

— Ах, значит, это правда!

— Я вытаску тебя отсюда, капитан! — решительно заявил Жусто. — Я позабочусь о том, чтобы ты был свободен!

Слова Жусто озадачили капитана.

— Зачем тебе это надо? Не понимаю...

Сеньорита и Родолфо сидели в маленькой хижине, служившей им временным убежищем, и обсуждали последние детали плана освобождения рабов на фазенде барона. Затем Родолфо заговорил с женой на другую важную для него тему.

— Дорогая, а не кажется ли тебе, что нам пора перестать прятаться, пойти в дом моих родителей и жить там, а также спокойно всюду появляться, не испытывая ни перед кем страха. Пусть все наши знакомые знают о нашем браке — все должны признавать его!

— Ты не знаешь моего отца, — грустно заметила Сеньорита.

— Ну а что он нам такого может сделать? В конце концов, ты моя законная жена, а его единственная дочь.

— Но он меня никогда не простит! И тебя тоже! Он может тебя убить! Кроме того, очень важно, чтобы удалось бегство рабов.

— Что же, для тебя освобождение рабов важнее нашего счастья? Ты же была раньше далека от нужд и страданий рабов! И знаешь, дорогая, мы не сможем здесь вечно от всех скрываться! Рано или поздно нас все равно обнаружат!

Родолфо был прав, предполагая, что их здесь легко разыскать. Уже через несколько дней их убежище было раскрыто. Правда, на счастье, это оказались не люди барона, а доктор Фонтес и донна Инес. Все были безумно счастливы, увидев друг друга. Они говорили, говорили и все не могли вдоволь наговориться. Прощаясь с отцом, Родолфо попросил его связаться с Рафаэлом и прислать его сюда. У Родолфо было к Рафаэлу дело, которое не терпело отлагательств.

Рикардо почти не участвовал в подготовке его свадьбы с Анной. Его не интересовали ни список предполагаемых приглашенных, ни намечаемое убранство стола. Все его мысли, как и прежде, были заняты только баронессой, лишь о ней он все время мечтал. А будущая свадьба его как-то мало волновала. Узнав о приезде брата с женой в Арауну, он очень разнервничался, так как считал это ошибочным и опасным шагом.

О приезде в город Сеньориты и Родолфо постепенно стало известно Жусто, доктору Фонтесу и Анне Тейшейре, а также многим другим жителям Арауны. Старый Аугусто, увидев случайно на конюшне доктора Фонтеса лошадей Родолфо, сразу догадался, что молодые в доме. Вскоре Сеньориту и Родолфо навещил младший брат Родолфо со своей невестой. Приход гостей одновременно обрадовал молодых и беспокоил — оказывается, уже многие знают, где обитают Сеньорита и Родолфо. Так недолго и барон узнает об их убежище. Рикардо ужасно беспокоился за брата и его жену. С Анны он взял клятву, что она никому ничего не расскажет.

Эвералдо очень впечатлил разговор с отцом Жозе, во время которого священник пытался объяснить ему, что значат слова «отсталый» и «ограниченный» человек. После этого разговора Эвералдо зауважал старого журналиста Аугусто. Он посмотрел совершенно новыми глазами на этого образованного, почтенного старого господина, внушка которого назвала его «отсталым» и «ограниченным». Эвералдо пришла в голову мысль зайти в типографию «Голоса Арауны» к Аугусто. Однако там он увидел не Аугусто, а своего сына и Жулиану.

Нет, никакой щекотливой ситуации там и в помине не было — каждый из молодых был занят своим делом. Но сам факт, что молодые люди были наедине, ошеломил Эвералдо. Он считал такое недопустимым с точки зрения морали. И как только Аугусто решился оставить молодых людей вдвоем? У Эвералдо опять изменилось мнение о старом журналисте, теперь уже не в лучшую сторону. Между отцом и сыном вспыхнула ссора.

— Вот это да! Разве допустимо, чтобы двое молодых людей были наедине? Я, так называемый ограниченный человек, в вас обоих совершенно разочарован. — Эверал-

до начал подыскивать слова, чтобы убедительнее выразить свое возмущение.

— О чем вы говорите, отец? Что у вас за мысли? — возмутился Марио. — А что касается упомянутого вами слова, «ограниченный» человек означает простака, набитый дурак, идиот. Вы, я вижу, не очень хорошо поняли значение этого слова.

Арауну захлестнула волна движения за отмену рабства. Начались массовые побеги рабов. Крупные землевладельцы были страшно напуганы. Многих из них охватила паника. Но барон Феррейра по-прежнему сохранял спокойствие. Он имел четкую дальнейшую стратегию своих действий. Своими планами он поделился с донной Кандидой. Внешне его взгляды и намерения были вполне естественными: рабы получают землю и жилье и примут христианскую веру. На самом же деле барон преследовал лишь материальную выгоду для себя. Он хотел обеспечить свою фазенду рабочими руками на тот случай, если нынешний правитель уйдет в отставку и будет издан закон об отмене рабства. Если же к власти придут консервативные силы и рабство не будет отменено, то тогда можно будет отобрать у рабов предоставленные им блага и опять переселить в сензалы рабов. Донна Кандида молча выслушала барона. Она не разделяла его намерений, ибо считала их бесчестными и низменными, впрочем, эти качества всегда были свойственны барону.

Рафаэла не переставала волновать дальнейшая судьба Жулианы. Он пришел в типографию поговорить с ней, когда девушка осталась там одна. Рафаэл специально выбрал такой момент, когда там не было ни Аугусто, ни Марио. Правда, он вел себя довольно странно.

Вместо того чтобы обнять и поцеловать Жулиану, как сделал бы на его месте любой другой любящий человек, Рафаэл сдержанным тоном сказал:

— Знаешь, Жулиана, я хочу дать тебе один совет — забудь меня и выходи замуж за Марио!

От этих слов у девушки на глазах выступили слезы.

— Рафаэл! — простонала Жулиана. — Я люблю тебя! А ты любишь меня! Я же это знаю!

— Это не имеет значения, Жулиана. Я понял, что не создан для любви. Какое-то время я надеялся, что твое чувство ко мне поможет избавиться от ненависти, которая так глубоко зародилась во мне с раннего детства. — Рафаэл замолчал и грустно покачал головой. — Что бы там ни случилось, знай, что я люблю тебя и буду любить всегда, — неожиданно произнес Рафаэл взволнованным и страстным голосом и поспешил покинуть типографию.

Донна Нина никак не могла понять, куда это в последнее время стал исчезать Рикардо. С недавних пор он стал реже бывать у них. Она забеспокоилась, уж не на свидания ли с баронессой он ходит? Чтобы успокоить мать и защитить честь своего жениха, Анне пришлось открыть донне Нине, что Родолфо Фонтес сейчас в Арауне — с ним-то и встречается Рикардо. В этот же вечер Рафаэл, Родолфо, Сеньорита и Рикардо решили освободить рабов барона — долгожданный час настал. Они заранее послали на фазенду Жусто и Бентиньо, чтобы те сообщили об этом рабам.

Жусто и Бентиньо заглянули к Виржинии и рассказали ей о том, что Сеньорита хочет ее забрать с собой. При всей своей любви к девушке, старая негритянка не хотела покидать фазенду — ведь она прожила здесь столько лет! А самое главное, она была очень преданна баронессе.

— Я не могу уйти и бросить донну Кандиду на произвол судьбы!

Рафаэл, Родолфо, Рикардо и Сеньорита приближались к фазенде. Рафаэл скакал впереди и просматривал дорогу. На некотором расстоянии за ним следовали дочь барона и Родолфо. Рикардо обеспечивал безопасность своих спутников, шествуя сзади. На всех четверых была одежда Черных Всадников, которая сливалась с темнотой этой теплой ночи.

— Иногда ты мне напоминаешь Рафаэла, — тихо сказал жене Родолфо. Его взгляд был устремлен вперед, где на фоне светлого еще неба четко вырисовывался темный силуэт Рафаэла.

— Да, мы с ним очень похожи. Мы жили долгое время вместе среди одних и тех же людей, видели жизнь на фазенде, сочувствовали рабам, терпевшим нужду и беды. У нас очень много общего.

Донну Кандиду охватили мрачные предчувствия. Тревога не покидала ее. Ей казалось, что вот-вот случится что-то ужасное.

Глава 5

Добравшись до фазенды, Черные Всадники слезли с лошадей и оставили их неподалеку. Было решено, что в сензалу рабов пойдут Сеньорита и Рикардо, а Рафаэл и Родолфо будут обеспечивать их безопасность снаружи.

Дочь барона и Рикардо прошмыгнули в темноте через внутренний двор и проникли в сензалу. Рабы уже ожидали своих спасителей и встретили их радостными возгласами. Когда Черные Всадники сняли свои маски, рабы ахнули от удивления — уж кого-кого, а дочь барона они увидеть никак не ожидали. Сеньорита предложила рабам немедленно вместе с ней покинуть сензалу и уверила, что отведет их в надежное место. Однако большинство рабов отнеслись с недоверием к дочери барона и не хотели бежать вместе с ней.

— Нас вполне устраивает наша жизнь в сензале, — заявил ей Тобиас, предводитель здешних рабов. — Ворота сензалы теперь постоянно открыты, нас никто не наказывает. К тому же барон обещал нам всем дать землю. Почему же мы не должны верить обещанному? А ваше предложение бежать отсюда многих из нас просто пугает — ведь бегство из сензалы только подвергает опасности нашу новую жизнь!

Сеньорита поняла, что любые ее доводы не возымеют успеха. Внезапно раздались выстрелы. Сеньорита решила, что Бруно и его люди узнали об их появлении на фазенде и сейчас стреляют в стоящих на страже Родолфо и Рафаэла. Нужно было спешить.

Сеньорита и Рикардо не стали больше никого убеждать и уговаривать. Они поспешили уйти вместе с небольшой группой рабов, желавших бежать. Беглецы добрались до места, где стояли лошади Черных Всадников. После чего Рикардо скрылся вместе с неграми в темноте, а Сеньорита села на лошадь и поскакала назад к усадьбе, ей необходимо было забрать с собой свою старую няню Виржинию.

В имении барона было тихо и спокойно. Казалось, что в господском доме все спят и никто не может заметить Сеньориту. Но девушка не знала, что за ней наблюдает пара зорких глаз... Внезапно раздался выстрел. У дочери барона потемнело в глазах, и она упала на землю.

Барон услышал сквозь сон шум, доносившийся из сензалы рабов. Он проснулся и, выбежав во двор, увидел Черного Всадника. Барон достал пистолет и выстрелил. Черный Всадник упал.

Барон подошел к лежавшему на земле.

— Ну что, друг рабов, разве я не предупреждал, что прикончу тебя рано или поздно?

Раненый застонал. Барон крайне удивился. Ему показалось, что он услышал женский голос. И тут он увидел, что из-под широкополой шляпы Черного Всадника выбились длинные черные волосы. Постепенно до барона дошел весь ужас случившегося — ведь он застрелил собственную дочь.

— Нет! Нет! — в ужасе закричал барон.

— Родолфо, — слабым голосом прошептала Сеньорита. Но тот был далеко и не мог ее услышать.

Ничего не подозревающие Родолфо, Рафаэл и Рикардо считали, что все идет по плану. Заметив Бруно и его людей, бежавших с оружием в руках к сензале рабов, Рафаэл и Родолфо поприветствовали их, чтобы дать возможность скрыться дочери барона, Рикардо и следовавшим за ними неграм. Правда, выстрелы, при помощи которых они отвлекли внимание Бруно, были только в воздух — так просила Сеньорита. Девушка очень хотела, чтобы с обеих сторон не было никаких жертв. Трое Черных Всадников встретились в обусловленном месте на окраине города, сюда же должны были подойти Сеньорита и Жусто.

Однако Жусто появился один. Едва переведя дыхание после стремительной скачки, Жусто сообщил нечто ужасное:

— Это все страшно и дико! Барон... — тут Жусто собрался с духом и произнес: — выстрелил в Сеньориту и, похоже, убил ее...

— Проклятый! — процедил Родолфо сквозь зубы, схватившись за пистолет.

В поместье барона все переполошились. Донна Кандида сидела у постели своей тяжелораненой дочери и ры-

дала. Она с нетерпением ждала врача, на которого возлагала большие надежды.

— Это несчастный случай, доктор. Пожалуйста, помогите!

Врач немедленно осмотрел Сеньориту и обработал ее рану. Он сказал, что положение почти безнадежно: ее могут спасти только молитвы.

Барон был в отчаянии. Даже в страшном сне не увидишь, чтобы отец застрелил собственную дочь. Надсмотрщик Бруно холодно наблюдал за всем происходящим. Он считал, что произошло всего лишь досадное недоразумение, в котором дочь барона сама виновата.

Сыновья адвоката Фонтеса и Рафаэл нашли убежище в доме доктора Фонтеса. Очень нервно и сбивчиво Родолфо рассказал родителям о случившемся. Он был чрезвычайно удручен и порывался немедленно помчаться на фазенду к Сеньорите.

— Только не теряй рассудка, брат, ты же ей ничем сейчас не можешь помочь. А себя ты тем самым поставишь под удар.

Не только брат, но и отец удерживал от этого шага Родолфо.

— Никто так не сожалеет о случившемся, как я, сынок! Но ты должен крепиться и не совершать опрометчивых поступков.

Родолфо был во власти безутешного горя.

Барона мучили угрызения совести. Он не мог понять, как же так получилось, что он застрелил собственную дочь. Он долго размышлял о Сеньорите. А был ли он вообще хорошим отцом? Или его всегда интересовали только одни деньги? До сей поры он никогда не сомневался в том, что делает много хорошего для своей семьи, имения Арауна и города Арауны. Он был, словно жалкий раб, бессилён сейчас что-либо сделать для дочери. И вдруг он подумал: а что значит жалкий раб? Ведь рабы это люди, только бесправные и забытые.

Барон решил дать один обет. Он позвал Виржинию и сказал ей:

— Я клянусь тебе, Виржиния, если моя дочь выживет, я исполню твое заветное желание. Я обязательно разыщу

твоего сына и приведу его в свой дом. Это говорю тебе я, барон Арауны!

Состояние Сеньориты было крайне тяжелым. У нее был жар, и она была без сознания. Пульс ее был учащенный, а дыхание слабое. В дом позвали священника — отца Жозе. Когда он сел у постели больной, девушка вдруг открыла глаза и прошептала: «Родолфо...» Но затем, узнав отца Жозе, она прошептала: «Родолфо, Рикардо и Рафаэл... Что с ними, отец Жозе?»

Священник положил руку на ее горячий лоб.

— С ними все в порядке, Сеньорита. Ты только успокойся. Самое главное сейчас для тебя — это полный покой...

— Отец Жозе, я хочу доверить вам одну тайну! Не важно, что со мной будет! — Девушка говорила слабым голосом, и священник плохо расслышал ее слова, ему показалось, что Сеньорита бредит.

— А что это за тайна?

— Я хочу, чтобы вы знали, что Рафаэл — мой брат. Он был рожден от моего отца рабыней Марией дас Дорес! Но, прошу вас, никому об этом не рассказывайте! Моя мать умрет от горя, если узнает об этом! — Сеньорита не заметила, как донна Кандида только что вошла в комнату, принеся новые полотенца для холодных компрессов. Таким образом она стала невольной свидетельницей их разговора. Сеньорита погрузилась в глубокий и, как наделись присутствующие, целебный сон.

На баронессу очень сильное впечатление произвело сказанное дочерью. Она была испугана и взволнована. Значит, в прошлом ее мужа может быть еще много такого, о чем она не догадывается? Ее охватили противоречивые чувства. Только спустя некоторое время донна Кандида смогла заговорить со священником на эту тему.

— Мне очень тяжело, отец Жозе, но я решила, что мне следует делать вид, что я ничего этого не слышала и ничего об этом не знаю. Хотя бы ради моей дочери я обязана так себя вести...

Глава 6

Сыновьям адвоката Фонтеса и Рафаэлу омрачало жизнь не только тяжелое состояние Сеньориты. Они

опасались, что барону станет известно, кто остальные три Черных Всадника, ворвавшихся на его фазенду.

— Да, мы действовали опрометчиво. Слишком спешили, поэтому наш план был недостаточно совершенен. — Рафаэл не переставал укорять себя.

— Это все я... — повторял он.

— Мы все виноваты в том, что слишком мало думали о возможных последствиях, — прерывал его Родолфо. — Мы все должны были предусмотреть возможность случившегося несчастья. Кто знает, что бы мы в таком случае предприняли.

Рабы барона очень сожалели о случившемся. Они корили себя за собственную слабость.

— Она была готова погибнуть за нас, — говорил Тобиас своим братьям. — А мы? Мы трусливо остались сидеть в своих норах, не желая расставаться с удобной для нас жизнью. Сеньорита может бессмысленно умереть. Она хотела дать нам свободу, а мы оказались недостаточно сильны, чтобы принять этот дар.

Больная проспала очень долгое время. Священник, Виржиния и мать девушки сидели у ее изголовья, оберегая сон. Несколько раз им показалось, что Сеньорита уже мертва. Затем ее снова трясла лихорадка, а ближние заботливо накрывали ее и охлаждали пылающий лоб влажными полотенцами.

Наконец она пришла в сознание и попросила позвать к ней отца. Сеньорита сама хотела сообщить ему о том, что до него дошло из разговоров окружающих: теперь она — жена Родолфо Фонтеза, человека, которого любит.

Однако у полковника Феррейры не хватило мужества увидеть дочь. Он боялся посмотреть ей в глаза и, хотя глубоко сожалел о случившемся, так и не осмелился войти в ее комнату.

Время мчалось стремительно. Борьба между рабами и господами, несмотря на обрушившееся несчастье, нарастала. Старый Жусто снова побывал в тюрьме на свидании со своим сыном Лесным капитаном. Жусто поведал ему о плане побега и передал оружие. При этом старик убедительно попросил капитана оставить в покое Родолфо. Охотник за рабами был не из тех, кто упустит возможность начать борьбу, имея оружие. В нем

пробудились для нее новые силы. Вскоре после ухода Жусто капитан заставил тюремного охранника, угрожая ему оружием, открыть камеру и выпустить его. Еще в тюрьме он неустанно повторял: «Ну подожди же, барон! И ты, цепная собака, Бруно! Настало время рассчитаться с вами за все!»

Планы Рафаэла о мести барону несколько отодвинулись на задний план из-за несчастья, постигшего Родолфо, самого барона и его семью.

— Если Сеньорита умрет, я не вижу никакого смысла убивать барона, — заявил он Аугусто и Жулиане. — В этом тогда не будет необходимости. Барона постигнет одиночество, и он умрет от горя. Его убьет сознание, что он застрелил собственную дочь.

Между тем барон собрался духом и навестил наконец Сеньориту, которая очень хотела его видеть.

— Прости меня, дитя мое! — таковы были первые слова полковника Феррейры, обращенные к дочери. — Ведь я думал, что стреляю в Черного Всадника — защитника восставших рабов...

— Так ты думал, что это был Родолфо, отец? Давай поговорим откровенно.

— Да, я был почти убежден, что это он, и хотел его застрелить, — повторил барон. — Кто же еще мог быть Черным Всадником кроме него?

— Ну я, например...

— Ты? Я до сих пор не могу в это поверить, — барон замолчал, потому что дочь опять потеряла сознание. Сегодня ему уже не узнать, о чем хотела поговорить с ним Сеньорита. Поломав над этим голову, Феррейра решил задать этот вопрос жене. Однако баронесса с обидой в голосе заявила:

— В вашем прошлом много темных пятен! Вам лучше знать, что имела в виду ваша дочь!

Комиссар Антеро размышлял о происшествии на фазенде барона. Для него это было не только трагическое столкновение отца и дочери, но и случай притязания на имущество семьи полковника Феррейры. И не важно, кому в этом деле симпатизировал комиссар, закон есть закон, и Антеро надо было выполнять свой служебный долг. Хо-

тя бы из чисто формальных соображений Антеро необходимо было навестить семью доктора Фонтеса. Придя к ним в дом, комиссар застал там Родолфо. Конечно же, Антеро точно знал, кто именно были те трое мужчин в одеждах Черного Всадника. Вопреки этому между ним и Родолфо сразу возникло взаимное расположение. Блюститель закона не собирался ничего предпринимать, потому что он сам сочувствовал рабам. А кроме того, он не считал, что теперь барон предпримет какие-либо шаги против своей дочери.

— Будь что будет! Если он подаст иск, то против всех четверых, то есть и против своей дочери, — такими словами завершил свой разговор с Родолфо Антеро. Собеседники решили, что Черным Всадникам вряд ли грозят какие бы то ни было действия со стороны барона.

Снова взбунтовались рабы на фазенде. По милости барона они опять оказались заперты в сензале рабов. Чернокожие разделились на две группы, каждая из которых обвиняла другую в их сегодняшних бедах. Барона уже совершенно не интересовала судьба рабов.

— Они что, опять бунтуют? Тогда их следует уничтожить, — таков был единственный комментарий барона к сообщениям о волнениях в сензале рабов.

Бруно стал действовать своими способами. Он угрозил рабам применить силу и соорудить на фазенде снова столб, возле которого прежде пороли рабов и который совсем недавно был сожжен по приказу барона. Рабы молча слушали его, сидя на своих постелях из соломы, и, казалось, были ко всему безучастными. Однако каждый из них думал о том, что лучше бы он ушел той ночью с Сеньоритой и начал бы бороться за свободу. Конечно же, самое главное — это свободная человеческая жизнь, а не какие-то незначительные мелкие удобства.

Проснувшись вечером того же дня, Сеньорита почувствовала, что ей немного лучше. Доктор Аморию, который пришел осмотреть ее и заново перевязать раны, был чрезвычайно удивлен улучшением ее состояния.

— У вас высокая сопротивляемость организма. Произошло настоящее чудо. Если температура в ближайшие

дни не поднимется, то можно считать, что опасность миновала.

Выпив стакан молока, Сеньорита решила возобновить с отцом прерванный разговор. Правда, она захотела, чтобы при разговоре присутствовал священник. И отец Жозе, который уже вернулся в свой приход в Арауне, вновь приехал на фазенду.

Священник, полковник Феррейра и донна Кандида сели у постели больной. Сеньорита начала свой рассказ. Она поделилась событиями, которые произошли с ней после отъезда из родительского дома, поведала о своем похищении, и о поездке в Кушломбо, и о жизни там. Барон слушал молча, но взгляд его становился все мрачнее и мрачнее. Прервав рассказ Сеньориты, он гневно закричал:

— И ты хочешь сказать, что была в этом аду, среди негров, где тебя могли легко убить?

— Да, — спокойно подтвердила Сеньорита. — Но нас там очень радушно приняли. Мы были уверены, что вы нас там никогда не отыщете. И негры были нашими единственными свидетелями.

— Свидетелями? Собственно, свидетелями чего? — удивленно спросил барон.

— Свидетелями нашего бракосочетания.

У Феррейры перехватило дыхание. Он беспомощно посмотрел по сторонам. Его подозрение о браке дочери, которое он от себя с ужасом отметал, оказалось истиной. Отец Жозе подтвердил, что он обвенчал молодых по всем правилам католической церкви. После этого признания дочь барона снова погрузилась в сон.

Полковник Феррейра отказывался верить в услышанное.

— Свадьба в том месте, где прячутся беглые рабы! Среди негритянского сброда! Я никогда не признаю это бракосочетание! Я теперь уже не уверен в том, что желаю здоровья своей своенравной дочери!

Донна Кандида, которая молча слушала разговор между дочерью и отцом, была ошарашена. Это было ее второе потрясение за день. Первое она испытала, узнав о прошлой связи барона с рабыней Марией дас Дорес. В результате этой связи появился Рафаэл, сын ее мужа. Только она знала, как барон всегда жаждал

наследника, но она так и не смогла подарить ему сына. Но Феррейра и не подозревал, кто такой Рафаэл, и не переставая боролся с ним и преследовал его. Все это было слишком тяжело для такой хрупкой, нежной женщины, жены столь влиятельного в Арауне человека. Донна Кандида вдруг почувствовала: что-то навсегда оборвалось в ней.

Глава 7

Наконец, все противоречия между обитателями Куилombo были улажены. Несмотря на призывы вновь прибывших рабов продолжать борьбу, основная часть населения разделяла умеренные взгляды папаша Андре и его семьи. Большинству негров хотелось тихой, мирной жизни, заниматься земледелием, спокойно воспитывать детей.

Боевито настроенные молодые негры рассматривали эту позицию как слабость. Они решили покинуть Куилombo. Жустиньо, Себастьян и Фулженсио направились в Арауну, откуда намеревались перебраться в родную Африку. Позже к ним присоединились Жусто и сбежавший из тюрьмы Лесной капитан.

Жустиньо не мог забыть Аделаиде. Ему не хотелось уезжать, не повидав ее. Он стал просить Себастьяна проводить его к Аделаиде, так как не знал точно, где расположен их дом. Себастьян отказался, зная вспыльчивый нрав Жустиньо. Узнав от Лесного капитана, что Сеньорита ранена своим отцом, Себастьян забыл все свои планы и намерения. Он поспешил в имение барона к своей бывшей хозяйке.

Охотник за рабами, видя переживания Жустиньо, предложил ему свои услуги — проводить в дом к Аделаиде...

— Сеньорита, я так счастлива тебя снова видеть. Как ты себя чувствуешь? — Анна принесла Сеньорите букет цветов и сладости. Здоровье дочери барона пошло на поправку. Она уже могла сидеть в кровати и принимать гостей. Проведала ее и Жулиана. Сеньорита незамедлительно изложила ей свою просьбу:

— Мне сейчас намного лучше, Жулиана. Очень прошу тебя, поговори с Родолфо. Скажи ему, что я не теряю

надежды на признание отцом нашего с ним брака. Скажи ему, что я чувствую себя неплохо и, как только смогу встать, сразу же вернусь к нему. — Сеньорита умолчала о том, что на примирение с отцом она почти не надеялась, уж слишком резко прореагировал барон на ее сообщение, и больше он не появлялся у постели больной. Донна Кандида понимала, как трудно барону примириться с браком дочери.

— Нужно время, доченька, чтобы он привык к этому. — Мать надеялась, что когда-нибудь в один прекрасный день в их семье будет покончено со всей ненавистью и разладом. Доктор Аморим принес баронессе радостную весть. Он может теперь уже твердо сказать, что Сеньорита выздоравливает. Она удивительно быстро оправилась после тяжелого ранения.

Аделаиде и Жозе редко ссорились, однако теперь молодому Коутиньо стало не нравиться, что Аделаиде зачастую без его ведома на фазенду Араруна к Сеньорите.

— Молодой замужней женщине не приличествует ходить в гости без мужа, — говорил Жозе. — Кроме того, мне особенно не по нраву, что моя жена навещает свою бывшую хозяйку! Выйдя за меня замуж, ты стала свободной. Зачем же тебе появляться в доме, где ты была рабыней?

Аделаиде не согласилась с мужем. Наоборот, она тоже кое в чем упрекнула его.

— Ты сам обращаешься со мной как с рабой. Ты запрещаешь мне посещать моих друзей. Это совсем не то, что я понимала под словом «свобода».

Жозе потерял самообладание и выплеснул все, что у него накипело на душе.

— Свобода? Ты говоришь о свободе? Да ты просто тоскуешь по жизни в сензале рабов и по этому Жустиньо.

Аделаиде не ответила. Они оба были разгневаны. Жозе очень кстати был приход доктора Эдуардо, инженера, который проектировал установку по переработке кофейных зерен для Мануэла Тейшейры. Обрадовавшись возможности прервать столь затянувшуюся ссору, Жозе поспешил с ним вместе уйти. Он решил сегодня обсудить с доктором Эдуардо и Мануэлом Тейшейрой некоторые вопросы, ка-

сающиеся их совместного проекта. Прошло всего лишь несколько минут после его ухода, когда к Аделаиде нагрянули Лесной капитан и Жустиньо. Если бы ее муж знал, кто придет к Аделаиде! Он немедленно бы все бросил и прибежал.

— Здравствуй, Аделаиде! — Молодая мулатка вздрогнула от испуга. Их прихода она ожидала меньше всего. — Вот я и пришел, чтобы тебя спасти. Ты ведь живешь как в тюрьме, и мне мое сердце подсказывает, что ты все еще моя! — Аделаиде прервала Жустиньо, не дав высказаться дальше:

— Что тебе здесь нужно? Я жена Жозе Коутиньо! Он вот-вот вернется, — соврала она.

— Ты стала еще красивее, Аделаиде. — Жустиньо рассматривал ее с большим удовольствием. — Тем лучше, ты добровольно уйдешь со мной. Если мы дождемся здесь твоего мужа, он нас убьет. Со мной ты будешь намного счастливее, чем с Жозе Коутиньо, даже если тебе и кажется сейчас, что ты его любишь. Ты уйдешь со мной сейчас же!

У Аделаиде не было никакого выбора, ибо она понимала всю серьезность задуманного Жустиньо.

Молодой Эдуардо был приятен Мануэлу Тейшейре, с которым он познакомился благодаря Жозе Коутиньо, не только как компаньон. Нет, в этом молодом человеке было какое-то внутреннее личное обаяние. Поэтому Тейшейра мысленно с удовольствием представил себе доктора Эдуардо мужем своей дочери Анны. Приличный деловой человек, а не какой-то там мечтатель, фантазер и бездельник, как Рихардо Фонтес, которому, к сожалению, уже была обещана его дочь в жены! Так что совсем не случайно Мануэл пригласил Эдуардо к себе в дом на ужин.

Донна Нина быстро разгадала мысли мужа и попросила Анну тоже поужинать вместе с ними. Доктор Эдуардо — компаньон ее отца, поэтому было бы прекрасно, если бы у него сложилось о семье хорошее впечатление.

Предположения Мануэла Тейшейры оправдались. Красота Анны произвела на гостя сильное впечатление. Ужин проходил довольно мило, разговор за столом сразу же

пошел легко и непринужденно. Донна Нина была в восторге от занятия доктора Эдуардо.

— Если ты решишь расторгнуть помолвку с Рикардо, это будет очень правильный шаг, — такой совет в этот вечер дала донна Нина своей дочери. Анна была шокирована: ведь она любит Рикардо. Хотя, конечно, на нее тоже произвел впечатление доктор Эдуардо. Однако всякие сомнения ушли прочь, когда она подумала о своем любимом.

Барон все еще не верил до конца в то, что его дочь и Родолфо поженились. Возможно, что Сеньорита ввела его в заблуждение. Да и едва ли отец Жозе с его слабым здоровьем мог поехать в такое отдаленное место, как Куиломбо. Тем не менее полковник Феррейра остро чувствовал, что его честь задета. Он не мог примириться с поступком дочери и ни разу после ее признания не навестил ее.

Беседа с Эвералдо и Коутиньо еще больше распустила барона. От них он узнал, что идут разговоры о слишком бурно и шумно отмеченной свадьбе в Куиломбо. Феррейра стал категорически отвергать, что к этому может быть как-то причастна его семья, — ведь его дочь никогда не выйдет замуж без его согласия. А на этот брак он никогда не дал бы ей благословения. Эвералдо и Коутиньо успокоились. Слова барона все поставили на свои места. Сеньорита почти полностью оправилась после ранения. Уже несколько дней у нее не было жара. Но у донны Кандиды были веские причины для беспокойства: дочь отказывалась принимать пищу. Кроме чая и молока, Сеньорита ничего не могла проглотить, и одна лишь мысль о еде, которую так вкусно всегда готовила Виржиния, вызывала у нее тошноту.

Жозе Коутиньо в панике бегал по всему городу. Вернувшись домой, он не застал там своей жены. Жозе обскакал всю фазенду барона, полагая, что после ссоры с ним жена направилась туда. Но все напрасно. Аделаиде исчезла. Вернувшись домой, он начал лихорадочно размышлять о том, куда могла уйти Аделаиде. Тогда Жозе подумал о своем отце, который мог похитить Аделаиде,

так как всегда был ярым противником их брака. Жозе поскакал на фазенду старого Коутиньо.

Барон возликовал, узнав, что беглые рабы Фулженсио и Себастьян пойманы в Араруне людьми комиссара и находятся сейчас в тюрьме в ожидании приговора. Но известие о бегстве Лесного капитана его встревожило. Еще и Бруно подлил масла в огонь, заметив, что охотник за рабами считает барона своим злейшим врагом и сделает все, чтобы ему отомстить. Барон дрожал от страха перед возможной встречей с капитаном, поскольку он использовал его в качестве своего послушного орудия, а потом не поддержал, когда тот попал в тюрьму. Тогда у барона возник план покончить с этим опаснейшим для себя противником.

Жозе Коутиньо не переставая занимался розысками своей жены. Вместе со священником он отправился к комиссару в надежде получить о ней какие-либо сведения. Его мучили ужасные предчувствия. Однако комиссар ничем не мог помочь ему.

— И все же, комиссар, сделайте что-нибудь, чтобы разыскать Аделаиде. Ее муж уже более двенадцати часов не видел ее, — потребовал священник, обращаясь к стражу закона.

— А где мне прикажете искать ее, отец Жозе? — возразил комиссар. — Араруна огромна!

Жозе Коутиньо был в отчаянии. Он не решался прямо сказать, что подозревает в похищении своей жены отца.

— Спросите моего отца, он может быть причастен к похищению!

Антеро подозвал одного из своих подручных и приказал привести к нему Коутиньо. И в этот же день комиссар допросил старого землевладельца.

Сеньорита все еще была в постели. Старая Виржиния старалась готовить вкуснее, чем прежде. Она пробовала кормить больную и блюдами из риса, и всевозможными сладостями, и бульонами. Но Сеньорита отказывалась ото всего.

— Это никак не связано с ранением, — сказал доктор Амориш после очередного обследования своей пациентки. — Раны уже зажили, просто Сеньорита ждет ребенка.

Барон поехал в город, чтобы вернуть Фулженсио и Себастьяна на фазенду. Но на этот раз он не взял с собой Бруно. Фулженсио и Себастьян должны вернуться в имение не как пойманные рабы, а как свободные люди. Поэтому никакие цепи и кнут не были здесь нужны. Рабы были удивлены. До них вначале не дошел истинный смысл происходящего.

— Вас никто не собирается наказывать! Времена изменились. Это касается и моей фазенды. Я тоже переменялся после того, что случилось с моей дочерью, а сейчас она выздоравливает!

Полковник Феррейра улыбнулся и пригласил обоих сесть в свою коляску. Фулженсио и Себастьян ожидали, что их поволокут в цепях по запыленной дороге, а Бруно будет подгонять их плетью. Между тем их повезли, как господ, в коляске. Оба были чрезвычайно озадачены.

Погода была хорошая, жары не было, дул свежий ветерок. Поездка в коляске барона была приятна для Фулженсио и Себастьяна. Они чувствовали себя после столь неожиданного освобождения радостно и беззаботно.

— А скажи-ка, Фулженсио, — вдруг спросил барон, — ты случайно не в курсе, где сейчас твой брат Жустиньо, этот боец, готовый любого противника затоптать ногами? И где сейчас может быть этот охотник за рабами — Лесной капитан?

— Нет, сеньор барон. Понятия не имею. Мне ничего не известно о моих братьях, — уверял барона Фулженсио. Себастьян тоже покачал головой.

— Ах, так... — разочарованно произнес барон.

Рабы поняли, что еще не раз услышат вопросы о местонахождении своих собратьев. Все замолчали. Уже подъезжали к фазенде, как вдруг грянул выстрел. Фулженсио и Себастьян сначала не поняли, что произошло, потому что выстрел раздался вдалеке и они не заметили ничего подозрительного. Но когда Фулженсио обернулся к барону, то его охватил ужас. Приподнявшись, барон смотрел каким-то безумным взглядом вдаль и держался левой рукой за сердце. Лицо его было искажено болью, и он напоминал застывшую статую... Затем барон навзничь упал в коляску между Фулженсио

и Себастьяном. Он был ранен. Оба раба были в растерянности.

— Кто же это стрелял? Кто это? — не переставая восклицал Себастьян. А Фулженсио пытался приподнять барона.

— Он мертв, Фулженсио? Или он еще дышит?

Фулженсио остановил лошадей и прощупал пульс барона.

— Ну, что будем теперь делать? — со страхом в голосе промолвил Себастьян. — Будем ждать, пока он умрет?

Рабы подумывали, не оставить ли здесь умирающего барона и сбежать. Ведь если они появятся с тяжелораненым на фазенде, то случившееся как пить дать припишут им. Но в конце концов они решили не бросать барона на произвол судьбы.

— Он же отец Сеньориты, Фулженсио.

Фулженсио осторожно сел рядом с бароном, и они поехали на фазенду. Как прекрасно они чувствовали себя в начале пути и как страшно им было сейчас! Да, барон был прав: времена действительно изменились. Разве могли в прошлом двое беглых рабов исходя из соображений гуманизма везти своего хозяина на его фазенду, вместо того чтобы оставить его умирать, а самим спастись бегством. Хотя и сейчас это делалось не без риска для себя. Увидев коляску барона и Себастьяна с поводьями в руках, жители фазенды почували недоброе. Семья барона застыла в испуге, когда увидели полковника Феррейру. Удачно сложилось лишь то, что в поместье находился доктор Аморим, приехавший осмотреть Сеньориту. Он тут же начал хлопотать вокруг находившегося без сознания барона.

— Его состояние крайне тяжелое. Можно ожидать всего, — ответил доктор на вопрос донны Кандиды о состоянии ее мужа. Баронесса послала за священником. Когда уже всем на фазенде стало известно, что случилось с бароном, его дочь еще ничего не знала. Донна Кандида и Виржиния не осмеливались сказать ей об отце. Вскоре прибыл отец Жозе. Он был ошеломлен случившимся. Не теряя времени, он совершил над умирающим церковный обряд.

В гостях у доктора Фонтеса находился доктор Эдуардо. Он был приглашен на обед. За столом разговор коснулся полковника Феррейры, и Эдуардо рассказал присутствующим о том, что барона хотят сделать губернатором провин-

ции, о чем в городе еще не знали. Рикардо обычно обедал в родительском доме. Однако в этот день он отсутствовал. Позже свое отсутствие Рикардо объяснил тем, что ему необходимо было выплатить вознаграждение батракам, с которыми он и пообедал. Вся семья доктора Фонтеса была крайне удивлена словами Рикардо, сказанными брату:

— Знаешь, Родолфо, будь она моей женой, я бы ее немедленно забрал. Иди, брат, тебе путь открыт. Я же дождусь смерти барона, а ты сообщи мне, когда это случится, тогда я заберу баронессу.

Глава 8

Очень быстро всем стало известно о покушении на барона. Реакция на это была у всех разная. По-разному судили и о стрелявшем. Одни считали, что этот человек — настоящий герой и борец за свободу. Другие же называли стрелявшего преступником. Надсмотрщик Бруно предполагал, что это дело рук Лесного капитана. Комиссар, который, впрочем, не проявлял особого интереса к случившемуся, полагал, что стрелявшим вполне мог быть доктор Фонтес, у которого были веские причины расчитаться с бароном, посягнувшим на его честь. Барон вызывал Фонтеса на дуэль, а он не принял этого вызова. С таким же успехом в барона мог стрелять и сын доктора Фонтеса, Рикардо, чтобы завоевать любовь баронессы.

Можно было подозревать всех тех, кто ненавидел барона, например, старого Жустиньо, и особенно Рафаэла. Жулиана так прямо и сказала Марио, что она считает, что стрелял Рафаэл. Он с детства мечтал отомстить барону и наконец воплотил свою мечту в жизнь.

Под подозрением были и спасители барона — Фулженсио и Себастьян. Возможно, что все их рассказы об оказании помощи барону были обманом. Покушение на барона породило сомнения в душе Анны Тейшейры. Она полагала, что может потерять своего жениха Рикардо, поскольку баронесса теперь, возможно, станет вдовой.

Жители Арауны пребывали в печали и тревоге. Многие приезжали на фазенду, чтобы высказать свое сочув-

ствие. Доктор Аморим, взявшийся за лечение раненого, удивлялся его живучести. Однако несмотря на крепкий организм барона, при столь тяжелом ранении в легкое на благоприятный исход почти не было надежды.

Донна Кандида наконец решила, что дочери следует сообщить о несчастье с отцом. Опасаясь реакции Сеньориты на это печальное известие, донна Кандида вместе с доктором Аморином рассказали ей о состоянии барона в значительно более мягких тонах. Сеньорита, выслушав их, тотчас захотела пойти к отцу. Однако мать и врач попросили ее не делать этого. Тяжелое семейное положение заставило донну Кандиду отказать всем в посещении. Она даже не захотела пропустить к барону доктора Фонтеса.

— Он пока без сознания, доктор Фонтес...

Однако Родолфо она сразу же приняла и проводила в комнату его жены.

После ухода всех посетителей в господском доме остались только Родолфо, священник и комиссар Антеро. Блюститель закона надеялся, что, если барон придет в сознание хотя бы на короткое время, он сможет описать внешность стрелявшего в него. Комиссар Антеро по-прежнему больше всех подозревал охотника за рабами, Лесного капитана.

В это время Рафаэл, находившийся в Араруне, клятвенно уверял своих собеседников, что он не стрелял в барона. Жулиане, которая высказала ему свои подозрения прямо в лицо, он поклялся, что это не так. При этом, опровергая ее подозрения, Рафаэл даже сказал, что не желает сейчас смерти барона, а, наоборот хочет, чтобы тот выжил. Это желание он объяснил так:

— Барон не должен умереть, не узнав, что он продал своего сына работорговцу.

Донна Кандида тихонько провела Родолфо в комнату дочери.

— Родолфо! Родолфо! — с радостью и восторгом закричала Сеньорита и обняла своего мужа.

Донна Кандида оставила молодых наедине. Несмотря

на свои переживания, она вдруг почувствовала прилив счастья от встречи молодой пары.

— Расскажи мне все по порядку, — просила Сеньорита мужа. — Как тебе жилось?

— Не думал я, что мы вот так увидимся, — вздохнул Родолфо. — Я чуть не умер от страха, узнав о случившемся. Не знаю, что бы я отдал за то, чтобы снова держать тебя в своих объятиях.

— Я жива, любимый, — грустно сказала она, — но вот отец мой при смерти. Ведь он может умереть, так и не простив нас.

— Я знаю! Я так хотел бы, чтобы он меня выслушал, хотел бы все объяснить ему... Я же безумно люблю тебя!

— Он не станет тебя слушать! Я чувствую, что он умрет, не простив нас... — Сеньорита вздохнула. — Даже если я ему сообщу, что жду ребенка, его внука...

Родолфо, слушавший ее с печально опущенной головой, быстро поднял глаза и вопросительно посмотрел на жену.

— Это правда, милый! — повторила она. — Конечно, мне хотелось бы сказать тебе о беременности при других обстоятельствах, а приходится говорить о великой радости в обстановке отчаяния и даже возможной смерти...

— О, моя дорогая! — Родолфо заключил ее в свои объятия.

— О, мой дорогой!

— Ах, Родолфо! Скажи, почему мы не можем жить спокойно и счастливо! Просто жить вместе! Ну, почему?

Пока Сеньорита и Родолфо не переставая обнимали и целовали друг друга, одновременно радуясь и печальясь, в поместье барона происходили другие события. Доктор Амориш доверительно сообщил Виржинии скорбную весть: скорее всего барон скончается этой ночью.

Антеро вернулся с фазенды в город. Барон в его присутствии на фазенде так и не пришел в сознание. Антеро понимал, что только сам барон да двое сопровождавших его могли видеть, кто стрелял. Но эти двое поклялись, что не видели никого, поэтому никогда не смогут его опознать.

Тем не менее комиссар не собирался бездействовать, поскольку речь ведь шла о покушении. Он взвешивал все причины, по которым могли стрелять в барона, обдумывал

возможные мотивы преступления, размышлял о возможных преступниках. Антеро поделился кое-какими соображениями с доктором Фонтесом. Он рассказал ему, что слышал, будто бы Родолфо Фонтес дал оружие старому Жусто, а тот передал его охотнику за рабами, Лесному капитану. Доктор Фонтес не мог этому поверить.

Коутиньо был крайне удивлен и допросом, который ему учинил блюститель закона, и подозрениями своего сына. Он поклялся Жозе, что никогда не помышлял о похищении Аделаиде, хотя, конечно, до сих пор остается противником их брака. Жозе был в отчаянии:

— Вы что, отец, не понимаете, что она значит для меня? Похищена не только моя жена, но и мой сын, ваш внук. Аделаиде ждет ребенка!

Лесной капитан и Жустиньо отправлялись в Куиломбо, чтобы там спрятаться. Аделаиде была вынуждена следовать за ними. По своей воле она никогда бы так не поступила, но Жустиньо пригрозил убить ее мужа, если она не будет повиноваться. Жустиньо постоянно пытался вернуть расположение Аделаиде к нему. Наконец, когда его уговоры надоели ей, она набралась смелости и сказала:

— Да я лучше умру, чем предам ради тебя Жозе! Я жду от него ребенка!

Жустиньо почувствовал в ее словах жгучую ненависть к нему. Он понял также, что Аделаиде любит своего мужа. Его надежды оказались тщетными. Рядом стояла уже не та Аделаиде, которую он любил. Она соединилась с сыном землевладельца не по низменным, материальным мотивам, а по любви. Только теперь Жустиньо уверился в этом. Его охватила глубокая печаль. Аделаиде попросила отпустить ее:

— Если ты меня в самом деле любишь, то либо убей меня, либо отпусти.

Разговор с отцом убедил Жозе Коутиньо в непричастности отца к похищению Аделаиде. Теперь Жозе стало ясно, что, скорее всего, Аделаиде увел Жустиньо. Жозе был готов на все, чтобы вырвать из его рук свою жену и еще не родившегося ребенка. Уже на следующее утро

он разыскал Рафаэла и попросил его отправиться вместе с ним в Куилombo, где, по его предположению, находилась его жена.

Опасения Анны Тейшейры, похоже, оправдались: Рикардо, ее жених, сказал ей, что хочет повременить со свадьбой. В атмосфере лжи и ненависти, которая воцарилась в Арауне в связи с состоянием барона, ему якобы не хочется устраивать празднество для горожан и идти к алтарю.

— Весь город желает смерти барону, но все трусливы и лицемерны, чтобы сказать об этом открыто, — с сарказмом заметил Рикардо. Однако Анна подозревала, что желание Рикардо отложить день свадьбы вызвано совсем другими причинами. Покушение на барона очень радовало его. Теперь он может мечтать о баронессе. И если барон в скором времени умрет, то самые сокровенные мечты Рикардо сбудутся.

Несмотря на прогноз врача, барон не умер прошлой ночью. После тяжелейшего кризиса его состояние заметно улучшилось. Жар спал, и сердце забилось нормально. На короткое время он даже пришел в сознание. Доктор Амори́м был крайне удивлен, однако он пока боялся, что это всего лишь последняя вспышка жизни перед смертью. Когда доктор вышел, доктор Фонтес, все еще находившийся в поместье, решил воспользоваться случаем и выразить барону свои наилучшие пожелания здоровья. Однако как только он вошел в комнату, полковник Феррейра велел вышвырнуть его из дома.

Родолфо Фонтес разместился в комнате для гостей. Уже с утра сидел он у постели Сеньориты. Он мало спал прошедшей ночью, так как слишком о многом думал. Сейчас он был готов немедленно предстать перед бароном, упасть на колени и просить благословения.

— Я все сделаю, чтобы он признал наш брак хотя бы ради нашего ребенка, — пообещал Родолфо Сеньорите.

В доме раздались громкие крики. Молодые супруги прервали разговор. Это *Виржиния* звала доктора Амори́ма, тот спешно вбежал в комнату барона, который вновь почувствовал себя плохо, к тому же больной казался чем-то очень взволнован. Температура опять подскочила, казалось, он горит огнем. Когда сознание на минуту вновь

вернулось, больной велел позвать отца Жозе, а также высказал желание увидеть дочь. Еще он захотел уладить кое-какие дела, связанные с сыном Виржинии. Но вскоре опять потерял сознание.

Сеньорита сидела у смертного одра отца.

— Отец, все так произошло...

— Я благословляю тебя, дитя мое, — тихо прошептал барон, — и я тебя очень люблю, ты ведь знаешь, что я когда-то сам хотел, чтобы ты вышла замуж за Родолфо.

— А теперь он мой муж, и мы подарим тебе внука!

— Внука? Ты сказала, внука, дитя мое?

— Да, это правда, Феррейра, — подтвердила донна Кандида. — Наша дочь подарит нам внука!

— Я бы хотел, чтобы он носил имя Феррейра... — тут барона схватил приступ удушья и доктор Аморим попросил всех присутствующих уйти.

— Но я бы не хотел, — успел сказать барон, — чтобы кто-нибудь узнал, что отец моего внука пристрелил его деда. — Он закрыл глаза и опять потерял сознание.

Родолфо Фонтес был ошеломлен, услышав это обвинение.

— Я не стрелял в барона, — клятвенно уверял он. — Это ложь! Это клевета! Зачем он так сказал? Я заставлю его объяснить! — протестовал Родолфо.

— Я предлагаю вам, Родолфо, пойти домой! — сказал доктор Аморим. — Барон при смерти, он скоро отойдет, мы должны отнестись к этому с должным уважением. Раз он высказался против вас, то уходите!

— Да, мы, пожалуй, пойдем, — поддержал его священник, но уговоры не подействовали на Родолфо:

— Я должен сначала увидеть свою жену, отец Жозе.

— Но она сейчас не хочет вас видеть. Вы ничего не можете сейчас поделать.

Сеньорита была в отчаянии. Она не могла поверить, что Родолфо был способен на подобный шаг. Вместе с тем она исключала, что отец ее лжет, лежа на смертном одре. Кому же из них верить? Впрочем, теперь ей было все равно. Чудовищное обвинение барона было у нее почвой из-под ног. В глубоком отчаянии Сеньорита изливала душу своей старой няне Виржинии. Она призналась няне, что порой так ненавидела своего

отца, что сама была готова дать в руки Родолфо оружие для убийства.

Барон снова открыл глаза. Баронесса не отходя сидела у его постели.

— Теперь я могу спокойно уснуть, Кандида!

Его последним перед очередным забытием желанием было увидеть Антеро.

— Она не стоит того, чтобы за нее бороться, Жустиньо! — Охотник за рабами пытался остановить своего спутника, а тот стремился выстрелить в приехавших в Куилombo Рафаэла, Жозе и старого Коутиньо. — Она ведь беременна от белого, не забывай это, — продолжал охотник за рабами.

Жустиньо устало опустил оружие. Аделаиде тоже увидела своего мужа. Опрометью побежала она ему навстречу, не замечая колючих кустарников, которые цеплялись за ее платье.

— Жозе! — закричала она и бросилась на шею мужу. — Я так счастлива, что ты здесь, я не могла бы больше продолжить с ними путь, — уж лучше смерть...

— Пошли-ка пока не поздно, — настаивал капитан. Жустиньо молча наблюдал за происходящим. — А то ведь они вооружены.

Оба негра бесшумно скрылись в зарослях.

Жозе был безгранично счастлив, что жена снова с ним. Он обратился к своим спутникам, которые так помогли ему:

— Отец, Рафаэл, вы не представляете, как же я вам благодарен!

— Это я сделал ради вашего будущего ребенка, — просто ответил старый Коутиньо.

С раннего утра старый Жусто куда-то запропастился. Рут, прислуга в доме доктора Фонтеса, искала его повсюду, так как он должен был принести ей дрова для кухонной печи. Но Жусто нигде не было. Заглянув в его комнату, Рут увидела, что он собрал все свои вещи. Значит, он ушел, не сказав никому. Доктор Фонтес заставил Родолфо поклясться в том, что он не причастен к случившемуся с бароном. Клятва сына несколько успокоила адвоката. Однако он понял, что его положение как хозя-

ина Жусто теперь усложняется из-за внезапного исчезновения раба вместе с его скарбом.

Тяжелобольной барон хотел, казалось, прийти в согласие со всеми окружающими. Он вызвал к себе из сензалы рабов Фулженсио и Себастьяна и объявил им, что отныне они свободные люди и что Бруно должен обращаться с ними со всем почтением, как со свободными гражданами.

Прибывшего на фазенду комиссара Антеро донна Кандида и ее дочь сразу же проводили к постели больного барона.

— Феррейра, взвешивайте каждое слово, — умоляла барона его жена, — подумайте, что речь идет о нашей дочери и нашем внуке.

Она просила, чтобы барон вначале все как следует вспомнил и не высказывал необдуманных обвинений. Но барон остался непоколебим, он повторил комиссару Антеро уже сказанное:

— В меня стрелял Родолфо Фонтес! Я видел оружие в его руках!

Сеньорита прервала его:

— Это неправда! Родолфо не мог сделать этого, хотя бы из любви ко мне. Я думаю, что вы лжете, отец! Да, мой отец врет на смертном одре!

Комиссару ничего иного не оставалось, как пойти в дом доктора Фонтеса за Родолфо. Однако его не оказалось дома, что обрадовало Антеро. Он тоже поставил под сомнение сказанное бароном.

— Пусть Родолфо спрячется куда-нибудь подальше, — посоветовал он доктору Фонтесу. — Если я с ним встречу, то буду вынужден его задержать.

Родолфо решил укрыться в доме Мануэла Тейшейры. Никто не мог заподозрить, что он там. Анна простила ему давнишнюю вину — он когда-то дал обещание жениться на ней. Но это уже давно быльем поросло, а у Анны появился новый жених, его брат Рикардо. Анна еще не приняла окончательного решения о своем замужестве, поэтому доктору Эдуардо было совсем несложно обратить на себя ее внимание путем всевозможной лести и комплиментов. Прежде такого внимания заслуживал только ее

жених. Эдуардо был счастлив: он и не предполагал, что может найти в Арауне такую красавицу, как Анна. Однако предложение стать его женой Анна отвергла, так как она обещана другому. Но Эдуардо, почувствовав в словах девушки некоторую нерешительность, понял, что для него еще не все потеряно.

Рафаэл разыскал в церкви священника.

— Ты хочешь исповедоваться, сынок? — спросил его отец Жозе, хотя он знал, что Рафаэл нетверд в вере.

— Да, можно сказать так, — ответил Рафаэл. — Я хочу сказать, что моя ненависть к барону совершенно бессмысленна. Его и без меня ненавидят многие.

— Но осознание этого не остановило тебя, — промолвил священник.

— Клянусь, что я не делал этого! — Рафаэл поднял руку в знак клятвы. — Я пришел к вам, отец Жозе, чтобы попросить вас проводить меня на фазенду. Пусть барон узнает, что я его сын!

Что именно спасло барона от смерти, доктор Аморим объяснить не мог. Возможно, сообщение Сеньориты, что она ждет ребенка. Может быть, это пробудило в бароне жизненные силы. Барон ведь всегда мечтал о наследнике, которому можно будет передать богатство семьи полковника Феррейры. Во всяком случае, врач был более чем доволен результатом лечения. Однако полного выздоровления не наступило. У барона внезапно отнялись ноги, хотя позвоночник не был поврежден.

Разговоры о личности стрелявшего не прекращались. Сеньорита отказалась верить словам отца; она подробно опросила обо всем двух свидетелей — Фулженсио и Себастьяна. Но они ничего не могли рассказать о стрелявшем, они неустанно повторяли, что не видели ничего, так как все втроем сидели в коляске. Теперь Сеньорите стало ясно, что и барон ничего не видел, это и обрадовало, и опечалило ее одновременно. Внезапно ей пришла в голову мысль, что в барона стрелял Рафаэл.

Доктор Аморим был как бы посредником между семьями полковника Феррейры и адвоката доктора Фонтеса. Эту миссию он взял на себя добровольно, ибо сочувствовал и тем, и другим. Во время одного из визитов к доктору

Фонтесу он подробно рассказал, что происходит сейчас на фазенде.

— Барон быстро выздоравливает, доктор Фонтес, он изменил свое отношение к дочери, решил благословить ее и признать внука.

— Неужели это правда? Как же меняется человек, когда чувствует приближение смерти! — сказал доктор Фонтес и покачал головой.

— Изменился, но не слишком! — громко засмеялся доктор Амориш. — Он против того, чтобы Родолфо приближался к его дочери и внуку. Он заявил, что откажется от своих обвинений в адрес Родолфо только в том случае, если Родолфо будет держаться подальше от дочери и внука.

Узнав об этом чудовищном запрете барона, Родолфо воскликнул:

— Да он не в своем уме! Что он себе позволяет!

Запрет барона прояснил многим, что его обвинения в адрес Родолфо — возмутительная ложь.

Между тем освобожденные бароном Фулженсио и Себастьян решили отомстить за прошлые издевательства надсмотрщику Бруно. Они сказали ему о якобы услышанном ими в городе:

— Некоторые люди в Арауне поговаривают, что это вы стреляли в барона, а причиной этому — золото, зарытое под его домом.

Бруно был ошарашен:

— Кто это говорит? Кто смеет...

— Дух папаши Жозе! — Фулженсио и Себастьян совсем не боялись Бруно, они знали, что Бруно получил указание барона их не трогать. — Это дух папаши Жозе сказал нам, что известный всем Бруно убил всех рабов, которые вырыли яму для этого золота.

Эти слова вызвали у Бруно яростный гнев, он потребовал, чтобы они все вместе пошли к барону и объяснились. Однако бывшие рабы и не подумали послушаться Бруно, а без права использовать кнут он не имел над ними никакой власти. Бруно ничего не оставалось, как начать умолять их никому об этом золоте ничего не рассказывать. По его словам, это ставит под удар барона и его семью, а он, Бруно, не мог стрелять в барона, так как все знают, что он прослужил своему господину верой и правдой двадцать лет.

Однако у бывших рабов появился немалый интерес к

золоту семьи полковника Феррейры. Себастьян расспросил Виржинию о спрятанном золоте. Она все категорически отрицала и поспешила закончить неприятный для нее разговор. Себастьян понял, что слухи о несметных сокровищах барона не безосновательны.

Глава 9

Несмотря на совет отца, Родолфо покинул дом Мануэла Тейшейры. После всего услышанного он решил, что настало время опровергнуть все обвинения барона. Родолфо пришел к комиссару Антеро и поклялся в своей невиновности.

Приход сына адвоката отнюдь не обрадовал представителя закона.

— Я все сделал, Родолфо, для того, чтобы вы избежали ареста, а вы сами явились. Теперь я обязан вас арестовать, — огорченно произнес Антеро.

— Делайте, что считаете нужным. А что касается меня, то я готов предстать перед судом. У меня ведь есть алиби: Жусто и Бентиньо могут засвидетельствовать, что во время покушения я был в другом месте — беседовал с ними.

— Эти рабы? Да все их показания вызывают у меня большие сомнения, — возразил Антеро. — Жусто, как вам известно, несколько дней назад куда-то исчез, Бентиньо тоже неизвестно где. Он, наверное, последовал за Жусто. Мне кажется, что Бентиньо подозревает, что старик стрелял в барона.

Приход Родолфо в участок не мог остаться без внимания: вскоре неподалеку собралась небольшая группа людей. Среди них были отец Жозе и Рафаэл. Последний старался защитить Родолфо, убедить всех в его невиновности:

— Да не мог он стрелять в барона! Его любовь к Сеньорите сильнее ненависти к ее отцу!

Комиссар Антеро не знал, что делать. В его практике еще не было такого случая — разыскиваемый не только является сам и просит его арестовать, но и говорит, что готов предстать перед судом, и просит сообщить об этом барону.

Антеро отправился на фазенду к барону, в надежде,

что разговор с Феррейрой поможет ему принять правильное решение.

Родолфо Фонтес тем временем был посажен в тюрьму, вскоре к сыну пришел доктор Фонтес. Он был очень взволнован, но Родолфо его успокоил.

— Не волнуйся, отец, я знаю, что делаю.

После посещения барона Антеро кое-что понял. Феррейра совсем не хотел ареста своего зятя и не желал, чтобы тот предстал перед судом. Антеро даже показалось, что барон был готов отказаться от своих показаний.

— Но Родолфо Фонтес явился добровольно и сейчас сидит в тюрьме.

Услышав это, барон решил в присутствии Антеро переговорить с женой и дочерью. Феррейра начал задавать им вопросы, связанные с похищением Сеньориты.

— Родолфо похитил тебя?

— Нет, я ушла с ним добровольно, а мама дала на это согласие, — подтвердила Сеньорита сказанное ранее.

— Это правда, Кандида?

Баронесса молча кивнула.

— Как вы поняли, комиссар, речь не идет о похищении. Но я настаиваю на том, что этот молодой человек — предводитель восставших рабов! Он пробрался поздней ночью на мою фазенду и отпустил моих рабов на свободу, что было весьма прискорбно не только для меня, но и для других землевладельцев, — желая придать вес своим последним словам, Феррейра сделал паузу. — И все-таки, комиссар, освободите Родолфо Фонтеса. Он ведь отец ребенка, которого ждет моя дочь. Я отказываюсь от своих показаний против этого молодого человека, потому что я не знаю точно, кто в меня стрелял!

Комиссар Антеро возвратился в город с приятным для Родолфо известием — Сеньорита ждет его на фазенде.

Похищение Аделаиде не имело столь счастливого конца, как могло показаться на первый взгляд. Уже на обратном пути Жозе замучили сомнения: а что было между этим Жустиньо и его женой? А может, он увел ее вовсе не насильно? Может быть, его жена ушла по своей воле, вспомнив старую любовь? Все клятвенные уверения Аде-

лайде в том, что она не любит Жустиньо и никогда не любила, не могли унять ревность ее мужа.

— Не могу поверить, что между тобой и этим типом ничего не было! И не надо меня уверять, что этот Жустиньо к тебе не прикасался.

— Я ношу под сердцем твоего ребенка, — напомнила ему Аделаиде сквозь слезы, — и я люблю тебя, но из-за твоих подозрений я просто не смогу быть вместе с тобой. Или ты мне поверишь... или сейчас же выгони меня!

Бурная ссора, начавшаяся между молодыми еще до похищения Аделаиде, теперь разгоралась все сильнее.

Сеньорита никак не могла разобраться в причинах столь противоречивого поведения отца. Его первоначальная твердость и категоричность неожиданно сменились готовностью идти на компромисс и даже чрезмерной уступчивостью. Девушке это все казалось очень странным. Она решила поговорить с матерью. Истинной причиной отказа барона от своих обвинений в адрес Родолфо было желание уговорить его тоже пойти на уступку барону — отказаться от дальнейших встреч с женой.

Родолфо и Рикардо отправились на fazendu. У Родолфо теплилась надежда, что полковник Феррейра после тяжелого ранения пересмотрел многие свои взгляды. Даже его отец был готов помириться с бароном. Доктор Фонтес сказал своей жене, что после всех испытаний, выпавших на долю барона, он готов забыть все ссоры и обиды — конечно, в том случае, если барон будет настроен миролюбиво и признает своего зятя. Рикардо же отнесся к столь радужным надеждам отца весьма скептически.

Внезапно барон снова почувствовал себя плохо. Температура резко подскочила. Феррейра опять ощутил приближение смерти. Думая, что его положение безнадежно, барон попросил баронессу показать дочери фамильное золото.

— Она должна знать, чему я посвятил всю жизнь... — прошептал полковник Феррейра, — это золото принадлежит ей и моему внуку!

Барон снова ослабел и потерял сознание. Доктор Аморим был снова вызван к барону. Пока врач осматривал

больного, донна Кандида исполнила просьбу барона и показала дочери золото. Сеньорита была ошеломлена увиденным и рассказала матери, что всего несколько месяцев назад она прятала в кладовой нескольких беглых рабов — а ведь в этой кладовой за шкафом находился тайный проход в сокровищницу.

Родолфо Фонтес прибыл в сопровождении своего брата Рикардо на фазенду, где увиделся со своей женой. Во время разговора с ней он с удивлением заметил, что Сеньорита сильно изменилась. Она резко прервала его любовные излияния. Казалось, она поверила в то, что Родолфо стрелял в барона. «Неужели подозрения барона повлияли и на мою жену?» — подумал Родолфо. Он не знал, что причина столь резкого изменения поведения девушки — сокровища семьи полковника Феррейры, о которых она только что узнала. Сеньорита отказалась жить в доме родителей своего мужа.

— Я хочу родить ребенка в доме своего отца. А если ты меня действительно любишь, то оставайся со мной здесь, на фазенде. Отец мне говорил недавно, что против этого не возражает, — заявила дочь барона своему мужу.

Родолфо Фонтес, конечно же, не принял этого предложения. Он не мог жить в доме человека, который считал его своим смертельным врагом. Так низко никто из семьи доктора Фонтеса не мог опуститься.

— Мой отец согласится, чтобы мой муж жил в его доме, если я этого захочу...

— Нет, Сеньорита, я никогда здесь не буду жить!

— А я никогда не уйду из этого дома! И мой сын родится здесь! Отец же простил нас!

— Мы не нуждаемся в его прощении. Кто любит, тот верит. Забудь это безумие и пойдем со мной!

— Я тебе уже сказала, что мой сын родится здесь!

— А я здесь жить не буду!

— Тогда прощай, Родолфо!

Разговор так ни к чему и не привел. Дочь барона и Родолфо расстались. Расчеты барона оправдались.

Внимательно выслушав рассказ своего сына, доктор Фонтес растолковал намерения барона следующим образом: барон хочет, чтобы внук был только его, а Родолфо

он хотел бы использовать, как раба, и всячески помыкать им. Родолфо все это было невыносимо тяжело, ему казалось, что он навсегда потерял свою жену.

Когда Родолфо ушел, Сеньориту начали одолевать сомнения в правильности ее поведения. Ведь для отца она стала просто средством достижения его цели — ему всегда хотелось наследника, и сейчас это стало вполне реальным. Сеньорита понимала, что поступилась ради отца своими чувствами и что не последнюю роль в ее решении сыграло фамильное золото. И она теперь спрашивала себя: «Неужели я продала за золото свою любовь? Неужели и мне свойственны, как и отцу, расчетливость и холодная рассудочность?»

Сын крупного землевладельца Эвералдо Марио все так же работал в типографии Аугусто. В журналистике он нашел свое призвание. Марио был полностью поглощен своей работой, а Жулиана его интересовала все меньше и меньше. Раньше Марио казалось, что он любит Жулиану, но это время прошло. Он даже позволил себе резкий выпад, когда Жулиана зашла в типографию поговорить о Рафаэле.

— Жулиана, прошу тебя, не мешай мне работать!

— Хорошо, не буду.

— И вообще, оставь меня в покое раз и навсегда. Очень прошу тебя!

Жулиана вздохнула. Конечно же, Марио понимает, что она не отвечает ему взаимностью и что все ее мысли только о Рафаэле. А Рафаэл в это время сидел в участке у комиссара Антеро. Представитель закона уговаривал его уехать куда-нибудь подальше от Арауны, поскольку он стал слишком заметной фигурой в городе. Все жители Арауны знают его как активного борца за освобождение негров. Рафаэл понимал, что предостережения Антеро не обосновательны — ведь только благодаря тому, что комиссар сочувствовал делу освобождения рабов, Рафаэл все еще не был за решеткой.

В тот же день с Рафаэлом пожелал увидаться и Марио. Он посоветовал Рафаэлу уехать из города вместе с Жулианой, так как она очень любит его. Марио добавил, что если Рафаэл не возьмет Жулиану с собой, то он, Марио, возненавидит Рафаэла на всю жизнь.

Жозе и Аделаиде все еще были в ссоре. Ревнивому мужу казалось, что его жена равнодушна к своему похитителю. Иногда он даже думал, что лучше бы она осталась с Жустиньо — его, по крайней мере, не мучили бы сомнения и подозрения.

Неладно было и в отношениях другой молодой пары — Рикардо Фонтеса и Анны Тейшейры. Рикардо выслушивал ее любовные объяснения без всякого восторга. Он начал поговаривать о более поздних сроках их свадьбы. Молодой человек нашел для этого новый повод — его, мол, слишком впечатлило то, что произошло с Родолфо. Пока на его брата падает подозрение в покушении на барона, Рикардо не может веселиться на своей свадьбе.

Доктор Фонтес и доктор Аморим сидели в заведении Мануэла Тейшейры. Настроение у обоих было невеселое. Они оба осуждали поведение Сеньориты: как же она могла так поступить со своим мужем? Как могла она потребовать от Родолфо невозможного, а потом обидеть и выгнать его?

С бароном в последние дни произошло то, что врачу казалось невероятным. Феррейра оправился от тяжелейших ранений, которые загнали бы в могилу любого более крепкого мужчину; в нем проснулись какие-то новые силы, он излучал колоссальную жизненную энергию. Все это произошло по одной-единственной причине — он узнал, что его дочь ждет ребенка. Мечты о наследнике вернули его к жизни. Виржиния и все домашние ломали голову: что же будет, если дочь барона родит не мальчика, а девочку?

Между тем отец Жозе пытался как-то утешить отца еще не родившегося ребенка, Родолфо Фонтеса.

— Пути господни неисповедимы, — все время повторял священник. Но молодой человек, лишившийся жены, был безутешен.

— Господь часто сам не знает, куда заведут эти пути. Иначе бы он сделал так, чтобы барона уже не было в живых...

Несмотря на разлад с мужем, Аделаиде решилась на весьма рискованный шаг, который мог еще более обострить их отношения. Она пошла на фазенду к Сеньорите. Аделаиде испытывала острую потребность поделиться с

кем-нибудь своими бедами — ведь ревнивый Жозе так и не поверил в ее невиновность.

— Самое ужасное, что он иногда делает вид, что верит мне, а потом снова донимает своими подозрениями. Просто не знаю, что мне делать!

— Я подумаю, Аделаиде, как тебе помочь! — пообещала Сеньорита и сочувственно кивнула.

— Ревность его просто извела. Ночи напролет он не спит и все ходит по дому, как призрак.

— Мне кажется, что в один прекрасный день он все-таки поверит тебе, — попыталась утешить Аделаиде Сеньорита.

— Ах, я на это уже почти не надеюсь! — вздохнула Аделаиде. — Как бы мне хотелось вернуться сейчас к своей госпоже и жить, как раньше, на фазенде!

Сеньорита тоже была рада, что может с кем-то откровенно поговорить. Она поведала о своей глубокой печали по поводу разрыва с мужем.

— Ты думаешь, я его не люблю? Очень люблю! Если бы ты знала, как мне плохо без него.

— Может быть, мне что-нибудь ему передать? Ведь на обратном пути я буду проходить мимо дома доктора Фон-теса, — предложила ей Аделаиде.

— Нет, я не хочу этого! Пусть он сам ко мне придет, — с упрямством ответила Сеньорита.

Глава 10

Доктор Фонтес и донна Инес были очень обеспокоены исчезновением Бентиньо и Жусто — ведь они были единственными, кто мог подтвердить алиби Родолфо.

Родолфо находился в состоянии крайнего отчаяния. Из-за своих страданий он совершенно не следил за внешним видом. Рикардо пришел к нему в комнату, в надежде повлиять на его настроение. Он даже попытался развеселить брата — ведь раньше Родолфо любил посмеяться над его шутками. Но сейчас молодой человек ни на что не реагировал. Не раздеваясь, он лежал на кровати и смотрел в потолок.

— Если тебе так плохо, братишка, то поезжай на фазенду да забери ее силой!

— Не так все просто, Рикардо, — печально возра-

зил ему Родолфо. — Ее удерживает вовсе не отец. Она сама не хочет. Когда меня начали подозревать, моя жена отвернулась от меня. Теперь она на стороне своего отца. — Лицо Родолфо помрачнело еще больше. — Похитив ее с фазенды, я ничего не добьюсь. Подлец, стрелявший в барона, разрушил не ее жизнь, а мою! Теперь у меня родится сын, который будет расти вдали от меня!

Полковник Феррейра, по вине которого Родолфо испытывал столь мучительные страдания, мог теперь передвигаться только с помощью кресла-коляски. Этот любитель охоты и прогулок верхом теперь был физически абсолютно беспомощным. Он не мог ничего делать самостоятельно. Доктор Аморим не мог понять причину этого недуга. Врач в очередной раз осмотрел полковника Феррейру. Нижняя часть туловища барона была неподвижна, видимо, пуля задела не только легкое, но и какие-то иные органы. Похоже, теперь барону суждено пожизненно передвигаться только в инвалидном кресле.

После ухода врача отец позвал дочь.

— Ты знаешь, дитя мое, что меня удерживает в этой жизни и помогает переносить даже паралич ног? Внук, которого ты мне подаришь.

— Но, отец, это же ребенок Родолфо! А кроме того, это может быть и девочка! — воскликнула Сеньорита.

— Нет, я уверен, что это будет мальчик! — категорически заявил барон. — Ты сделаешь то, что не смогла сделать моя жена. Ты мне подаришь наследника.

Отец Жозе посетил семью доктора Фонтеса. Они поговорили о сложившейся ситуации и о состоянии Родолфо. Священник рассказал о своем недавнем разговоре с бароном, во время которого он предпринял еще одну попытку уговорить полковника Феррейру признать брак молодых. Увы, и эта попытка опять не возымела успеха. Барон категорически отказался признать свадьбу в Куилombo. Он даже заявил, что опротестует действительность этого брака в суде. Это сильно обеспокоило супругов Фонтес. Они попросили отца Жозе еще раз спокойно поговорить с бароном.

В доме молодых супругов Коутиньо так и не установился мир. Хотя Жозе перестал упрекать жену, вскоре вспыхнула новая ссора. Аделаиде не могла простить мужу перемены в отношениях с ней. Он стал холоден и начал обращаться с ней, как с рабыней. Слух о ссорах молодой четы дошел и до старого Коутиньо. Он только развел руками.

— Мы же для нее все сделали — я и мой сын. Мы же спасли ее от похитителей! Неблагодарная! Эта мулатка превратила жизнь моего сына в сущий ад. Ну что же, этого следовало ожидать. Теперь я верну своего сына домой. И он снова будет холостым — брак с негритянкой не считается браком.

Инженер Эдуардо отличался большой настойчивостью и терпеливостью. Он не переставал ухаживать за Анной Тейшейрой, несмотря на все ее отказы выйти за него замуж. На слова Анны, что она помолвлена с другим, инженер иронически заметил:

— Вы и ваш жених — как солнце и луна. Вас никогда не видно вместе.

Проделав долгий, трудный путь, отец Жозе опять очутился на фазенде. Священник снова попробовал поговорить с бароном о Родолфо Фонтесе, но тот категорически отказался обсуждать эту тему. Дочь барона удивила священника своими речами.

— Родолфо очень разочаровал меня, отец Жозе. Он отверг предложение остаться жить в доме моего отца. Родолфо должен был на это согласиться хотя бы ради нашего будущего ребенка.

— Но, Сеньорита, — возразил ей священник — не слишком ли суров твой приговор? Попытайся понять мотивы поступка твоего мужа.

— Я всегда пыталась его понять. Но сейчас как раз он меня не пытается понять... И вообще, я не хочу больше слышать имя Родолфо в моем доме.

В глубоком унынии возвратился отец Жозе в город. Он не переставая упрекал себя за то, что обвенчал этих совершенно разных молодых людей. Доктору Фонтесе священник сказал лишь о том, что с бароном договориться не удалось. Адвокат этому не удивился. У него в данный момент возникла еще одна проблема — денежная. Барон

позаботился о том, чтобы у доктора Фонтеса не было клиентов.

После стольких дней уныния и безразличия к жизни в Родолфо начала просыпаться былая боевитость. В нем нарастал протест против поведения барона и Сеньориты. Как смеет барон вмешиваться в дела его семьи? И какое право имеет его жена жить не с ним, а в доме своего отца? И еще одна мысль начала преследовать Родолфо: а что, если все его невзгоды — это Божья кара за отказ жениться на Анне Тейшейре?

В душе Сеньориты шла упорная борьба между рассудочностью и любовью. Девушка стала очень неспокойной, ее настроение быстро менялось, появлялись какие-то странные желания. Так, однажды она попросила приготовить мясо дикобраза, которое пробовала в Куилombo. Виржиния и донна Кандида считали необходимым выполнить ее просьбу. Они приказали Бруно убить дикобраза.

Несмотря на нервность дочери и собственный паралич, барон пребывал в прекрасном расположении духа. В нем увеличивалась жизненная энергия. Барону пришла в голову мысль вызвать к себе Себастьяна, который после своего освобождения ничем не занимался.

— Мне нужен слуга, — пояснил ему барон, — помощник, которому я доверяю. Именно сейчас, когда я парализован. Мой выбор пал на тебя, Себастьян! — Негр был очень удивлен. — Ты должен теперь носить новую одежду и выглядеть как благородный господин, — продолжал полковник Феррейра.

— Значит, я опять не свободный человек? Вы забыли свои обещания?

Барон показал Себастьяну золотой слиток.

— Ты будешь полностью свободен, Себастьян, когда я не буду нуждаться в твоей помощи. Этот слиток будет тебе наградой за труды. — У негра блеснули глаза — перед золотом он устоять не мог. Увидев, сколь сильно Себастьяна впечатлило золото, барон продолжил: — И еще — я уверен, что ты видел, как Родолфо стрелял в меня.

Поскольку барон уже выздоравливал и вновь принялся плести свои интриги, доктор Аморим решил уехать из

Арауны и практиковать в другом месте. После всего случившегося на фазенде ему совсем не хотелось оставаться в этом городе. Но он решил никому не объяснять истинную причину своего отъезда. Донне Инес он сказал, что уезжает из Арауны. Барону он заявил, что сделал для него все, что мог, и больше ничем не может помочь. После чего он уехал в столицу, где у его сыновей была маленькая клиника. Доктор Аморим считал, что там он нужнее.

Фамильное золото семьи полковника Феррейры начало оказывать свое воздействие на окружающих. Не только Себастьян спал и видел сверкающий матовый золотой слиток. Дочь барона тоже была околдована золотом и захвачена мыслью о том, что все эти несметные богатства будут принадлежать ее ребенку.

Правда, ее мучили угрызения совести в связи с тем, что часть золота получена от продажи рабов и там же находится слиток, приобретенный за проданного Рафаэла. «Но золото есть золото — никто перед ним не может устоять», — оправдывала себя Сеньорита.

Последние события сблизили Родолфо и Рафаэла. Они стали больше, чем друзьями — ведь их сплотила ненависть к барону. Да, теперь уже каждый из них был готов действительно убить барона — но разве можно убивать немого, прикованного к инвалидной коляске человека? Родолфо начал постепенно выходить из депрессии. Он решил со временем уехать в столицу и участвовать там в борьбе за освобождение рабов и за восстановление республики. Но до рождения своего ребенка он останется в Арауне. Он решил ни при каких обстоятельствах не оставлять ребенка на фазенде, а забрать его с собой.

Глава 11

Аугусто, Мануэл Тейшейра, Коутиньо и Эвералдо решили навестить барона. Войдя, они почтительно поприветствовали его и выразили свои пожелания скорейшего выздоровления.

— Ну, довольно церемоний, — рассмеялся барон, —

расскажите-ка мне лучше последние новости! Что там происходит в Арауне, сеньор Коутиньо?

Вместо него заговорил Аугусто:

— Самые важные новости, сеньор барон, в эти дни произошли на вашей фазенде. В последнее время все говорят только о несчастьях вашей семьи и об удивительной свадьбе вашей дочери!

Барон вздохнул. Эта тема ему была крайне неприятна.

— Эта свадьба недействительна! — решительно возразил барон. — Неужели вы думаете, господа, что я признаю действительным весь этот балаган, устроенный безумным священником?

Присутствовавшие промолчали.

— Да, но говорят, что ваша дочь ждет от него ребенка. — Коутиньо прервал воцарившуюся тишину. — Если только брак недействителен...

У барона от ярости вздулись на лбу жилы.

— Поэтому он действителен! Только поэтому!

— Мы же у больного, господа, давайте говорить на другие темы, — попытался разрядить атмосферу Эвералдо.

— Я хочу еще кое-что выяснить.

Барон снова обрел самообладание и решил использовать случай для своего рода публичного заявления.

— Я абсолютно уверен в том, что в меня стрелял Родолфо, но решил его пощадить. Я ничего не буду предпринимать против него, пусть благодарит за это мою дочь и внука, которого она мне подарит!

— Сеньор барон, — возразил Аугусто, — я не сомневаюсь в ваших словах, но вот ведь в чем дело — Родолфо клянется, что он этого не делал...

— Себастьян! — вместо ответа полковник Феррейра позвал своего слугу. — Скажи-ка господам, кто подстергал нас, когда я вез тебя и Фулженсио домой!

Преданный с недавнего времени барону, Себастьян ответил:

— Я точно видел! Это был доктор Родолфо!

На обратном пути мужчины долго обсуждали, чьей же версии о событиях следует верить. Вопрос, который задавала себе Сеньорита, волновал теперь гостей барона: почему же Себастьян раньше не подтверждал слова барона?

Вернувшись в город, Аугусто немедленно направился

к доктору Фонтесу, чтобы рассказать об услышанном на фазенде. Барон имеет против Родолфо лишь одного свидетеля — раба Себастьяна, в правдивости показаний которого многие сомневаются. Пока трудно сказать, как этот факт повлияет на судьбу Родолфо.

Итак, барону удалось подкупить Себастьяна и заставить его подтвердить свою версию о покушении. А Сеньорита тем временем терзалась мучительными сомнениями.

— Знаете, мама, я очень часто думаю, не совершила ли я роковую ошибку.

— Я понимаю, что с тобой творится, дитя мое.

Донна Кандида была бессильна что-либо сделать для дочери. Она могла лишь внимательно выслушать ее.

— Правильно ли я сделала, мама, что поверила отцу? А что, если Родолфо говорит правду? Разве он не достаточно доказал мне свою любовь, чтобы я доверяла ему, а не отцу?

Донна Кандида молчала. Она ничем не могла помочь дочери — Сеньорита должна сама во всем разобраться.

— У меня будет от него ребенок... Мне страшно, что ребенок не будет знать своего отца, а отец увидит дитя только издали... — Она закрыла лицо руками. — А если он невиновен! А если он невиновен?

Рикардо Фонтес снова начал проводить много времени с Анной Тейшейрой. Со стороны казалось, что они влюблены друг в друга. Но Рикардо, как и прежде, откладывал свадьбу. Однажды вечером, сидя у Анны в комнате, он наклонился к ней, чтобы поцеловать. В этот момент вошел ее отец. Мануэл Тейшейра не был шокирован, наоборот, он расценил это как добрый знак приближающейся свадьбы. Однако у Рикардо возникло какое-то неприятное чувство, и он поспешил удалиться, не дождавшись даже кофе, который специально для него готовила донна Нина.

Себастьян постоянно видел во сне сокровища семьи полковника Феррейры и обещанный ему слиток. Однако этот драгоценный металл, доводивший многих до убийства, не мог лишить Себастьяна совести. Он теперь постоянно испытывал душевные муки — ведь он же не

лгун. Себастьян это обнаружил, когда пришел к Сеньорите по ее просьбе.

— Иди-ка сюда, Себастьян. — Дочь барона знала, как нужно говорить с ним. — Почему это у тебя такой испуганный вид?

— У меня, испуганный? Я... я... А что мне бояться?.. — неуверенно промолвил он.

— Ты знаешь, почему! Ты же солгал! Ты же врал, когда говорил, что Родолфо стрелял в моего отца!

Себастьян пытался оправдаться, но запутался.

— Нет, я сказал чистую правду! Я врал тогда, когда утверждал, что стреляли в спину... — В конце концов Себастьян был вынужден сдаться: — Сеньор барон мне поклялся, что это был Родолфо, и он мне велел сказать, что я его видел. Он мне пообещал золото...

Теперь Сеньорита точно знала, что в момент покушения Себастьян никого и ничего не видел. Она поняла, что в данном случае лгал ее отец.

— Мне так стыдно, что я предал «куилombsкого брата» восставших рабов.

— Ничего, Себастьян. Об этом никто не узнает, — успокоила его Сеньорита. — Мне только было необходимо услышать от тебя, что это был не Родолфо.

— Это был не он, Сеньорита! — Себастьян даже засмеялся от облегчения, хотя по его щекам катились слезы. — Это не мог быть он! Никогда!

После разговора с Сеньоритой у Себастьяна как будто камень с души упал, уж очень мучило его в эти дни чувство вины. Теперь он не считал себя обязанным молчать о золоте, и поэтому слухи о том, что на фазенде полковника Феррейры спрятаны огромные богатства, благодаря Себастьяну распространялись все больше и больше. Он рассказал другим неграм о попытке барона подкупить его, будучи не из тех, кто способен умолчать о такой подлости.

Фулженсио и Тобиас были убеждены, что в барона стрелял Бруно и причиной тому было именно фамильное золото. В представлении рабов у полковника Феррейры были горы золота, они даже пытались угадать, где именно барон мог спрятать несметные богатства.

Попытка барона представить Себастьяна как свидетеля покушения оказалась неудачной — ведь она привела к

непредвиденному результату. Сеньорита теперь не переставая думала о том, как исправить случившееся и наладить отношения с Родолфо. Донна Кандида посоветовала дочери вернуться к мужу, а сама решила остаться на фазенде с бароном: несмотря ни на что, она все-таки оставалась его женой. Пытаясь показать дочери, как она глубоко предана барону, донна Кандида не была искренна. Ее отношение к мужу в действительности резко изменилось с тех пор, как она узнала, что супруг пытался разрушить брак дочери с помощью лжи. Барон предстал перед ней в ином свете. Теперь он уже не казался ей значительным, уверенным в себе властелином фазенды, который имеет неограниченную власть и чье слово закон, даже если оно противоречит закону. Нет, теперь она была настроена против него. Она сама отведет свою дочь к ее супругу. Более того, донна Кандида открыто заявила барону, что с этого времени в доме распоряжается только она.

— Пока вы в инвалидном кресле, я хозяйка этого дома.

Донна Кандида полностью перестала доверять мужу. С некоторых пор у нее зародилось подозрение, которое она решила проверить. Баронесса приказала Себастьяну и Фулженсио помочь барону во время его купания. Поскольку парализованному человеку сложно купаться без чьей-либо помощи, барон не должен был отказываться от помощи, однако он отослал слуг и вымылся и оделся самостоятельно. Это подтвердило подозрения донны Кандиды, теперь уже она окончательно поняла, что нельзя верить ни единому слову барона.

На дворе зацокали копыта, и карета, по распоряжению донны Кандиды, подъехала к дому.

— Кандида, что это значит? — закричал барон, увидев свою дочь, выходящую с вещами из дома. — Что происходит? — Барон заспешил на кресле-коляске к выходу, чтобы помешать дочери уйти.

— Возвращайся немедленно в свою комнату! — приказал он дочери. — А ты, Кандида, подумай о том, каково твое место в этом доме!

— То место, какое я сейчас занимаю, и есть мое истинное место, — гордо и уверенно произнесла жена барона. — Сейчас я впервые в жизни нахожусь на своем месте! Доченька, попрощайся с отцом!

— Извините, отец, — возразила Сеньорита, — но я

вас покидаю! Мне, как и прежде, нужен Родолфо! Прощайте, отец! — и протянула отцу руку для прощания.

— Вы что, все с ума посходили? Да что же происходит?

— То, что соединил Господь, не может разъединить человек, Феррейра! Поэтому и я остаюсь с тобой до конца моих дней! А теперь я провожу свою дочь к Родолфо.

Донна Кандида решительно взяла вещи дочери и, отодвинув в сторону инвалидную коляску мужа, вышла вместе с Сеньоритой из дома. Полковник Феррейра был настолько поражен, что не мог вымолвить ни слова.

Жители Арауны воспринимали Марио и Жулиану как помолвленную влюбленную пару. Об этом поведала Жулиане Анна Тейшейра, когда девушки случайно встретились на улице. Анна с радостью сообщила, что через месяц у нее состоится свадьба с Рикардо. Хотя жених все так же медлил и колебался, матери молодых уже договорились о дне свадьбы. Никто не знал, что у Рикардо возникла, между тем, довольно неожиданная мысль, — он предложил Родолфо жениться на Анне, чтобы забыть о своей любви к Сеньорите. Однако вскоре произошло следующее: Сеньорита и донна Кандида прибыли в Арауну, они заехали к священнику и попросили его проводить их в дом доктора Фонтеса.

Отец Жозе с готовностью выполнил их просьбу. Донна Инес, открывшая им дверь, была крайне поражена, она никак не ожидала этого визита.

— Я должна увидеть своего мужа Родолфо, — прямо с порога заявила Сеньорита.

Отец Жозе предупредил девушку, что Родолфо выглядит сейчас утомленным и больным. Но когда Родолфо вышел и увидел Сеньориту, его лицо засияло лучистым светом. В этот момент девушка забыла обо всем на свете.

— Родолфо! Ты меня еще любишь!

— И ты еще можешь сомневаться! — Ему не верилось, что его жена вернулась к нему. Он заключил ее в объятия. — Ах, я думал, что сойду с ума! Ты не можешь себе представить, сколько я пережил!

— Случившееся ужасно. Я сделала такую чудовищную ошибку! Но он же мой отец! Мы оба были так безрассудны, Родолфо.

— Он хотел тебя погубить!

— Я не хочу больше говорить об этом, — горячо возразила ему Сеньорита, — я хочу, чтобы ты меня простил, мое сердце всегда чувствовало, что ты не мог стрелять в отца.

Коутиньо делал все, чтобы обострить отношения в семье своего сына. Когда Жозе уехал по делам вместе с Мануэлом Тейшейрой, он сразу же направился к Аделаиде и протянул удивленной молодой женщине свидетельство об ее освобождении со словами:

— Жозе следует разобраться — раба ты для него или жена.

Он, конечно же, знал, что теперь конфликт между молодыми супругами станет еще серьезнее. И действительно, сразу же после этого визита Аделаиде заявила Жозе:

— Я уйду от тебя, потому что моя гордость не позволяет жить с человеком, который мне не доверяет. Я теперь не твоя раба! Твой отец дал мне вольную.

Когда Жозе, встретившись с отцом, с возмущением начал упрекать его за разговор с Аделаиде, Коутиньо прикинулся невинной овцой. Он уверял своего сына, что даровал Аделаиде свободу исключительно от широты своей натуры и человечности.

— Жозе, оставь эту женщину! — Отец попытался задеть мужское самолюбие сына. — Кто может знать, что произошло между Аделаиде и Жустиньо в ту ночь?

Рафаэл, которому комиссар Антеро рекомендовал покинуть Арауну, пришел на следующий день в полицейский участок, чтобы увидеться с Антеро. Он совсем не производил впечатления испуганного или затравленного человека, да и никаких вещей при нем не было.

Рафаэл просто хотел сказать Антеро, что у него самого были основания стрелять в барона — ведь полковник Феррейра смертельно оскорбил комиссара, когда он несколько месяцев назад арестовал Лесного капитана. Выслушав Рафаэла, комиссар молча кивнул в знак согласия.

Что же касается барона, то он стал прежним. Он пребывал в безумной злобе и пригрозил Себастьяну смертью, если тот его обманет и проболтается об их договоренности. Если бы барон знал в тот момент, что происходит в лесных за-

рослях между городом и фазендой, он бы невзирая на болезнь схватил оружие и помчался на место событий.

Рикардо Фонтес продолжал галантно ухаживать за баронессой. Судьба предоставила ему даже счастливый случай выручить баронессу из опасной ситуации. Случилось так, что лошадь, которая везла коляску баронессы, по дороге на фазенду угодила копытом в выбоину дороги и испугалась. Животное начало биться от боли. Карета баронессы стала подпрыгивать и, казалось, вот-вот разобьется. Рикардо Фонтес именно в этот момент оказался неподалеку. Он решительно схватил взбешенную лошадь за уздечку и держал, пока та не успокоилась. Затем он распряг взмыленное животное и отвел в сторону. Затем несколько раз выстрелил в воздух. От нового испуга лошадь помчалась с бешеной скоростью и скрылась в лесных зарослях. Баронесса не видела всей этой суеты, она в испуге стояла на обочине дороги. Рикардо подошел к ней с печальным выражением лица. При этом он чистил свое оружие.

— Лошадь была ранена, и я убил ее, — солгал он баронессе.

— Она так страдала! Я не смогу сегодня ночью из-за этого уснуть... Это было такое благородное животное...

Рикардо впряг в карету свою лошадь и повез домой женщину, которую он давно и сильно любил. С каким восторгом во время поездки он вдыхал аромат этой женщины, слушал звуки ее голоса. Когда же они прибыли на фазенду, Рикардо, не сдержавшись, упал перед ней на колени и снова объяснился ей в любви:

— Я никогда не смогу перестать думать о вас, донна Кандида.

Барона мучила вовсе не ревность. Он был уязвлен и одновременно чрезвычайно озлоблен. Донна Кандида ошеломила его своим поведением в тот момент, когда он ослабел. Он пригрозил жене мстью за то, что она содействовала отъезду дочери к Родолфо. Донна Кандида ответила ему тоже угрозой об отмщении:

— Вы однажды заплатите за все, что сделали, Феррейра. И за Марию дас Дорес!

Семья доктора Фонтеса очень радушно приняла Сеньориту. Как же радовались они известию о том, что она ждет ребенка! Им особенно хотелось иметь внучку, так как донна Инес дарила своему мужу только сыновей. Вскоре Сеньориту и Родолфо навестил Рафаэл.

— Я восхищен, Сеньорита, твоей смелостью, нелегко покинуть дом отца, — сказал Рафаэл.

— Спасибо, Рафаэл.

— Я думал, что Родолфо сойдет без тебя с ума, — продолжал он, — я не подозревал, что он настолько сильно любит тебя.

— Рафаэл... мой отец... он парализован...

— Я знаю. Если это тебя хоть как-то утешит... то хочу тебе сказать, что в будущем он может меня не бояться, я уже забыл свою клятву и не хочу мстить ему.

В столь маленьком городе, как Араруна, любовь двух молодых людей не может оставаться незамеченной. Таким образом, Эвералдо быстро заметил, что его сын Марио и внучка Аугусто Жулиана симпатизируют друг другу. Он предложил Аугусто подумать об их свадьбе. Эвералдо хотелось послать молодых после женитьбы в столичный центр, где они вместе могли бы учиться. Ведь нельзя же допустить, размышлял он, чтобы такой способный, талантливый человек, как Марио, прозябал бы в маленьком городке, отказавшись из-за любви от карьеры. Аугусто скептически воспринял намерения Эвералдо, он не был уверен, что к этому положительно отнесутся сами молодые.

Марио и Жулиана обсудили предложение, сделанное отцом Марио. Жулиана решила быть откровенной с Марио и спросила его, захочет ли он жениться на ней, если узнает о ее любви к Рафаэлу. Марио ничего не ответил.

Рыцарский поступок Рикардо произвел на баронессу неизгладимое впечатление. Она постоянно думала об этом милом молодом человеке, который в отличие от ее мужа был к ней необыкновенно внимателен. Однако ее терзали муки совести. Ей казалось, что она грешна мысленной изменой мужу с Рикардо. По ее мнению, это недозволено замужней женщине. Тогда она решила по-

делиться своими тайными мыслями и переживаниями с Виржинией.

— Я считаю, что Рикардо очень привлекательный молодой человек. Я буквально схожу с ума от охвативших меня столь необычных чувств. Из-за всей этой путаницы в голове я призналась барону, что все знаю о рабыне Марии дас Дорес!

— Держитесь-ка вы от него подальше, а то он введет вас в искушение, — решительно заявила Виржиния.

Рафаэл почувствовал, что донна Кандида начала отдаляться от своего супруга. В разговоре с отцом Жозе он поделился своими предчувствиями:

— Я был очень доволен, когда единственная дочь барона покинула его. Наконец-то он получил по заслугам. Однако что-то мне подсказывает, что это не единственный удар в жизни полковника Феррейры. Вот увидите, что в ближайшее время и баронесса от него уйдет!

Глава 12

Едва оправившись от тяжелой болезни, барон поспешил принять бразды правления. Он, как и прежде, позаботился о том, чтобы у доктора Фонтеса не было клиентов. Барон настроил против адвоката всех жителей Араруны, и прежде всего крупных землевладельцев, заявив при этом: либо вы имеете дело со мной, либо с Фонтесом. Третьего не дано. Полковник Феррейра громкогласно повторял при каждом удобном случае: «Я выдворю Фонтеса из Араруны, чего бы мне это ни стоило. Я буду вести с ним борьбу до победного конца. Фонтес и ему подобные виноваты во всех волнениях и восстаниях рабов. Они должны за все это заплатить сполна!»

Чтобы повысить свою значимость в глазах окружающих, барон решил начать заниматься политической деятельностью и даже выставить свою кандидатуру на следующих выборах губернатора провинции. Зачем ему это было нужно? Ведь у него достаточно много золота, а золото означает власть и значимость — не важно, в какой стране и при каком строе: абсолютной монархии, или республике. Причина интереса барона к политике

ской деятельности крылась в желании отравить жизнь доктору Фонтесу, где бы он ни находился. Если барон будет властвовать над всеми городами провинции, не видать Фонтесу заработка как своих ушей.

Бесконечные скандалы, в возникновении которых последнюю роль играл старый Коутиньо, привели к окончательному разрыву Аделаиде и Жозе. Теперь Аделаиде искала себе пристанище. Она попросила свою бывшую хозяйку взять ее к себе в прислуги, но Сеньорита отказала ей.

— Это не мой дом, Аделаиде, и я не могу создавать этой семье неудобства. К тому же я точно не знаю, сколько времени мы с Родолфо здесь проживем.

Дом доктора Фонтеса не покидала атмосфера постоянной тревоги. В последнее время беспокойство в семье возросло из-за Рикардо — ведь накануне своей предстоящей свадьбы он совсем не проявлял никакого внимания к невесте. Тем не менее приготовление к свадьбе шло полным ходом. Мануэл Тейшейра и его дочь Анна нанесли доктору Фонтесу визит, чтобы обсудить последние детали. Что касается свидетелей бракосочетания, то Анна попросила быть ими Сеньориту и Родолфо, те с готовностью согласились.

Мысли Рикардо в это время были совсем в другом месте. Он день и ночь мечтал о баронессе и вспоминал недавний случай: лошадь баронессы, это терпеливое, благородное животное... Рикардо еще не позаботился о свидетелях со своей стороны, его это сейчас мало волновало...

— Так кто будут твои свидетели, Рикардо? — уже в который раз повторила свой вопрос Анна.

— Ах да, свидетели... — рассеянно пробормотал Рикардо. — Я охотно буду свидетелем.

— Да нет же, брат, речь идет не о том, что ты будешь свидетелем. Речь идет о твоей свадьбе, на которой ты будешь женихом, — напомнил ему Родолфо, заметив рассеянность брата.

— Ах, да... Ну пускай моими свидетелями будут сеньор Мануэл и донна Нина...

— Да нет же, они ведь родители невесты, — вмешался в разговор доктор Фонтес. — Рикардо! Соберись с мыслями и подумай!

— Ну хорошо, хорошо. Пусть это будут доктор Аморим и донна Елена.

— Да они же только что уехали из Араруны, — со вздохом промолвила донна Нина.

Рикардо вынужден был подключиться и продолжал называть возможных свидетелей.

— А что если Аделаиде и Жозе?

— Но, Рикардо! Они больше не вместе — они расстались!

— Найти свидетелей — это не столь сложная задача, сеньор Мануэл, — поспешил закончить этот неприятный разговор доктор Фонтес. — Через пару дней мой сын скажет вам, кто его свидетели.

Столь неловкое и даже бесцеремонное поведение жениха просто возмутило Анну. Но она решила все простить Рикардо — ведь он ей честно признался, что очень тепло к ней относится, женится на ней, но его мысли всегда будут витать вокруг баронессы.

Вскоре после разрыва с Аделаиде Жозе был приглашен вместе с отцом в гости к барону. Намеченный бароном разговор с гостями не был предназначен для посторонних. Барон отослал из комнаты даже своего слугу Себастьяна.

— Знаете, сеньор Коутиньо, мы с вами в некотором роде союзники — вы не признали брак вашего сына, а я не признал брак своей дочери. Я хочу изгнать из города людей, причастных к этим бракосочетаниям — и доктора Фонтеса, и отца Жозе, — начал беседу полковник Феррейра.

Старый Коутиньо был удовлетворен сказанным бароном, Жозе Коутиньо слова Феррейры явно не понравились по душе. Но обоим гостям было ясно, что основной разговор еще впереди. И в самом деле барон не медля приступил к сути дела. Он предложил нечто весьма неожиданное:

— Мне необходимо вернуть домой свою дочь до рождения ее ребенка. И я решил в связи с этим предложить вам, сеньор Жозе Коутиньо, жениться на моей дочери — ведь ваш брак с этой мулаткой ваш отец считает недействительным, а я не признаю действительным бракосочетание моей дочери в Куилombo!

Отец и сын Коутиньо растерянно переглянулись. Но этим предложение барона не исчерпывалось.

— Кроме того, я готов заплатить вам любую сумму,

если вы аннулируете свой брак с Аделаиде и женитесь на моей дочери. Она, конечно же, не юная девушка, но от вас никто и не требует осуществления супружеских обязанностей.

После таких слов Жозе Коутиньо и его отец окончательно лишились дара речи.

— Мне нужен внук! И он должен родиться в нормальной обстановке, а не в семье, которая выступает за освобождение рабов, — продолжил между тем барон. — Потом вы сможете развестись с моей дочерью и продолжать свою жизнь уже богатым человеком. Ну так как, Жозе, вы принимаете мое предложение?

По разным причинам отец и сын Коутиньо не могли вымолвить ни слова. Отец увидел за предложением барона возможность для своего сына сделать карьеру. Что касается Жозе, то он был глубоко возмущен и готов немедленно отклонить абсурдное предложение барона.

Вернувшись в город, Жозе Коутиньо немедленно направился к Родолфо и рассказал ему о столь чудовищных замыслах барона.

— Представляете, Родолфо, ваш тесть сделал мне такое предложение. Барон хочет объявить ваш брак недействительным! И я представляю, что он задумал, — он, очевидно, заставит отца Жозе заявить, что его насильно принудили совершить брачную церемонию в Куилombo!

Немного посожалев о провале своего плана, барон, недолго думая, изобрел новую хитрость. Коутиньо должен передать отцу Жозе ультиматум барона: либо священник объявит бракосочетание в Куилombo недействительным, либо барон сделает все, чтобы он потерял свой приход. Старый священник, ни минуты не колеблясь, ответил:

— Передайте барону следующее, сеньор Коутиньо. На брачной церемонии свидетелями были сам Господь и несколько негров. В глазах Господа эти бывшие рабы такие же свидетели венчания, какими были бы белые господа. Если я не прав, то я за свои ошибки буду наказан высшими силами, а барон будет наказан ими за свои деяния!

Священник решительно отклонил предложение барона поехать в Куилombo и отказаться от своих действий, касающихся заключения брака Сеньориты и Родолфо.

Аугусто был крайне возмущен угрозой барона в ад-

рес отца Жозе. Он решил немедленно написать об этом гневную статью в «Голос Арауны». Но поразмыслив, он решил, что гораздо лучше будет вначале съездить вместе со священником на фазенду барона и обо всем еще раз поговорить.

Завидев прибывших, донна Кандида отозвала отца Жозе в сторонку. Ей необходимо было поговорить со священником наедине. Она доверительно поведала ему, что ее чрезвычайно беспокоит душевное здоровье супруга.

— Прямо не знаю, что мне делать дальше. Он все время плетет против кого-то какие-то интриги. Я живу в постоянном страхе.

Она попросила священника также исповедовать ее.

— Отец Жозе, я хочу открыть вам свою душу, попросить вас отпустить мне мои грехи. — Донна Кандида упала на колени и призналась священнику, что ее волнует Рикардо и она греховна в душе.

— Сеньора баронесса, это же невозможно! Он же очень молод и годится вам в сыновья. Выбросите все эти мысли из головы!

Затем между бароном, отцом Жозе и Аугусто состоялся долгожданный разговор. Журналист выступил в защиту отца Жозе, однако слова барона прозвучали лаконично и решительно:

— Я буду иметь дело со священником только в том случае, если он объявит бракосочетание в Куилombo действительным.

Замыслы полковника Феррейры не встретили никакой поддержки в его доме. Донна Кандида заявила, что в случае конфликта барона с церковью она будет на стороне отца Жозе.

— Я скажу, что сама просила его обвенчать нашу дочь и Родолфо. И после этого я навсегда покину Арауну. — В ее голосе звучало возмущение поведением своего мужа, а кроме того, решимость выполнить сказанное. — Пока я живу в этом доме, вы не отправите ни одного письма без моего согласия в органы власти.

Барон проигнорировал слова жены.

— Вы слышали, что я сказал, отец Жозе! Как и раньше, мое слово — закон!

Прощаясь с гостями, донна Кандида извинилась за поведение своего супруга.

— Иногда мне кажется, что он не ведает, что творит...

Священник и журналист уже вышли из дома, когда их окликнула донна Кандида.

— Отец Жозе, передайте, пожалуйста, моей дочери, что я ее завтра навещу!

После ухода гостей донна Кандида неоднократно задавала себе вопрос, слышал ли барон ее слова, сказанные Аугусто и священнику на прощание. Барон действительно услышал, что его жена была намерена на следующий день навестить дочь. Озверев от злости, Феррейра запретил баронессе выходить из дому, подавать жене коляску.

— Если ты меня ослушаешься и захочешь навестить дочь, то пойдешь к ней пешком!

Во время вечернего разговора с супругом донна Кандида еще раз повторила:

— Пока я живу в этом доме, вы не отошлете ни одного письма с обвинением отца Жозе!

В ответ барон лишь выругался и пригрозил донне Кандиде вышвырнуть ее из дома.

Марио по-прежнему был глубоко предан и газете «Голос Араруны», и внучке Аугусто Жулиане. Последнее признание Жулианы в ее неугасимой любви к Рафаэлу заставило Марио более остро реагировать на происходящее вокруг. И однажды, застав Рафаэла в типографии разговаривающим с Жулианой, Марио не смог удержаться и вступил с ним в горячую беседу:

— А что вы забыли в Араруне? Вы же достигли своей цели, Рафаэл, отомстив своему отцу! Что же вы еще хотите?

— Да что вы, Марио! — воскликнул Рафаэл. — Неужели вы думаете, что я мог стрелять в барона? Я не стрелял!

— Зачем вы мне врите? — Марио строго посмотрел на Рафаэла. — Вы стыдитесь своего выстрела, — горячо продолжал говорить Марио, — потому что барон остался в живых?

— Это был не я, Марио, клянусь вам! — продолжал возражать Рафаэл.

— Ты уже однажды поверила его клятвам, Жулиана, — обратился Марио к внучке Аугусто.

Жулиана испуганно взглянула на Рафаэла.

— Рафаэл, скажи, что это был не ты!

— Ты сама это прекрасно знаешь, Жулиана!

Причиной столь бурной эмоциональной вспышки Марио было, конечно же, не покушение на барона. Марио набросился на Рафаэла, потому что ему не нравилось, что Рафаэл разговаривает с Жулианой. Кроме того, Марио не совсем понимал и Жулиану. Девушка не отказывалась стать женою Марио, но при этом она все время повторяла, что любит не его, а Рафаэла.

Марио запутался во всех этих сложностях и противоречиях. Однако отец постоянно просил Марио принять какое-то конкретное решение. Сеньор Эвералдо опасался, что вся эта неопределенность негативно скажется на Марио и он так и не закончит свою учебу на юридическом факультете. По мнению отца, Марио следовало вернуться в столицу и получить диплом. Марио пообещал отцу, что он сделает все, чтобы уговорить Жулиану уехать вместе с ним.

Глава 13

Бывший крупный землевладелец Мартиньо, потерявший в результате бегства своих рабов и весь свой урожай, и даже фазенду, вернулся назад из столицы. Он решил заняться земледелием и тем самым нажить новое состояние. Потерю собственной фазенды он уже пережил и больше не горевал по этому поводу. Более того, на него сильно повлияли либеральные взгляды, весьма распространенные среди жителей столицы. Его политическая точка зрения совершенно изменилась: он стал сторонником движения за отмену рабства и ярым республиканцем.

Сеньорита чувствовала себя защищенной в семье доктора Фонтеса. После ухода из дома она постоянно боялась, что барон что-нибудь предпримет, чтобы вернуть ее назад. Девушка хорошо знала своего отца и понимала, что он готов на все ради осуществления своей цели. Ведь он уже предпринимал попытки убрать Родолфо со своего пути. И как знать, может быть, он уже продумал план ее похищения. Донна Инес все время успокаивала Сеньориту, уверяя, что ни доктор Фон-

тес, ни Родолфо не допустят ее похищения. Девушку очень успокаивали эти слова. Вместе с тем она постоянно чувствовала себя виноватой перед семьей своего мужа — ведь ее отец столь бесцеремонно вмешивался в дела доктора Фонтеса. Из-за интриг барона семья терпела большие материальные нужды — теперь у доктора Фонтеса совсем не было клиентов. Иногда в порыве отчаяния адвокату приходила в голову мысль продать все свое имущество и уехать из Арауны.

Сеньориту крайне огорчила еще одна новость — оказывается, Рикардо влюбился в ее мать. И не дай Бог, если об этом догадается барон — тогда для семьи доктора Фонтеса настанут еще более тяжелые времена.

Аделаиде мечтала вернуться к своему мужу Жозе, но у нее не хватало мужества сделать первый шаг. Она не переставала в душе обвинять во всех своих нынешних бедах Жустиньо, так как именно из-за этого нелепого похищения разрушилась ее семейная жизнь. Жозе тоже очень переживал — ему так не доставало Аделаиде. И он не переставал надеяться на их примирение. Он считал, что, помирившись, можно будет забыть прошлое и начать жизнь сначала.

— Я так страдаю по нему, — посетовала Аделаиде Анне. — Я очень хочу к нему вернуться.

— Так вернись. Он же обещал все забыть и простить... Он же тоскует по тебе, Аделаиде! Не медли, иди к нему!

Аделаиде и сама понимала, что Жозе ее любит. Она, наконец, решилась — собрала вещи и пришла к нему. Радость Жозе была непередаваема.

Предчувствия Сеньориты оправдались. Барон узнал о случае, который произошел с его женой и Рикардо Фонтесом. Лошадь, несколько напуганная Рикардо, вернулась на фазенду — инстинкт есть инстинкт. И за ужином полковник Феррейра с удовлетворением заметил:

— Лошадь, о которой ты мне сказала, что ее застрелили... вернулась! — Барон посмотрел на жену холодным взглядом. — Да, эта лошадь вернулась на фазенду... Ты говорила, что ее пристрелили. А кто ее пристрелил? Как ты все это объяснишь?

— Не знаю... Я совершенно не знаю этого человека... — несколько неуверенно промолвила донна Кандида. — Я только слышала выстрел и совсем не представляю, кто мог стрелять в бедное животное.

— Как у тебя все просто, — промолвил барон, — но я выяснил, что это был Рикардо Фонтес!

Задышавшись от ревности, полковник Феррейра запер свою жену вечером в ее комнате. В припадке злобы он стоял возле двери и угрожал ей кулаками. Донна Кандида кричала, однако никто из рабов не пришел ей на помощь, поскольку все боялись гнева барона. Даже в тяжелейшем болезненном состоянии он наводил на всех ужас и страх. На следующий день донна Кандида оставалась запертой в своей комнате. Барон послал Бруно за Рикардо Фонтесом.

— Возможно, что молодой человек сейчас и не в городе. Однако разыщи его во что бы то ни стало.

И Бруно немедленно отправился на поиски Рикардо.

Барон полностью доверял Бруно — он многие годы служил ему верой и правдой. Но сейчас, вероятно, не следовало ему столь безгранично доверять. В течение двадцати лет службы Бруно научился быть беспощадным к любому. Кроме того, у него были свои планы на будущее, в которых немаловажную роль играло золото полковника Феррейры. От Бруно не укрылось, что Виржиния знает о богатствах барона. Это ему не слишком пришлось по душе. Поэтому он попросил Фулженсио помогать ей на кухне и не спускать с нее глаз, пообещав при этом рабу большое вознаграждение.

Донна Кандида оставалась пленницей барона. Уже несколько дней он не выпускал ее из комнаты. К ней ходила лишь Виржиния. Барон предъявил ей ультиматум: если она покинет фазенду, то больше никогда не сможет сюда вернуться.

Не зная о событиях на фазенде барона, Сеньорита и Родолфо обсуждали возможность примирения своих роди-

телей. Они понимали, что их семьи питают непримиримую вражду друг к другу.

— Конечно же, в сложившейся ситуации виноват не только мой отец, — горестно повторяла Сеньорита. — Мы все в значительной степени виноваты в этом.

Тем временем доктор Фонтес и Мартиньо неожиданно столкнулись на улице. Они подробно обсудили состояние дел Мартиньо, так как после восстания рабов Рикардо занял фазенду Мартиньо. Они договорились, что ровно половина земли будет принадлежать Рикардо. Он будет выращивать там кофе, а также займется разведением лошадей. В конце беседы Мартиньо не удержался и язвительно спросил доктора Фонтеса:

— А не считаете ли вы, доктор Фонтес, что ваш сын не в своем уме?

Рикардо был в полном порядке, а вот опасность ему угрожала смертельная, Бруно выследил его и под дулом пистолета заставил следовать на фазенду барона. Далее все было, как в кошмарном сне. Полковник Феррейра обвинил Рикардо в случившемся с баронессой и с лошадью.

— А в чем, собственно, вы меня обвиняете? — пытался протестовать Рикардо. — У лошади была очень глубокая рана. Возможно, ее укусила змея, и она этого испугалась.

— Ах, так! Ее укусила змея, и поэтому вы застрелили лошадь?

— Да нет же! Я не стрелял в лошады! Я стрелял в змею!.. Да! — повторил Рикардо уверенно. — Я стрелял в змею, и, возможно, она так до сих пор и лежит посреди дороги!

— Ну а где же лошадь?

— А вот этого я не знаю. Она скрылась в лесных зарослях. И я надеюсь, что она жива.

— А баронесса мне сказала, что вы застрелили лошадь... — возразил барон.

— Да ей это показалось... Мне просто не хотелось идти разыскивать лошадь, я хотел быстро доставить баронессу домой! — пытался выкрутиться Рикардо.

— Ах, значит, дело обстояло так, — злорадно заметил полковник Феррейра, — а баронесса пыталась

меня уверить, что это были не вы, а совсем посторонний человек...

Но теперь уже барон не мог сбить Рикардо с толку.

— Вы меня ненавидите за то, что я Фонтес, не так ли? Да еще к тому же ваша дочь живет теперь в нашем доме...

— Благодарю вас, сеньор Рикардо, что вы доставили баронессу домой в целости и сохранности. И спасибо, что пришли, — закончил свою речь барон, неожиданно для всех поверивший Рикардо.

После ухода молодого человека полковник Феррейра позвал донну Кандиду.

Он решил помириться с ней.

— Дорогая, прости меня, что я тебе не доверял!

— Как же вы оскорбили меня! Ваши подозрения были совершенно беспочвенны!

— Ну прости меня, Кандида, прости, — миролюбиво повторил барон.

— Ну а теперь, — сказала донна Кандида, — вам следует признать брак нашей дочери и Родолфо Фонтеса. И давайте забудем о случившемся.

— Нет, этого не будет. Наша дочь сама сделала свой выбор. Я не трону ни ее, ни ее мужа. Но я не желаю их обоих видеть! — И неожиданно добавил: — Хорошо, Кандида. Я разрешаю тебе навестить дочь. Но еще раз повторяю — ни ее, ни ее мужа я не желаю видеть в своем доме!

День свадьбы Анны и Рикардо Фонтеса приближался. Донна Нина наконец-то решилась поговорить с дочерью об отношениях между мужчиной и женщиной и о супружеских обязанностях. Как же неловко она при этом себя чувствовала! Наставления донны Нины дочери были чересчур лаконичны, однако Анна поспешила ее успокоить: она уверяла свою мать, что уже обо всем осведомлена — Аделаиде посвятила ее во все подробности супружеской жизни.

К великой досаде Коутиньо, Аделаиде вернулась к его сыну. Все планы старика были сорваны. Она даже прислала ему назад свидетельство об ее освобождении. Да, она предпочла остаться рабыней — рабыней из-за любви

к его сыну Жозе. Ну что же, злорадствовал Коутиньо, это уже ее ошибка! Теперь-то она принадлежит ему! Теперь уже по закону он ее господин и поэтому может распоряжаться ею как хочет. Не переставая злорадно ухмыляться, он вспомнил о землевладельце Мартиньо, питавшем слабость к молодым мулаткам. А что если продать Аделаиде ему? Тогда она навсегда исчезнет из жизни его сына!

Мартиньо это предложение сначала не очень воодушевило. Но потом он пообещал Коутиньо навестить Аделаиду, когда ее мужа не будет дома, Коутиньо предложил Мартиньо похитить Аделаиду, но сделать это так, чтобы Жозе ни о чем не догадался.

Фулженсио, прожившему всю жизнь в сензале рабов, конечно же, нравилось его новое местожительство — дом барона. Теперь он был сыт и имел удобную кровать.

Он ни на минуту не забывал, что всем этим он обязан Бруно — правда, эти удобства ему не достались даром. Бруно потребовал от него полного доверия себе, а также постоянного наблюдения за Виржинией. Слишком уж много она знала о богатстве полковника Феррейры! Фулженсио пообещал Виржинии разыскать ее сына и привести в дом. Но для этого ей нужно раскрыть тайну — где спрятано золото барона. Бруно и сам не знал, где находится сын старой рабыни. Неоднократно он пытался выведать это у барона. Но этой темы он касался очень осторожно, дабы барон не разгадал его далеко идущие планы. Однако от барона не укрылось чрезмерное любопытство Бруно. И он заинтересовался, почему Бруно проявляет такой интерес к судьбе сына Виржинии?

Донна Кандида ликовала по поводу своего освобождения из-под домашнего ареста и уже на следующий день велела запрячь карету. Теперь-то она могла наконец навестить свою дочь! При встрече она рассказала Сеньорите обо всем, что случилось на фазенде.

Донна Кандида была крайне огорчена, узнав о банкротстве доктора Фонтеса. Она не могла простить барону, что он приложил к этому руку. Донна Кандида решила

сделать для семьи доктора Фонтеса все, что было в ее силах.

Старый Жусто, бывший раб семьи доктора Фонтеса, который после покушения на барона собрал свои вещи и исчез, нашел приют в Куиломбо. Там он встретился с Жустиньо и Лесным капитаном, которые после неудачного похищения Аделаиде тоже обосновались в Куиломбо.

После нескольких недель отдыха и покоя Жусто снова отправился в Арауну, вместе с ним в город пошли Лесной капитан и его мать, старая Бальбина.

Путь через лесные заросли был непрост. У Бальбины несколько раз были приступы умопомешательства, и она теряла ощущение действительности. И Жусто, и Лесной капитан были вынуждены смотреть за ней, как за ребенком, потому что в этом состоянии она не понимала, что творила.

Оказавшись в Арауне, Жусто немедленно направился в дом доктора Фонтеса. Как же радушно приняли его все члены семьи и их домашняя прислуга Рут! Жусто с большим энтузиазмом поведал Родолфо обо всем, что с ним приключилось после ухода из дома доктора Фонтеса.

— И так случилось,— завершил он свой рассказ,— что там, в Куиломбо, я встретил свою Бальбину! Ее привел туда ее сын — Лесной капитан.— Будучи молодыми, Жусто и Бальбина многие годы были рабами на фазенде в Арауне. Жусто любил ее как в те годы, так и в настоящее время.— Мы вернулись в Арауну вчетвером — Бальбина, Лесной капитан, Жустиньо и я.

— Жустиньо и Лесной капитан? Да ты с ума сошел, Жусто! Барон разыскивает этих двоих! — воскликнул Родолфо.

— Нет, я в своем уме,— сказал старый Жусто.— Вы же мне обещали, хозяин, что ничего не будете предпринимать против обоих!

— Да, я сдержу свое обещание и ничего против них не предприниму,— уверил Жусто Родолфо Фонтес.

— Вы должны знать, что Лесной капитан — мой сын. И он совсем неплохой парень. Конечно, он наделал в своей жизни много ошибок, но теперь он стоит на правильном пути!

Родолфо недоверчиво покачал головой.

— Все ищут Лесного капитана, а ты его приводишь

сюда. Все считают, что именно он стрелял в барона. Скажи мне, это был он?

Жусто покачал головой. И тут у Родолфо зародилось новое подозрение.

— Уж не ты ли это был, Жусто?

— Да нет, господин, я хотел убить барона, но потом у меня на это не хватило смелости. И Бентиньо выхватил у меня из рук пистолет...

— Так что же, стрелял Бентиньо?

Жусто молча кивнул в ответ.

— Мы хотели помочь вам, господин, и убрать барона с вашего пути! — ответил старый раб. — Но барон не умер. Наверное, он в заговоре с нечистой силой.

— А где теперь Бентиньо? — спросил Родолфо.

— Да его уже и след простыл! Он больше никогда не появится в Арауне! — прошептал Жусто с какой-то заговорщической улыбкой.

Жусто попросил своего молодого хозяина оставить Лесного капитана в покое. Он пояснил Родолфо, что они оказались в Арауне по просьбе Бальбины — уж очень ей хотелось повидаться со своим сыном Фулженсио и с сестрой Виржинией.

Родолфо Фонтес вздохнул с облегчением. Так, значит, Бентиньо стрелял в барона. Наконец-то он может назвать своей жене имя истинного преступника! Ведь ничто так не терзало Родолфо, как недоверие Сеньориты.

Себастьяну доверял не только барон; донна Кандида тоже считала его вполне надежным слугой. И она решилась передать через него Рафаэлу записку. Содержание записки весьма удивило Себастьяна. Донна Кандида писала, что она узнала от своей дочери, что Рафаэл — сын барона, а сама донна Кандида хочет поговорить с Рафаэлом в церкви.

Вскоре донна Кандида поехала в город под предлогом визита к дочери. И она в самом деле сначала зашла в дом доктора Фонтеса. Сеньорита рассказала матери, в каких стесненных обстоятельствах живет сейчас семья доктора Фонтеса. И баронесса решила сразу же помочь этой семье. Она передала своему зятю золотой слиток из сокровищницы семьи полковника Феррейры в качестве свадебного подарка и уверила, что любит его, как родного сына. Если он не захочет принять ее подарок, она пере-

даст этот слиток его отцу. После этого донна Кандида покинула дом семьи доктора Фонтеса. Родолфо отказался взять этот золотой слиток. Конечно же, ему совсем не хотелось обидеть донну Кандиду. Но гордость заставила его отказаться от этого дара. Его отец взял золото, но про себя решил вернуть слиток донне Кандиде при первой возможности.

После визита в дом доктора Фонтеса донна Кандида велела Себастьяну проводить ее в церковь. Там у нее была назначена встреча с Рафаэлом. Отец Жозе поприветствовал баронессу и поспешил удалиться, чтобы не мешать разговору.

— Да, я действительно сын барона и рабыни Марии дас Дорес! — подтвердил Рафаэл.

Донна Кандида с грустью покачала головой.

— А барон этого не знает, — промолвила она. — Мария дас Дорес подарила ему сына, чего я сделать не смогла...

— Но он бы меня все равно продал, даже если бы знал, что я его сын, не так ли? — с горечью спросил Рафаэл баронессу.

— Возможно, ведь вы бы напоминали ему своим присутствием о его прошлом.

— Да... Сын негритянки, — задумчиво промолвил Рафаэл. — Узнав об этом, он бы меня, наверное, сразу же убил.

Донна Кандида содрогнулась от испуга.

— Не говорите так!

— А почему нет? Вы же сами это прекрасно понимаете. По чьей вине погиб папаша Жозе, лучший из рабов? Но я, при все своей ненависти к барону, все-таки не мог бы выстрелить в него. Меня ему можно не опасаться.

— А ваша мать? Где сейчас Мария дас Дорес? — спросила баронесса.

— Оставьте мою мать в покое, донна Кандида! — С этими словами Рафаэл вышел из церкви, оставив баронессу одну.

После сделки со старым Коутиньо Мартиньо напрямик направился в дом Аделаиде и Жозе. Он хотел сообщить, что Коутиньо продал Аделаиде ему. Мартиньо очень радовался своему новому приобретению. Пожирая Аделаиде

жадными глазами, Мартиньо рассыпался в комплиментах перед ней:

— Ты принадлежишь теперь мне, Аделаиде!

Мартиньо уже собрался наброситься на испуганную женщину, но в этот момент в доме появился Жозе Коутиньо. Мартиньо содрогнулся, встретившись с его угрожающим взглядом.

— Что вам нужно от моей жены, сеньор Мартиньо? Объясните мне!

Мартиньо начал лихорадочно думать, что бы ответить Жозе. Ведь одно неосторожное слово или ошибочный жест может привести к тому, что Жозе его убьет. Мартиньо, набравшись смелости, наконец вымолвил:

— Ваш отец в знак нашей дружбы предложил мне купить Аделаиде, зная, как я равнодушен к мулаткам...

— Это я знаю, сеньор Мартиньо! И это вас ни в коей мере не оправдывает,— холодно заметил Жозе.

— Да, я никогда не скрывал свою слабость к мулаткам, но идея вашего отца продать Аделаиде совсем не пришла мне по душе! Я пришел для того, чтобы вручить Аделаиде свидетельство об ее освобождении.

— Ах, вы явились в мой дом, чтобы передать эту бумагу? А может быть, вы сюда пришли за своей новой собственностью? — с насмешкой промолвил Жозе.

— Нет, я решил, что в сложившейся ситуации мне следует освободить Аделаиде...— робко сказал Мартиньо, затем достал дрожащими руками свидетельство об освобождении Аделаиде и документ об ее купле-продаже. Обе бумаги Мартиньо протянул Жозе.

Жозе удовлетворенно кивнул, взяв бумаги. Мартиньо же быстрым шагом направился к двери, чтобы побыстрее покинуть этот дом. Но на пороге он обернулся и, желая сгладить впечатление от своего визита, сказал молодым супругам:

— Советую назвать ребенка в честь старого Коутиньо! Это его несколько смягчит. Послушайте меня!

Старую рабыню Бальбину Жусто поселил в небольшой хижине на окраине города. В один прекрасный день Сеньорита и Родолфо отправились туда. Сеньорита хотела поговорить с Бальбиной о ее прошлой жизни, надеясь что-то разузнать и о сыне своей старой няни Виржинии.

В этот день Бальбина находилась в здравом уме. Она стала подробно вспоминать события прошлой жизни и поведала о том, что папаша Жозе переспал со всеми женщинами сензалы рабов. Но только с Виржинией, ее сестрой, у него была настоящая любовь. У Виржинии и папаша Жозе родился сын, которого они называли Себастьяном. На вопрос Сеньориты, сможет ли Бальбина, увидев сына Виржинии, его узнать, ответила:

— Я даже иногда и своих-то детей не узнаю, — и как бы в подтверждение этих слов, она на какое-то время лишилась рассудка. Когда вошел Жусто, Бальбина его не узнала.

— Ты говоришь, что ты Жусто? Нет, ты не Жусто! Мой Жусто был молодой, сильный и красивый!

Жозе Коутиньо разыскал своего отца в заведении Мануэла Тейшейры. Жозе решил объясниться со своим отцом в присутствии всех посетителей.

— Я заявляю при всех, что сеньор Коутиньо, мой отец, продал мою жену землевладельцу Мартиньо. Хорошо еще, что Мартиньо оказался честным человеком и передал Аделаиде свидетельство об освобождении, — Жозе с ненавистью посмотрел на отца. — После всего случившегося я тебе больше не сын! — выкрикнул Жозе со злобой.

Старый Коутиньо не мог этого так оставить.

— Что ты себе позволяешь, наглец? Я проклинаю тебя и твою негрятянку, и этого черного ребенка в ее утробе!

Свадьба Рикардо Фонтеса и Анны Тейшейры должна была состояться через несколько дней. Однако у жениха был такой вид, словно он еще не принял окончательного решения о браке с Анной. Но он уверенно заявил Анне, что свой медовый месяц они будут проводить не на фазенде Рикардо, а в столице провинции. Причиной колебания Рикардо оставались его чувства к баронессе, которая была также равнодушна к молодому человеку. Донна Кандида призналась Виржинии, что она обязательно будет на свадьбе Рикардо вопреки запрету барона. «Пусть Рикардо прочтает в моих глазах, какой счастливой меня сделала его любовь в столь тяжелые минуты моей жизни», — подумала она.

Доктор Фонтес испытал огромное облегчение, когда с его сына было снято подозрение в покушении на барона. Он сказал комиссару Антеро, что знает из достоверных источников, что в барона стрелял Бентиньо. В полной уверенности, что убил полковника Феррейру, Бентиньо бежал. Мотивы поступка Бентиньо были вполне понятны — ведь барон публично высек Бентиньо, а кроме того, на fazende барона многие братья Бентиньо умерли от побоев.

— Но я не представляю, где сейчас может быть Бентиньо,— ответил доктор Фонтес, предугадав вопрос комиссара.

Отец Жозе был предельно внимателен ко всем своим прихожанам. И он не мог не заметить смятение и волнение Жулианы, внучки Аугусто. Священник навестил девушку и во время разговора с ней обмолвился, что Рафаэл навсегда уехал из Арауны. Отец Жозе посоветовал Жулиане проявить благосклонность к Марио. Священник не считал Рафаэла подходящим для Жулианы супругом. Он не хотел, чтобы еще раз произошла та же трагедия, что разыгралась между матерью девушки и ее легкомысленным отцом!

Родолфо попросил мать приютить старую Бальбину на пару дней в комнате Жусто. Дело в том, что Бальбина вновь придя в себя, опять узнала Жусто, человека, которого она любила в молодости. Наконец-то она снова обрела своего Жусто. К ее радости примешалась глубокая печаль: она была даже несколько испугана.

— Жусто! Как же ты постарел!

По лицу Жусто пробежала грустная улыбка, но он решил сказать Бальбине комплимент:

— А ты все такая же молодая, красивая девушка, Бальбина!

Глава 14

Жустиньо и Лесной капитан были недовольны бездеятельностью своих собратьев: им хотелось действовать. В конце концов, они запланировали набег на fazendu баро-

на. Лесной капитан, как и прежде, жаждал убить надсмотрщика Бруно. А Рафаэлу, по мнению Лесного капитана, следовало бы завершить то, что не смог сделать Бентиньо. Барон должен умереть, так как каждый обязан расплачиваться за свои деяния. Проникнув во владения барона, Жустиньо и Лесной капитан, к своему большому удивлению, обнаружили, что все двери сензалы рабов распахнуты настежь.

Вся суета вокруг золота барона пока еще не имела результатов. Бруно и Фулженсио преследовали различные интересы и старались использовать друг друга как инструмент для достижения своих целей. Но их объединяло одно: они оба были настроены против барона.

— Я ничего не знаю, Бруно! Ну абсолютно ничего не знаю!

Фулженсио и в самом деле ничего не смог узнать у Виржинии о местонахождении золота барона, а Бруно ничего не смог пока разузнать о сыне Виржинии.

— Феррейра продал сына Виржинии, когда тот был еще ребенком. Но об этом и его матери известно, — пояснил Бруно. — Барон больше ничего не говорит на эту тему — слишком недоверчивым он стал в последнее время. Так что пока мне мало что удалось узнать!

Впервые Бруно показалось, что его план может потерпеть фиаско. «Видимо, только один барон знает, где спрятано это золото», — думал он. Бруно день и ночь размышлял о том, как бы добраться до золота полковника Феррейры. У него даже возникла идея довести барона до самоубийства. Бруно безумно жаждал отомстить барону. И в этом он полагался на помощь Фулженсио.

Бруно глубоко заблуждался, считая, что о местонахождении золота знает один лишь барон — ведь Сеньорита и донна Кандида тоже в курсе, где спрятаны сокровища. Очередной скандал в семействе барона вспыхнул из-за золотого слитка. Полковник Феррейра вдруг вспомнил, что он дал донне Кандиде золотой слиток перед ее поездкой с дочерью в Европу. Тогда барон надеялся, что это путешествие положит конец всяким отношениям между его дочерью и Родолфо. Однако Родолфо похитил его дочь и даже женился на ней. Таким образом, по расчетам ба-

рона, золото до сих пор находилось у донны Кандиды. И барон потребовал, чтобы жена вернула ему золото. Но у донны Кандиды теперь уже не было золотого слитка — она отдала его доктору Фонтесу, чтобы хоть как-то поддержать их семью. Баронесса попыталась оправдаться:

— Я отдала этот слиток нашей дочери.

— Ах, так. А что же ее муж — не в состоянии прокормить ее? — злорадно спросил барон у жены.

После этого разразился крупный скандал.

— Вы прекрасно знаете, что из-за ваших интриг семья доктора Фонтеса находится сейчас в крайне бедственном положении! Вы постоянно бесцеремонно вмешиваетесь в жизнь этой семьи! Вы постарались сделать так, чтобы у доктора Фонтеса не было больше клиентов! — гневно бросила донна Кандида своему мужу.

Сказанное донной Кандидой не слишком-то впечатлило барона. Однако одна деталь заставила его насторожиться — он понял, что их дочь знает о сокровищах.

— Я надеюсь, что наша дочь не станет всем подряд рассказывать о золоте. Это должно всегда оставаться тайной нашей семьи. Если кто-нибудь узнает об этих сокровищах, им угрожает опасность! Ты понимаешь это, Кандида?

Наконец-то наступил долгожданный день свадьбы Рикардо и Анны. Все хлопоты были позади. Однако жених все так же был совершенно безучастен к происходящему. И в день свадьбы он вел себя довольно странно — рано утром он помчался на свою фазенду и пропадал на ней настолько долго, что донна Инеса уже начала волноваться. Она попросила старого Жусто разыскать ее сына. Жусто совершенно случайно нашел Рикардо. Он был на берегу реки, в том самом месте, которое он так любил в раннем детстве. Жусто увидел его растерянность и страх перед собственной свадьбой. С большим трудом слуга уговорил молодого человека вернуться домой...

Все выходки Рикардо привели к тому, что доктору Фонтесу пришлось самому позаботиться о свидетелях своего сына. Он разыскал Аугусто и Жулиану и попросил их быть на свадьбе свидетелями со стороны жениха. Весьма путанно и пространно доктор Фонтес попытался объяснить им, почему его сын сам их об этом не попросил. Он говорил, что его сын полагался в этом вопросе на отца невесты, поэтому не позабо-

тился сам о свидетелях. А самому доктору Фонтесу пришла в голову мысль попросить быть свидетелем своего лучшего друга Аугусто.

Аугусто не поверил ни единому слову доктора Фонтеса — он слишком хорошо знал Рикардо. Однако он и его внучка сразу же начали готовиться к предстоящей брачной церемонии Рикардо и Анны. Невеста выглядела восхитительно. Как же ей шло свадебное платье! Однако час бракосочетания был уже близок, а жених все еще отсутствовал. Отец невесты, Мануэл Тейшейра был в полном недоумении.

— Если он сейчас не появится, я его убью!

Но время шло, а Рикардо все не было.

И тут произошло еще одно событие, которое Анна расценила как дурное предзнаменование: примерно за час до начала венчания в дом Тейшейры постучался доктор Эдуардо, долго отсутствовавший в Арауне и только-только вернувшийся в город.

— Извините, сеньор Тейшейра, я не знал, что сегодня свадьба вашей дочери, иначе бы я отложил свой визит на другой день,— обратился инженер Эдуардо к открывшему ему дверь хозяину дома.

Мануэл Тейшейра взглянул на свои карманные часы.

— Ровно через час должна начаться брачная церемония, так что приходите в церковь, а потом мы приглашаем вас на свадебный пир. А о делах мы потолкуем как-нибудь в другой раз.

Мануэлу Тейшейре совсем не хотелось сейчас пускать в дом непрошенного гостя — он слишком нервничал. Однако доктор Эдуардо не спешил уходить. И хозяину пришлось из вежливости пригласить его войти... И тут распахнулась дверь в комнату невесты и перед инженером предстала дивная картина: на пороге комнаты стояла Анна в блестящем белоснежном свадебном платье. Она была столь прекрасна в этот миг, что Эдуардо как зачарованный застыл на месте. «В жизни не видел ничего прекраснее...», — прошептал он. Анна тоже не могла вымолвить ни слова, ее сковал страх — ведь всем известно, что это дурная примета, если посторонний мужчина видит невесту в подвенечном платье накануне венчания. Да, это наверняка было дурным предзнаменованием.

— Ну теперь идите, доктор Эдуардо, — нетерпеливо промолвил Тейшейра. — Встретимся в церкви во время венчания.

И Мануэл Тейшейра, и доктор Фонтес нахо-

дились в весьма стесненных материальных обстоятельствах. Адвокат лишился из-за барона всей своей клиентуры, а Тейшейра вложил почти все свои деньги в новое оборудование для своего заведения. Поэтому они решили устроить весьма скромный свадебный пир — пригласили гостей на стаканчик вина в заведение Тейшейры.

В день свадьбы Рикардо и Анны баронесса и Виржиния приехали в дом доктора Фонтеса. Виржиния была в восторге. Многие годы она не покидала фазенду, поэтому в городе для нее все было ново и удивительно. И как же обрадовали старую няню слова Сеньориты о том, что после венчания она непременно встретится со своей сестрой Бальбиной!

Бруно решил, что ему представилась счастливая возможность основательно взяться за барона, поскольку донна Кандида и Виржиния были далеко. Однако дальнейшие события развернулись совсем не так, как представлял себе Бруно. Отсутствием баронессы и Виржинии решили воспользоваться и Жустиньо, и Лесной капитан. Они задумали убить Бруно и отомстить полковнику Феррейре.

Когда неожиданно раздался выстрел, барон сидел в кресле и просматривал деловые бумаги. Он приказал Бруно немедленно пойти и разобраться, кто стрелял. Не исключено, что стреляли в сензале рабов.

Фулженсио и Жустиньо считали свой план удачным. Произведенный Фулженсио выстрел заманил Бруно и двух его людей в сензалу рабов, где они были схвачены рабами. Хотя люди барона и попытались оказать сопротивление рабам, это не возымело никакого успеха — в считанные секунды у них было отобрано оружие.

— Стойте! Я сам хочу его прикончить, — воскликнул Лесной капитан, увидев, что несколько рабов уже вознамерились убить Бруно. — Я хочу уничтожить его собственными руками!

Лесной капитан достал пистолет и направил его дуло на Бруно, но тут произошло непредвиденное — из-за пояса Бруно вынул нож. Один из рабов тотчас кинул нож Лесному капитану.

Противники, как звери, накинулись друг на друга. Повалившись, они начали яростную борьбу. Какое-то время в этой схватке никто не одерживал верх, но затем все услышали стон Лесного капитана. Бруно ранил его в живот, и, таким образом, капитану не удалось отомстить Бруно... Когда надсмотрщик Бруно приготовился нанести тяжело раненному Лесному капитану еще один удар, чтобы окончательно покончить с ним, в схватку вступил Жустиньо. Он выбил нож из рук Бруно и повалил на землю.

Теперь у Бруно не было никакого шанса спастись. Жустиньо был меньше ростом и худее Бруно, но он владел такими приемами борьбы, против которых надсмотрщик был бессилен. Жустиньо стал беспощадно наносить удары этому мучителю и убийце рабов. Последний удар по голове оказался для Бруно роковым. Теперь с ним было покончено.

— Ну борись, надсмотрщик, борись! — в запале кричал Жустиньо, но Бруно был уже мертв.

Рабам не пришлось слишком долго ликовать по поводу одержанной победы, так как перед ними, словно призрак, появился барон. Причем он был не в инвалидной коляске, а твердо стоял на своих ногах. В руках у него было оружие. Рабы были бессильны что-либо предпринять против него. Безоружные, они были ошеломлены внешним видом барона, поскольку представляли его парализованным и немощным.

Подойдя к рабам ближе, барон кивнул в сторону убитого Бруно.

— Он будет похоронен со всеми почестями, как и подобает такому верному и преданному слуге, а его убийцы понесут суровое наказание!

Двое сопровождавших барона помощников резко подняли Лесного капитана и, бегло осмотрев его, грубо отшвырнули. Капитан застонал. Уходя из сензалы рабов, барон тщательно запер ворота.

Глава 15

В то время как на фазенде барона разыгрывались такие кровавые события, происходило венчание Анны Тейшейры и Рикардо Фонтеса. Рикардо, казалось, теперь

окончательно отбросил все свои сомнения по поводу заключения брака и на вопрос священника ответил ясно и четко: «Да!». После венчания все гости собрались в заведении Мануэла Тейшейры.

Доктор Фонтес решил в этот день вернуть донне Кандиде ее золотой слиток. Он намеревался ей сказать, что не привык принимать подающих, даже если ему подадут от чистого сердца. Так он и сделал во время свадебного праздника. Это принесло облегчение не только ему, но и донне Кандиде. В глубине души она хотела вернуть это золото барону, чтобы пресечь все разговоры на эту тему.

Уже на следующий день молодая чета — Анна и Рикардо — отправились в свадебное путешествие. Анна надеялась, что после столь долгого ожидания свадьбы с Рикардо она наконец-то почувствует себя счастливой.

Донна Кандида была чрезвычайно удивлена, когда, вернувшись на фазенду, не застала своего мужа в доме. Сначала она решила, что кто-то из слуг вывез барона на прогулку в сад. Однако обнаружив, что инвалидная коляска барона пуста, донна Кандида встревожилась не на шутку. Между тем в сензале рабов продолжали разгораться страсти. Барон решил раз и навсегда установить там порядок. Кроме того, ему хотелось окончательно рассчитаться с Лесным капитаном, который не оправдал его доверия. Ворвавшись с вооруженными людьми, барон не стал тратить время на объяснения с рабами. Он просто указал на Лесного капитана и приказал своим людям:

— Немедленно бросить это тело в реку!

— Но он же еще жив,— робким голосом промолвил кто-то из рабов.

— Он сам так неоднократно поступал с людьми! — холодно возразил барон, затем с угрозой в голосе обратился к рабам: — Отныне в сензале будет все, как и прежде! Ворота лагеря будут постоянно закрыты — и днем, и ночью!

Жустиньо молча пристально смотрел вслед удаляющемуся барону.

— Ну подожди, проклятый барон. Я с тобой рассчитаюсь,— с ненавистью процедил Жустиньо сквозь зубы.

Вернувшись домой, полковник Феррейра столкнулся с донной Кандидой и Виржинией.

— Как, Феррейра, ты можешь ходить? — Донна Кандида была поражена. — Но ведь доктор Аморим говорил...

Холодный взгляд супруга заставил баронессу замолчать. Барон совершенно не собирался что-либо объяснять своей жене.

— А почему вы только сейчас явились домой?

Донна Кандида ничего не ответила. Да, ее подозрения оправдались — ее муж не был парализован. С ногами у него все было в порядке. И все это время он просто бессовестно лгал.

— Феррейра... может, ты мне объяснишь...

— В последние дни,— прервал ее барон,— я стал себя значительно лучше чувствовать. Кроме того, я почувствовал, что против меня готовится заговор, поэтому мне необходимо было собрать все свои силы и встать, чтобы побороться за свою жизнь. Ты что же, собираешься меня в чем-то упрекать?

Затем барон поведал донне Кандиде о последних событиях на фазенде. Он рассказал о смерти Бруно и Лесного капитана и о том, что тело капитана бросили в реку. На баронессу рассказ мужа произвел очень тяжелое впечатление. Охваченная ужасом, она поспешила удалиться вместе с Виржинией в свою комнату.

Тем временем барон отправился к комиссару Антеро, чтобы поставить его в известность обо всем, что случилось.

Известие о кровавых событиях на фазенде полковника Феррейры облетело всю округу. На фоне этого встреча двух сестер — Виржинии и Бальбины — оказалась как бы на заднем плане. Но вместе с тем сцена свидания двух старых рабынь после стольких лет разлуки не оставила бы равнодушным никого, кто при ней бы присутствовал.

Безутешно было и горе Жусто в связи со смертью сына. Старая Бальбина утешала его, как могла.

— Ты не должен так убиваться о нашем сыне, Жусто! Он был такой смелый и отважный! Мы должны им гордиться!

У комиссара Антеро барон увидел того, кого меньше всего здесь ожидал увидеть,— Рафаэла. Между мужчинами тут же возникла очередная перепалка. Барон опять стал требовать, чтобы Рафаэл немедленно покинул Арауну и никогда здесь больше не появлялся.

— Сеньор барон, но теперь-то, когда вы опять в полном здравии, зачем мне уезжать из города? — промолвил Рафаэл и тотчас покинул комиссариат.

Выслушав рассказ барона, комиссар Антеро пообещал ему арестовать Жустиньо и Фулженсио и заключить в тюрьму.

К великому сожалению своего отца, Марио не стал продолжать учебу. Он так и остался работать в газете «Голос Арауны». В один прекрасный день к нему сюда пришла Жулиана — она уже давно хотела побеседовать с Марио.

— Я понимаю, Марио, что ты здесь не из-за меня...

Марио не повернул даже головы.

— Послушай, Жулиана, дай мне спокойно поработать над статьей!

— Но, Марио, мы не должны стать врагами. Если я в чем-то перед тобой виновата, то прости меня!

— Плевал я на все твои извинения! Не делай из меня дурака! Ты ведешь себя, как малый ребенок!

— Я уже не ребенок! — возразила Жулиана.

— По твоему поведению этого не скажешь!

Жулиана чувствовала, что Марио сильно обижен на нее. Да, она вела себя с ним не всегда честно. Какое-то время она даже делала вид, что увлечена Марио, а сама думала только о Рафаэле. Конечно же, этим она сильно задела гордость Марио... Столь неприятный разговор молодых людей был прерван появлением Рафаэла.

— Представляете, я только что столкнулся с бароном в полицейском участке. Он выглядит совершенно здоровым. И никакого паралича у него и в помине нет! Теперь-то я твердо решил остаться в городе. Для меня это дело чести,— заявил он Жулиане и Марио.

Выслушав Рафаэла, Марио резко повернулся и вышел из типографии.

Материальное положение семьи доктора Фонтеса ухудшалось с каждым днем. В связи с этим Сеньорита решила обратиться за помощью к отцу Жозе. И надо же было такому случиться, что через минуту после ее прихода к священнику вошел барон.

— Я хотел бы поговорить с вами наедине, отец Жозе, без посторонних,— сказал барон, бросив холодный взгляд

на дочь. Отец и дочь не видели друг друга целую вечность, однако полковник Феррейра отнюдь не жаждал примирения.

— Это кто же посторонний — я, отец? — спросила Сеньорита.

— О, да ты меня назвала отцом. Значит, все-таки ты продолжаешь считать меня своим отцом,— заметил барон с некоторым удовлетворением.

— Ну конечно же, вы, как и прежде, мой отец. И я счастлива видеть вас в полном здравии, хотя не знаю, считаете ли вы меня своей дочерью...

— Отец никогда не может отказаться от дочери,— ответил барон.

— Вы не можете себе представить, как мне радостно это слышать! — с улыбкой воскликнула Сеньорита.

— Как там мой будущий внук?

Казалось, что отец и дочь были склонны помириться.

— Все хорошо. Иногда, правда, меня тошнит, но мама говорит, что это скоро пройдет.

— Значит, ты точно ждешь ребенка?

Сеньорита кивнула.

— А вы что же, в этом сомневались, сеньор барон? — спросил священник.

— В последнее время что-то слишком много лжи вокруг. Но я очень хочу этого внука, дочка! Твое будущее зависит от твоего дальнейшего поведения. Мой дом всегда открыт для тебя и твоего ребенка!

Последние слова барона разрушили надежду Сеньориты на взаимопонимание с отцом.

— Вы говорите, что ваш дом открыт для меня и ребенка? А как же Родолфо?

— После того как я был на волосок от смерти, я стал более терпим ко всему происходящему, дитя мое. Но мое отношение к семье доктора Фонтеза никогда не изменится. И я никогда не признаю твой брак с Родолфо!

После этих слов своего отца Сеньорита попрощалась с отцом Жозе и поспешила удалиться. Она была в глубоком смятении. «Отец так и не изменил своего отношения к Родолфо», — с сожалением подумала она.

Когда дочь ушла, полковник Феррейра заговорил со священником о своих делах. Он попросил отца Жозе отслужить службу по Бруно, а также окрестить его рабов. Просьба барона чрезвычайно удивила священника. Но

еще больше отец Жозе был изумлен поведением барона в последующие дни. Барон открыл ворота сензалы рабов и объявил, что каждому рабу он предоставит дом и земельный надел. Главным среди рабов был назначен То-биас — теперь вся ответственность за них возлагалась на него.

Конечно же, эти действия полковника Феррейры были вызваны отнюдь не великодушием. В основе этих действий лежал обычный расчет. Он знал, что утихомиривать рабов нужно кнутом и пряником. И теперь, когда самые непокорные рабы были либо мертвы, либо арестованы, остальных можно было усмирить с помощью подачки. Барон полагал, что после этого на какое-то время новых выступлений рабов можно не опасаться.

Узнав об аресте Жустиньо и Фулженсио, Рафаэл направился к ним в тюрьму. Во время свидания с ними он пытался поднять их дух и настроение.

— Главное, не теряйте мужество, братья. Я уверен, что вы здесь пробудете недолго! — внушал им Рафаэл.

Рафаэл решил поведать о событиях на фазенде барона комиссару Антеро со слов находившихся там рабов.

— Бруно во время драки с Жустиньо был вооружен. Он вынул из-за пояса нож еще во время схватки с Лесным капитаном. Так что барон лукавит, утверждая, что Жустиньо набросился на безоружного Бруно и убил его, — так представил Рафаэл истинный ход событий представителю закона.

— Да, это уже представляет случившееся в ином свете, — согласился Антеро. — А как вы думаете, почему барон дал ложные показания?

— Барону, видимо, необходимо было кое-что скрыть, — пояснил Рафаэл.

— Мне рассказали рабы, что барон приказал бросить в реку смертельно раненного Лесного капитана, хотя он знал, что тот еще жив! Этот приказ слышали все рабы — барон произнес его громко и ясно!

Услышав о кровавых событиях на фазенде из уст Рафаэла, Сеньорита и Родолфо были чрезвычайно возмущены случившимся. Родолфо незамедлительно направился к комиссару Антеро и заявил ему, что готов выступить адвокатом Жустиньо и Фулженсио на суде.

— Я обязательно выступлю перед судом, мне необходимо вывести барона на чистую воду! Я должен публично рассказать о всех злодеяниях полковника Феррейры! Я

приведу на этот суд свидетелей. Старая Бальбина, мать Фулженсио и Жустиньо, обязательно выступит на суде. Она знает кое-что о зверствах и жестокостях в доме барона!

Родолфо сделал многозначительную паузу. Слова его звучали столь горячо и внушительно, что со стороны могло показаться, что это выступление на суде.

— А вы знаете, что прежняя баронесса, мать полковника, приказала отрезать Бальбине палец? Это она сделала из-за ревности! И я расскажу и об этом преступлении, и о всех подлых поступках барона. Феррейра должен понести наказание за все свои злодеяния!

Комиссар Антеро был полностью согласен со сказанным Родолфо.

— Да, вы совершенно правы. Барон должен ответить за все свои преступления.

Глава 16

Марио, Вильо, Ниньо и Мануэл Тейшейра, узнав о случившемся, сразу же встали на сторону Родолфо. В газете «Голос Арауны» были напечатаны статьи, обвинявшие барона и защищавшие семью доктора Фонтеса. О жизни рабов на фазенде барона и о последних кровавых событиях, случившихся там, поведал в своей статье Рафаэл. Эта смелая статья, написанная на основе рассказов очевидцев, была открыто направлена в защиту рабов.

— Ты молодец. Вот это прямо историческое деяние, — похвалил Рафаэла Аугусто. — Еще никто так откровенно не высказывался в печати в защиту рабов!

Как же обрадовала Рафаэла похвала Аугусто! Он уже в который раз перечитывал начало своей статьи:

«Преступления полковника Феррейры.

Лесного капитана, еще живого, бросили в реку, протекающую через фазенду барона. Приказав это сделать, разве не совершил Феррейра тяжкое преступление? А почему же в тюремной камере находятся невинные Фулженсио и Жустиньо? Разве не барону полагается сейчас быть за решеткой?..»

Прочитав статью Рафаэла, Марио пришел к такому заключению:

— Эта статья обвиняет не только барона. Она обличает рабство в целом.

Аугусто кивнул в знак согласия, но мысли Рафаэла были теперь где-то далеко.

— Лучше бы я его убил... — тихо сказал Рафаэл. Даже отец Жозе, не будучи сторонником решительных мер, одобрил статью Рафаэла.

Услышав о том, что рабыня Бальбина находится в доме доктора Фонтеса, барон приказал Себастьяну привести ее к нему. При встрече с Себастьяном Бальбина испытала бурную радость — ведь она признала в нем одного из своих сыновей! Полковника Феррейру абсолютно не интересовали родственные чувства его рабов. Он приказал запереть Бальбину, так как она сразу же стала действовать ему на нервы.

Она начала ходить взад-вперед и бормотать что-то бессвязное.

В последнее время барон был явно озабочен и подавлен. До него дошли сведения, что вскоре выйдет закон об отмене рабства в Бразилии. Так что рано или поздно барону предстояло лишиться всех своих рабов, столь дешевой и удобной рабочей силы. Правда, в последнее время увеличился приток в Бразилию итальянских эмигрантов, но разве эмигранты смогут полностью заменить рабов? Им ведь придется платить за работу. Кроме того, разве сможет он обращаться с эмигрантами столь бесцеремонно, как с рабами?

Сеньорите удалось тайно пробраться в тюрьму и поговорить с Фулженсио и Жустиньо. От них она узнала, что Себастьян сын вовсе не Бальбины, а Виржинии. Назвав Себастьяна своим сыном, Бальбина, очевидно, в очередной раз была не в себе. В последующем разговоре с Сеньоритой Бальбина подтвердила, что Себастьян действительно сын Виржинии. Сеньорита рассказала об этом матери и Виржинии. Женщины засомневались, они не знали, следует ли верить словам Бальбины. Виржиния и Себастьян прожили бок о бок многие годы в имении барона, но об этом и слухом не слыхивали.

Затем Бальбина снова стала настаивать на том, что Себастьян сын не Виржинии, а ее. А сына Виржинии,

согласно новому рассказу Бальбины звали Жозе, и он умер на руках самой Бальбины... Теперь старуха утверждала, что только сейчас она все вспомнила и поведала правду.

Виржинию чрезвычайно расстроило все сказанное сестрой. Она понимала, что теперь окончательно потеряет покой. Ее неотступно будет преследовать мысль о том, сын ли ей Себастьян или нет? А если нет, то кто же все-таки ее сын и что с ним?

Коутиньо решил нанести визит барону и рассказать ему о новостях. При этом он надеялся извлечь из посещения выгоду. Он сообщил барону о слухах и толках вокруг его имени, о враждебном отношении к полковнику Феррейре многих жителей Арауны. Затем он немедленно предложил барону свою поддержку и добавил, что его сын может быть адвокатом Феррейры.

Однако речи Коутиньо вызвали у барона лишь раздражение. Он решительно отверг предложение Коутиньо.

— И вы считаете, что я возьму себе адвоката, женатого на негритянке? Как я могу ему доверять — он же на стороне моих противников. Я презираю вашего сына, сеньор Коутиньо! Для меня он пустое место!

— Но я думал, что вы мне будете благодарны, сеньор барон, за то, что я вам рассказал об обстановке в городе... — неуверенно промолвил Коутиньо.

— Это я-то должен быть вам благодарен? — Феррейра засмеялся. — Да лучше бы вы были на стороне моих противников. Вы же змея подколотая. Да вы любого предадите ни за что, ни про что ради своей выгоды.

В заведении Мануэла Тейшейры собрались сторонники отмены рабства. Однако и среди них не было полного единства. Некоторые из собравшихся до сих пор испытывали страх перед бароном. Они считали, что в решительный момент губернатор провинции поддержит барона.

— Не стоит переоценивать значение города Арауны! — обратился к присутствующим Рафаэл. — Кроме того, губернатор провинции в настоящий момент болен. И он знает, что многие выступают за республику и за освобождение рабов.

— Однако барон оказывает на него определенное влияние, и значительной властью барон все-таки обладает... — заметил Мануэл Тейшейра.

— Вы считаете, что барон имеет какое-то влияние на губернатора... Да сейчас, когда часы правления губернатора сочтены, неужели он придет на помощь какому-то барону!

— И вы что же, вполне в этом уверены? — спросил Коутиньо. — Но ведь многие поддерживают эту власть...

— А кто поддерживает? Мы-то с вами знаем, что собрались здесь именно потому, что не поддерживаем такую власть! — горячо воскликнул Рафаэл.

— Как же я сожалею о том, что рассказал барону о событиях в Арауне, — неуверенно произнес Коутиньо.

— А вы, сеньор Коутиньо, должны наконец-таки занять какую-то определенную позицию, — обратился к Коутиньо Рафаэл, — а то вы то туда, то сюда. Если вы и дальше будете стоять на столь неопределенных позициях, то лишитесь всякой поддержки — все отвернутся от вас.

Все последующие события стали разворачиваться совсем не так, как того хотелось барону. Одни рабы барона решили выступить на суде, а Феррейра тем временем склонил на свою сторону других, в частности тех головорезов и отпетых негодяев, которые ранее помогали ему отлавливать беглых рабов. Он решил, что при сложившихся обстоятельствах больше не должно происходить никаких убийств, а его людям следует скрывать свои лица, так же как это делали Черные Всадники. Он не исключал, что все эти события могут привести к любым волнениям, включая поджоги.

Себастьян, которого барон считал преданным слугой, внимательно присматривался ко всему происходящему. Он о многом поведал Жусто. И теперь в курсе темных дел барона было большинство жителей города. В Арауне поселился страх. Целую ночь не спал, находясь в раздумьях, Мануэл Тейшейра, который накануне активно высказывался за установление республики. Но в эту ночь его замучили неприятные мысли и сомнения — ведь в случае столкновения жертвы будут с обеих сторон...

Сеньорита и Родолфо размышляли, а стоит ли дело,

за которое они борются, таких больших жертв. Родолфо начал подумывать о том, что гораздо лучше было бы поселиться с женой где-то вдали от Арауны и спокойно поживать.

— Сейчас я уже не уверен, стоит ли нам продолжать борьбу. Единственное, что имеет в жизни смысл, — это ты!

Однако Сеньорита была полна решимости бороться.

— Да, нам предстоит еще длительная борьба. Мой отец должен признать тебя и проникнуться к тебе уважением. Не забывай, что мы боремся за нашего будущего ребенка! Уж он-то никогда не должен жить в страхе!

Наконец-таки наступило соединение еще двух любящих сердец — Рафаэл признался Жулиане, что не может жить без нее. Будучи на седьмом небе от счастья, девушка бросилась в его объятия.

А на следующее утро вышел номер еженедельника «Голос Арауны», который можно было назвать историческим. Там была статья Рафаэла, повествующая о подлостях и преступлениях барона. Рафаэл и Жулиана распродали все газеты в мгновение ока. Да, жителей Арауны чрезвычайно интересовали злодеяния барона. Кроме того, несколько экземпляров газеты Марио отдал своим друзьям в соседнем городе: пусть и там узнают о преступлениях полковника Феррейры.

Один экземпляр газеты Мартино занес в дом барону.

— Знаете, сеньор барон, к сожалению, газета сделала свое дело — большинство жителей Арауны настроены против вас, — заявил Мартино.

Уже на следующий день после выхода сенсационного выпуска на улицы города вышли почти все жители. Они требовали, чтобы два арестованных негра — Фулженсио и Жустиньо — были освобождены. Толпа подошла к участку, требуя выпустить арестованных. Комиссар Антеро так и не смог ее успокоить. Несколько выстрелов, произведенных по его приказу, лишь на несколько мгновений установили тишину. Вскоре столпившиеся около тюрьмы стали громко кричать о том, что барона следует арестовать. В глазах барона и других землевладельцев все эти действия представляли собой полную анархию и нарушение порядка.

Землевладельцы были в полном замешательстве. И в

этой ситуации Жустиньо и Фулженси представилась реальная возможность сбежать из тюрьмы. Однако именно теперь они не хотели ни за что покидать тюрьму, даже если ее ворота откроются настежь. Они жаждали суда, на котором был бы разоблачен барон.

Полковник Феррейра рвал и метал. Он решил предпринять категоричные меры против еженедельника «Голос Арауны» и против Рафаэла.

— Да я просто уничтожу эту газетенку! А этот несчастный авторишка статьи, Рафаэл, чтоб он был проклят!— воскликнул в злобе барон.

Прочитав статью Рафаэла в «Голосе Арауны», донна Кандида в душе полностью согласилась с ней. Она-то точно знала, что тяжелораненый Лесной капитан, будучи еще живым, был брошен в реку по приказу ее супруга. Однако полковник Феррейра тщательно скрывал этот факт от всех посторонних...

Рафаэл планировал и далее писать статьи в «Голос Арауны», разоблачающие преступные деяния барона. Он надеялся, что вскоре барон предстанет перед судом и что доктор Фонтес накопит достаточно улик для разоблачения барона. И вот тогда-то, на этом суде, и Рафаэл сможет объявить барону, кем он приходится ему на самом деле — сыном, которого полковник Феррейра продал еще в младенчестве, словно животное.

Слова старой Бальбины так и не прояснили вопроса о том, что же произошло с сыном Виржинии и кто им является в действительности.

Семье доктора Фонтеса Бальбина рассказала уже новую историю. По ее словам, у нее на руках умер ее собственный ребенок, а вовсе не сын Виржинии. Сеньорите очень хотелось поверить Бальбине, поскольку предыдущий рассказ старой рабыни о том, что сын ее сестры умер, причинил старой няне много страданий. И теперь, услышав от Бальбины новую историю, Сеньорита была готова немедленно помчаться на фазенду и рассказать обо всем Виржинии. Однако она решила сначала послать за отцом Жозе и вместе с ним прийти на фазенду к Виржинии.

После свадебного путешествия Рикардо и Анна заехали сначала в дом доктора Фонтеса. Рикардо был чрезвычайно голоден, и прислуга Рут поспешила на кухню, чтобы приготовить для него антрекот с яйцами.

Затем донна Анна в сопровождении своего супруга прибыла в дом своих родителей. Удивленная их прибытием, донна Нина незамедлительно пригласила молодых к обеду, однако молодой муж предпочитал домашнюю кухню и общество своей матери, поэтому вскоре направился в дом своих родителей.

Рикардо перекусил в очередной раз в родительском доме и поспешил на свою фазенду, проверить, как идут дела, с намерением там заночевать. Его совершенно не волновало, где будет проводить эту ночь его жена. Если она желает остановиться у родителей, то пусть там и ночует.

Мануэлу Тейшейре, конечно же, не понравилось поведение своего зятя. Его уму было непостижимо, как это молодой муж, после пятнадцатидневного свадебного путешествия, привез жену в дом ее родителей, словно какую-то ненужную вещь! Но что же тут было поделать, если у Анны и Рикардо возникли первые проблемы и сложности. И в последующие дни у Рикардо не было ни малейшего желания увидеться с женой. Наоборот, он испытывал огромное облегчение от того, что Анна осталась в своем родительском доме. Мануэл Тейшейра через несколько дней, не выдержав, заявил доктору Фонтесу:

— Если ваш сын сегодня же вечером не заберет мою дочь, она навсегда останется жить в моем доме!

Узнав о недовольстве тестя, Рикардо немедленно взял жену к себе. И молодожены провели ночь в доме родителей Рикардо, так как дорога на его фазенду поздней ночью была довольно опасной. Однако между молодыми так и не возникло взаимопонимания. Между ними постоянно чувствовалась какая-то отчужденность.

По словам Бальбины трудно было определить, говорит ли она правду или просто в ее голове возникла очередная фантазия? Однако в один прекрасный день Бальбина призналась своему Жусто, что знает то место, куда отец барона спрятал золото.

— Отец барона меня постоянно преследовал, а я от

него пряталась. И вот однажды я спряталась под кровать в кладовой. И из-под кровати я вдруг увидела, как отец барона отодвинул шкаф, а затем спустился по лестнице в тайную комнатенку, полную золота.

— А ты можешь мне показать, где именно спрятано золото? — с любопытством спросил Жусто.

Ответ Бальбины его несколько разочаровал.

— Золото спрятано в господском доме! Но я никогда больше не переступлю порог этого дома! Уж слишком многого там натерпелась!

В последнее время баронессу постоянно преследовал страх. По поведению своего мужа она догадывалась, что он замышляет что-то недоброе. Что же еще задумал этот коварный полковник Феррейра?

Глава 17

— Видите, господа, насколько я оказался прав! Статья в нашей газете вызвала колоссальную сенсацию! — с торжествующим видом обратился Аугусто к своим собеседникам, сидевшим с ним в заведении Мануэла Тейшейры. — И это только начало... Я думаю, что недалек тот день, когда рабство окончательно падет и восторжествует свобода!

Комиссар Антеро был полностью с ним согласен.

— Я тоже считаю, что скоро придет конец неограниченной власти и произволу крупных землевладельцев.

Тем временем люди барона пробирались в темноте к полицейскому участку. Проникнув в тюрьму, они обстреляли камеру, в которой, по их сведениям, должны были находиться Фулженсио и Жустиньо. После этого они тотчас же исчезли, словно растворившись в темноте. Услышав выстрелы, к участку примчались комиссар Антеро, Родолфо и кое-кто из их друзей. Однако преступников уже и след простыл.

Разбойничий налет был совершен этой же ночью и на типографию Аугусто. Заглянув в помещение своей газеты, старик увидел ужасную картину — все оборудование разбито, все машины сломаны, а Жулиана связана.

— Жулиана! Что они с тобой сделали?

Аугусто мгновенно развязал веревки, которыми была

связана внучка. Девушка была сильно перепугана, но, к счастью, у нее не было никаких телесных повреждений.

— Все в порядке, дедушка. У меня нет ни ран, ни побоев.

— Какие же мерзавцы! — воскликнул Рафаэл, узнав о случившемся в типографии Аугусто. Он понимал, что типографию разгромили из-за его статьи. За этим стояли крупные землевладельцы. Они открыто угрожали Рафаэлу.

— Вам следовало бы вести себя более осмотрительно... а то ведь и вас может постигнуть та же участь, что и рабов в тюрьме, — такими словами встретили Рафаэла некоторые господа в заведении Мануэла Тейшейры.

— Я свободный человек и имею право писать все, что мне хочется! — возразил им Рафаэл. Он уже был готов полезть в драку, но его друг Нино, оказавшийся рядом, вовремя остановил его.

Зайдя в разрушенную типографию, Рафаэл нашел Аугусто в очень подавленном состоянии. Однако старик не собирался сдаваться.

— Ничего, это еще только начало борьбы. Сейчас мы здесь наведем порядок и попробуем восстановить то, что возможно.

Аугусто был полон решимости приложить все силы к тому, чтобы следующий номер «Голоса Арауны» вышел вовремя. «Сколько же мужества в этом человеке. Ведь никто еще не осмеливался так открыто выступать против барона, как он в своей газете», — подумала Сеньорита об Аугусто.

Люди барона торжествовали победу. Они были уверены, что их набег на тюрьму оказался очень удачным и теперь Фулженсио и Жустиньо нет в живых. Если бы они могли знать истинное положение дел! В действительности же все было совсем по-другому. Отец Жозе случайно услышал разговор барона с несколькими землевладельцами. Полковник Феррейра намеревался убрать этих непокорных рабов, Фулженсио и Жустиньо, о чем он и поведал своим собеседникам. Услышав об этих чудовищных планах барона, священник незамедлительно проник в тюрьму и забрал оттуда Фулженсио и Жустиньо. Он укрыл их в своем доме. Таким образом, люди барона напрасно счи-

тали, что сделали свое темное дело: они стреляли вовсе не в рабов, а в мешки с соломой.

Барон и представить себе не мог, какие дела делаются у него за спиной. Между тем Жусто рассказал Родолфо о сокровищах семьи полковника Феррейры. Отец Жозе и Сеньорита приехали в имение барона. Они рассказали донне Кандиде о последних событиях. Священник попросил баронессу сохранить в тайне от мужа то обстоятельство, что Жустиньо и Фулженсио живы-здоровы.

В это же время двое землевладельцев рассказывали барону о столь радостном для них событии, как погром в типографии Аугусто. Феррейра был несказанно счастлив.

— Кто бы это ни совершил, я поддерживаю его целиком и полностью.

Сеньорита приехала в родное имение. Ей совсем не хотелось столкнуться здесь с отцом, поэтому она решила не задерживаться долго на кухне с Виржинией, а пойти вместе со своей няней в свою бывшую детскую. Туда-то едва ли зайвится барон.

Сеньорите не терпелось поговорить со старой Виржинией об ее сыне.

— Как же горестно мне было услышать от моей сестры Бальбины, что мой сын, оказывается, уже давно умер, — грустно промолвила Виржиния.

— И ты теперь окончательно потеряла всякую надежду, Виржиния?

— Да. И давай больше не будем говорить об этом.

— А если я тебе скажу, что твой сын жив? И если я тебя сейчас же поведу к нему?

Виржиния удивленно посмотрела на дочь барона.

— Что ты сказала, Сеньорита?

— У Бальбины полный хаос в голове. И она в прошлый раз сказала совсем не то. Оказывается, умер не твой сын, а ее. Это ее ребенок заболел тогда и умер. А теперь, Виржиния, ты можешь, наконец, увидеться со своим сыном.

— А ты знаешь, где он?

Сеньорита загадочно улыбнулась.

— Помнишь, что тебе много раз говорил мой отец? Что если перед тобой будет стоять твой сын, ты его сразу никогда не узнаешь?

— Да, я вспоминаю это. Это была очень злая шутка барона. Она всегда мне была неприятна.

Сеньорита подошла к двери и попросила Себастьяна зайти к ним. Когда Себастьян вошел в комнату, Виржиния какое-то время не могла вымолвить ни слова. Затем, заплавав, она сказала:

— Господи, да ведь это же он. Я сердцем чувствую, что это мой сын! — И она заключила Себастьяна в объятия. Слуга барона был несколько изумлен происходящим.

— Да, Себастьян, это твоя мать!

— Виржиния... она моя мать? Да, если хорошенько подумать... — промолвил Себастьян, а потом лукаво улыбнулся. — А знаешь, мама, почему я после своего побега все-таки вернулся назад на фазенду? Потому что мне стало ужасно не хватать твоего постоянного ворчания!

Мать и сын засмеялись и снова обнялись.

Старый журналист Аугусто чувствовал себя после всего случившегося совершенно разбитым. Конечно же, столь сильные переживания не могли пройти бесследно. К тому же здоровье этого восьмидесятилетнего человека подкосили многочисленные бессонные ночи, в течение которых он налаживал работу типографского оборудования. Аугусто, однако, категорически отказался от визита к врачу, хотя Жулиана и просила его прибегнуть к медицинской помощи.

— Ничего, я отдохну немножко и буду как новенький, — утешил ее дед.

Жулиана была всем очень напугана. Она не могла забыть того, что ей сказали люди, разгромившие типографию: в следующий раз они пустят в ход оружие.

В события этой беспокойной ночи были вовлечены в той или иной мере все жители города. Лишь Рикардо и Анна ничего не знали: они спокойно спали.

После визита дочери на фазенду донна Кандида с упреками набросилась на своего мужа:

— Как же ты мог все эти годы молчать о том, кто

сын Виржинии. Ведь старая женщина пролила немало слез из-за этого. А ты, видя это, молчал!

Барон прибег к очередной лжи:

— А я не знал, что Себастьян — сын Виржинии!

Донна Кандида несколько задела самолюбие барона, он терпеть не мог оправдываться за свои поступки. И барон решил в отместку жене сказать нечто для нее неприятное.

— Виржинии следует для полного счастья дать вольную. И пусть она после этого покинет фазенду и поселится в каком-нибудь другом месте. А ее сын Себастьян должен остаться здесь. Я еще в нем нуждаюсь.

Баронесса ничего не ответила мужу. Однако, рассказав о решении барона Виржинии, донна Кандида уверила ее, что не даст Феррейре прогнать ее с фазенды.

— Да, барон уже написал бумагу о твоём освобождении, но ты можешь навсегда остаться жить у нас. И я никогда не позволю барону прогнать тебя.

Барон давно знал, что у него масса врагов. Он относился к их интригам против себя весьма спокойно — слишком велика была всегда его уверенность в собственной всесильности. Однако в последнее время полковника Феррейру охватывал страх перед будущим. Враги его несколько активизировались в своих действиях против него, а среди населения увеличивалась волна недовольства. Все это давало барону почувствовать определенную шаткость его положения. В борьбу против рабства, за установление республики включились представители всех слоев общества, в том числе и некоторые крупные землевладельцы. Сеньорита приняла, наконец, окончательное решение. Она призналась священнику, что теперь она будет до конца бороться вместе с Родолфо против своего отца.

Родолфо попросил свою жену побереечь себя и не ездить больше в имение отца.

— Ты должна думать о нашем будущем ребенке. Поездка на фазенду в твоём состоянии слишком тяжела.

— А я и не собираюсь там больше появляться, — успокоила мужа Сеньорита. — Я собираюсь теперь действовать по-другому.

Поклонник Анны доктор Эдуардо все еще оставался в городе. Его чувства к Анне после ее свадьбы не изменились. Он решил во что бы то ни стало добиться ее расположения. Для начала он задумал завоевать симпатию матери Анны, донны Нины. Наблюдая за молодой парой, Эдуардо уловил сложность их взаимоотношений. Это его воодушевило — возможно, для него еще не все потеряно.

Комиссар Антеро начал тщательно изучать жизненный путь барона, выискивая там следы его преступлений. Антеро надеялся представить на судебном процессе большой материал о злодеяниях барона с убедительными доказательствами. Одна из последних жертв барона — Лесной капитан — не утонула в реке, как того хотел полковник Феррейра. Он чудом остался в живых. Желание выжить у капитана оказалось слишком сильным. Холодная речная вода очень быстро привела тяжелораненого в чувство. Преодолевая боль, он медленно поплыл к берегу. Едва достигнув берега, Лесной капитан заснул как убитый, поскольку он совершенно выбился из сил. Проснувшись, капитан сразу же отправился в путь. Как он добрался до Куилombo, едва держась на ногах, и как отыскал туда дорогу — этого капитан впоследствии не мог объяснить ни себе, ни другим. В Куилombo у него резко поднялась температура, и он свалился без сознания. Папаша Андре и Мария начали его выхаживать. Они обрабатывали его глубокие раны всевозможными травами. Несколько дней капитана лихорадило, и он был без памяти.

Раны Лесного капитана через несколько дней были почти залечены, однако он был чрезвычайно слаб. Его жизнь все еще висела на волоске.

Бальбина очень беспокоилась за Фулженсио и Жустиньо. Ей все время казалось, что с ними что-то случилось. Старый Жусто неустанно утешал свою подругу, повторяя, что Фулженсио и Жустиньо находятся в доме священника в полнейшей безопасности. Ради успокоения Бальбины Жусто согласился пойти с ней в дом отца Жозе. Как же была счастлива старая рабыня, встретившись там со своими сыновьями!

— Никогда не верьте никаким обещаниям белых! Они же все врут! И покиньте эти края как можно скорее, — дала Бальбина совет сыновьям. Жустиньо и Фулженсио сбежали в ту же ночь. Узнав об этом, старый Жусто счел их поступок неразумным — ведь они могли понадобиться Родолфо на судебном процессе против барона. Известие об исчезновении молодых рабов чрезвычайно огорчило и Родолфо. Он рассчитывал на них как на главных свидетелей на суде.

Отец Жозе решил взять на себя миротворческую миссию. Во избежание дальнейшего кровопролития он решил посетить всех, так или иначе вовлеченных в последние события. Каждого из них он просил хоть ненадолго воздержаться от дальнейших действий и осмыслить происходящее. Отец Жозе попытался переговорить и с бароном, склоняя его пойти на перемирие с доктором Фонтесом.

— Знаете, полковник, а ведь ваши рабы — Фулженсио и Жустиньо — вовсе не мертвы, они благополучно бежали в Куилombo. И еще я вам должен сказать, что доктор Фонтес настроен весьма миролюбиво и не хочет затевать против вас судебное разбирательство. Хотя, конечно же, погром в типографии Аугусто и должен, по справедливости, быть рассмотрен на суде!

— Да какой же это был погром? Это же было так, просто небольшое предупреждение! — воскликнул барон.

— Ах, так, значит, вы все-таки не отрицаете свою причастность к этому? Ну а покушение на Фулженсио и Жустиньо произошло ведь тоже не без вашего участия?..

Однако это обвинение уже барону не понравилось.

— Нет, здесь я ни при чем.

— Ну допустим, допустим... Я еще раз хочу повторить, что доктор Фонтес готов с вами увидеться и пойти на мировую.

— Как же мы можем прийти к какому-то согласию, если у нас принципиально разные взгляды? — скептически заметил барон.

— Ну, двое разумных и честных людей всегда могут договориться...

— Скажите честно, отец Жозе, чего он хочет?

— Вам, конечно же, нужно признать бракосочетание вашей дочери и Родолфо в Куилombo.

— Ну уж нет, этого никогда не будет! — горячо воскликнул барон. — Венчание, совершенное среди негров, без моего благословения... Ни за что не признаю!

— Хорошо, хорошо, сеньор барон... Тогда я предлагаю весьма компромиссное решение этой проблемы. Давайте повторим церемонию венчания еще раз, теперь уже в араунской церкви. Я готов повторить этот брачный обряд уже с вашим благословением.

Барон был чрезвычайно удивлен — он совершенно не ожидал такого предложения священника. Донне Кандиде очень понравилась эта идея.

— Феррейра, послушай отца Жозе, согласись на это венчание!

— Если вы хотите примирения, отец Жозе, то должны принять некоторые мои условия, — промолвил барон.

После визита к барону отец Жозе зашел к доктору Фонтезу и передал поставленные бароном условия.

— Феррейра готов помириться, однако при условии, что его дочь немедленно вернется в его дом. При этом он разрешит ей покидать дом, когда она того захочет.

Сеньорита отнеслась к сказанному с большим недоверием, так как не раз дела отца расходились с его словами. У Родолфо условия полковника Феррейры тоже не вызвали особого восторга. Он понял, что барон снова что-то замышляет против него и его жены.

Аугусто решил не идти ни на какие компромиссы, а бороться до конца. Во что бы то ни стало следующий номер «Голоса Арауны» должен выйти в свет вовремя. Аугусто предъявит там открытое обвинение барону. Однако отец Жозе попросил Аугусто пока воздержаться от публикации обвинительной статьи.

— Сначала я хочу попытаться помирить доктора Фонтеза и полковника Феррейру, — сказал священник.

Однако ни Аугусто, ни Рафаэл не верили, что с бароном можно мирно о чем-то договориться.

— Уж я-то хорошо знаю, что барон никогда не пойдет ни на какие уступки, — решительно сказал Аугусто. — Мы должны показать полковнику, с кем он имеет дело. Он может всех подкупить в городе, но моя газета неподкупна.

После долгой дороги Фулженсио и Жустиньо очутились наконец-то в Куилombo. Узнав, что охотник за рабами жив, они просто не могли в это поверить. Лесной капитан еще не пришел в себя — не так-то просто было поправиться после столь серьезных ранений! В бреду он все время твердил о том, что расправится с бароном: он хотел либо повесить, либо разрезать на куски, либо сжечь на костре своего врага...

Анна и Рикардо все время ссорились друг с другом. Одной из главных причин этого были постоянные мысли Рикардо о баронессе. Молодой супруг был настолько поглощен мечтами о донне Кандиде, что даже не пытался скрывать это от жены. Анна посетовала на мужа своей подруге Жулиане:

— Что же это за муж, если он уже в первые недели после свадьбы мечтает о другой?

Жулиана не знала, что и посоветовать.

Инженер Эдуардо не без удовольствия наблюдал за коллизиями молодых. Он по-прежнему много времени проводил в заведении Мануэла Тейшейры и в его доме. При разговорах с донной Ниной он использовал каждую возможность поговорить о ее зяте. При этом он давал ему весьма нелестные оценки. Уже все жители города стали понимать, какие чувства питает доктор Эдуардо к дочери Мануэла Тейшейры, и все видели, как преобразается лицо Эдуардо при разговоре с ней, какой у него при этом настороженный взгляд. Но инженер и не пытался утаить свои чувства. Он считал мужа Анны набитым дураком, недостойным такой жены.

Эдуардо ужасно обрадовался, встретив Анну в редакции газеты «Голос Арауны», наконец-то он сможет с ней поговорить наедине.

— Анна, как же вы изменились после свадьбы! Вы же все время грустны. Знаете, кого вы мне напоминаете? Птицу, запертую в клетку, которая уже не может петь!

— Не надо, доктор Эдуардо, прошу вас! — промолвила Анна.

— Да нет, я просто хочу вам сказать, что вы можете рассчитывать на меня в любую минуту! — Он посмотрел ей в глаза и прошептал: — Анна, я люблю вас! И что бы ни случилось, я всегда буду на вашей стороне!

Несмотря на то что Анна стала возражать что-то ему в ответ, слова доктора Эдуардо очень впечатлили ее. Однако она боялась себе в этом признаться.

Мануэлу Тейшейре приятно было услышать, что доктор Эдуардо намерен поселиться в Араруне. Инженер сказал Мануэлу, что ему очень нравится эта местность, да и для его деятельности здесь неплохая обстановка.

— А к тому же, — добавил доктор Эдуардо, — я влюблен в одну женщину. Она живет в этом городе. Пока еще она не отвечает мне взаимностью, но я надеюсь на лучшие времена и хочу быть постоянно рядом с ней. Поэтому, дорогой мой Мануэл, прошу вас, возьмите меня в свои компаньоны. А я внесу свою долю в наше общее дело — дам вам уже смонтированную машину, которую вы собирались приобрести.

Мануэл Тейшейра, поразмыслив немного, улыбнулся.

— Ладно, по рукам, — громко воскликнул Мануэл.

Сеньорита и Родолфо решили принять предложение барона. Отец Жозе, Родолфо и доктор Фонтес проводили девушку до имения барона. Ее очень тепло встретили дома. Полковник Феррейра был очень приветлив с дочерью. Даже когда Сеньорита сказала отцу, что они с Родолфо хотят воспитывать будущего ребенка самостоятельно и в их планы входит уехать из Араруны, барон изобразил полное понимание.

— Мне очень жаль, дитя мое, но я вполне понимаю твоё желание.

Наконец-то Феррейра удостоил разговора и доктора Фонтеса. Оба старались как-то наладить отношения. Барон даже пообещал доктору Фонтесу посодействовать его работе в качестве адвоката.

— В конце концов вы же столько лет добросовестно выполняли свои обязанности! И я обещаю вам сделать все, что от меня зависит, чтобы вы и Родолфо имели клиентуру!

— Давайте постараемся забыть прошлое, полковник, — предложил барону доктор Фонтес.

Встреча Сеньориты со своим отцом была не столь безоблачной, как это казалось на первый взгляд. Она в очередной раз была возмущена планами барона — ведь он хотел разлучить Виржинию с ее сыном Себастьяном. Дочь барона только сейчас узнала об этом и потребовала от

отца объяснений. Феррейра же вместо ответа молча протянул ей свидетельство об освобождении Виржинии и Селастьяна и сказал:

— Можешь сама вручить это своим черным друзьям.

Барон, казалось, в самом деле решил помириться с доктором Фонтесом и его семьей. Может быть, он боялся окончательно потерять свою дочь? Во всяком случае, между бароном и Фонтесом было достигнуто согласие — Сеньорита будет жить в доме своих родителей до повторной церемонии венчания.

Доктор Фонтес и Родолфо возвращались домой. Всю дорогу они молчали и, только оказавшись дома, вновь заговорили. Сидя на террасе за стаканчиком вина, отец и сын горячо обсуждали события прошедшего дня.

— Не могу понять, как это волк мог превратиться в овцу? — спросил Родолфо своего отца.

— Я думаю, что барон еще раз обо всем поразмыслил. Ему ведь так необходим наследник. А не помирившись с дочерью, он никогда не получит внука.

Единственной темой, которую обсуждали в этот вечер в заведении Мануэла Тейшейры, было примирение между Фонтесом и Феррейрой. Аугусто, узнав об этом примирении, несколько не изменил своего отношения к барону. Он заявил, что и дальше будет бороться против него в своей газете. И только если барон извинится перед ним, возможно какое-то согласие. Мартиньо посоветовал старому журналисту несколько смягчить тон своих статей. Мартиньо напомнил Аугусто, что барон пригрозил в следующий раз сжечь типографию дотла. Этого не следует допускать, ибо тогда многие испугаются власти полковника Феррейры и не будут столь решительно выступать против него.

На фазенде наконец-то восторжествовали покой и гармония, хотя и чувствовалось, что они имеют под собой очень зыбкую почву. Получив свидетельство о своем освобождении, Виржиния попросила Сеньориту забрать ее после свадьбы с Родолфо с собой.

— Меня чрезвычайно радует перемена ваших взглядов, Феррейра, — призналась донна Кандида своему супругу. — У меня пропала ненависть к вам, а поя-

вилась симпатия. Вы стали таким благородным и великодушным.

— Я просто учел реальное положение вещей и сделал то, что должен был сделать! — ответил барон. — И это еще не все, Кандида! Я решил устроить венчание всех своих рабов, которые до настоящего времени живут в незаконном браке. Это венчание состоится в тот же день, что и у нашей дочери с Родолфо. В конце концов, рабы тоже имеют право жениться.

Глава 18

Жусто и Бальбина, разлученные по воле судьбы на многие годы, наконец-то обрели друг друга. На старости лет у них возродилась бывшая привязанность. Они жили в комнате Жусто в доме доктора Фонтеса. Старику очень хотелось быть полностью откровенным со спутницей жизни, и поэтому однажды вечером он сделал признание:

— А знаешь, Бальбина, в барона-то стрелял вовсе не Бентиньо, а я. — Жусто сокрушенно покачал головой. — Меня это очень мучит. Ведь я же по своей природе не убийца и никогда до этого никого не убивал.

— Но ведь ты же не убил барона, а только ранил, — возразила ему Бальбина.

— Просто барон оказался слишком живучим, иначе бы моя пуля сразила его наповал, — уверил Бальбину Жусто. — Но у меня не хватает мужества признаться в этом Родолфо. И ты уж меня, пожалуйста, не выдавай.

— Никогда в жизни я не сделаю этого, клянусь Богом и всеми святыми!

Посетители заведения Мануэла Тейшейры с интересом прислушивались к разговору доктора Фонтеса и комиссара Антеро. Смысл их разговора состоял в том, что в настоящее время едва ли стоит предпринимать какие-то решительные действия против полковника Феррейры. Аугусто очень не понравилась такая постановка вопроса. Старый журналист был отнюдь не в восторге от прими-

рения Фонтеса и Феррейры. — Он считал, что барон неисправим. И Аугусто не смог сдержаться:

— Что же, в Арауно не осталось ни одного настоящего мужчины? Да вы все не мужчины, а бабы, старые бабы и вам в пору носить женские юбки. И прежде всего нашему комиссару Антеро.

Антеро, конечно же, был готов замять этот инцидент, поскольку чисто по-человечески он симпатизировал Аугусто. И тем не менее он был вынужден арестовать Аугусто за оскорбление должностного лица.

Рафаэл считал, что за мягкостью барона скрывается какой-то коварный замысел. Он рассказал о своих опасениях Марио, Нино и Вильо во время их встречи в типографии газеты «Голос Арауны». Он считал, что именно сейчас следует быть начеку, хотя многие утратили бдительность. И действительно, Феррейра вынашивал тайные коварные замыслы.

Барон попросил землевладельца Мартиньо подыскать для него небольшое владение в столице провинции. Тем самым Феррейра планировал расширить область своего влияния. И если его дочь и ее муж захотят жить в городе совершенно самостоятельно, то он все-таки сможет оказывать на них свое влияние.

Донну Кандиду и Сеньориту не покидали сомнения относительно того, правомерна ли повторная свадьба: можно ли снова соединять то, что уже соединено Богом и законом? Однако их несколько успокаивало то, что священник знает, что делает.

Старый Жусто был не только слугой в доме доктора Фонтеса, но и надежным другом и советчиком его сыновей. Очень часто его мудрые советы помогали Родolfo и Рикардо. Жусто видел, что Рикардо очень изменился после свадьбы, и не мог не заметить также, как тяжело переживает Рикардо размолвку с донной Ниной.

— Почему же моя жена находится под таким влиянием своей матери? — жаловался Рикардо Жусто.

— Потому что она ее мать, — просто ответил Жу-

сто. — А если вы и дальше будете столь болезненно на это реагировать, то потеряете свою жену окончательно.

— Потеряю? А почему я ее потеряю?

— Понимаете, в городе есть люди, которые могут воспользоваться тем, что вы сейчас живете с женой в разных домах, — глубокомысленно промолвил Жусто. — И вот вам мой совет — возьмите свою жену к себе на фазенду! И сделайте это как можно скорее!

А в Куиломбо тем временем Фулженсио, Жустиньо и другие беглые рабы разрабатывали новый план. Им очень хотелось завладеть золотом полковника Феррейры и отомстить ему. Они решили сначала застрелить барона, а затем бросить в реку — поступить с ним так же, как он много раз поступал с их братьями. Было решено, что трое рабов отправятся на фазенду барона.

Полковник Феррейра и предположить не мог, что задумали его рабы. Он спокойно сидел с доктором Фонтесом и землевладельцами в заведении Мануэла Тейшейры. Рафаэл вошел в кабачок как раз в тот момент, когда они обсуждали проблему приезда итальянских эмигрантов.

— Можно я присяду? — спросил Рафаэл. И, не дожидаясь ответа, он занял место за столиком, где сидели барон и землевладельцы. Воцарилось молчание.

— Садитесь, я не возражаю, — сказал затем барон. Присутствующие решили, что он пытается в очередной раз продемонстрировать свою власть. Сначала разговор не получался, но потом все заговорили на волнующую их тему.

— Если эти итальянцы не приедут, я просто не знаю, как жить дальше, после полного освобождения рабов, — сокрушался Коутиньо.

— Ну, до этого еще далеко. Я думаю, что здравый смысл восторжествует, — заверил его барон.

— Вы считаете, что это здравый смысл? А я считаю, что рабство — это позор для всей нашей нации! И ничто не может помешать освобождению рабов! Это обязательно произойдет, как бы вы все ни сопротивлялись, — горячо и категорично заявил Рафаэл.

Барона страшно разозлили слова Рафаэла, и он решил подлить масла в огонь.

— Я вас вполне понимаю, естественно, вы на стороне восставших рабов. Вы же сами негр! И скажите мне, пожалуйста, а что вы намерены делать после их освобождения, как вы собираетесь владеть свое жалкое существование?

— Этого я пока не знаю. Вы и прочие землевладельцы ввели нас в крайнюю нужду!

— Я думаю, что все рабы после освобождения уберутся отсюда. Они же не любят землю, которую обрабатывали, — вмешался в разговор Коутиньо.

— А как они могут любить эту землю? Как может человек любить землю, пропитанную кровью его детей? Как же он может жить в этом месте, где его так нещадно эксплуатировали? — возразил ему Рафаэл.

— Да все, что вы говорите, абсолютная чушь! Каждый раб будет рад-радехонек получить после освобождения надел земли. Какой бы маленький ни был этот надел, раб будет им вполне удовлетворен и будет обрабатывать его до самой смерти.

— Ах, значит, каждый из рабов после своего освобождения получит земельный участок? — уточнил Рафаэл.

Тут в разговор вступил Эвералдо:

— Но это же смешно! Что же останется от нашей земли, если мы будем так ею разбрасываться?

— Что будет с вашей землей... А вы знаете, сеньор Эвералдо, что ваши рабы к вам неплохо относятся — ведь вы с ними обращаетесь по-человечески. И ворота сензалы, где они живут, постоянно открыты. А вот что вы ждете от своих рабов, сеньор барон? Если вы их освободите, ни один из них не останется на вашей ферме!

— Да вы просто готовы оклеветать меня, Рафаэл. Вы безосновательно обвиняете меня во всех грехах, а вот я знаю, что вы виноваты во многих деяниях, — многие мои рабы бежали с вашей легкой руки, — отпарировал Рафаэлу Феррейра.

Рафаэл немедленно ответил барону:

— Да я в той же мере отвечаю за бегство рабов, как вы отвечаете за гибель многих рабов! К тому же, барон, я не могу уважать мужчину, который спит с негритянками, а потом продает нажитых от них детей!

— Да я никогда в жизни не спал ни с одной паршивой негритянкой!

Барон был просто вне себя от гнева, до сих пор его никто не обвинял в этом. Феррейра схватился за свой пистолет, и тут все окружающие поняли, что, скажи Рафаэл еще одно неосторожное слово, барон тут же выстрелит.

Наступила мертвая тишина... Рафаэл и барон вскочили почти одновременно, готовые вступить в схватку... Хорошо, что сидящие за столом барона вовремя его остановили.

— Сеньор барон, не надо так горячиться!

Барон несколько успокоился, услышав эти слова доктора Эдуардо.

— Уходите, Рафаэл, прошу вас, — прошептал Мануэл Тейшейра, — а то все зашло слишком далеко.

Около выхода Рафаэл обернулся и, горько улыбаясь, промолвил:

— Будьте осторожны, доктор Фонтес. Возможно, за примирением, которое барон предложил вам и вашему сыну, кроется нечто коварное!

Полковник Феррейра был глубоко возмущен поведением Рафаэла. И он заявил, что Рафаэл должен быть изгнан из города.

— Я пытался вести себя сдержанно, отец Жозе, — признался Рафаэл священнику, — но у меня нет такой способности, как у вас, — все прощать.

— Но, Рафаэл, вы должны стремиться к прощению всех людей — ведь ненависть является очень тяжким грехом. И вот еще что я думаю. Вам пора жениться на Жулиане и свою дальнейшую жизнь строить вместе с ней. Или я что-то говорю не то? Может быть, вы вовсе и не любите Жулиану?

— Да нет, я ее очень люблю! — пылко ответил Рафаэл отцу Жозе.

Однако в данный момент Рафаэла волновали другие проблемы. Он больше думал не о своей любви к Жулиане, а о бароне. Ведь если хорошо поразмыслить, второе венчание Родолфо и Сеньориты — это просто какой-то фарс. И как это молодые согласились на это? Ведь барону-то нужно, чтобы они пали перед ним на колени и целовали ему руки. И барон, очевидно, на-

деется, что теперь-то они станут ему повиноваться и плясать под его дудку.

Намеченная повторная брачная церемония не нравилась не только Рафаэлу. Аугусто тоже к этому отнесся весьма отрицательно. Он понимал, что за этим кроется чисто корыстный интерес барона — желание в очередной раз продемонстрировать свою власть. Старый журналист предложил Марио и Рафаэлу затронуть тему этой брачной церемонии в следующем номере «Голоса Арауны».

— Может быть, нам посоветовать гостям появиться на венчании в траурных одеждах?.. А что, это мысли! — заметил Марио.

Предстоящее венчание стало главной темой разговоров жителей Арауны. Повторная свадьба вызывала у всех иронию и насмешку. Особенно много кривотолков было вокруг отца Жозе.

— А почему бы священнику не передвинуть сроки венчания? Было бы логичнее, если бы он совместил этот обряд с крещением их будущего ребенка, — иронизировали некоторые жители города по поводу предстоящего события. Отец Жозе начал все чаще и чаще задумываться о том, прав ли он, согласившись на повторное венчание. Он же уже повенчал молодых супругов перед лицом Господа, поэтому повторный обряд — это просто какое-то святотатство. И как же он после этого сможет смотреть в глаза своим прихожанам? После долгих раздумий отец Жозе направился к доктору Фонтесу, чтобы сообщить о своем отказе совершать столь кощунственный обряд.

Виржиния решила рассказать барону о том, что Рафаэл его сын.

— Мария дас Дорес очень вас уважала! Она вас просто боготворила!

— Хватит, Виржиния. Больше никогда в моем доме не говори об этом!

— Извините, сеньор барон, но я просто хотела, чтобы вы знали, что Рафаэл ваш сын, и изменили свое отношение к нему!

— Замолчи! Он не мой сын! У меня нет никаких детей от негритянок! — закричал барон на Виржинию.

Виржиния испуганно замолчала, а барон продолжал:

— Зачем ты мне это рассказываешь? Ты хочешь вызвать у меня угрызения совести?

— Рафаэл любил бы вас, если бы вы его признали... Вы представляете, как же ему все это тяжело?

— Да он меня любил, только когда был маленьким... А теперь он меня ненавидит, и, наверное, больше, чем кто-либо другой!

Барон минуту помолчал, а потом гневно бросил **Виржинию**:

— Все это не играет никакой роли! Запомни, **Виржиния**, никакой он мне не сын и никаких внебрачных детей у меня нет!

— А если бы все-таки он был вашим сыном, сеньор барон?

Лицо барона стало каменным:

— Тогда я бы его утопил сразу же после рождения!

Виржиния поняла, что она ничего не достигла этим разговором, так как ничто не могло смягчить жестокое сердце этого человека.

Охваченные жадой мести и желанием завладеть золотом барона, **Фулженсио**, **Жустиньо** и **Лесной капитан** тайно пробрались на фазенду, чтобы переговорить с **Себастьяном**. Увидев капитана, **Себастьян** испуганно вскрикнул, решив, что перед ним призрак. Он не мог поверить, что это живой **Лесной капитан**.

— Ну, **Себастьян**, какие могут быть призраки среди бела дня! — засмеялся **Жустиньо**. — Это — живой-здоровый **Лесной капитан**.

— Только никому не говори, что капитан жив, иначе барон, услышав об этом, непременно захочет его убить, хотя бы из страха перед возможной местью, — предупредил **Фулженсио** слугу барона.

Затем они рассказали **Себастьяну** о последних событиях и посвятили его в свои планы. **Себастьян** пообещал своим друзьям помочь им в поисках сокровищ полковника **Феррейры**. А сам барон в это время и представить себе не мог, какая серьезная угроза нависла над его богатствами.

Семья доктора **Фонтеса** вместе с отцом **Жозе** отправилась на фазенду. При встрече с бароном священник

прежде всего объявил барону, что отказывается от совершения повторного обряда венчания, так как не может идти на компромисс с собственной совестью. Да и его прихожане едва ли это одобряют.

— Это же совершенно немыслимо: повторно заключать брак, который уже заключен! — возражал священник.

— Однако я настаиваю на повторном венчании! — потребовал барон. — Брак, заключенный среди негров, я никогда не признаю!

— Но я не могу совершить эту церемонию! Это святотатство! — воскликнул священник.

— Тогда пусть их обвенчает другой священник! — бушевал Феррейра.

— Ни один священник не будет повторно венчать эту пару, — тихо, но решительно промолвил отец Жозе.

— Ну и что вы все от меня хотите? — обратился барон к присутствующим.

— Отец Жозе совершенно прав, — прервала воцарившееся молчание Сеньорита. — То, что вы требуете от него, абсурдно и неправомерно.

— Сеньор барон, повторное венчание было одним из условий нашего примирения, — вмешался в разговор доктор Фонтес. — Но видите, как все повернулось. Может, все-таки вы согласитесь признать этот брак? Ну хотя бы ради будущего внука?

— Хорошо, хорошо, я признаю, однако при одном условии: до рождения ребенка Родолфо Фонтес будет жить вместе со своей женой в моем доме! — заявил Феррейра.

Уже на следующий день вся Арауна знала, что священник отказался произвести повторный обряд венчания и новой свадьбы не будет.

Родолфо Фонтес решил принять условия барона и до рождения ребенка пожить вместе с женой в имении барона. Ему совершенно не хотелось, чтобы по его вине снова вспыхнула вражда между доктором Фонтесом и полковником Феррейрой.

Провожая брата в дом барона, Рикардо посоветовал ему быть там постоянно начеку.

— Знаешь, мне кажется, что в этом доме можно спокойно спать, только если у тебя под подушкой пистолет, — предупредил он Родолфо.

Однако Родолфо не особенно вслушивался в наставления брата. Ему казалось, что теперь уже он будет принят в доме барона вполне дружелюбно и тепло.

Родолфо явно переоценивал расположение барона к себе. Жажда наследника — вот единственное, что двигало бароном в его действиях. Незадолго до приезда Родолфо на фазенду Феррейра сказал дочери:

— Твой ребенок обязательно должен быть мальчиком! Мне необходим наследник! Ты должна этим проникнуться!

Старый Жусто прибыл в имение барона вместе со своим господином. Он совершенно не представлял, что в тот же вечер у него произойдет столь неожиданная встреча. Внезапно из-за куста перед ним возникли Фулженсио, Жустиньо и Лесной капитан. Поговорив о том о сем, рабы посвятили старика в свои планы убийства барона. Капитан добавил, что он выжил только благодаря тому, что в нем слишком сильна жажда отомстить полковнику Феррейре.

Рабы хотели, чтобы Жусто стал их союзником. И причина этого крылась не только в том, что он был верный и преданный слуга Родолфо. Старый Жусто как-то в порыве откровенности признался Фулженсио, что знает, где барон прячет сокровища. Однако он не указал Фулженсио это место.

Рикардо очень беспокоился о своем брате и поэтому уже через несколько дней решил навестить его. Он появился на фазенде один, без своей жены. Его вообще очень редко можно было увидеть вместе с Анной. Его жена по-прежнему была очень сильно привязана к родительскому дому, и особенно к своей матери. Донна Кандида тепло поприветствовала молодого человека, однако сразу же заговорила с ним об Анне.

— Надеюсь, вы и ваша жена хорошо ладите друг с другом?

— Да, у нас все в порядке, — неохотно ответил Рикардо.

— Анна такая хорошая девушка, она так красива и талантлива... — продолжила разговор баронесса.

— Да, да, вы правы, — вяло согласился Рикардо.

Меж тем Анну в последнее время все настойчивее преследовал ее поклонник доктор Эдуардо. Девушка пыталась как-то защитить себя от его чрезмерной навязчивости, но он ходил за ней буквально по пятам. Она наконец решила с ним поговорить.

— Не надо так неотступно ходить за мной. Я же замужняя женщина, и ваши притязания подрывают мою репутацию, — сказала Анна своему поклоннику при очередной встрече на улице. Она произнесла эти слова полупшепотом, приблизившись вплотную к Эдуардо, так как ей не хотелось, чтобы сказанное ею привлекало внимание прохожих. Однако со стороны эта картина выглядела довольно двусмысленно. Можно было подумать, что между молодыми людьми идет душевный любовный разговор.

Немудрено, что намерения Эдуардо уже через несколько дней стали ясны Мануэлу Тейшейре. Ах вот кто, оказывается, та женщина, в которую влюблен Эдуардо! Это его собственная дочь! И именно из-за нее инженер решил остаться в Арауэне! Как честный гражданин, Тейшейра не мог терпеть такое. И он предупредил Эдуардо:

— Вы должны подумать о чести моей дочери, доктор Эдуардо! Она же замужняя женщина! Кроме того, я вас попрошу в мое отсутствие не наносить впредь визитов моей жене! Если вы хотите остаться в городе, прошу вас учесть сказанное мной!

Доктор Эдуардо был очень озадачен услышанным. По тону Тейшейры ему стало ясно, что тот может прибегнуть к самым решительным мерам, если Эдуардо даст ему хоть малейший повод. Друг Рикардо Нино, видевший неоднократно Анну и Эдуардо вместе, какое-то время подумывал проучить инженера, поговорив с ним «по душам». Однако вскоре Нино оставил эту затею, ибо позиции Эдуардо в городе и так пошатнулись. Все стали относиться к нему презрительно и враждебно. Никто в городе больше не здоровался с Эдуардо. Когда он заглядывал в заведение Тейшейры, все присутствующие демонстративно замолкали. Это стало невыносимым, и Эдуардо решил покинуть Арауэну, разорвав деловые связи с Тейшейрой и Жозе Коутиньо.

Услышав о том, что инженер столь откровенно домогается его жены, Рикардо решил как следует поговорить с Эдуардо. Этот разговор произошел непосредственно пе-

ред отъездом инженера из города. Едва владея собой, Рикардо предупредил:

— Ну смотри, если еще раз мне попадешься...

После этих слов Рикардо уже собирался начать драку, однако находившиеся рядом друзья его остановили. Эдуардо, можно сказать, повезло, ибо молодой муж был столь агрессивен в данный момент, что мог его просто изувечить.

Сев в поезд, доктор Эдуардо вдруг почувствовал неожиданное облегчение. Теперь он уже был рад, что уезжает из Арауны. Приступ ревности и гнева у Рикардо еще долго не мог пройти. Он охотно бы очутился в поезде, в котором уехал Эдуардо, чтобы проверить, не сбежал ли тот обратно в Арауну. Друг Рикардо Нино был вполне удовлетворен отъездом инженера. «Теперь, по крайней мере, восстановлена честь и города Арауны, и его женщин», — заметил он.

Глава 19

В таком маленьком городке, как Арауна, все новости очень быстро становятся всеобщим достоянием. Поэтому известие о начавшихся родах у Аделаиде быстро дошло до старого Коутиньо. Он услышал об этом от донны Инес, когда находился у доктора Фонтеса в гостях.

— Эти роды обещают быть нелегкими, — пояснила Коутиньо донна Инес. — Ваш сын сейчас ищет врача, а я собираюсь обязательно к ним попозже зайти.

— Меня это совершенно не волнует, — сказал Коутиньо. Однако через какое-то время его охватило беспокойство, которое он не мог скрыть. — Может быть, мне все-таки сходить туда? Посмотреть, что происходит... — И Коутиньо, поспешно попрощавшись с хозяевами дома, вышел.

Доктор Фонтес усмехнулся ему вслед: «Посмотрим, Коутиньо, как ты поведешь себя, когда у тебя появится внук!» Аделаиде была в тяжелом состоянии. Вызвавшиеся помочь ей при родах Рут и Бальбина не знали, что делать. Ребенок занимал в утробе матери такое положение, которое препятствовало нормальному течению родов. В этом случае необходим был врач. Аделаиде уже почти полностью обессилела от страшных болей, а Жозе все не было — он искал врача. С каждой минутой молодая мать становилась все слабее и

слабее, да и жизнь ребенка уже была под угрозой — он мог погибнуть в утробе. Жозе вернулся в совершенно подавленном состоянии: врача не оказалось на месте, он ушел к какому-то больному. Рут и Бальбина были в полном отчаянии: «Это, видно, конец. Ни мать, ни ребенок не выживут...»

Ни Жусто, ни женщины даже не заметили, как в дом вошел старый Коутиньо. Сначала старик что-то пытался сказать своему сыну, однако поняв, сколь серьезно положение роженицы и ребенка, полностью переключился на них. Попросив всех выйти, Коутиньо остался наедине со своей невесткой. Он заговорил с ней мягким, ласковым голосом. Коутиньо пытался и утешить Аделаиде, и подбодрить, и даже пошутить с ней. И тут случилось чудо: собрав свои последние силы, вконец измученная женщина с большим трудом все-таки произвела на свет долгожданного младенца. Каким же счастливым почувствовал себя старый Коутиньо, взяв на руки внука!

— Ну и что же, что у него темная кожа? Моему прадеду нравились негритянки, да и индейцы были среди моих предков. Это все ерунда! Самое главное — у меня такой замечательный внук!

Доктор Фонтес оказался прав: старый Коутиньо стал хорошим дедом. Он с восторгом сказал своему сыну Жозе:

— Смотри, это мальчик, да какой красивый!

Жозе не мог прийти в себя после всего случившегося, поэтому он ничего не ответил отцу. А старый Коутиньо, смотря любовно на внука, продолжал:

— Да, он мулат — но ведь очень красивый мулат. Я признаю его членом своей семьи! — Старик положил руку на плечо сына. — А теперь ступай к своей жене!

Присутствовавшие при этой сцене донна Инес, Анна, Рут и Бальбина были чрезвычайно удивлены поведением Коутиньо.

— Что вы все на меня так смотрите? — спросил их Коутиньо. — Вы что, никогда не видели деда?

— У вас такой славный внук, сеньор Коутиньо! И какой шустрый — ведь он так решительно боролся при рождении за свою жизнь! — со смехом сказала старая Бальбина.

Аделаиде удивительно быстро оправилась после тяжелых родов. После всех этих бесконечных конфликтов с мужем и постоянной вражды со старым Коутиньо молодая женщина наконец могла наслаждаться атмосферой полной семейной гармонии. От такого внезапного счастья она расцвела.

В знак благодарности старому Коутиньо за его помощь Аделаиде предоставила ему право самому выбрать имя для внука. Коутиньо был чрезвычайно польщен. Он решил наречь мальчика Жозе Бонифасио — в честь героя, боровшегося за независимость Бразилии.

Как ни пытался барон завоевать дружбу зятя и доверие дочери, ему это мало удавалось. Любой их разговор заходил в тупик, поскольку они с разных точек зрения смотрели на принципиальные вопросы. Все политические взгляды барона выводили молодую пару из себя.

Особенно острый спор в доме полковника Феррейры разгорелся вокруг новой конституции Бразилии. Сеньорита и Родолфо выступали за новую конституцию.

— В конституции обязательно должна быть статья, гарантирующая равные права для всех! Рабство должно быть отменено, и ни один человек не должен иметь права заставлять другого работать на себя! — горячо заявила Сеньорита.

— Единственным фактором, приносящим доход, должен стать труд, — добавил Родолфо. — И любая работа должна справедливо оплачиваться. Никто из работающих не должен голодать!

Барон покачал головой и предложил внести в конституцию такую статью:

— Каждый землевладелец имеет право держать рабов, которые работали бы на кофейных плантациях. — Немного помолчав, барон продолжил: — Это необходимо для роста благосостояния нации. А движение за отмену рабства я бы запретил. Вы оба родились в состоятельных семьях, поэтому многого не понимаете и мыслите столь идеалистически. А ведь только труд рабов на кофейных плантациях и обеспечивает ту роскошь, к которой вы с детства привыкли!

Чтобы избежать назревшего конфликта, Родолфо поспешил завершить полемику на спокойной ноте:

— Ну, еще республика не провозглашена, так что все, что мы обсуждаем, — пока просто разговоры.

После отъезда из Арауны Эдуардо у Анны и Рикардо возник очередной конфликт. Молодые осыпали друг друга градом упреков, все их взаимные подозрения выплеснулись наружу. Однако вскоре эта ссора, как и многие другие, закончилась примирением. Но между Анной и Рикардо пока

не возникало полного единства. У них не было еще общего дома. Рикардо предоставил Анне возможность жить в родительском доме столько, сколько она пожелает. Мануэлу Тейшейре это совсем не нравилось. Он не понимал, почему его зять, будучи таким ревнивым, не стремится каждую минуту быть рядом с женой. Поведение Рикардо вызывало у Тейшейры недоумение.

Примирение между семьей доктора Фонтеса и семьей полковника Феррейры в конечном счете одобрили все жители Арауны. Даже комиссар Антеро, который был о Феррейре весьма нелестного мнения, поздравил барона с тем, что тот наконец признал своего зятя.

Меж тем отношения Родолфо с его тестем были нелегкими. Каждая их беседа обязательно оборачивалась спором, столкновением различных взглядов, причем каждый из них был готов отстаивать свои убеждения до конца.

Внешнее спокойствие в семье полковника Феррейры было чисто иллюзорным. Все в доме понимали, что от барона в любой момент можно ждать чего угодно, поэтому тревога никого не покидала. Сколь жесток и резок ее отец, Сеньорита убедилась снова, услышав от матери нечто ужасное: оказывается, барон сказал донне Кандиде, что ему нужен только внук, мальчик, а если родится девочка, то он ее утопит. После этих слов Сеньорита долго не могла прийти в себя.

Старый Жусто все время ломал голову над тем, стоит или нет раскрывать рабам местонахождение сокровищ полковника Феррейры. Неизвестно, что произойдет, если золото попадет рабам в руки. Разумно ли они обойдутся с этим богатством? Или же рабы быстро все растратят и будут снова жить в полной нищете? А вдруг эти богатства разожгут зависть и ненависть среди рабов?

И Жусто решил спросить у Фулженсио, Жустиньо и Лесного капитана напрямик, зачем им нужно золото барона. Фулженсио ответил за всех:

— На золото можно выкупить всех рабов! Если у нас будет золото, то мы сможем дать свободу своим братьям и сестрам!

Жустиньо и Лесной капитан кивнули в знак согласия с

ним. Жусто очень обрадовал такой ответ, именно это он и хотел услышать. И он рассказал рабам, где спрятано золото.

После многочисленных ссор и недоразумений Анна решила все-таки сохранить свои отношения с Рикардо. Она попросила своего мужа взять ее на свою фазенду, она хотела проверить, понравится ли ей жизнь за городом и сможет ли она там как-то помочь Рикардо в хозяйственных делах. Рикардо с удовольствием взял жену с собой, так как его расположение к Анне намного возросло после того, как он прослышал о страсти к ней Эдуардо. Однако все-таки в его представлении она ни в какое сравнение не шла с прекраснейшей баронессой.

Донна Нина была ужасно рада, заметив, что у молодых начала возникать привязанность.

Рабы барона просто не могли своим глазам поверить, увидев Лесного капитана живым и невредимым. Они решили, что это призрак. Он плавал в реке и смеялся, но они-то помнили, как люди барона бросили его почти мертвого, с распоротым животом в воду. И рабы поспешно разбежались, подумав, что появление призрака капитана — происки темных сил и дурное предзнаменование.

На барона не произвели никакого впечатления разговоры о том, что капитан жив и вновь появился в этих краях. Феррейра в это просто не поверил.

— Какая чушь! Когда капитана бросили в реку, он был почти мертв, так что все это сплошные побасенки и небылицы, — заявил он.

В последнее время полковник Феррейра все отчетливее понимал, что долго уживаться с Родолфо не сможет. Однако Феррейра считал, что он еще сможет как-то использовать его в своих целях, если тот уедет и поселится в столице провинции.

— А как по-вашему, кто станет сенатором в новой республике? — Барон в очередной раз попытался втянуть зятя в разговор о политике. — А как вы думаете, кто станет первым президентом?

— Не знаю, сеньор барон, — неуверенно ответил Родолфо. Он понимал, что барон чего-то хочет от него. Следующие слова барона несколько прояснили его намерения:

— Я бы на вашем месте, Родолфо, переехал бы в

столицу провинции, причем как можно скорее. В Араруне вы никогда не станете преуспевающим политиком — особенно пока живете на фазенде.

— А как же моя жена?

— Она останется на фазенде до рождения ребенка, а затем сможет последовать за вами, если захочет...

— Я подумаю над этим, сеньор барон, — ответил Родолфо.

— Я хочу переехать в столицу вместе с моей женой после рождения нашего ребенка. Я планирую заняться там адвокатской практикой, а политика меня совершенно не привлекает. Так что в этом смысле я не соответствую вашим представлениям обо мне.

К удивлению Родолфо, барон согласился с ним.

— Я вполне понимаю ваши стремления! И мне кажется, что было бы разумно, если бы вы приобрели в столице владение, где могла бы жить вся семья.

Родолфо так до конца и не понял, что именно задумал барон, предлагая ему поселиться в столице. Он день и ночь ломал над этим голову. Его задумчивость не могла укрыться от окружающих. Пришедшие навестить своего сына доктор Фонтес и донна Инес были весьма обеспокоены, увидев, что их сын крайне рассеян и чем-то озадачен.

Семья барона ужинала, когда в столовую вбежал Тобиас и, задыхаясь от волнения, вымолвил:

— Сбежавшие рабы... они снова вернулись на фазенду! Они здесь! Ваша жизнь в опасности, сеньор барон!

— Немедленно поставьте охрану! Фазенда должна охраняться и днем, и ночью, — приказал Феррейра.

Затем полный негодования барон набросился на своего слугу Себастьяна. Он был уверен, что Себастьян поддерживает отношения с беглыми рабами и что именно он помог пробраться им на фазенду.

— Где эти трое? Ну быстро, говори! — кричал барон своему слуге, нещадно избивая его при этом на глазах всей семьи. На спине Себастьяна уже выступила кровь, а барон все стегал его и стегал. — Ты же знаешь, где прячутся эти рабы! Немедленно скажи мне, — требовал барон.

— Даже если вы меня будете пытать каленым железом, я вам ничего не скажу! — крикнул Себастьян своему мучителю.

Сеньориту совершенно вывело из себя поведение отца.

— Я не потерплю, если вы и дальше будете избивать Себастьяна. Это же бесчеловечно! — взволнованно произнесла дочь барона. И тут перед ней опять возникли страшные картины из ее детства: папаша Жозе, вождь рабов, умирает под плеткой Бруно. Этого Сеньорита не могла вынести.

— Если вы хотите, чтобы я и дальше жила в вашем доме, не трогайте Себастьяна! — С этими словами Сеньорита удалилась. За ней последовал и Родолфо. В тот же вечер Родолфо попрощался со своей женой и уехал в город. Он окончательно понял, что никакого согласия с бароном достичь невозможно, — все равно, рано или поздно, он проявит свою зверскую натуру.

— Я обязательно заберу тебя к себе, как только все уладится, — пообещал Родолфо Сеньорите. — Очень скоро!

Глава 20

Жители Арауны не сразу узнали о том, что Родолфо покинул имение полковника Феррейры. Долгое время им казалось, что барон и Родолфо Фонтес стали почти друзьями. Возвращение в город молодого человека весьма озадачило всех. И так как никто не знал, что же произошло на самом деле, по городу ходили всевозможные слухи и сплетни. У Аугусто, Жулианы и Рафаэла переезд Родолфо в дом барона долго вызывал недоумение — они ведь не знали о последних событиях и о последней ссоре Родолфо с бароном. Рафаэлу казалось, что Родолфо предал свои идеалы.

— Конечно же, никто не откажется от такого тестя, как полковник Феррейра, — иронизировал Рафаэл.

Отец Жозе был иного мнения:

— Я считаю, что Родолфо поступил разумно, помирившись с бароном, потому что Феррейра согласился признать бракосочетание в Кунломбо.

Священник считал, что их примирение навсегда положит конец столь затяжной вражде между двумя семьями.

Услышав о том, что беглые рабы находятся где-то вблизи имения, барон стал более внимательно прислушиваться ко всем шорохам и случайным звукам в доме. Феррейре даже пришла в голову мысль, что Родолфо только для вида покинул его дом, а на самом деле тайно вернулся, чтобы украсть золото и раздать его рабам. И однажды, зайдя посмотреть на свои сокровища, барон увидел в темноте ка-

кую-то фигуру. Феррейра решил, что это Родолфо Фонтес, и тотчас же запер дверь в комнату с золотом.

Однако это был вовсе не Родолфо, а слуга барона, Себастьян. Он захотел в очередной раз посмотреть на сокровища барона, однако, по нелепой случайности, оказался заперт в этой комнате. Его охватил жуткий страх: с одной стороны, он опасался, что барон вскоре его здесь обнаружит, а с другой — он боялся, что погибнет в этом подземелье от голода и жажды.

Все обитатели фазенды барона начали испытывать страх. Даже донна Кандида стала бояться за свою жизнь. И она попросила своего мужа пойти к комиссару Антеро и приказать схватить беглых рабов. Но барон теперь уже никому не доверял. Он решил взять это дело в свои руки и отправился в сензалу рабов. Там барон заявил своим рабам:

— Тем, кто поймают Фулженсио, Жустиньо и Лесного капитана, я дарую свободу. Тех же, кто попытается их укрыть, ждет смерть!

По дороге в город Родолфо попались как раз эти трое беглых рабов. Они не собирались скрывать своих намерений убить барона и рассказали об этом Родолфо. Он попытался отговорить рабов от этой затеи и посоветовал им бежать. Рабам его совет не пришелся по душе.

— А на чьей вы стороне? — с иронией спросили Родолфо беглецы. Родолфо рассказал рабам о тех мерах, которые намеревался предпринять против них барон. Феррейра приказал своим людям стрелять в беглецов. Однако Родолфо так и не удалось убедить их. Фулженсио, Жустиньо и капитан решили идти до конца — убить барона и завладеть его золотом.

Как и предполагал Родолфо, люди барона начали активно разыскивать беглецов. Барон хотел, чтобы они были убиты прежде, чем снова окажутся на фазенде.

Лесной капитан очень скоро понял, что за ним и его спутниками следят. И он решил, что единственный для них выход — это ворваться в дом барона. Если дочь и жена барона окажутся в их власти, то Феррейра не станет принимать против них решительных мер.

Рабы начали осуществлять план Лесного капитана. Как он и задумал, беглецы ворвались поздней ночью в дом ба-

рона. Сеньорита и донна Кандида насмерть перепугались. Жустиньо и Фулженсио поспешили их успокоить:

— Да мы вам ничего плохого не сделаем. Мы просто хотим спрятаться от людей барона. Мы даже не вооружены!

И действительно, в данный момент у рабов не было никакого оружия. Но в то время, пока Жустиньо и Фулженсио объяснялись с женщинами, Лесной капитан разыскал оружие.

— А почему вы не хотите убежать отсюда? — спросила дочь барона.

— А зачем нам бежать? — отозвался Фулженсио.

— Но здесь-то вы не можете оставаться. А что вы, собственно, хотите? — спросила Сеньорита.

— Мы хотим отнять жизнь у барона Арауны, — произнес только что вошедший Лесной капитан. — И я хотел бы его сбросить в реку, то есть сделать с ним то же самое, что он сделал со мной!

Лесной капитан был при оружии; он вручил по пистолету Жустиньо и Фулженсио. Теперь только Сеньорита и донна Кандида догадались, что они заложницы беглых рабов.

— Фулженсио, — промолвила Сеньорита, — да я просто не узнаю тебя.

— Почему же вы меня не узнаете? Потому что я не могу больше выносить ярма рабства? Все это называется око за око, зуб за зуб.

Барон и его люди с оружием в руках рыскали по берегу реки в поисках троих беглых рабов. Однако пока их отыскать не удалось. Более того, люди барона принесли полковнику Феррейре весьма неутешительные вести из сензалы рабов: группа рабов, использовав замешательство, сбежала, и среди них Тобиас, вроде бы всегда верный барону. Однако барон, несмотря на все это, приказал продолжить поиски троих беглецов.

Прибыв в город, Родолфо сразу же направился к комиссару Антеро.

— Комиссар, скорее собирайте своих людей! Жустиньо, Фулженсио и Лесной капитан на фазенде барона! Они решили убить полковника Феррейру!

Антеро собрал своих людей и отправился с ними на фазенду. Он хотел избежать кровопролития и резни.

А тем временем в доме отца Сеньорита уговаривала Фулженсио и Жустиньо бежать.

— Уходите как можно скорее! Вам не следует встречаться с моим отцом — он и его люди схватят вас и безжалостно убьют!

Но беглецы жаждали борьбы.

— Нет, мы непременно дождемся барона. Мы должны отомстить ему за все — это наш долг перед папашей Жозе! Бруно, надсмотрщик, уже мертв. Теперь очередь за бароном! Но не мы убьем вашего отца, Сеньорита... Это сделает Рафаэл!

В это же время в Арауне Родолфо беседовал со своим слугой Жусто. Он просил его разыскать Рафаэла. Родолфо надеялся, что Рафаэл сможет помочь в поисках Фулженсио, Жустиньо и Лесного капитана. Однако комиссар Антеро не учел, со сколь серьезным противником он имеет дело. В имении барона он тут же столкнулся с капитаном, который его уже поджидал.

— Стойте, комиссар, ни с места! Выложите оружие!

Антеро схватился было за свой револьвер, но по решительному виду капитана понял, что всякое сопротивление бессмысленно.

— Вы совершаете большую глупость, капитан. И что вы, собственно, хотите?

Комиссар попытался заговорить с Лесным капитаном, но тот ему ничего не ответил. Охотник за рабами забрал пистолет у представителя власти и повел его в дом барона. Лесной капитан, Фулженсио и Жустиньо решили не скрывать от Антеро своих намерений.

— Мы схватим барона, как только он войдет в дом, и изобьем, — сказал Жустиньо.

— Посмотрим, сколько он выдержит — уж, конечно же, не столь долго, как папаша Жозе! — добавил Фулженсио.

Сеньорита с ужасом думала о том, что ждет ее отца. Она умоляла комиссара Антеро предпринять хоть что-нибудь, однако он был совершенно бессилен.

— Видите, они мне связали руки! Я уже ничего не могу сделать для полковника!

Антеро попытался договориться с рабами:

— Будьте благоразумны! Бегите! Я обещаю, что дам вам спокойно убежать!

Но рабов эта перспектива совершенно не привлекала. Они желали разделаться наконец с бароном, поэтому твердо решили его дождаться.

Увидев из окна, как отец приближается к дому, Сеньорита хотела выбежать ему навстречу и предупредить, однако Лесной капитан схватил ее за руку и не дал двинуться с места. Навстречу барону вышел комиссар — по просьбе рабов он должен был заранее рассказать полковнику Феррейре о том, что его ожидает.

— У меня для вас ужасная новость. Трое сбежавших рабов, которых вы разыскиваете, ворвались в ваш дом. Они схватили вашу жену и вашу дочь. И я бессилён что-либо сделать, — сообщил Антеро.

— Мерзавцы! — закричал барон. В эту же минуту перед ним предстал Лесной капитан с пистолетом в руке.

— Бросьте оружие, барон, если оно у вас есть! Иначе я вас застрелю!

Феррейра вынужден был подчиниться. Лесной капитан связал ему руки и повел в господский дом.

Все находившиеся в доме барона понимали, что его ждет нечто ужасное. Однако Жустиньо, Фулженсио и Лесной капитан вовсе не хотели, чтобы их расправу с бароном видели посторонние люди. Они приказали Антеро уйти с фазенды, пригрозив при этом, что убьют Сеньориту, донну Кандиду и Виржинию, если он не последует их приказу.

— И запомните, комиссар, если вы вернетесь на фазенду с подкреплением, то мы сразу же уничтожим и барона, и всю его семью!

Между тем в поместье барона прискакали Родолфо, Рафаэл и Жусто. Родолфо попытался войти в господский дом, однако находившиеся там рабы преградили ему дорогу.

— Уйдите, доктор Родолфо! Иначе мы всех убьем!

— Если вы не хотите меня впускать, выпустите хотя бы женщин из дома, — попытался договориться с рабами Родолфо.

Однако рабы не хотели идти ни на какие уступки.

— Мы слишком долго ждали, чтобы вы нас всех освободили. Сейчас уже поздно! Так что уходите с миром, мы не хотим вам причинить зла, — промолвил Жустиньо. Рабы так и не позволили Родолфо переступить порог дома полковника Феррейры. И он был вынужден остаться за дверью дома, ожидая со страхом последующих событий.

Рафаэла и Жусто рабы впустили в господский дом.

— Рафаэл же наш брат, — сказал Жустиньо своим

друзьям, — и он хочет отомстить за все барону. Ну а нашего старого Жусто мы ведь не можем не пустить.

Оказавшись в доме, Рафаэл сразу же обратился к беглецам:

— Жустиньо, Фулженсио, капитан! Не забывайте, что барон принадлежит мне! Он полностью в моей власти, и я хочу собственноручно его убить, когда настанет час. И я прошу, чтобы никто, кроме меня, не трогал барона.

— Да, да — он принадлежит вам, брат, — подтвердил Жустиньо и решил отомстить барону другим способом. Он стал угрожать барону. — Мы обязательно вышвырнем ваш труп в реку. Вы заплатите за все то зло, которое причинили своим рабам!

Как же был рад Лесной капитан, что его заклятый враг барон полностью в его власти! Дочери барона он решил рассказать кое-что об ее отце.

— Знаете, Сеньорита, а ведь ваш отец совсем недавно приказывал мне убить вашего мужа! Он мне даже вручил оружие, из которого я должен был выстрелить в Родолфо, и очень неплохо заплатил мне за это!

Сеньорита просто ужаснулась, услышав это.

— Отец! Неужели это правда? Как же вы могли?!

Барон ничего не ответил. Он молча слушал капитана, однако его слова причиняли барону неимоверную боль — никакая физическая боль не могла сравниться с душевными муками Феррейры.

— А вы знаете, кто стрелял в вас? — продолжал Лесной капитан. — Нет, это был вовсе не Родолфо Фонтес, как вы ошибочно думали. И это был и не Бентиньо, как утверждал Жусто... Это стрелял надсмотрщик Бруно! Он жаждал завладеть вашим золотом! Ну а теперь... Откройте-ка, полковник, нам вашу тайну — где у вас запрятано золото?

Себастьян все еще находился в подвале, запертый вместе с сокровищами барона. Никто, кроме барона, не подозревал, что внизу находится пленник, а полковник Феррейра считал, что он запер Родолфо Фонтеса. Он совершенно не догадывался, что под замком находится Себастьян. Своего пленника барон и не думал выпускать. И напрасно кричал и плакал Себастьян, никто не слышал его криков о помощи. Его замучили жажда и голод, но в этом подвале ничего не было, кроме голых холодных стен и бездушного золота. И

еще была глубокая темнота. Никто не заметил исчезновения Себастьяна, кроме Виржинии.

Донна Кандида пропустила жалобы Виржинии об исчезновении Себастьяна мимо ушей — ведь баронесса была очень озабочена положением барона. Однако заметив, что Себастьян в течение нескольких часов почему-то не появляется, баронесса не на шутку забеспокоилась.

Комиссар Антеро и его люди, ничего не добившись на фазенде, в сильном разочаровании возвратились в город. Антеро всем своим знакомым рассказал, что произошло на фазенде барона, — он надеялся на поддержку в борьбе с беглыми рабами. И один из его знакомых вызвался помочь.

— Я всегда говорил барону, что ему следует по-человечески обращаться со своими рабами, но он вовсе не прислушивался к моим словам. Я даже и не знаю, что сказать этим троицким бедным парням, схватившим барона, но я с вами обязательно пойду, комиссар!

— Я не думаю, что нам нужно пытаться проникнуть в господский дом, зачинщики могут в запале даже поджечь дом... И тогда уже никто не останется в живых... Вероятно, лучше всего, если вы попытаетесь поговорить с восставшими рабами, отец Жозе! — обратился к своему союзнику Антеро. Именно священник был тем человеком, который с готовностью согласился помочь представителю власти.

— Так давайте же пойдем на фазенду! — обратился отец Жозе к Антеро. Вместе с ними в имение барона решил пойти и доктор Фонтес, очень обеспокоенный участью своей невестки.

Пока комиссар и его друзья добирались до поместья, положение там намного ухудшилось. Настроенные ранее миролюбиво, рабы решили отомстить барону и его семье, так же как и Фулженсио, Жустиньо и Лесной капитан. И рабы решили поджечь имение барона — то ненавистное им место, где их так нещадно эксплуатировали. Они соглашались говорить только с Родолфо Фонтесом, который пытался как мог умерить их жажду мести.

— Прибегая к насилию, вы только увеличиваете силы крупных землевладельцев, ваших эксплуататоров! Как можно скорее бегите в горы, лишь там вы сможете обрести истинную свободу!

Однако все эти уговоры Родолфо были напрасны. Фулженсио приказал рабам бороться до конца за свою свободу и в знак протеста против своего угнетения уничтожить по-

местье барона. Таким образом, все попытки Родолфо договориться с рабами были тщетны.

Глава 21

Около полуночи измученные женщины наконец заснули. И тут-то Рафаэл решил, что настал тот час, когда следует расквитаться с бароном, и приказал выпороть барона в сензале рабов.

— Он должен почувствовать боль! Ему должно быть так же больно, как было больно его рабам, которых избивали по его приказу!

Лесной капитан и Жустиньо схватили связанного барона и вывели его из дома. На улице была глубокая ночь. Они повели полковника Феррейру к тому столбу, у которого раньше Бруно избивал рабов по приказу барона. Возле столба стояли рабы с факелами и пели ту же самую жалобную песню, что и много лет назад, когда Бруно нещадно сек папашу Жозе.

От монотонного громкого пения рабов проснулись Сеньорита и донна Кандида. Они тоже вспомнили тот день, когда был убит папаша Жозе. Сеньориту внезапно охватил панический страх, и она закричала. Она опасалась, что с ее отцом расправятся так же, как и с папашей Жозе, и хотела приостановить расправу. Вместе с донной Кандидой Сеньорита побежала к тому месту, где разворачивались события. И жена, и дочь полковника Феррейры очень волновались за его жизнь.

Как и много лет тому назад, Рафаэл стоял возле штрафного столба, только теперь к нему был привязан не папаша Жозе, а полковник Феррейра, а плетка была в руках Рафаэла.

— Ну бей, бей меня, черный ублюдок! Добивай уж до конца! — закричал Рафаэлу барон.

— Папаша Жозе умер тогда от побоев! — И вдруг Рафаэл перестал избивать барона. Он не мог понять, что с ним произошло, но его рука внезапно остановилась и на какое-то время замерла в воздухе. В этот момент Рафаэл почувствовал, что, с одной стороны, ему хотелось отомстить барону за все оскорбления, унижения и боль, причиненные Феррейрой и Рафаэлу, и рабам. Но с другой стороны, какой-то внутренний голос удерживал Рафаэла

от окончательной расправы с бароном. Прибегавшая на место происшествия Сеньорита попросила Рафаэла прекратить расправу. Однако Рафаэл отказался пощадить барона. В отчаянии Сеньорита решила открыть отцу тайну Рафаэла:

— Отец! Рафаэл — твой сын и мой брат!

Лесной капитана, который находился здесь же, происходящее весьма насторожило. Он решил, что Рафаэл слишком мягкий человек, чтобы окончательно покончить с бароном.

— Если вы не надеетесь на себя, Рафаэл, то отдайте плеть мне.

— Не надо, капитан, его бить! — закричала Сеньорита, но Лесной капитан на ее слова прореагировал весьма хладнокровно.

— Не портите нам праздник, Сеньорита! Идите-ка лучше домой! — заявил капитан. — Он должен почувствовать ту же боль, какую испытывали его рабы при избиении! — пояснил он дочери барона. — А вам мы не хотим причинить ни малейшего зла! Что происходит? Почему вы остановились? Да вы просто трус, Рафаэл! Дайте-ка сюда плетку! — И капитан резко вырвал плетку из рук Рафаэла.

— А вы не отличаетесь особым мужеством, — заметил капитан, приблизившись к барону. Он уже замахнулся плеткой, но в этот момент подбежала Сеньорита и встала между отцом и капитаном. Рафаэл не мог поверить своим глазам: Сеньорита пыталась собой защитить своего отца, который ей причинил гораздо больше зла, чем кто-либо другой.

— Уйди отсюда! — приказал барон дочери.

Толпа рабов, окруживших место расправы, разрасталась.

— Смерть всем белым! Смерть белым! — в запале кричали рабы. Они все были охвачены жадной мести.

— Все это надо сжечь! — закричал Тобиас.

Его люди тут же подожгли поленья, находившиеся недалеко от лобного места.

Сеньорита застыла на месте, прикрывая собой отца, поэтому, когда Лесной капитан снова пустил в ход плетку, несколько ударов пришлось по спине девушки. Это было настолько больно, что она стонала после каждого удара и едва не потеряла сознание.

— Уйди отсюда! Подумай о моем внуке! — кричал барон дочери. Привязанный к столбу, он ничем не мог

помочь ей. Внезапно рядом с капитаном появился старый Жусто.

— Ну, довольно, сынок. Это тебе приказываю я, твой отец!

— Как ты можешь мне приказывать! Ты — предатель! Ты предаешь свой народ. Чтоб ты сдох вместе со своими белыми друзьями.

Лесной капитан продолжал избивать барона, а несколько ударов достались даже Жусто.

— Я убью всех этих проклятых белых на этой чудовищной фазенде!

— Да, это правильно. И сначала нужно убить барона, а затем поджечь фазенду! — поддержал его Тобиас. Рабы начали с энтузиазмом подбрасывать в огонь сухие ветви и поленья.

— Беги, дочка. Ну пожалуйста, убегай отсюда! — просил барон Сеньориту. — Мой внук! Спаси моего внука!

Жустиньо увел Сеньориту. От ударов у нее на спине порвалось платье, и все теперь могли видеть кровавые рубцы на ее белой спине.

— Уходите вместе с донной Кандидой домой, — приказал раб своей госпоже.

Однако Сеньорита стояла как вкопанная и не сводила глаз со своего отца.

И тут все увидели, что Жусто навел пистолет на Лесного капитана, затем все услышали звук выстрела.

— Он его убил! Он его убил! — закричали рабы.

Лесной капитан, на лице которого выразилось полное недоумение, резко пошатнулся и выронил плетку из рук. Пуля попала ему в грудь. И подумать только, в него стрелял человек, которого он считал своим отцом, — Жусто неоднократно говорил капитану об этом.

Через несколько минут раздался второй выстрел. На этот раз стрелял комиссар Антеро, после этого выстрела Лесной капитан повалился на землю.

— Никому не двигаться с места! Иначе мы будем стрелять! — Антеро направил на рабов пистолет. Вместе с Антеро на фазенду пришли не только священник и доктор Фонтес, но и все те, кто хотел помешать новому кровопролитию. Среди них были и землевладельцы, и вооруженные люди Антеро.

— Нам нужна свобода! — прокричал Жустиньо, предлагая тем самым рабам продолжать борьбу и не сдаваться.

Раздались первые выстрелы — это рабы начали стрелять из своих пистолетов и ружей.

Схватка между белыми и черными, которую так хотел предотвратить Антеро, все-таки произошла. В результате погибло немало рабов. Был убит Жустиньо, которого никто никогда не мог победить в рукопашном бою. Но от пули, попавшей ему в спину, он защититься не смог. «Свобода...» — это было последнее слово Жустиньо перед смертью.

Лесной капитан умер на руках своего отца. Комиссару Антеро и его людям в конце концов удалось преодолеть сопротивление восставших рабов. Рабы были заперты в сензале, среди них был и Рафаэл.

— Я вам покажу, как устраивать восстания! — кричал комиссар рабам, запертым в сензале. Большинство рабов были ранены, а остальные испытывали состояние глубокого отчаяния.

— Вы будете находиться здесь до тех пор, пока барон не решит, что с вами делать! — Затем Антеро обратился к Рафаэлу: — А вам не следовало привязывать барона к столбу! Это же противозаконно!

Несмотря на все потрясения, Рафаэл не забывал о Жулиане. Сейчас он впервые остро почувствовал, как сильно любит ее! И он попросил старого Жусто, которому было разрешено в награду за убийство Лесного капитана уходить и приходить на фазенду, когда он захочет, пойти к Жулиане и передать ей весточку. Однако до Жусто совершенно не дошел смысл слов, сказанных Рафаэлом. Он так сильно переживал гибель сына, что со стороны мог показаться умалишенным.

Глава 22

Схватка на фазенде барона завершилась победой белых. Оказавшись запертыми в сензале, рабы поняли, что все пока остается по-старому — крупные землевладельцы продолжают обладать неограниченной властью.

— Отлично! Мы показали этим неграм, что мы истинные хозяева! — торжествуя, заметил барон. — Теперь у них надолго отпала охота устраивать восстания!

Однако у полковника Феррейры возникла масса про-

блем в семье — ведь во время публичного избияния барона он услышал слова Сеньориты, в которых теперь Феррейра хотел разобраться. Вскоре и донна Кандида заговорила с мужем о Рафаэле. Она пыталась убедить барона, что ему не следует держать своего сына Рафаэла запертым вместе с другими рабами.

— Вы должны его выпустить, Феррейра! Кроме того, его мать Мария дас Дорес заслуживает всяческого уважения и признательности. Она подарила вам сына, о котором вы мечтали многие годы! — Затем баронесса с грустью добавила: — А вот мне не удалось родить вам сына!

Однако барон не обратил никакого внимания на слова донны Кандиды. И в ответ ей он сказал:

— Мне нет никакого дела до Марии дас Дорес! И этот черный ублюдок останется там, где он есть, в сензале рабов!

Все жители Арауны были поражены тем, что Сеньорита пыталась своим телом загородить отца от побоев. Лишь Рикардо не проявил особого интереса к рассказу брата о мужественном поведении Сеньориты. Его гораздо больше интересовало, не пострадала ли донна Кандида во время этих событий. Заметив беспокойство своего супруга о донне Кандиде, Анна не на шутку опечалилась. Она-то думала, что его чувства к донне Кандиде забыты раз и навсегда. Тогда Анна решила снова вернуться к родителям.

— Что же это такое! Он обнимает меня, а думает о ней, — все время причитала она.

Полковник Феррейра был потрясен тем, что дочка пыталась загородить его от побоев. И он впервые за долгое время сказал дочери теплые слова. Сеньорита решила воспользоваться расположением отца и замолвить слово о Рафаэле.

— Вы же понимаете, что он не стал вас избивать, потому что вы — его отец! Хотя он и ненавидит всех землевладельцев, это его остановило!

— Давай не будем говорить на эту тему, дитя мое, — сказал барон дочери. Однако Сеньорита не унималась.

— Рафаэл — мой брат, он сын Марии дас Дорес и ваш!

— Ну ладно, ладно, я тебе признаюсь — это действительно была моя ошибка. В конце концов, все мы люди, и каждый из нас в жизни совершал ошибки.

— Но Мария дас Дорес очень любила вас, отец! Однако я хочу, чтобы вы признали Рафаэла не только поэтому. А

потому, что я люблю вас, отец. — Сеньорита пыталась далее убедить своего отца, что Рафаэл отказался от своего прежнего намерения — убить полковника Феррейру.

Старая Виржиния была чрезвычайно обеспокоена исчезновением своего сына Себастьяна. Она повсюду искала его, но нигде не нашла. А Себастьян так и сидел в темном подвале, запертый и всеми забытый. Он был смертельно напуган тем, что никто и понятия не имел, где он находится. И об этой тайной комнате с золотом знали очень немногие, поэтому его положение было почти безнадежным.

Донна Кандида призналась Виржинии, что она окончательно решила оставить своего мужа. Его бесчеловечное обращение с рабами больше выносить баронесса не могла.

— Ой, мне кажется, что все сошли с ума! Я уже просто не понимаю, что творится на белом свете, — причитала Виржиния. — А ваш муж никогда вам не позволит уйти от него!

— Да он уже все знает, Виржиния!

Анна сидела в своей комнате в родительском доме и плакала. Она не могла уже больше выносить Рикардо — ведь он день и ночь думал только о баронессе.

— Ты не поверишь, мама! У нас ни разу не было близости! Ни разу! Какой же это брак!

Мануэл Тейшейра был просто ошеломлен тем, что услышал от дочери.

— Ну раз так, то зачем вы вообще живете вместе? — И он в запале пошел к доктору Фонтесу и сказал ему, что его сын Рикардо — не мужчина.

Между тем Рикардо пришел к отцу Жозе, желая поделиться со священником своими проблемами. Он рассказал, что постоянные мысли о баронессе мешают его близости с женой...

Анна сожалела о том, что затеяла разговор с родителями о своих отношениях с Рикардо. Она объявила родителям, что несмотря ни на что любит своего мужа. Донна Нина решила помочь дочери и поэтому дала ей несколько неожиданный совет: в постели с Рикардо изображать из себя баронессу. По мнению донны Нины, это был единственный способ, который мог бы помочь молодым наладить отношения.

Однако Анна уже почти не надеялась восстановить

отношения с Рикардо и понимала, что совсем не стоило посвящать кого-либо во все их сложности — ведь это крайне неприятно для Рикардо.

Находившийся в сензале рабов Рафаэл не переставал страдать при мысли, что у него не хватило духа избить барона до смерти.

— Я, оказывается, слишком слабый человек, — жаловался он Фулженсио.

— Не надо так мучить себя, Рафаэл! В конце концов, Феррейра ведь ваш отец, так что ваш поступок вполне можно объяснить, — пытался успокоить Рафаэла Фулженсио.

Глава 23

Узнав о том, что Рафаэл сидит в сензале рабов, Жулиана и Аугусто сразу же направились в поместье барона. Они стали просить полковника Феррейру выпустить Рафаэла не только потому, что он родной сын Феррейры, но и потому, что он бывший раб, а ныне свободный человек. Так что держать его в сензале рабов неправомерно.

— Он же не совершил никакого преступления, у него даже духу не хватило избить вас. К тому же он ведь жених моей внучки — он и Жулиана обручены.

— Сеньор Аугусто, зачем вы себя так унижаете из-за какого-то несчастного негра! — Феррейра покачал головой. — Я просто не понимаю, как ваша внучка может желать навестить его — вместе с ним в сензале рабов заперты бандиты и убийцы!

— Но Рафаэл-то не бандит и не убийца! — пытался возразить Аугусто.

Только благодаря просьбе дочери барон разрешил Жулиане навестить своего жениха. Девушки вместе направились в сензалу рабов, а барон и Аугусто продолжали беседу. Полковник Феррейра с присущей ему грубостью сказал:

— Как же ваша внучка могла обручиться с этим негром? Да пусть она его забудет навсегда! Он же участвовал в этом чудовищном восстании рабов, так что я его живым отсюда не выпущу!

Чуть позже Феррейра случайно вспомнил то, что у него начисто вылетело из головы из-за всего случивше-

оса; ведь в подвале он кого-то запер... И это вовсе не Родолфо Фонтес, как вначале думал барон. Феррейра поспешив в подвал. Конечно же, его не слишком волновала участь пленника — он забеспокоился о своем золоте. С пистолетом в руке барон ворвался в подвал и увидел того, кого совсем не ожидал увидеть, — Себастьяна. Слуга барона лежал на полу — изнуренный жаждой, он потерял сознание. Полковник Феррейра не знал, что и делать. Он судорожно стал думать, стоит ли убивать Себастьяна, ведь он узнал тайну барона. В конце концов Феррейра решил дожидаться, пока его слуга придет в себя. Лишь после разговора с Себастьяном можно будет что-то решить.

Барон приподнял голову своего слуги и влил ему в рот немного воды. Этот долгожданный глоток привел Себастьяна в чувство. Феррейра тут же начал задавать своему слуге вопросы.

— Как ты здесь очутился? Кто тебе рассказал про эту комнату?

Себастьян от слабости едва ворочал языком:

— Никто, сеньор барон. — И он стал убеждать барона в том, что совершенно случайно попал в эту комнату, ни о чем не зная. — Я вам клянусь, сеньор барон, что никто никогда не узнает об этой комнате с золотом, я никому не скажу!

Барон собрался снова запереть своего слугу, однако не тут-то было: совершенно неожиданно перед ним предстали Виржиния, баронесса и Сеньорита — оказывается, они следили за Феррейрой.

— Вы не должны причинить моему сыну зло! — Виржиния загорела своего сына от барона. Баронесса промолвила:

— Мы все слышали, Феррейра! Ты ведь думал, что запер Родолфо? Ты так и не оставил мысль убить мужа своей дочери, отца столь долгожданного внука!

— Это не так, Кандида! Это неправда, — барон пытался оправдаться.

— Господи, сколько же ты мне причиняешь боли, Феррейра! — Затем баронесса обратилась к дочери: — Давай немедленно покинем этот дом! Твой отец в полном безумии! А твой муж во время каждого посещения фазенды рискует лишиться жизни!

Чуть позже, немного успокоившись, донна Кандида попросила супруга перепрятать золото в другое место.

— Неужели ты можешь убить Себастьяна только по-

тому, что он знает, где находится золото? Да этот бедный раб безумно напуган! Он собирался уже бежать, но в последний момент Виржиния удержала его, она очень надеется на мою защиту!

— Себастьян всего лишь негр! Не забывай этого! — кричал барон. — И запомни, Кандида, мне в жизни необходимы две вещи — золото и ты. От них я не могу отказаться! — Донна Кандида промолчала, столь неожиданное объяснение барона ей в любви она оставила без внимания. — В последнее время ты несколько раз порывалась от меня уйти, — продолжал барон. — Советую тебе этого не делать. Я скорее убью тебя, чем отпущу!

На следующее утро барон сказал своей дочери, что ей следует еще раз хорошенько подумать, прежде чем покинуть его дом. Донна Кандида уже изменила свое решение и осталась на фазенде. Сеньорита и Родолфо, прибывший рано утром в поместье барона, были чрезвычайно удивлены резкой переменой настроения баронессы. Баронесса сказала им, что решила остаться с мужем.

Пока Сеньорита упаковывала свои вещи, Родолфо прислушивался к словам барона, которые доносились до него из дома. Феррейра приказывал кому-то схватить, привязать Рафаэла к столбу и высесть.

— Я хочу посмотреть, сколько белой крови выльется из него! — высказал свое желание барон.

События приняли совершенно неожиданный оборот. Родолфо, узнав от жены, что полковник Феррейра хочет убить Себастьяна, решил поговорить с бароном об участии его слуги. Он хотел узнать, действительно ли Феррейра готов убить Себастьяна только потому, что тот узнал о золоте.

— Неужели вы способны убить человека, полковник, ради сохранения тайны?

И вдруг барон спросил Родолфо:

— А вы, наверное, как мой зять, рассчитываете на какую-то часть этого золота? Признайтесь, Родолфо, ведь это так!

Барон совершенно проигнорировал вопрос Родолфо о Себастьяне и, к удивлению Родолфо, решил показать ему

свое золото. Он повел зятя в потайную комнату с сокровищами.

— Родолфо, несмотря на все наши разногласия, вы все-таки мой зять и поэтому должны знать о моих сокровищах! — помолчав немного, барон добавил: — А что касается Себастьяна, то я поручаю вам наблюдать за ним! Я решил оставить его в живых, пока он не расскажет, кто же все-таки открыл ему тайну о моем золоте!

«Да, как же золото может изменить человека — думал барон, когда они с Родолфо покинули помещение с сокровищами, — и ведь каждый человек продажен, любого можно купить...»

Сеньорита была чрезвычайно удивлена, когда Родолфо попросил ее распаковать вещи и не спешить с отъездом. Он заявил жене, что хочет остаться с ней в поместье барона, чтобы иметь возможность защищать Себастьяна, пока барон не забудет случившегося. Через некоторое время полковник Феррейра сказал своему зятю, что верит, что Себастьян случайно попал в помещение с золотом, и предложил Родолфо нечто чудовищное:

— О золоте знает лишь Себастьян, — поэтому его следует убить! И убить его должен ты, Родолфо!

Родолфо начал обдумывать план спасения Себастьяна и наконец придумал: он поведет слугу барона в лес и затем инсценирует его убийство, а на самом деле даст ему возможность бежать. Своим планом Родолфо поделился с Себастьяном, а тот рассказал об этом своей матери. Согласно плану Родолфо, Виржиния сможет отыскать своего сына в Куиломбо.

Однако намерения барона зашли еще дальше. Он хотел убедиться в преданности Родолфо и попросил его выпороть Рафаэла. Однажды утром, придя в сензалу рабов, Родолфо обратился к Рафаэлу с такими словами:

— Я вынужден высесть вас на глазах барона! Понимаете, он думает, что я теперь на его стороне, а я вынужден притворяться, иначе события на фазенде могут принять опасный оборот! Барон совсем обезумел, Рафаэл!

— Да я понимаю! Но интересно, чего барон хочет добиться публичным моим избиением? Может быть, он просто проверяет вашу преданность?

— Феррейра хочет, чтобы вы публично заявили, что вы ему вовсе не сын!

— Ну уж нет! Этого он от меня не добьется!

Избиение Рафаэла представляло собой ужасную кар-

тину. Родолфо избивал привязанного к столбу Рафаэла, так как он не хотел, чтобы барон засомневался в его преданности. Несмотря на невыносимую боль, Рафаэл вел себя очень мужественно. Полковник Феррейра ничего не добился. Наоборот, после каждого удара Рафаэл все громче и громче кричал:

— Негодяй, ты мой отец! И это я буду повторять до самой своей смерти!

Барон совершенно потерял самообладание. Он набросился на Рафаэла:

— Черный ублюдок, я сейчас прикончу тебя голыми руками!

Но тут вмешался Родолфо и остановил барона:

— Сеньор барон, предоставьте его мне!

— Ну так кончай его поскорее! — закричал что есть силы полковник Феррейра.

Жулиана заметила, что с Рафаэлом что-то происходит. Она постоянно плакала и говорила Аугусто:

— Я чувствую, что Рафаэлу сейчас плохо! Я просто уверена в этом!

Тем временем Родолфо пытался объяснить жене, почему он пошел на поводу у барона.

— Я ведь согласился высесть Рафаэла, чтобы показать твоему отцу свою преданность. Только так я смогу рано или поздно одержать над ним победу!

Жусто и Бальбина имели свои виды на сокровища барона. Они решили изъять все золото из тайника и отнести его в фамильный склеп семьи полковника Феррейры.

— Пусть золото покойся вместе с предками барона, — со смехом предложил Жусто Бальбине.

Улучив момент, они проникли в кладовую с золотом, уложили слитки в мешки и перетаскили их в склеп семьи полковника Феррейры. Они занимались этим средь бела дня, на глазах у всех. На вопрос, что они делают, старые негры отвечали, что несут камни для могилы своего сына.

Барон теперь окончательно поверил в преданность своего зятя. После случая с Рафаэлом в это невозможно было не поверить. Полковник Феррейра в очередной раз ощутил могущество своей власти.

Доктор Фонтес был возмущен, узнав о поступке Родолфо. Такой бесчеловечности от сына он не ожидал. Адвокат решил серьезно объясниться с Родолфо.

Баронесса, не подозревавшая об истинных намерениях Родолфо, тоже была страшно огорчена и разочарована. Она пыталась найти этому объяснение и решила, что поведение Родолфо каким-то образом связано с золотом барона. Однако Сеньорита объяснила баронессе, в чем дело. Родолфо совершенно не изменил своих взглядов, по словам Сеньориты, просто он хотел ввести барона в заблуждение и тем самым предотвратить расправу барона над рабами, которые посмели выступить против полковника Феррейры. Сеньорита считала, что ее отец лишился рассудка. Баронесса была с ней полностью согласна. Ей тоже в последнее время супруг казался не вполне нормальным. И баронесса с каждым днем все больше и больше отдалялась от барона. И она чувствовала, как в ней просыпается нежность к Рикардо Фонтесу.

Рикардо тоже постоянно думал о баронессе и любил ее все сильнее. Он открыто говорил своей жене, что хотя Анна ему и нравится, но в их браке недостает чего-то, что нельзя даже точно описать словами... Анна окончательно поняла, что лишь с баронессой Рикардо сможет быть счастлив по-настоящему.

Молодые так и не смогли найти общего языка. И каждый из них жил в родительском доме. Анна и Рикардо так и не создали общего дома. Рикардо признался матери, что женился на Анне только для того, чтобы загладить вину своего брата: Родолфо был помолвлен с Анной, но в последний момент решительно отказался жениться на ней.

— Да я знаю это, Рикардо, — с пониманием отозвалась донна Инес. — Но мне непонятно, как это донна Нина согласилась выдать за тебя дочь!

— Конечно же, Родолфо был виноват. Нельзя же соглашаться жениться на нелюбимой только из-за чувства долга перед семьей Тейшейров! И я очень сочувствовал Анне и решил жениться на ней вместо Родолфо.

Анна не уставала повторять матери, что ее с Рикардо связывает преданная дружба и что он ее никогда не обманывал, а, наоборот, открыто признавался в своих чувствах к донне Кандиде. И ее долг помочь ему.

Рафаэл оказался удивительно стойким и мужественным. Его совершенно не испугало, что барон собирается

его убить. И он не догадывался, откуда поступит помощь.

Глава 24

Мария дас Дорес была жива, более того, она процветала. Мария дас Дорес превратилась в элегантную даму из высшего общества. У нее был и большой дом в столице, и влиятельные друзья. Прочитав статью Рафаэла в «Голосе Арауны», она поняла, что он живет в Арауне. И Мария написала Аугусто письмо, в котором попросила журналиста встать на защиту Рафаэла. «Если этот Рафаэл мой сын, то я не хотела бы, чтобы он стал заискивать перед своим отцом. Однако мне бы очень хотелось, чтобы его отец признал наконец-то его. И я мечтаю встретиться с Рафаэлом и обнять его, ведь мы были разлучены многие годы после того, как полковник Феррейра нас продал!»

Получив письмо, Аугусто отправил Марию в столицу к Марии дас Дорес. Полковник Феррейра не поддавался на уговоры пощадить Рафаэла. Его просили и комиссар Антеро, и отец Жозе, однако барон был непоколебим. Положение Рафаэла и других пленников в сензале рабов становилось все невыносимее. У них уже почти не осталось ни еды, ни питья. Рабы были на грани отчаяния.

Родолфо больше не хотел притворяться и избивать Рафаэла, все в нем протестовало против этого. Он видел, что состояние Рафаэла столь тяжелое, что тот может каждую минуту умереть. Но Рафаэл шептал Родолфо, чтобы тот продолжал порку во имя общего дела, за которое они оба боролись.

— Я боец и борюсь против власти барона своими методами, — говорил Рафаэл сдавленным голосом.

Анне хотелось с кем-нибудь поделиться своими семейными проблемами. Разговоры с матерью нисколько не принесли ей облегчения. И тогда она решила открыть душу Аделаиде, с которой она очень подружилась после родов Аделаиде. И Анна призналась, что совершенно разлюбила Рикардо.

Между тем доктор Эдуардо снова прибыл в Арауну. Он обещал Мануэлу Тейшейре и Жозе Коутиньо осуществить

установку оборудования в заведении. Желая договориться о работе, инженер зашел в дом Жозе Коутиньо. Как же он был счастлив, увидев там Анну! Она беседовала с Аделаиде. Эдуардо поспешил извиниться перед девушкой:

— Анна, извините меня за то, что я своим поведением вызвал какие-то кривотолки вокруг вашего имени. Из уважения к вам и вашему доброму имени как замужней дамы я покинул Арауну.

Однако Эдуардо лишь изобразил раскаяние, на самом деле он не собирался отступать от намеченной цели и решил во что бы то ни стало добиться Анны. Эдуардо собирался в ближайшее время возобновить свои ухаживания за Анной.

— Ты обязательно родишь мальчика, дитя мое! — промолвил барон, любовно глядя на дочь.

— Но ведь это может быть и девочка!

— Я надеюсь, что ты меня не подведешь, как твоя мать! — резко возразил ей полковник Феррейра. Однако заметив, как Сеньорита вся сжалась от этих слов, барон поспешил сгладить свою оплошность: — Извини меня, доченька, я только хотел сказать...

Сеньорита не дала отцу договорить:

— ...что вы хотите внука! Я это уже слышала. И раз вы хотите внука, то должен родиться только мальчик! А если это будет девочка...

— Молчи! Бог никогда этого не допустит!

— Ну а если все-таки родится девочка?

— Тогда я прокляну и тебя, и твоего улюбюдка!

Совершенно измученный и обессиленный от тяжелых побоев Рафаэл, лежа на соломе в сензале рабов, пытался защитить своего «палача» Родолфо в глазах своих друзей. Он объяснял им, что Родолфо бил его только для видимости, а на самом деле он по-прежнему на их стороне и в скором времени организует им побег в Куилombo. Рафаэл забылся глубоким сном, а полковник Феррейра тем временем рвал и метал. Он хотел выяснить, по чьему приказу Рафаэла отвязали от столба, перестали избивать и увели в сензалу.

— Это я попросила Родолфо так поступить с Рафаэлом, — пояснила дочь барона. — А вы, отец, должны его уже сегодня отпустить!

— Это я должен выпустить Рафаэла? Да я никогда в

жизни этого не сделаю. — Затем барон посмотрел на Родолфо. — Я разочарован. Я-то думал, что ты более сильный духом и смелый, — язвительно заметил барон.

— Знаете что, давайте будем измерять мою силу другими способами! И я никогда не смогу забить до смерти беззащитного человека! И не делайте из меня орудие вашей мести! — отпарировал Родолфо.

Барон совершенно вышел из себя от гнева:

— Немедленно убирайтесь с фазенды! Вы меня уже во второй раз разочаровываете в себе! И знайте, что я не отпущу свою дочь с вами!

Донна Кандида теперь испытывала к своему мужу только ненависть. Она считала его опаснейшим безумным преступником, готовым уничтожить все на своем пути. Тем не менее она сказала дочери, что, хотя она и на стороне ее и Родолфо, не покинет имение барона.

— Ты не понимаешь, что я не могу сейчас уйти от мужа, которого я глубоко ненавижу и презираю, — с грустью сказала баронесса дочери. — Но я чувствую, что когда-нибудь настанет такой день, когда я буду свободна!

— Подумать только, о свободе говорят не только угнетенные рабы, но и баронесса Араруны! — промолвила Сеньорита, ее очень впечатлили слова матери.

Барон в последнее время постоянно был чем-то недоволен. Себастьяну и Виржинии он приказал навсегда покинуть его имение. Пока Себастьян находился на фазенде, он представлял определенную угрозу для полковника Феррейры. Он мог разболтать всем рабам о золотых слитках и их местонахождении.

Полковник Феррейра решил, что отпустить Виржинию и Себастьяна будет самым разумным. Он приказал им убираться куда-нибудь подальше от Араруны. Во время очередного приступа бешенства барон вдруг начал кричать, что лично сожжет имение, и тогда все увидят, кто здесь истинный хозяин. Таким образом барон пытался в очередной раз утвердить свою власть и доказать свою силу и себе, и окружающим. Рафаэл чувствовал себя виноватым в тех ужасных событиях, что разыгрались на фазенде. Он до сих пор не мог себе простить, что у него не хватило решимости убить барона. Если бы он убил барона, не было бы всей этой кровавой бойни. А теперь положение рабов барона стало еще хуже, у них не было ни еды, ни воды. Барон считал всех рабов опасными преступниками, поэтому совершенно не заботился о поддержании их жизнедеятельности. Кроме того, ра-

ненные рабы остро нуждались в медицинской помощи. Их раны начали гноиться. У многих начался жар. Тобиас все время причитал, что лучше бы ему было погибнуть во время бойни, как Жустиньо и Лесному капитану, чем оказаться запертым в таких чудовищных условиях в сензале рабов.

Заметив отсутствие верной и преданной Виржинии, донна Кандида потребовала объяснений у мужа. Барон сказал, что Виржиния и Себастьян сбежали, однако баронесса не поверила в это. Не могла Виржиния исчезнуть после стольких лет службы, не попрощавшись. И донне Кандиде, и Сеньорите стало ясно, что это опять козни барона. Именно он заставил мать и сына быстро убраться с фазенды. Но затем полковник Феррейра пошел на крайнюю подлость. Он передумал их отпускать, приказав своим людям поймать Виржинию и Себастьяна и доставить в сензалу рабов.

Себастьян подробно рассказал всем рабам, где запрятано золото полковника Феррейры; он уже не надеялся уйти с фазенды живым. Рабы с большим вниманием прислушались к его словам.

— За шкафом находится дверь, а за ней вниз идут ступеньки. Там находится очень много золота, — сказал Себастьян рабам.

Если бы барон не был абсолютно уверен в том, что никто из рабов не уйдет из лагеря живым, он, конечно, не дал бы Себастьяну возможность разболтать о золоте.

Сеньорите и Родолфо не удалось спокойно покинуть поместье. Когда дочь барона собирала свои вещи, в ее комнату ворвался отец и потребовал, чтобы она немедленно их распаковала. Он не собирался отпускать свою дочь вместе с Родолфо и даже пригрозил, что убьет Родолфо, если Сеньорита посмеет последовать за ним. Родолфо был в полном отчаянии, но ему пришлось пойти на уступки и согласиться оставить жену на фазенде. Однако он попытался успокоить ее и сказал, что все будет хорошо и что вскоре он за ней вернется.

Родолфо решил отсрочить свой отъезд с фазенды до следующего утра. Наступившие сумерки послужили для этого удачным предлогом. Родолфо сказал, что в темноте он никуда не намерен идти. Полковника Феррейру беспокоило нехорошее предчувствие. И он решил в очередной раз глянуть на свои сокровища. Открыв дверь потайной комнаты, он не обнаружил там золотых слитков.

— Где мое золото? Куда вы дели мое золото? — кри-

чал барон как безумный. Все сокровища его исчезли. Полковник Феррейра был уверен, что это дело рук Родолфо, и он приказал своим людям немедленно схватить его, пока он не покинул фазенду.

— Это золото накапливалось столетие! — возмущался барон. — Больше века ушло на это!

Полковник Феррейра решил, что следует принять решительные меры, чтобы срочно вернуть свои сокровища. Он приказал запереть в сензале вместе с рабами всех членов своей семьи — и Родолфо, и Сеньориту, и донну Кандиду.

— Я вас всех убью, — кричал полковник Феррейра, — если немедленно не получу назад свое золото! — По его виду было ясно, что он сделает это, не задумываясь.

Анна решила рассказать Рикардо о возвращении в Арауну Эдуардо, так как считала, что утаивать эту новость от мужа было бы нечестно.

— Если ты хоть пальцем тронешь Эдуардо, я всем в городе расскажу, что я по твоей милости так и осталась девушкой! — заявила она Рикардо.

Анна не подозревала, что ее следующая встреча с Эдуардо произойдет так быстро. Мануэл Тейшейра пригласил его на ужин. Не то чтобы Мануэл начал поощрять отношения доктора к своей дочери — нет, до этого дело не дошло. Однако Эдуардо остался компаньоном Тейшейры, и поэтому тот был обязан его пригласить к себе в дом, соблюдая правила приличия.

Донна Нина была очень любезна с гостем. Эдуардо вел себя безупречно, был галантен и вежлив. И к тому же, как и раньше, он был очень интересным собеседником. Жена Мануэла Тейшейры была от него в полном восторге.

Эдуардо и сам почувствовал расположение к себе хозяев дома. Это его воодушевило, и он признался в своих чувствах к Анне. Брак Анны с Рикардо к этому времени уже почти распался, молодые жили в разных домах, так что их союз существовал лишь на бумаге. Было вполне закономерно, что отныне доктор Эдуардо стал желанным гостем в доме Мануэла Тейшейры. Рикардо, услышав о благосклонности к Эдуардо семьи Мануэла Тейшейры, сразу же почувствовал себя свободнее и наконец признался матери, что он, как и прежде, по уши влюблен в баронессу.

Козни и интриги барона вызывали возмущение многих жителей Арауны. Последней каплей стало его обращение с Рафаэлом. Этому уже не смогли стерпеть ни отец Жозе, ни Аугусто, ни комиссар Антеро, ни землевладельцы Эвералдо и Коутиньо. Они все решили отправиться на fazendu барона, чтобы спасти Рафаэла и попросить барона не преследовать его.

— Если вы не хотите признать Рафаэла своим сыном, это ваше дело, сеньор барон. Но перестаньте хотя бы мучить его, это же не по-человечески! Сжальтесь над ним, сеньор барон!

— Довольно! — поспешил прервать беседу барон. — Этот черный ублюдок никакой мне не сын! Да он просто жалкий мулат, прибывший в Арауну для того, чтобы опозорить имя Феррейры! Да он даже задумал меня обокрасть! Я подозреваю в этом и его самого, и его друзей.

— А в чем вы их подозреваете?

— Да в краже золота! — Тут голос барона сорвался. — Они украли мои сокровища! Все золото, находившееся в доме, исчезло!

Мужчины решили уйти, поняв, что, пока барон в столь безумном состоянии, с ним беседовать бессмысленно. Можно только надеяться, что барон придет в себя и тогда с ним можно будет поговорить. Они не могли никак понять, почему не встретили никого из членов семьи барона — ни баронессу, ни дочь барона, ни Родолфо.

Чрезвычайно озабоченный судьбой своего сына доктор Фонтес попросил барона позвать Родолфо. Барон попытался отвернуться.

— Родолфо на прогулке вместе с моей дочерью! Так что не беспокойтесь! А в остальном я не нуждаюсь в вашей помощи, господа! — Барон хотел, чтобы непрошенные гости удалились. — И от вашей помощи я отказываюсь, комиссар! В моих глазах вы совершенно неспособный человек!

Барон ни на минуту не сомневался, что ему удастся вернуть свои сокровища. Проводив гостей, полковник Феррейра направился в сензалу рабов, чтобы допросить Себастьяна. Феррейра накинулся на своего слугу с плеткой и начал его избивать.

— Ну, мерзавец, рассказывай все, пока я тебя не прикончил!

Однако Себастьян ни проронил ни слова. Эту чудовищную сцену избиения слуги барона с ужасом наблюдали Рафаэл, Родолфо, Сеньорита и другие рабы. Феррейра и не предполагал, что его побои могут ни к чему не привести, а Себастьян совершенно не представлял, где теперь может находиться золото барона.

Для полковника Феррейры в данный момент на карту было поставлено многое. Золото представляло собой не только богатство семьи, но и олицетворяло власть и могущество барона. О пропаже золотых запасов барона очень быстро стало известно всем жителям города. Мартиньо, которому барон поручил подыскать себе земельный участок в столице провинции, сразу же забеспокоился по поводу того, сумеет ли барон расплатиться за эту землю. Все жители Арауны понимали, что без своего золота барон не сможет стать и политическим деятелем. Без золота у барона не может быть ни власти, ни могущества.

Мануэл Тейшейра и Жозе Коутиньо были очень рады, что инженер Эдуардо смонтировал столь нужную для них машину для переработки кофе. По этому случаю Тейшейра закатил в своем заведении дружескую пирушку.

Ничего не добившись от Себастьяна, барон решил оказать давление на Виржинию. Он велел привести ее из сензалы в господский дом.

— Я тебе советую поговорить с сыном, Виржиния! Он же знает, где мое золото! А если он не расскажет мне ничего до утра, то завтра он умрет!

Однако барон заблуждался, считая, что его бывший слуга что-то знает о местонахождении сокровища.

Тем временем Сеньорита почувствовала резкую боль — похоже, у нее начинались родовые схватки. Неужели ее ребенку суждено родиться здесь, в этом ужасном месте?

Состояние дочери очень обеспокоило донну Кандиду. Мало того, что роды начинались на два месяца раньше срока, еще и условия, в которых сейчас находилась будущая мать, были совершенно неподходящими для родов. Баронесса надеялась, что барон проявит милосердие к дочери и выпустит ее из сензалы. Родолфо не питал никаких

иллюзий на этот счет — он не ждал от барона проявления великодушия.

— Что-то здесь не то, — промолвила донна Инес, услышав рассказ своего мужа о посещении барона. — И он тебя, конечно же, обманул, сказав, что Родолфо и Сеньорита на прогулке. Нет, нет, там происходит что-то непонятное.

Поведение барона очень не понравилось и Аугусто. Он вообще предположил, что барон выдумал всю эту историю про золото, чтобы отвести внимание от совершенных им злодеяний.

— Что вам здесь нужно? Ступайте-ка отсюда прочь! — сказал барон Жусто и Бальбине, которые пришли в господский дом, чтобы предложить полковнику Феррейре свои услуги. Все рабы заперты в сензале, заявили они, а барон нуждается, чтобы кто-то вел его хозяйство. Феррейра принял их предложение. Он не мог даже предположить, что перед ним стояли похитители его сокровищ. Однако барон не исключал, что им что-нибудь известно о краже. И барон разговорился со старым Жусто:

— На фазенде спрятано золото! Очень много золота! На эти золотые слитки можно приобрести все кофейные плантации в нашей местности и даже построить целый город. Ты это знал, Жусто?

Старик негр покачал головой. Бальбина отвечала на вопросы полковника Феррейры с какой-то странной ухмылкой. Барон решил, что старики не в своем уме. Если это так, с ними надо быть крайне бдительным, поскольку от них всего можно ожидать... И тут взгляд барона случайно упал на стоявшую на столе бутылку с вином. «А что, если они решили меня отравить и уже подсыпали в эту бутылку яд?» — подумал барон. И он решил это проверить, предложив рабам выпить вина. Жусто и Бальбина с удовольствием осушили по стаканчику вина. Это барона несколько успокоило.

В сензале рабов стоял переполох — у Сеньориты начались роды. Негритянки образовали вокруг роженицы круг и начали петь, так они обычно поступали, когда у кого-нибудь из них начинались роды. Мужчины сидели в стороне и ждали, потому что они ничем не могли помочь.

Сеньорите было очень плохо, ей не хватало воздуха, а боли становились все сильнее. При каждой новой схватке дочь барона вскрикивала все громче и громче. Донна Кандида и Виржиния, помогавшие ей произвести на свет ребенка, всячески подбадривали Сеньориту.

Родолфо был очень обеспокоен происходящим.

— Вот уж никогда не думал, что мой ребенок родится в таких страшных условиях, — сказал Родолфо Рафаэлу. Рафаэл успокоил его, при этом искренне расхохотавшись:

— Да я сам родился в такой же обстановке. И в этих же условиях на свет появились и Себастьян, и Фулженсио, и многие другие рабы. Тысячи детей родились у рабынь именно в таких чудовищных условиях.

В это же время сидевшие в стороне Фулженсио, Тобиас и другие негры обсуждали план убийства барона.

— Мы должны это сделать, братья! Он, наверное, придет взглянуть на внука! Или же явится сюда, чтобы снова избить или Рафаэла, или Себастьяна. Вот тут-то и надо будет его порешить!

— Да против такой силы, как мы, барон и его люди — ничто, даже пусть и с оружием в руках! — решительно сказал Фулженсио.

— Смотри, Родолфо, мальчик! — Счастливая молодая мать радостно улыбалась мужу, показывая ему новорожденного. Родолфо опустился на колени перед ее постелью из соломы и поцеловал жену в лоб. Сеньорита, обессиленная, вскоре заснула. А старый Жусто тем временем решил открыть барону, кто истинные виновники исчезновения сокровища.

— Это мы украли золото, сеньор барон: Бальбина и я!

Бальбина с блуждающей улыбкой подтвердила его слова.

Барон был настолько поражен его словами, что какое-то время не мог вымолвить ни слова. Затем он закричал как безумный:

— Скажи, где сейчас мое золото? Скажи мне это, прежде чем я прикажу вас с Бальбиной публично высесть!

Угроза, казалось, совершенно не подействовала на старого негра.

— Тише, сеньор барон, тише! Мы закопали ваши золотые слитки!

— Закопали? Где, Жусто? Ну, скажи мне наконец!

— А мы и забыли уже, где! — ответила вместо Жусто Бальбина.

— Я помню, что мы выкопали яму... Но я уже не помню, где это было, — добавил Жусто. — А ты не помнишь, Бальбина?

— Нет... Да вы должны знать, сеньор барон, что мы оба несколько не в своем уме!

— Да я вас обоих убью! — закричал барон в бешеной злобе, но вдруг он услышал крик младенца. Это плакал ребенок Сеньориты, только что появившись на свет.

Сначала полковник Феррейра решил на это никак не реагировать, догадавшись, что это кричит ребенок его дочери, поскольку он решил навсегда отречься от нее. Однако его в очередной раз охватил страх остаться без наследника, а это значило бы, что он прожил свою жизнь зря. И он направился в сензалу рабов.

С силой распахнув дверь, барон тут же спросил:

— Кто родился — мальчик или девочка?

— Ну родился, положим, ребенок! — С иронией ответила баронесса.

— Нет, я спрашиваю, кто именно этот ребенок — мальчик или девочка? — кричал барон, совершенно потеряв над собой всякий контроль.

— Девочка! — вдруг промолвила слабым голосом Сеньорита. Ей совсем не хотелось, чтобы отец ликовал по поводу появления наследника.

— Девочка? Какой ужас! — закричал барон. — Какие же вы с матерью обе никчемные, так ни одна из вас и не смогла родить сына!

— А ведь ребенок-то родился раньше срока, — добавила донна Кандида. — И конечно же, было бы гораздо лучше, если бы он родился все-таки в вашем доме!

Барон был вне себя от ярости.

— Немедленно скажи отцу, что у нас — мальчик, дорогая, иначе он может всех убить, — тихо прошептал жене Родолфо.

И Сеньорита решила выполнить просьбу мужа:

— Да, да, у меня родился сын, и он просит вас, своего дедушку, сегодня же выпустить всех рабов из сензалы!

Однако это радостное для барона известие совершенно его не смягчило, он теперь интересовался только внуком и попытался вырвать ребенка из рук дочери, так как ему хотелось полностью завладеть внуком.

— Не смейте этого делать! — закричал Родолфо, когда

барон попытался приблизиться к Сеньорите. — Иначе я вас убью!

Фулженсио и Тобиас воспользовались растерянностью барона и всеобщим смятением. Они накинулись на барона и его людей, и сразу же отобрали у них оружие.

— Мама, я хочу, чтобы мы все вернулись вместе с сыном в поместье, а отец пускай остается в сензале. Только я не хочу, чтобы его мучили! — сказала Сеньорита донне Кандиде. Она боялась, что рабы, испытывая жгучую ненависть к барону, пойдут на крайние меры. Виржиния уверила Сеньориту, что Рафаэл и Родолфо не допустят зверской расправы над полковником Феррейрой. Донна Кандида заявила рабам, что они все получат свободу, а если барон откажется подписать свидетельства об их освобождении, она и ее дочь подпишут их сами.

— Выпустите меня немедленно отсюда, я вам приказываю! — неистовствовал барон.

Фулженсио было поручено караулить барона. Рабы были уверены, что именно Фулженсио никогда не допустит побега полковника Феррейры, уж слишком сильно он ненавидел барона. Фулженсио сказал барону:

— Я вам не сделаю ничего плохого, но если вы попытаетесь бежать, сеньор барон, я вас убью!

Родолфо Фонтес был горд тем, что у него родился сын. Он рассказывал об этом каждому жителю Арауны. Рождению внука чрезвычайно обрадовался и доктор Фонтес. Он сразу же отметил это знаменательное событие вместе с близкими друзьями в заведении Мануэла Тейшейры.

Рикардо Фонтеса потрясли события, происшедшие в поместье полковника Феррейры, но когда острота этих событий миновала, он снова погрузился в свои супружеские перипетии. Наконец-то Рикардо удалось открыто и доверительно переговорить с отцом, которому он признался, что совершенно не способен сделать Анну счастливой.

— Женившись на Анне, я надеялся, что все-таки смогу создать с ней счастливый союз, однако этого не произошло! — признался он. Отец вполне понимал его. И уже на следующий день Анна и Рикардо вместе со своими отцами

навелись к отцу Жозе. Им хотелось получить от священника разумный совет, касающийся брака Анны и Рикардо. Священник, выслушав жалобы всех присутствующих, сказал:

— Этот брак не следовало заключать. Я со своей стороны сделаю все возможное, чтобы этот брак расторгнуть.

Анне и Рикардо было приятно понимание со стороны отца Жозе: наконец-то им теперь не надо будет постоянно решать бесконечные проблемы, связанные с их дальнейшей совместной жизнью.

— Так, значит, обе стороны согласны расторгнуть брак, — сказал в конце этой встречи доктор Фонтес, как бы подводя итог.

Не успел Рикардо покинуть дом Мануэла Тейшейры, как в нем сразу же появился доктор Эдуардо. Он в первую же минуту признался Анне:

— Я уже слышал о том, что у вас случилось. — Эдуардо покраснел, а затем решительно заявил: — Я из-за вас вернулся в Арауну. Как только я вас увидел, я тотчас же влюбился в вас! — Упав затем перед Анной на колени, Эдуардо признался: — Вы моя единственная любовь, с самой первой встречи вы свели меня с ума!

После этого бурного объяснения доктор Эдуардо решил и далее не терять времени даром. И уже на следующий день он явился в дом Мануэла Тейшейры и сказал ему, что просит руки его дочери.

Мануэл Тейшейра ничего не имел против такого зятя, как доктор Эдуардо.

— Но к чему такая спешка? Анна ведь еще не расторгла предыдущий брак! — заметил Тейшейра.

— А мне не хочется больше опаздывать, — засмеялся Эдуардо.

Глава 26

Совершенно другие времена настали для обитателей поместья Арауна. Подумать только, барон находился под арестом в сензале рабов, а в его рабочем кабинете за его конторкой обосновался Рафаэл, который был занят очень важным делом — он выписывал свидетельства об осво-

бождении рабов. Покончив с этим занятием, Рафаэл передал все документы своей сестре Сеньорите.

— На этих бумагах не хватает только подписи барона! — И добавил: — Я должен тебе признаться, что мое свидетельство об освобождении — чистая фальшивка. Так что по закону я еще являюсь рабом барона. Но теперь это уже не играет роли!

Как ни старался барон забыть свое прошлое, это было невозможно. И в один прекрасный день в Арауну прибыла Мария дас Дорес. Первый свой визит она нанесла в типографию Аугусто, ведь именно в его газете «Голос Арауны» она наткнулась на статью своего сына. Жулиана очень удивилась, увидев столь богатую, элегантно одетую даму с темной кожей.

— Я пришла за своим сыном Рафаэлом.

Аугусто поспешил обрадовать ее:

— Рафаэл сейчас уже не пленник барона. Вот уже более двух часов, как он на свободе!

— Как, неужели Рафаэл находился под арестом? — Мария дас Дорес было потрясена этой новостью.

— Более того, его высекли по приказу барона. Полковник Феррейра очень хотел, чтобы Рафаэл при всех заявил, что барон — не его отец!

Мария дас Дорес собралась отправиться на фазенду барона, но Аугусто ее остановил.

— Советую вам подождать Рафаэла в городе, поскольку положение на фазенде еще нестабильное, всякое может случиться!

Хотя рабы и одержали победу над бароном, Родолфо был уверен, что не так-то легко уговорить полковника Феррейру освободить своих рабов. Родолфо с сожалением сказал Рафаэлу:

— Вот уж не думаю, что Феррейра согласится подписать свидетельства об освобождении рабов. Мне кажется, что он скорее согласится умереть, чем сделать это.

— В этот раз я уже не останавлиюсь перед убийством барона, но сначала я хочу его проучить. Я собираюсь сказать ему, что это я взял его золото и что сейчас оно у меня!

Донна Кандида поняла, что все еще любит Феррейру,

иначе как можно объяснить ее волнение по поводу дальнейшей участи барона?

Вооруженные рабы приволокли барона в господский дом, поставили за конторку и потребовали подписать свидетельство об их освобождении. Донна Кандида стала умолять супруга пойти навстречу требованиям рабов.

— Подпишите это, Феррейра, иначе они убьют вас, — заклинала она барона.

— Ты что, с ума сошла, Кандида? Да я этого в жизни не подпишу! Ну стреляйте, стреляйте, паршивые негры, чего вы ждете! — закричал барон.

Еще не вполне оправившаяся после родов дочь барона тоже пришла в кабинет отца. Она поспешила протянуть отцу один из документов.

— Отец, в первую очередь подпишите свидетельство об освобождении Рафаэла, вашего сына и сына Марии дас Дорес!

— Ах вот оно что! Оказывается, этот ублюдок все еще в моей власти? — Барон злорадно улыбнулся. — Да я, может, и подпишу все остальные свидетельства об освобождении, кроме его. — И тут барон вырвал из рук одного раба пистолет. — Надеюсь, я увижу, как тебя избьют до смерти!

— Стреляйте! Немедленно стреляйте в него, — закричала дочь барона рабам. Выдержка оставила Сеньориту, и она потеряла сознание. Хорошо, что в комнате были баронесса и Виржиния, они вовремя подхватили Сеньориту и вместе с ней удалились из кабинета Феррейры.

Рабы были в замешательстве. Барон понял, что у него сейчас есть шанс избежать самого худшего.

— Неужели же вы могли подумать, что я испугался ваших пистолетов и ружей? Да я никогда в жизни не обращаю внимания на ваше оружие. А вот то, что у вас у всех сейчас дрожат руки, это я вижу! Да, паршивые негры, вы все еще меня боитесь! Полковник Феррейра подошел вплотную к рабам и закричал на них: — А ну, немедленно всем бросить оружие!

И рабы последовали приказу своего господина, даже не пытаясь оказать ни малейшего сопротивления. Один лишь Рафаэл не бросил оружие, а направил пистолет на барона.

— Чего ты ждешь, ублюдок? Ну давай, стреляй. Если бы ты был действительно моим сыном, то, не раздумывая, выстрелил! А теперь все убирайтесь в сензалу!

Донна Кандида не поверила своим глазам. Она и представить себе не могла, сколь сильна власть барона над ра-

бами. Как же покорно они последовали его приказу. Один только Рафаэл продолжал отстаивать свои позиции. «Подумайте хорошенько, сеньор барон, либо вы подпишете сию же минуту все бумаги, либо вы никогда больше не увидите свои сокровища! Если вы не подпишете все свидетельства об освобождении, я вас пристрелю на месте!»

— Ах, значит, ты украл мое золото!

— Да, это был я, но мне нужно не все золото, а только часть его. Верните мне те деньги, которые вы получили от работорговцев, продав меня и мою мать. А остальное вы получите назад, если подпишете все бумаги.

Сначала барон не собирался принимать условия Рафаэла, но потом, несколько поразмыслив, согласился.

— Хорошо, я подпишу все документы, но свидетельство о твоём освобождении я подпишу только тогда, когда мои сокровища снова вернутся ко мне. — После этих слов полковник Феррейра снова встал за конторку и начал подписывать свидетельства об освобождении. Теперь его рабы стали свободными людьми уже на законном основании.

— А вот эта, последняя бумага касается тебя! Ее я пока подписывать не буду! Ну а теперь ты мне позволишь остаться в своем доме или прикажешь снова следовать в сензалу рабов?

— Да, сейчас вы снова вернетесь в сензалу! — приказал барону Рафаэл.

Отец Жозе, поздно вечером появившийся на фазенде барона, был весьма удивлен, узнав о том, что полковник Феррейра содержится в сензале.

— У Феррейры в последнее время явно помутился рассудок. После кражи золота барон совсем спятил! — пояснил священнику Родолфо.

— Что? Барон сошел с ума? — не поверил своим ушам священник.

Донна Кандида подтвердила сумасшествие своего супруга:

— Представляете, отец Жозе, полковник всех нас запер в сензале рабов. И моя дочь родила там ребенка. А Феррейра даже грозил нас всех убить.

— А как Сеньорита? Как она себя чувствует? — участливо поинтересовался священник.

— Она еще очень слаба, но ей намного лучше. Сейчас она в своей комнате, — ответила баронесса.

Рафаэл, находившийся в это время в господском доме, подтвердил все сказанное донной Кандидой о бароне.

— Феррейра в полном безумии, отец Жозе. Я только что был в сензале рабов и видел там барона. Он постоянно твердит, что предает огню фазенду и все сгорят в этом огне.

Священник покачал головой.

— Этого от Феррейры вполне можно ждать, — сказал отец Жозе и последовал за донной Кандидой в комнату Сеньориты, чтобы благословить новорожденного.

В это время в доме Мануэла Тейшейры происходил важный разговор доктора Эдуардо с Анной. Донна Нина и ее супруг удалились, чтобы не мешать молодым выяснять отношения.

Доктор Эдуардо был очень смущен.

— Знаете, Анна, мне как-то немного неловко оттого, что мы с вами остались наедине.

— Ах вот как? — удивилась Анна. — А ведь раньше вы были со мной весьма бойким. В вашем поведении никогда не было и тени смущения.

— Меня настолько переполняли чувства к вам, что мне не всегда удавалось себя сдерживать.

— Знаете что, докажите-ка мне свою любовь! — Помолчав немного, Анна добавила: — Мне необходимо разобраться, смогу ли я вас любить так, как раньше любила Рикардо... А может, мне просто казалось, что я его любила?

— Что я должен сделать?

— Поцелуй меня. И не бойся, родители сюда не войдут!

Эдуардо страстно припал к губам девушки. После долгого и страстного поцелуя инженер робко спросил у своей любимой:

— Ну как? Тебе понравилось? Это было лучше, чем с Рикардо?

— Рикардо? А кто такой Рикардо? И знать не знаю такого! — со смехом произнесла Анна и снова заключила Эдуардо в объятия.

Разобравшись в своих чувствах, Анна и Эдуардо решили навсегда связать свои судьбы. Теперь оставалось уладить только ряд формальностей. Необходимо было, чтобы церковь дала свое согласие на расторжение брака Анны с Рикардо. Отец Жозе обещал этому посодействовать.

Между тем Мануэл Тейшейра попросил доктора Фон-теса подготовить текст брачного договора для Анны и

Эдуардо. Рикардо был счастлив, узнав о планах этой пары. «Наконец-то я не буду постоянно испытывать чувство вины перед Анной», — думал он.

— Ты совершенно не виноват, мой мальчик, что из твоего брака с Анной ничего не вышло! — заверила сына донна Инес.

Глава 27

Наступил долгожданный день отмены рабства — 13 мая 1888 года. Аугусто прислали из столицы телеграмму следующего содержания: «Сегодня в пятнадцать часов в зале правительственного дворца было торжественно объявлено о законе, изданном принцессой-регентшей Изабеллой. Рабство в Бразилии отменено». Аугусто был чрезвычайно доволен. Его обрадовали и закон об отмене рабства, и факт получения телеграммы, ведь это означало, что и он, и его газета пользуются авторитетом.

В этот день на улицы Арауны вышли все жители города. «Да здравствует свобода! Да здравствует республика!» — такими возгласами приветствовалось начало новой жизни. Этот день праздновали по всей Бразилии, на улицах страны веселились огромные толпы людей.

После получения телеграммы Аугусто немедленно приступил к подготовке экстренного выпуска «Голоса Арауны». Он хотел, чтобы его газета одной из первых сообщила о столь радостном и торжественном событии. Не так-то часто в своей журналистской практике Аугусто сталкивался со столь прекрасным материалом. В эту знаменательную ночь по всему городу прошло факельное шествие, был устроен мощный фейерверк. Не умолкая, звонили колокола араунской церкви. На всех фазендах Бразилии пели и танцевали бывшие рабы — ныне уже свободные люди.

Весть об отмене рабства в стране не сразу дошла до фазенды барона Феррейры. Но у его рабов был свой праздник, ведь их господин подписал свидетельства об освобождении всех своих рабов.

Несмотря на плохое самочувствие, Сеньорита вышла во двор фазенды, чтобы вместе с Родолфо поздравить негров с обретением свободы. Негры радостно приветст-

вовали свою бывшую молодую хозяйку. Дочь барона обратилась к бывшим рабам со следующими словами:

— Теперь вы свободные люди! Вы можете уйти отсюда, куда захотите! Вам больше не надо бороться за свою свободу! Не так-то легко вам досталась свобода, многие ваши родные и близкие погибли в этой борьбе! И я всегда помнила и буду помнить, что все, что посажено, построено, выращено на этой фазенде, — это результат вашего тяжелого труда и труда ваших отцов и матерей. Отныне вы свободны!

— Свобода! Свобода! — радостно закричали рабы в ответ.

На последние события в стране не обратили никакого внимания лишь Анна и Эдуардо. Они были заняты только друг другом, настолько сильно захватила их любовь.

— А почему это сегодня звонят колокола? Уж не пожар ли в городе? — спрашивал Эдуардо у своей любимой.

— Ну а если и пожар? Уж не хочешь ли ты побежать и потушить его? — со смехом спросила Анна. Девушка не собиралась никуда отпускать своего возлюбленного.

— Да ладно, пусть себе звонят, нам-то что, — сказал Эдуардо.

Полковник Феррейра не собирался сдаваться. Он решил в очередной раз продемонстрировать, что никогда не откажется от попыток вернуть свою власть над людьми. Праздник, который был устроен на фазенде в честь освобождения рабов, был сорван внезапным появлением людей барона. Они потребовали у Родолфо ключ от сензалы рабов, так как барон все еще сидел под замком. При этом они пригрозили начать стрельбу, поэтому у Родолфо не было другого выхода, как подчиниться.

Перед прибывшим на фазенду отцом Жозе предстала ужасная картина: выпущенный на свободу барон стоял с плеткой в руках возле столба в окружении своих вооруженных людей. Соотношение сил снова изменилось. Опять во власти полковника Феррейры оказались все, кто находился на фазенде, — негры, донна Кандида, Сеньорита, Рафаэл и Родолфо. Сейчас барон жаждал, во-первых, отомстить за себя и, во-вторых, получить назад свои сокровища.

— Ну, любезные мои женушка и дочь, вам ваше предательство так даром не пройдет! — обратился Феррейра

к Сеньорите и донне Кандиде. Барон жестом приказал своим помощникам схватить обеих женщин. Феррейра собирался собственноручно забить их до смерти.

Разгадав намерения барона, отец Жозе поспешил вмешаться.

— Да как же вы можете так поступать со своими близкими...

— Заткнитесь, отец Жозе! А не то я и до вас доберусь! Однако отец Жозе и не думал отступать.

— Вы не должны трогать свою жену и дочь, — продолжал протестовать священник.

— Ах, так! Немедленно схватить его! Привязать его к столбу! — приказал Феррейра своим людям.

Священника схватили и привязали к столбу.

— Мне нужно назад мое золото! — кричал барон. — Может быть, вы, отец Жозе, как человек богобоязненный, скажете мне, где оно? Тогда я вас пощажу! — Феррейра замахнулся плеткой и уже собирался ударить священника, но, к счастью, не успел. Внезапное появление на фазенде Аугусто и Марии дас Дорес помешало осуществлению злодейских планов барона. Аугусто совсем не испугался ни барона, ни его людей. Он был уверен, что то известие, которое он принес, сильнее всякого оружия.

— Бросить всем оружие! — крикнул Аугусто и подошел к костру. При свете пламени он зачитал полученную утром телеграмму: «Сегодня, тринадцатого мая одна тысяча восемьсот восемьдесят восьмого года, в пятнадцать часов в зале правительственного дворца было торжественно объявлено о законе, изданном принцессой-регентшей Изабеллой. Рабство в Бразилии отменено». Все были настолько потрясены, что никто не мог проронить ни слова.

— Все рабы в Бразилии теперь свободны! — закричал Аугусто. — Приказываю всем бросить оружие!

Люди барона молча повиновались, да и сам полковник Феррейра опустил плетку.

— Да здравствует принцесса! Да здравствует свобода! — радостно кричали негры.

Феррейра все так же стоял возле столба, к которому был привязан отец Жозе. На фоне огня высвечивалось его искаженное злобой лицо. Нет, барон явно не оставил своих зловещих намерений. И неизвестно, что бы предпринял барон против безоружного Аугусто, не заметь он его темнокожую спутницу. Феррейра просто не мог поверить своим глазами: неужели эта элегантная, красивая дама — его бывшая ра-

быня Мария дас Дорес? Да, это действительно была она. Мария выглядела как женщина из высшего общества, несмотря на темный цвет кожи...

— Да, перед тобой Мария дас Дорес собственной персоной, — промолвила женщина уверенным голосом. Она презрительно смотрела на барона. — А Рафаэл — мой сын!

— Твой сын... — Феррейра с трудом сохранял самообладание. — А кто же его отец?

— Он только мой сын! Мой и больше ничей! Он никогда не признает такого отца, как вы! Он должен стыдиться такого отца! Пошли, сынок! — она повернулась и пошла прочь. Рафаэл последовал за ней.

Ситуация на фазенде снова изменилась. Люди барона один за другим начали потихоньку уходить с фазенды. Они понимали, что барон проиграл. Теперь их беспокоила только собственная участь. Пока негры отвязывали отца Жозе от столба, барон неподвижно стоял рядом и молчал, словно не понимая, что происходит. Единственное, что он сейчас чувствовал, это полное отчаяние.

Сеньорита еще раз решила повторить своей няне Виржинии, что в Бразилии больше нет рабов.

— Теперь, когда вы с Себастьяном полностью свободны, вы можете уйти, когда хотите и куда хотите!

Но Виржинии и в голову не приходило уйти с фазенды.

— Куда же я могу уйти от своей Сеньориты? Я навеки раба твоего сердца, дитя мое!

После столь необычных событий минувшей ночи барон в совершенно подавленном состоянии пришел в свой рабочий кабинет. Ему абсолютно никого не хотелось видеть. Однако Жусто и Бальбина все-таки прорвались к нему. Они настолько ненавидели барона и не могли простить ему его злодеяний, что хотели довести до конца свою игру.

— Что вам здесь надо? Кто вам разрешил входить ко мне? — возмутился барон, увидев стариков.

— Сеньор барон, так вы хотите узнать, где ваше золото? — спросил его Жусто.

— Так вы что же — вспомнили, где оно? Так говорите быстрее!

— Да, мы забыли сначала, а затем вспомнили. Золото закопано на территории сензалы рабов! — уверила барона Бальбина.

Теперь, после того как жена и дочь отвернулись от него, единственное, что у него осталось в жизни, это золото. Прихватив с собой кирку, полковник Феррейра поспешил к сензале рабов. Там он начал усердно копать землю. Причем он копал с бешеной скоростью, желая как можно быстрее вновь обрести свои сокровища. Однако его старания были тщетны, никакого золота там и в помине не было. Но барон не терял надежды отыскать сокровища. Отбросив кирку, он встал на колени и стал копать землю голыми руками.

— Свиньи! Идиоты! — в отчаянии кричал барон. Ведь рядом с ним никого не было, так что никто не мог ему помочь в раскопках. — Ничего, ничего! Я ни в ком не нуждаюсь! Я сам найду свои сокровища! — продолжал кричать обезумевший Феррейра. И он все копал и копал землю окровавленными руками. В своем исступлении барон даже не заметил, как Жусто запер решетчатые ворота сензалы на тяжелую железную цепь. И он не заметил Фулженсио с факелом в руке, который поджег солому в сензале, где жили раньше рабы...

Правда, старого Жусто начали мучить угрызения совести, и он сказал Фулженсио:

— А может, и не стоило уж так безжалостно поступать с бароном? Теперь, когда все негры свободны...

— Не забывай, что по милости Феррейры погибли папаша Жозе, Жустиньо, Лесной капитан и многие другие.

Огонь быстро сделал свое дело — сензала сгорела за несколько минут. Бывшие рабы стояли за воротами сензалы и наблюдали за пожаром. Огонь распространялся по всей территории сензалы.

— А вы слышите крики? Это кричат души наших предков. Они теперь свободны, свободны... — обратилась старая Бальбина к остальным неграм.

Полковник Феррейра не понимал, насколько серьезная угроза нависла над ним. Словно не замечая пожара, он продолжал копать землю. Рафаэл, увидев из господского дома языки пламени, немедленно выбежал. Он устремился к сензале. Открыв ворота, Рафаэл смело бросился в огонь, чтобы спасти то, что еще можно было спасти. И тут он увидел барона, своего отца.

Феррейра окончательно сошел с ума. Он сидел скорчившись и смотрел на Рафаэла безумными глазами.

— Прочь отсюда! — заорал барон. — Ты не получишь моего золота, черный ублюдок!

Задыхаясь от едкого дыма, Рафаэл выбежал за ворота. Теперь сыну барона ничего не оставалось, кроме как вместе со всеми наблюдать за происходящим. Но долго Рафаэл не мог оставаться бесстрастным наблюдателем, и он второй раз кинулся в адский огонь, чтобы вытащить барона.

— Если вы сейчас не выйдете отсюда, то погибнете, — кричал Рафаэл своему отцу.

Барон судорожно хватал воздух, но всеми силами сопротивлялся попыткам Рафаэла вытащить его из огня. Его попытки возымели успех лишь тогда, когда Феррейра потерял сознание и поэтому не мог сопротивляться. Родолфо, Жусто, Фулженсио и Себастьян устремились сквозь густую дымовую завесу к Рафаэлу, чтобы помочь ему выбраться. Почти полностью обессиленный Рафаэл положил барона к ногам его бывших рабов, которые молча глядели на своего мучителя.

Барон получил серьезные увечья. Ожоги покрывали почти все его тело. Жизнь полковника Феррейры висела на волоске. Донна Кандида собрала около постели своего супруга отца Жозе, Родолфо, Рафаэла, доктора Фонтеса.

Рабов совершенно не волновала дальнейшая судьба их бывшего хозяина. Большинство из них собрали свои жалкие пожитки и покинули фазенду. Правда, многие совершенно не представляли, куда им идти и что делать дальше. Будущее бывших рабов было неясно.

На фазенде осталась лишь часть бывших рабов, но их было слишком мало для того, чтобы выполнять всю необходимую в поместье работу.

Барон был при смерти.

— Скажите, отец Жозе, — обратился он слабым голосом к священнику, — может ли человек, умирая, раскаяться в своих прошлых ошибках? Как же я мог ненавидеть человека, который, рискуя собой, спас меня... И я все это время не знал, что у меня есть сын!

— Раскаиваться в своих поступках никогда не поздно! — заверил барона священник.

Затем Феррейра позвал доктора Фонтеса.

— Доктор Фонтес, я вам поручаю сделать все необходимое, чтобы этот смелый юноша был признан моим сыном! Затем барон подозвал к себе Рафаэла.

— Подумать только, все это время я и не знал, что у меня есть сын! Я тебя ненавидел, а ты ненавидел меня, Рафаэл! А ведь ты, рискуя жизнью, вытащил меня из огня...

— Ну, я вас спасал не один, сеньор барон...

Полковник Феррейра прервал Рафаэла.

— Называй меня отцом, сынок. Я прошу тебя... И обними меня в первый и последний раз в моей жизни!

В душе Рафаэла боролись ненависть и любовь.

— Рафаэл, обними отца, прошу тебя! — услышал молодой человек слова Сеньориты.

Рафаэл наклонился и обнял человека, по вине которого у него было в жизни много несчастий... Вдруг Рафаэл расплакался. Он очень долго плакал и все не мог никак остановиться...

Когда он снова взглянул на барона, то увидел на его лице улыбку, затем голова барона откинулась на подушку — полковник Феррейра, правитель Арауны был мертв.

Накануне похорон барона Родолфо и Рафаэл оказались в фамильном склепе семьи полковника Феррейры. И каково же было их удивление, когда они обнаружили в нем золото барона. Это известие принесло донне Кандиде облегчение, поскольку золото должно было освободить и баронессу, и ее поместье от грозивших им материальных проблем. Сокровища барона, которые ему при жизни так и не удалось вернуть, теперь должны были помочь его жене избежать материальной нужды. На похоронах барона отец Жозе тщательно подбирал слова, произнося траурную речь:

— Сегодня мы прощаемся с необычным человеком — бароном Арауны. В его жизни, как и в жизни его отца, было много сделано злого, но были и добрые деяния. Оба они имели массу и достоинств, и недостатков, поэтому у людей было к ним сложное отношение — некоторые их любили, некоторые их ненавидели, а у кого-то в отношении к ним присутствовали и любовь, и ненависть одновременно. Но теперь это уже все не имеет значения. Полковник Феррейра мертв, и он должен предстать перед Богом, — обведя глазами всех присутствующих на этой траурной церемонии, священник добавил: — Я прошу всех, кто здесь есть, постараться не проклинать барона и не говорить о нем зло. Да-

вайте предоставим Всевышнему вынести Феррейре приговор. И пусть его деяния впоследствии рассудит история.

Глава 28

Первые потоки итальянских эмигрантов хлынули в Бразилию. Это было очень кстати, так как в этом году был очень богатый урожай кофе. Необходимы были рабочие руки, которые могли бы заменить бывших рабов.

На фазенде, в кабинете барона, собрались Сеньорита, донна Кандида и Родолфо. Им необходимо было обсудить будущее их поместья. Дочь барона стояла за конторкой своего отца и просматривала его бумаги. Сеньорита и баронесса были в черном, они пока не снимали траур.

— Посмотрите-ка, какой документ я нашла. Это договор отца с посредником по найму рабочих. Он предусматривает обеспечение фазенды рабочей силой за счет эмигрантов из Италии. — И Сеньорита протянула бумагу своему мужу. — Значит, отец собирался предоставить своим рабам свободу, раз он нуждался в новых рабочих руках.

Родолфо удивленно посмотрел на жену:

— Ты думаешь, барон хотел отпустить рабов еще до появления закона об отмене рабства?

— Мне кажется, что это так, хоть и выглядит невероятным, — сказала дочь барона. — А теперь давайте подумаем, где мы будем расселять всех, кто придет?

— У нас ведь есть дома, в которых жили надсмотрщик Бруно и его люди.

Сеньорита же предложила нечто такое, что чрезвычайно удивило донну Кандиду, — разместить приехавших в господском доме.

— Как? В нашем доме? Да как же мы можем поселить здесь каких-то незнакомых людей?

— Но ведь мы нуждаемся в этих людях, мама! — возразила Сеньорита. — Нам очень нужны их рабочие руки, иначе мы можем потерять все, что нам оставил отец, так что должны принять итальянцев очень радушно и создать им для жизни хорошие условия. Они же не рабы. Они будут получать зарплату и жить за счет своего труда. Но они должны твердо знать, что эта страна принадлежит нам и только благодаря своему труду они смогут здесь обосноваться.

На донну Кандиду слова дочери произвели сильное впечатление.

— Я думаю, что ты по праву сидишь на месте своего отца, — со смехом сказала баронесса. — А твой брат Рафаэл и Родолфо должны стать твоими помощниками.

Сеньорита хорошо знала, что у ее мужа не было никакого желания заниматься делами поместья. Ему хотелось заняться адвокатской практикой. Вот Рафаэл — другое дело, у него был к этому интерес. Рафаэл и должен помочь своей сестре открыть новую страницу в истории поместья Арауна.

— Нет, мама. Родолфо мне помогать не будет. Он совсем ничего не смыслит в кофе. У моего мужа талант к политической деятельности.

Донну Кандиду удивили слова дочери, но Родолфо подтвердил сказанное Сеньоритой:

— Да, донна Кандида. Мы уже договорились, что я займусь адвокатской практикой в столице, поскольку кто-то должен защищать интересы крупных землевладельцев!

Рикардо Фонтес в последнее время мало занимался делами на своей фазенде. У него был хороший управляющий, которому Рикардо полностью доверял. После того как его неудачный брак был расторгнут, Рикардо наслаждался вновь обретенной свободой. Почти каждый день он появлялся на фазенде, объясняя это своей привязанностью к маленькому племяннику. Однако истинная причина этих посещений была другой. И Рикардо решил наконец-то объясниться с донной Кандидой.

— Донна Кандида, я прихожу сюда не из-за племянника, а из-за вас, мне необходимо видеть вас каждый день!

— Вы можете навещать своего племянника, когда захотите, — смущенно ответила баронесса, польщенная объяснением Рикардо. — А если вы приходите из-за меня, то у меня не хватит мужества вам это запретить...

Их разговор был прерван появлением Тобиаса, который сообщил о прибытии на вокзал итальянских рабочих с семьями. Они ждут там господ, у которых будут работать.

— И вы знаете, — сказал Тобиас, — они все поют, и так хорошо! Их пение с удовольствием слушают все жители города!

Донна Кандида и Сеньорита рассмеялись. Они велели заложить коляску и отправились на вокзал.

Уже через несколько дней фазенда изменилась. Здесь появились женщины в ярких платочках, мужчины, говорящие друг с другом громко и темпераментно на непонятном языке, дети, постоянно во что-то играющие и весело смеющиеся.

Итальянцы были очень жизнерадостными людьми, надеющимися обрести в Арауне новую родину и благополучную жизнь. Именно надежда на лучшую жизнь дала этим людям силы для столь дальней поездки за тридевять земель.

А в это время освобожденные рабы по всей Бразилии спешили покинуть фазенды — места, где их так нещадно эксплуатировали. В эти дни на многих дорогах и перекрестках можно было увидеть целые шествия негров с небольшими узелками в руках. Все они по-разному представляли свое будущее. Одни собирались устроиться на корабль и добраться до Африки. Другие намеревались попасть в Куилombo и создать там совместными усилиями общину, в которой бы царили законы справедливости. А были и такие, кого манили огни большого города, они хотели получить там работу и жить на зарабатываемые деньги.

Теперь все бывшие рабы были свободными людьми и могли делать все, что захотят, идти туда, куда захотят, и не зависеть ни от какого хозяина. Это было как раз то, чего они так долго жаждали.

В поместье Арауна жизнь вошла в нормальную колею. Расселив вновь прибывших итальянских рабочих, Сеньорита попросила все семьи собраться во дворе усадьбы. Она хотела с ними побеседовать. Когда все собрались, Сеньорита вышла во двор и обратилась к присутствующим:

— Вначале я хочу вас всех сердечно поприветствовать. Мне очень жаль, что пока вы не очень удобно устроились, но мы обязательно сделаем все для того, чтобы каждая семья в скором времени получила возможность построить для себя отдельный дом. Вы можете свободно ходить по всему поместью, а ваши дети могут всюду играть. Я надеюсь, что со временем мы поближе познакомимся и будем лучше понимать друг друга. А что касается работы, — продолжала Сеньорита, — то мы установим здесь определенные правила, которым будем следовать. Я буду вам выплачивать то, что вы заработаете своим трудом. И я надеюсь, что мы будем друг друга уважать. Добро пожаловать на нашу фазенду!

СОДЕРЖАНИЕ

Книга первая

Дочь рабовладельца

5

Книга вторая

Золото Феррейры

225

Литературно-художественное издание

Мария Пашеку Фернандес

СЕНЬОРИТА

Перевод с немецкого

Ответственный редактор *В. С. Шайдрова*
Редакторы *Л. М. Малова, Т. Ю. Барышникова*
Оформление художника *И. Г. Сальниковой*
Технический редактор *Т. А. Скляревская*
Корректоры *Г. Г. Амирова, З. Ф. Новикова,*
Н. П. Шаламова, Г. Г. Самсонова

ЛР № 061622 от 23 сентября 1992 г.

Сдано в набор 30.12.93. Подписано в печать 17.02.94. Формат 84×108/32.
Бумага офсетная. Гарнитура «Таймс». Печать высокая с ФПФ.
Уч. изд. л. 20,8. Усл.-печ. л. 21. Тираж 50 000. Заказ 107

Издательский дом «Дрофа».
105318, Москва, ул. Щербаковская, д. 3.

Тульская типография.
300600, Тула, проспект Ленина, 109.

Вниманию оптовых покупателей!

Книгу *М. П. Фернандес*

СЕНЬОРИТА

и другие интересующие Вас издания

можно приобрести по адресу:

105318, Москва, ул. Щербаковская, дом 3.

Издательский дом «Дрофа»,

телефон: 369-97-43.

